

На правах рукописи

ЧУРСИНА

Валентина Ивановна

**ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В КОНЦЕ XVIII –
XX в.в.: ДИНАМИКА И ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-26
ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВИЕ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ. ТЕОРИЯ И ГЕНЕЗИС	
1.1. Православие как первооснова духовной культуры	27-51
1.2. Генезис духовной жизни и народная культура	51-
1.3. Диалектика традиционного и современного в фольклоре.....	57-66
1.4. Эволюция этнокультурных традиций	66-74
1.5. Сценические формы народного искусства.....	74-94
ГЛАВА II. ТРАДИЦИИ И ДИНАМИКА КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ И ЗАГОВОРНОЙ КУЛЬТУРЫ	
2.1. Календарная традиция.....	94-116
2.2. Календарный обрядовый фольклор в эпоху социализма и постсоветской истории.....	116-124
2.3. Заговорно-обрядовая культура.....	124-142
ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ)	
3.1. Система традиционного семейно-бытового фольклора...	142-162
3.2. Современные семейные обряды и праздники.....	162-172
3.3. Историческая и генетическая связь календарного, семейно-бытового и внеобрядового фольклора	172-182
ГЛАВА IV. ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ВНЕОБРЯДОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМАХ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	
4.1. Народная культура в контексте изменения исполнительских жанров	182-234
4.2. Устное народное творчество как катализатор трансформации духовной жизни	235-258
4.3. Традиции и инновации в игровой народной культуре.....	258-269
4.4. Культурная эволюция изобразительного и декоративно-прикладного творчества.....	269-287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	292-301
ПРИМЕЧАНИЯ	
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	302-332
ПРИЛОЖЕНИЕ	333-344

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. В эпоху глобализации культурные символы, формы поведения стремительно перемещаются от одного общества к другому. Электронификация коммуникационных средств позволяет передавать визуальную информацию на большие расстояния, способствуя формированию культурных стереотипов общемирового масштаба. Расширение сферы трансграничных взаимодействий людей, предприятий, рынков ведет к нивелированию этических культур. Ощущая угрозу своей культурной идентичности, человечество все сильнее испытывает потребность в сохранении национальной и региональной специфики. В связи с этим особенно актуализируются проблемы локальной истории культуры, ее эволюции и традиций.

В современных условиях все более заметным становится противоречие, выражающееся, с одной стороны, утверждением в общественном сознании неких общих культурных норм и ценностей, а с другой, - в осознании людьми своей этнокультурной принадлежности. Эту тенденцию выявила Всероссийская перепись населения 2002 года: идея создания единой нации «советский народ» оказалась несостоятельной. Опрос показал, что в обществе сильна тяга к национальному самосознанию и самобытности. Появились такие варианты самоопределения, как «казак», «помор», «печенег», «половец». Сплочение и духовное обогащение россиян видится в достижении культурного многообразия. В этих условиях изучение и распространение историко-культурного опыта в его духовной сфере приобретает особое звучание.

Вместе с тем следует признать, что в обществе сильны негативные настроения. Утрата социально-культурных ориентиров, несовпадение систем ценностей и уровней жизни создают ощущение катастрофичности бытия, вызывают чувство неполноценности и агрессию. Все это неизбежно

ведет к социальной, религиозной и этнической напряженности. Решению проблемы мешает отсутствие научно обоснованной культурной политики. Совершенно очевидно, что выработка такой политики должна строиться с учетом уроков прошлого.

Возможности формирования новой мировоззренческой парадигмы в российском обществе напрямую зависят от того, как сохраняются национальные корни. В этой связи, необходимо создание условий для саморазвития традиционных этнических культур, способных служить нравственным ориентиром для новых поколений. Расширение сферы культурной жизни может и должно происходить за счет включения в социокультурное творчество различных слоев населения, обогащение интересов и развитие инициатив. Именно поэтому, особую актуальность приобретают исследования исконных традиций народной культуры и ее эволюции.

Динамика этнокультурных процессов в регионах во многом зависит от того, как функционируют те или иные каналы, передающие культурную информацию. В качестве механизма трансляции социокультурного опыта выступают традиции, позволяющие сохранять духовное наследие достаточно длительное время. Большую роль в решении этой проблемы могут сыграть научные выводы и рекомендации, основанные на исследовании народной культуры, направленные на обоснование путей оптимизации этнокультурных процессов в российских регионах. Отсутствие масштабных исторических работ в этой области предопределило выбор темы - истории становления и развития духовной жизни восточнославянского населения Кубани на примере фольклора региона в единстве его содержательной и динамической сторон.

Духовная жизнь, народная культура и ее проявления изучаются разными научными дисциплинами гуманитарного профиля – исторической

наукой, философией, культурологией, искусствоведением, фольклористикой, этнографией, эстетикой и др. Каждая из них стремится сформировать свой предмет исследования. Специфической особенностью изучения данного объекта является то, что фольклор служит основным источником для выявления трансформации духовной жизни в его базовой составляющей. Именно поэтому, в качестве **объекта исследования** мы избрали духовную жизнь восточнославянского населения Кубани в процессе ее исторического развития, начиная с конца XVIII до начала XXI века в ее основании – народной культуре.

Предмет исследования: взаимосвязь традиций и динамики народной культуры как составной части духовной жизни и эволюции восточнославянского фольклора Кубани.

Хронологические рамки диссертации охватывают более чем двухсотлетний период: с конца XVIII века до начала III тысячелетия. Выбор данных временных параметров обусловлен тем, что с начала колонизации края, в духовной жизни славян Кубани, как и в целом в России, произошли качественные изменения. Некогда самобытная национальная культура, основанная на Православной вере, составляла фундамент российского государства. Идеалами русского народа были церковь, семья, традиционные ценности. Отказ от исконных духовных традиций в пользу наднациональных, универсальных, насильственная атеизация образования и воспитания в XX веке привели общество к опустошению и упадку. Отрицание религиозных основ культуры и фольклорных традиций прошлого в годы советской власти, навязывание народу либеральных идей запада в постсоветский период – пример того, как обезличивается и искусственно уничтожается духовный базис общества. Будущее страны, ее безопасность, социально-экономическое развитие и положение в мире следует рассматривать в неразрывной связи с восстановлением

исторической памяти русской цивилизации, возрождением и укреплением национально-консервативного мировоззрения.

В исследовании дореволюционного состояния проблемы мы ограничивались **географическими границами** Кубанской области, включавшей Черноморскую губернию (Черноморию) в период с конца XVIII - до 1917 года. В советское время административно-территориальное деление характеризовалось чрезвычайной неустойчивостью. В первые послереволюционные годы область носила название Кубано-Черноморской. По решению Президума ВЦИК РСФСР в 1922 году за счет части Краснодарского края и Майкопского отдела была создана Черкесская (Адыгейская) автономная область, вошедшая в состав Кубано-Черноморской области. Большая часть Баталпашинского отдела была передана Терской области и Карачаево-Черкесской автономной области.

В 1924 году Дон, Кубань, Терская и Ставропольская губернии, город Грозный, входивший на правах округа, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгейская и Чеченская автономные области объединились в Юго-Восточный край с центром в Ростове-на-Дону. В том же году край переименовали в Северо-Кавказский. В 1934 году край разукрупнили. В состав Азово-Черноморского с центром в Ростове-на-Дону вошли некоторые районы Кубани и Адыгейской автономной области. Центром Северо-Кавказского края стал город Пятигорск. В сентябре 1937 года Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область.⁽¹⁾ В 1991 году Адыгейская автономная республика стала самостоятельным субъектом Российской Федерации. Кубанью принято называть территорию бывшей Кубанской области и нынешний Краснодарский край за исключением части восточных районов, отошедших в советское время Ставропольскому краю и части южных районов, находящихся в составе Карачаево-Черкессии.

Историография проблемы. Проблемы становления и развития духовной культуры русского народа нашли отражение в культурологических концепциях славянофилов К.С. Аксакова,(2) А.С. Хомякова,(3) Н.Я. Данилевского, (4) ориентированных на учение Православной церкви о взаимодействии божественного и человеческого личности. Фундаментальное значение имели для нас идеи о слиянии общинности и соборности как важнейших предпосылок формирования национального самосознания русского народа.

Теоретические подходы к пониманию культуры как специфического и целостного организма активно исследовались представителями религиозной метафизики, в частности, П.А.Флоренским,(5) П.Б.Струве,(6) В.С. Соловьевым. (7) Выработанные ими идеи надисторичности и надсоциальности духовных начал позволили нам глубже проникнуть в суть произведений народной прозы и песенного фольклора христианского содержания.

В изучении и описании символов, культов, универсальной категории творчества большую роль сыграл опыт феноменологического анализа А.Ф. Лосева, (8) М.М. Бахтина, (9) и П.А. Флоренского.(5) Философия культуры представлялась ими как основа, на которой гуманистические ценности и принципы историзма способны органично вписываться в новую мировоззренческую парадигму.

Большой вклад в изучение истории религии методами герменевтики внес французский культуролог М. Элиаде. (10) Разработкой теории культурогенеза этносов и субэтносов занимались и другие западные ученые. Опыт К. Леви-Строса в изучении культурных структур позволил представить ритуалы, тотемы, мифы, как особого рода знаковые системы и выявить множественность культурных форм.(11) К. Малиновский считал, что различия между культурами проявляются в закрепляемых способах

удовлетворения и характере передаваемых потребностей. Культура в таком виде выступает как совокупность артефактов. В диссертации использовались разработанные им теоретические подходы к функциональному анализу культуры.(12) В изучении этапов в развитии культуры мы опирались на философские труды Г. Спенсера, (13) О. Шпенглера, (14) Э. Тайлора, (15) П.Сорокина.(16)

Неоспорима ценность взглядов на жанровую природу произведений устного народного творчества В.Г. Белинского (17) и его единомышленников Чернышевского (18) и Н.А. Добролюбова.(19) Разработанные ими принципы научного сбора фольклора стали основополагающими в дореволюционной отечественной фольклористике и не потеряли своего значения до сих пор.

Осмысливая материал по истории русского фольклора, нельзя пройти мимо трудов родоначальника мифологической школы в России Ф.И. Буслаева, создавшего собственную концепцию мифа. (20) Одним из первых в отечественной науке ученый убедительно доказал, что прошлое для традиционного сознания является областью универсальных идей и нравственных ценностей. Мифология рассматривалась им как часть исторической памяти народа.

Обширному исследованию мифотворчества посвящен фундаментальный труд А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». (21) Ученый первым поставил вопрос о происхождении мифа в тесной связи с мышлением. Безусловно, ценным следует признать вклад исследователя в систематизацию и издание русских народных сказок. Его современник филолог-славист А.А. Потебня по-своему сформулировал и выдвинул ряд убедительных аргументов в пользу мифа, как способа мыслительной деятельности человека.(22) В диссертации использовались и труды главы сравнительной школы, литературоведа А.Н. Веселовского, (23)

обнаружившего внутренние эволюционные закономерности в отдельных жанрах и областях фольклора. Не утратили научного значения выводы, сделанные им при сопоставлении духовных стихов с календарными обычаями и обрядовым фольклором. Большое значение для нас имели труды Д.К. Зеленина, исследовавшего цикл календарных троичских обрядов с помощью ретроспективного анализа. (24)

Философские аспекты теории и истории культуры изучались во второй половине XX в. и особенно активно в 70—е и последующие годы советскими учеными Ю.М. Лотманом,(25) С.Н. Артановским, (26) С.Н. Иконниковой,(27) М.С. Каганом,(28) Л.Н. Коганом,(29) Э.В. Соколовым.(30)

При всем многообразии концепций ученые едины в том, что культура есть сложная система, являющаяся подсистемой бытия. Сформулированные приоритетные направления в исследовании проблем исторической культурологии служат ориентиром в современных научных поисках.(31)

Общетеоретические проблемы фольклора исследовались Ю.М. Соколовым, (32) В.Я. Проппом,(33) Д.С.Лихачевым,(34) К.С. Давлетовым,(35) В.Е. Гусевым. (36) Особую значимость для нас имели труды, посвященные вопросам частного характера. К числу наиболее авторитетных музыковедов, литературоведов, искусствоведов следует отнести П.Г. Богатырева,(37) И.И. Земцовского,(38) Ю.Г. Круглова,(39) И.А. Морозова,(40) А. Ф. Некрылову, Н. И. Савушкину,(41) К.В. Чистова. (42) Их опыт позволил понять логику исторической и структурной трансформации фольклора.

Важную роль в исследовании народной культуры казачества сыграло созданное в 1896 году общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), объединившее историков, писателей, деятелей искусства. Активное участие в его деятельности принимали архивариус

Кубанского областного правления М.А. Дикарев, регент Войскового певческого хора Г.М. Концевич, автор двух томов «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина. Вышедший в Екатеринодаре в 1910 г., 1913 г. труд историка, содержит обширные сведения о нравах и межэтническом взаимодействии кубанцев.(43) Работа оказалась незавершенной, ученый вынужден был покинуть родину и жить в эмиграции. Главным наследием общества, просуществовавшего до 1932 года, явились печатные издания местных авторов.

Многочисленную группу среди опубликованных работ по исследуемой проблеме составляют историко-этнографические материалы, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX веков, в которых представлены едва ли не все жанры и виды народного творчества Кубани. Многообразие тем, художественных образов, поэтических приемов, яркий колоритный язык характеризуют этот пласт народной художественной культуры. Благодаря усилиям собирателей и исследователей спасены от забвения тысячи памятников - подлинных шедевров народного искусства. Работой по фиксации и изучению фольклора руководил Кавказский отдел Императорского Русского географического общества. К ней привлекались администрация Кубанского казачьего войска, местная интеллигенция и духовенство.(44) Первое историко-этнографическое описание общественных и семейных отношений, промыслов, предметов материальной культуры было сделано И.Д. Попкой в книге «Черноморские казаки в гражданском и военном быту». (45)

В 1879 году Е.Д. Фелицын издал авторский вариант комплексной программы статистико-этнографического описания населенных мест Кубанской области. На ее основе П. Кирилловым, К. Живило, Д. Шаховым, В.В. Васильковым, Т. Стефановым и др. был собран богатейший фактологический материал по культурной истории Кубани. (46) Он

сосредоточен, преимущественно, в серии выпусков под названиями «Сборник для описания местностей и племен Кавказа» и в «Кубанском сборнике», вышедших в Тифлисе и Екатеринодаре, начиная в 80-х годов XIX века.

Первые попытки аналитического подхода к песенному фольклору обнаруживаются в публикации Е. Передельского «Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней», вышедшей в 1883 году.⁽⁴⁷⁾ Стремясь к возможно более точной характеристике песенного творчества, автор описал местную манеру исполнения и народный инструментарий, разработал классификацию бытовых и обрядовых песен. Уникальная информация о бытовании на Кубани фольклорного театра содержится в дневнике В.Ф. Золотаренко, смотрителя Екатеринодарского духовного приходского училища и записях учителя Родниковской станичной школы Л.К. Розенберга.⁽⁴⁸⁾

Всю первую половину XX века сбором и систематизацией произведений народного творчества занимались отдельные энтузиасты из числа любителей, ученых и представителей творческих профессий. Целенаправленный комплексный анализ традиционной культуры Кубани начался лишь в 30-50 годах. Итогом этнографической экспедиции, предпринятой сотрудниками Института этнографии Академии наук СССР и Московского государственного университета в 1952-1954 г.г., стала коллективная монография «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». Книга вышла в 1967 году в Москве.⁽⁴⁹⁾ В ходе экспедиции достаточно глубоко изучались кубанские говоры, этнический состав населения, предметы материальной культуры, а вот обрядовый и внеобрядовый фольклор представлены весьма схематично и фрагментарно. Очевидно, что на результатах работы в этой части сказались идеологические факторы. И все же исследование выявило ярко выраженную

динамику в традиционной культуре восточнославянского населения Кубани: доля традиционных культурных форм за советский период сократилась, им на смену пришел организованный досуг в виде художественной самодеятельности и гастролей профессиональных коллективов.

Богатейшим традициям хорового исполнительства посвящена монография С.И. Еременко «Хоровое искусство Кубани».(50) Хронологический диапазон исследования охватывает без малого два столетия и содержит ценные сведения об особенностях домашнего ансамблевого пения, о полковых песенных традициях, о концертной и исполнительской деятельности Войскового певчего хора (1811 - 1917 гг.), Кубано - Черноморского хора (1918 - 1921 гг.), Кубанского вокального квартета (1926 - 1932 гг.), государственного Кубанского казачьего хора за период с 1969 по 1977 годы. Значительная часть материалов отведена любительскому хоровому движению, работе краевого Дома народного творчества и отделения Всероссийского хорового общества.

Среди наиболее известных имен трех последних десятилетий XX века следует отметить В.Г. Комиссинского и (51) И.А. Петрусенко, (52) внесших весомый вклад в разработку исторических и теоретических проблем народно-песенного искусства Кубани. Широкую панораму произведений фольклора представили в своих изданиях музыковед А.А. Слепов, (53) и собиратель кубанских частушек, плясовых песен и наигрышей И.Н. Бойко (54), известный кубанцам своими многочисленными рассказами и повестями о земляках.

Исследованию народной и сценической хореографии посвящены труды балетмейстера и фольклориста Л.Г. Нагайцевой. (55) Наиболее значимы для нас подходы ученого к соединению народного кубанского танца и вторичных форм хореографии.

Изучением тенденций в развитии и обновлении фольклора занимаются, начиная в 1987 года, сотрудники Центра народной культуры при Кубанском казачьем хоре под руководством Н.И. Бондаря, ежегодно предпринимающие научные экспедиции в различные районы края. Стратегия исследований базируется на методологическом принципе единства всех этапов исследовательского процесса (сбор – архивная обработка – изучение – издание). Экспедициям придается комплексный характер. Значительно расширился круг фиксируемых видов и жанров фольклора. Собранные материалы активно вводятся в научный оборот.(56) Учитывая «мозаичность» традиционной культуры Кубани, что обусловлено сложностью заселения края, полиэтничностью и поликонфессиональностью населения, этнографы стремятся к сплошному обследованию культурных зон. Наряду с кубанской тематикой активно изучаются проблемы этнической и культурной истории донских, терских, уральских, сибирских, дальневосточных казачеств. Изданный в 2002 году фундаментальный труд «Очерки традиционной культуры казачеств России», посвящен решению как общих, так и частных вопросов, относящихся к отдельным явлениям культурного прошлого регионов. (57)

Начиная с конца 1980-х годов и, особенно, с момента официальной реабилитации казачества, внимание историков, этнографов, филологов, фольклористов к истории и современному состоянию традиционной культуры Кубани усилилось. Разностороннее и объективное освещение проблем представлено на конференциях регионального и международного уровня. Вошло в традицию регулярно проводить Дикаревские чтения,(58) кубанские литературно-исторические чтения, (59) конференции по проблемам культуры и информатизации на базе научно-исследовательского центра при Кубанском казачьем хоре, в Кубанском государственном университете, в Краснодарском государственном университете культуры и

искусств,(60) в Армавирском и Майкопском государственных педагогических институтах.(61)

В последние годы защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций общетеоретического и прикладного характера (62), выпущены монографии по проблемам традиционной культуры Кубани и этнической истории казачества (63) Научное отражение региональной истории культуры нашло отражение в исследованиях И. И. Горловой, В.И. Лях и Н.Г. Денисова, Н.Г. Недвиги. (64).

Вместе с тем, пока еще слабо изучены вопросы взаимодействия традиционного кубанского фольклора со сценическими формами. Как правило, ученые ограничиваются стандартными временными рамками: конец XVIII – начало XX веков. Вместе с тем, история народной культуры казачества не закончилась революцией и гражданской войной. В XX веке историко-культурный процесс испытал на себе мощное влияние идеологических, экономических, интеграционных факторов. Быстрыми темпами развивался фольклоризм, трансформировались многие жанры аутентичного фольклора. Осмысление динамики и взаимодействия этих двух пластов культуры дает возможность выявить их содержательные аспекты и ход культурной эволюции, а также устойчивость и приспособляемость культурных форм к новым реалиям.

В отличие от многих работ по культурной истории Кубани мы сделали акцент на изучении становления и развития восточнославянского фольклора, его структуры и функций, процессах взаимодействия с вторичными формами духовной культуры. Специфика представленной работы заключается в том, что два спектра анализа – аутентичный фольклор как первооснова народной культуры и фольклоризм – не разведены, а рассматриваются в совокупности и взаимовлиянии друг на друга.

Обращение к традиционному фольклору восточнославянского населения Кубани и вторичным формам его существования с позиций истории есть объективная социальная потребность. Она обусловлена необходимостью совершенствования культурной политики, эффективность которой напрямую зависит от использования научных идей. Чтобы восполнить этот пробел, мы предприняли собственные изыскания.

Цель исследования - анализ содержания и динамики фольклора восточнославянского населения Кубани как базисного элемента духовной культуры и вторичных форм культурной практики, находящихся во взаимодействии и взаимовлиянии в ходе исторического развития.

Исторический подход предполагает изучение ценностно-нормативных идей, представлений, способов символического и предметно-материального воплощения, имевших место в разные периоды культурной истории региона. Эти важнейшие компоненты духовной культуры позволяли этнокультурному сообществу осознавать себя целостным организмом и поддерживать свою самобытность в течение длительного времени. Для науки важны и технологии практического оперирования ценностями, символами, смыслами, формами их поддержания, обновления и передачи от поколения к поколению. При таком подходе обретают свой методологический статус носители духовных традиций.

Органическая связь между ценностно-нормативной системой, формами функционирования и социальной трансмиссии в рамках конкретной этнокультурной организации, дает возможность видеть трансформацию духовной культуры как постоянно протекающий и незавершенный процесс, сопровождающийся сменой культурных парадигм и технологией их реализации.

Задачи исследования:

1. Выявить роль Русской Православной Церкви в организации духовной жизни восточнославянского населения Кубани.
2. Охарактеризовать полифункциональную природу традиционного фольклора и механизмы передачи культурного опыта.
3. Определить исторические границы бытования кубанского фольклора и фольклоризма, проанализировать причины трансформации региональных традиций народной культуры.
4. Изучить культурные формы, социальную базу и тенденции в их сохранении и совершенствовании.
5. Осмыслить качественные изменения, произошедшие в духовной культуре восточнославянского населения Кубани за два последних столетия.
6. Сформулировать способы сохранения культурной специфики региона в условиях интеграции и глобализации.

Источниковедческая база исследования включает письменные документы, хранящиеся в государственных архивах Краснодарского (ГАКК) и Ставропольского краев (ГАСК), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике имени Е.Д. Фелицына. К ним относятся материалы по учреждению Русской Православной Церкви на Кубани: законодательные и административно-распорядительные акты Святейшего Синода и епархиальных властей об основных этапах и особенностях церковного управления в крае. Среди документов особый интерес представляют отчеты священнослужителей о состоянии религиозно-нравственного воспитания гражданского населения и в войсках, о численности православных и раскольников, об охране памятников старины, статистические сведения по епархии.(65)

Важнейшая знаковая часть национальной культуры - православные храмы и хранящиеся в них святыни, церковные обряды и народные

православные традиции. Архивные документы запечатлели события, связанные с историей храмового строительства на Кубани. В их числе – описания церковных реликвий Запорожской Сечи. Широкий спектр деятельности церкви представляют документы о религиозных чувствах и мировоззрении православных верующих, сведения о пожертвованиях простых прихожан и войсковой элиты, материальное обеспечение и общение священно- и церковнослужителей с паствой. (66)

Широкий пласт истории духовной культуры православного населения Кубани представлен в актах и делопроизводственных материалах об учреждении, строительстве и хозяйстве монастырей, об участии монахов в просвещении, миссионерской деятельности, социальном призрении и оздоровлении прихожан. (67)

Исследуя документальные источники, мы обращали внимание на их научное значение, объективность и полноту отражения проблемы. Предпочтение отдавалось, в первую очередь, подлинникам.

Вторая группа источников включает опубликованные сборники фольклорных произведений (песен, народной прозы, малых фольклорных жанров, игр и забав). Часть из них содержит комментарии собирателей. Анализ музыкального, текстологического, жанрового и видового материала производился нами с помощью различных способов познания: индуктивного и дедуктивного методов, аналогии, описания, классификации, типологизации и др.

Особо ценными для нас стали записи, сделанные в начале 80-х г.г. XIX века Е. Передельским. Собирателю удалось зафиксировать более ста словесных и музыкальных текстов бытовых и обрядовых песен, известных в станице Темижбекской, многие из которых уникальны. (68)

В последние годы XIX века вышли в свет 14 выпусков песен черноморских, линейных и терских казаков под редакцией А. Д. Бигдая, в

которых сосредоточено более пятисот произведений для голоса и хора. Большую ценность для нас представляли также сборники народных кубанских песен в обработке регента Войскового певческого хора Г.М. Концевича, опубликованные в Москве в начале XX века. Все они являются большой редкостью. И тем отраднее тот факт, что благодаря усилиям художественного руководителя Государственного академического Кубанского казачьего хора В.Г. Захарченко они вновь увидели свет в новой музыкальной и текстологической редакции, давая яркое представление о самобытном песенном творчестве кубанцев. (69)

В начале XX века по рекомендации украинского композитора Н.В. Лысенко на Кубань прибыл выпускник Киевской духовной академии А. А. Кошиц.(70) Собранные им народные песни издать не удалось, началась революция, затем гражданская война, а за ними годы скитаний в эмиграции. Рукописный сборник кубанского песенного фольклора находится в частной коллекции и ждет своего исследования. Часть материалов опубликована в монографии И.А. Петрусенко. (71)

Начиная с 60-х годов XIX и в начале XX веков, газета Кубанские областные ведомости регулярно публиковала корреспонденции с мест, в которых рассказывалось о нравах, обычаях и обрядах кубанцев. Из них более трех десятков публикаций принадлежат учителю из станицы Родниковской Л.К. Розенбергу. Изданная им в Екатеринодаре в 1905 году книга «Среди кубанцев», содержит редкие сведения о казачьей культуре: приемы народной медицины, обычаи и верования, тексты заговоров, легенд и многое другое.(72)

Собиранием казачьих «побрехенок» занимался известный до революции не только на Кубани, но и далеко за ее пределами поэт и фольклорист А.Е. Пивень. Вместе с Добровольческой армией он покинул Родину и большую часть жизни провел в эмиграции. До недавнего времени его сборники не

были известны широкой читательской аудитории. Лишь в последние годы появилась возможность познакомиться с редкими по стилистике и жанру фольклорными произведениями в записи собирателя. (73)

Локальные экспедиционные работы по сбору фольклора проводились в казачьих станицах в первые десятилетия после революции, но сведения о них весьма скупы.(74) Масштабная кампания по поиску и фиксации произведений советского фольклора, развернувшаяся по инициативе партийных органов, не минула и Кубани. В начале 30-х годов в край прибыли сотрудники Института антропологии и этнографии Академии наук СССР. Итогом их работы стал сборник песен о гражданской войне.(75) С той же целью в разное время приезжали из Москвы композиторы А. Мосолов и А. Новиков (76) Собирательством занимались и местные деятели искусств.(77) Большую коллекцию редких произведений фольклора казаков-некрасовцев, проживавших в Приморско-Ахтарском районе края, собрал фольклорист из Ростова-на-Дону Ф.В. Тумилевич. (78) Вскоре после войны научную командировку к некрасовцам совершили сотрудники краевого историко-археологического музея. (79) В 60-х годах записями песенного фольклора занимался поэт И.Ф. Варавва.(80) Однако следует заметить, что многие собрания и издания довоенного и послевоенного периода страдают общим недостатком – отсутствием музыкальных напевов. Сомнительна и аутентичность значительной части фольклорных текстов по причине допустимости в то время редактирования записей и сочинительства «под фольклор».

Возможности в изучении песенных традиций расширились после выхода в свет книги В.Г.Захарченко «Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой».(81) Сравнение этих записей с теми, что сделал Е. Передельский, убеждает в том, насколько существенно меняется аутентичная культура в процессе коллективного

творчества.(82) Итогом многолетней собирательской работы стало двухтомное издание В.Г. Захарченко, содержащее самые разные по жанру и художественному стилю народные песни Кубани. (83)

Народная проза и малые фольклорные жанры представлены отдельными изданиями и единичными текстами. К наиболее разнообразным по содержанию и структуре изданиям следует отнести «Легенды и были Черноморья» и составленный Л.В. Мартыненко сборник пословиц, поговорок и загадок Кубани. (84)

Регулярный характер поисково-экспедиционная практика приобрела в 70-80-х годах. В ней участвовали сотрудники Краснодарского историко-археологического музея-заповедника и студенты Краснодарского государственного института культуры.(85) Собранные материалы пока хранятся в архиве музея и изучены слабо. Поиск и фиксацию кубанского фольклора в последующие годы вел центр народной культуры, действующий на базе Государственного академического Кубанского казачьего хора. Ценными источниками служат издания последних лет. (56,58)

Большая часть полевого материала, представленного в диссертации, собиралась автором в различных территориальных зонах Краснодарского края. (86) Для получения исчерпывающего описания и воссоздания объективной картины нынешнего состояния восточнославянского фольклора Кубани мы обращались к живым людям – носителям фольклорных традиций. На подготовительном этапе проводилась паспортизация текстов и оценка их состояния: анализировался количественный и качественный состав жанровых разновидностей, репертуар, манера исполнения. В качестве метода сбора культурной информации использовалось визуальное наблюдение: обращалось внимание на жестикуляцию, мимику, интонации исполнителей. Записи

снабжались подробными комментариями. В ходе предварительного исследования, мы стремились проследить процесс переориентации жанров и влияние вторичных форм на аутентичный фольклор. В процессе непосредственного восприятия и прямой регистрации всех факторов, касающихся изучаемого объекта, мы стремились исключить личностное отношение к ним. Наблюдение проводилось в естественной обстановке при непосредственном контакте с информаторами. На этапе сбора конкретного эмпирического материала фиксация производилась в специальных карточках наблюдения, обеспеченных цифровыми индексами. Это облегчало запись, а впоследствии упростило обработку данных и их анализ. При изучении, например, календарной и семейно-бытовой обрядности выяснялись время, место и последовательность исполнения ритуалов, пол и возраст участников, специфика атрибутов, костюмов, обрядовой пищи, сценарии и программы выступлений сценических коллективов. Упорядочение данных по признакам подобия позволило группировать информацию и приводить отдельные факты в систему. Помимо фонетических источников (магнитофонных и видеозаписей), использовались иконографические материалы (рисунки, репродукции, фотографии, картины).

Методологическая основа диссертации. Сложность объекта и характер поставленных задач обусловили необходимость использования в исследовании комплекса **методов**. Одним из них стал **с и с т е м н ы й метод**, позволивший рассматривать кубанский фольклор как открытую динамическую систему с множеством подсистем, тесно связанных между собой, взаимно влияющих и дополняющих друг на друга.

Г е н е т и ч е с к и й метод создал условия для понимания этимологии содержания и смысла народных воззрений, поэтических образов, жанров, эволюции культурных явлений во времени и в пространстве.

Ф у н к ц и о н а л ь н ы й метод позволил выявить изменения, произошедшие в тех или иных культурных объектах, а также осмыслить их как специфически значимые единицы. Тот факт, что в процессе истории культуры эти объекты выполняли множество функций, потребовало крайне осторожного анализа их природы и значения. Восточнославянский фольклор Кубани мыслился как уникальная, интегрированная система, все части которой выполняют взаимосогласованные функции. Для выявления динамики духовной культуры потребовалось аналитически разделить ее на ряд аспектов – систему знаний, верований, морали, различные способы творческого самовыражения и др.

Результатом **с р а в н и т е л ь н о – и с т о р и ч е с к о г о** метода явилась история духовной жизни в определенном временном интервале. Метод основан на сопоставлении сходных данных с целью изучения исторических связей и среды, сформировавшей и видоизменившей народную культуру. Исследование, проведенное в таком ракурсе, позволило полнее раскрыть истинное значение и ценность фольклора, его отношения с исторической действительностью, место и роль в народной жизни.

Исторический способ интерпретации культуры предполагает описание хронологического ряда отдельных явлений, показ того, каким образом элементы культуры стали такими в процессе своего развития и их связь с определенными условиями и событиями прошлого. (87)

С помощью **л и н г в и с т и ч е с к о г о** метода изучался «язык» фольклорных текстов и их роль в функционировании механизма обмена культурной информацией. Текстологический анализ помог установить ряд факторов, оказавших влияние на ход культурной истории Кубани.

С е м и о т и ч е с к и й метод требует рассмотрения произведений народного творчества как результат знаковой деятельности: кодирование культурно значимой информации, хранение, распространение,

воспроизводство знаний и культурного опыта, воздействие на сознание знаковыми средствами. Соединение вербальных, музыкальных и изобразительных знаковых систем создало предпосылки для более полного овладения содержанием и смыслом фольклорных произведений.

Гибкая комбинированная методика позволила выяснить особенности культурных объектов, их внутренние и внешние связи, специфику функционирования. Осмысление логики произошедших динамических изменений в духовной культуре восточнославянского населения Кубани помогло сформулировать общие закономерности трансформации старых и возникновения новых культурных образований в ходе исторического процесса.

Научная новизна исследования заключается в объяснении причин динамических сдвигов в народной культуре, типичных для того или иного периода культурного прошлого региона. Доказано, что изменения в структуре традиционного фольклора и взаимодействие его с вторичными формами (фольклоризмом) связаны с влиянием внешней среды и процессами, происходящими внутри системы. Авторская концепция трансформации народной культуры позволяет по-новому трактовать историю зарождения и развития культурного пространства на территории Кубани.

В диссертации впервые сформулировано системное представление о своеобразии восточнославянской ветви регионального фольклора как базисного компонента духовной жизни казачества. Привлечение полученных автором научных данных позволило критически переосмыслить ряд принципиальных вопросов, касающихся мировоззренческого контекста народной культуры, классификации жанров и видов фольклора восточных славян Кубани, не существующей в столь полном объеме. Научную новизну определяет и то обстоятельство, что

впервые введены в научный оборот многочисленные архивные данные и фольклорные источники. С их помощью уточнены и интерпретированы отдельные факты культурной истории региона, особенно советского и постсоветского периодов. Это первый обобщающий труд, не имеющий аналогов в отечественной истории.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования идей и выводов автора в деятельности центров национальных культур, департаментов и научно-методических центров культуры и искусства, в учебно-воспитательной работе самодеятельных и профессиональных коллективов.

Материалы исследования положены в основу базовых курсов «Народная художественная культура» и «Народные праздники», спецкурсов «Фольклор славян Кубани» и «Современная празднично-обрядовая культура региона» на факультетах традиционной культуры и искусств, социально-культурной деятельности в обучении преподавателей мировой художественной культуры, менеджеров социокультурной деятельности и творческих специалистов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Духовная жизнь славян Кубани в своих истоках определялась православными верованиями и традициями народной культуры, в частности, аутентичным обрядовым и внеобрядовым фольклором.
2. Специфика кубанского восточнославянского фольклора, основу которого составляли культурные традиции казачества, сложилась под влиянием военно-территориального устройства, сословной принадлежности, исторического опыта, географических и природных условий. Аутентичный фольклор, отражавший глубинные процессы в индивидуальном и коллективном сознании, обеспечивал интеграцию субъектов культурной

жизни, создавал предпосылки для восприятия прошлого, настоящего и будущего, выступал средством универсализации идей.

3. По мере формирования и исторического существования локальных сообществ в рамках территориального, межкультурного и полиэтнического пространства в аутентичном фольклоре происходили качественные изменения. Процесс этот носил поэтапный характер.

4. Начало культурогенеза определялось потребностями населения в сохранении и поддержании традиций метрополий. В типе личности казака органично соединялись унаследованные религиозные и культурные формы предков – воинов и земледельцев. Энергия сохранения культурного наследия концентрировалась в традиционных верованиях, обычаях и обрядах, музыкальных, хореографических, словесных, игровых жанрах, в народном декоративно-прикладном творчестве. Завершение первой стадии совпало с окончанием боевых действий в Закубанье и означало наступление предела в качественной перестройке природы аутентичного фольклора.

5. Вторая половина XIX века стала временем активного динамического развития субкультуры, постоянно нуждающейся в инновациях. Доминирующим свойством славян-кубанцев выступала лиминальность – потребность и способность выходить за пределы культурных традиций. Сложившийся в границах казачьего сословия традиционный фольклор, активно вбирал в себя духовные ценности других этнических и социальных групп. Решающую роль в этом процессе сыграли новые «контркультуры» - молодежи, женщин, казачьей старшины, интеллигенции. Этот этап ознаменовался расширением жанрово-видового состава за счет параметра «площади» и «качества». Охватывая разнообразные формы культурного творчества, фольклор представлял собой самоорганизующуюся и развивающуюся в историческом процессе систему, каждый элемент которой занимал свое определенное место и находился во взаимодействии с другими

элементами. Стимулирующую роль в этом сыграли начальное образование, книжное и газетное дело, ломка сословных перегородок, внедрение новых способов хозяйствования, изменения в структуре и содержании народного досуга и быта. В недрах аутентичного фольклора сначала сформировались, а затем выделились из него сценические формы народного искусства. Базой фольклоризма стали школьные учреждения, праздничные ярмарки, общественные и офицерские собрания, клубы. В массовые формы досуга превратились народный театр, хоровое и инструментальное исполнительство. Тиражирование изделий ремесла, экспансия городской моды и культуры соседних этносов ускорили процесс трансформации народно-бытовых традиций. Появились новые жанры и формы творчества: песни литературного происхождения, бытовые пляски с элементами светских и горских танцев, театрализованные массовые представления. Одновременно стали угасать жанры исторической и хороводной песни, календарный и семейно-бытовой фольклор.

6. Третий этап в развитии регионального фольклора начался с утверждением в России власти большевиков. Уже в первые десятилетия художественному творчеству народных масс целенаправленно придавался организованный характер. Сценическое искусство рассматривалось идеологами социализма как эффективный способ управления массовым сознанием. Развитие любительства и профессиональных форм искусства, ориентированных на фольклор, тормозило вмешательство государственных структур в созидательный процесс масс и утверждение единых критериев оценки деятельности любителей и профессионалов.

7. На четвертом этапе (60-80-е годы) исчерпались эволюционные возможности празднично-обрядовой культуры, сократилась сфера бытования внеобрядового фольклора. Трансформация сопровождалась

дальнейшим разрушением семантического ядра, ослаблением функций рекреации, воспроизводства и трансляции аутентичного фольклора.

Вместе с тем, модернизация сельской и городской социокультурной среды, смещение механизма передачи фольклорных традиций в сторону опосредованных контактов (печатная продукция, радио, телевидение) активизировали поиск и внедрение в быт утраченных форм народного творчества. Востребованными оказались оригинальные продукты ремесла, коллекционирование, сценические формы творческого воплощения, позволявшие проявлять индивидуальность.

8. Последний пятый этап в динамике системы наступил в 90-х годы XX века. Катализаторами на границе взаимодействия традиционного фольклора и внешней среды послужили процессы глобализации, урбанизации, приток мигрантов и как следствие нарушение этнического баланса на территории края.

9. Система аутентичного фольклора стремится к максимальной устойчивости. Способность к самостоятельной перестройке возможна при условии невмешательства в механизмы ее функционирования, предоставления носителям фольклорных традиций полной свободы творчества.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на региональных и вузовских конференциях, опубликованы в вузовских, центральных российских и зарубежных изданиях. Полученные результаты исследования нашли отражение в монографии «Фольклор восточнославянского населения Кубани: историко-культурологический анализ». Научно-методические материалы изложены в книге «Сценические формы кубанского фольклора», апробированы в работе самодеятельных и профессиональных коллективов, работающих в Южном федеральном округе.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, 15 параграфов и заключения, снабжена примечаниями, списком литературы и источников из 505 наименований и приложением.

ГЛАВА 1. ПРАВОСЛАВИЕ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ. ТЕОРИЯ И ГЕНЕЗИС

1.1. ПРАВОСЛАВИЕ КАК ПЕРВООСНОВА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Казачество, как специфическая социальная группа дореволюционной России, отличалось особой религиозностью и приверженностью Православной вере. При записи в войско обязательным условием для иноверцев было принятие таинства Крещения. Именно в казачестве преемственно сохранялись патриотические идеи, воцерковленность, жертвенная готовность защищать исконные духовные традиции.

История отвела казакам главенствующую роль в обустройстве и охране окраинных рубежей России. Так было и на Кубани, куда в сентябре 1792 года прибыли первые переселенцы в составе Черноморской гребной флотилии под командованием Саввы Белого. По случаю благополучной высадки на Тамани отслужили благодарственный молебен, в котором принимало участие все войско. Собравшимся казакам зачитали текст жалованной грамоты Ее Императорского Величества Екатерины II. Церемония сопровождалась пушечной и ружейной пальбой. Хлеб-соль распределили по всем казачьим куреням. (1)

Там же на Тамани в 1794 году началось строительство первой приходской Свято-Покровской церкви. Исследователи полагают, что

поднялась она на фундаменте древнего храма, построенного тмутараканским князем Мстиславом Удалым в 1022 году.(2) В церкви хранились памятники древности, найденные на Таманском полуострове, старинные книги – Библия и Литургион 1691 года, принадлежавшие первому священнику церкви Павлу Демешко. Особо почитаемой войсковой святыней был Св. Крест с частью дерева от Святого Животворящего Креста.

В Екатеринодаре в 90-х годах XVIII века службы исправлялись иеромонахом Антонием в походной Свято-Троицкой церкви, подаренной Черноморскому казачьему войску князем Г.А. Потемкиным. (3) Церковь привезли в разобранном виде и поставили на Крепостной площади. Сшита она была из белой парусины и натягивалась на деревянные столбы. Иконостас расписали на холсте. Действовала церковь до постройки войскового Воскресенского собора, затем находилась в притворе нового храма.

Закладка екатеринодарского собора Вознесения Христова началась в 1800 году. Строили его по образцу существовавшего в Запорожском Коше храма, но большего размера. Строительство закончилось спустя семь лет. Остатки богатой утвари, ризницы, книги старинной печати, Евангелия дорогой отделки достались собору в наследство от Межигорского запорожского монастыря.(4) В храме находились и другие реликвии Запорожской Сечи, пожалованные войску Ее Императорским Величеством Екатериной II: грамота, серебряные с позолотой блюдо и солонка. В числе дарственных вещей значились также крест, приобретенный на средства кошевого атамана Захария Чепиги; пожертвованное войсковым судьей Антоном Головатым Евангелие, оправленное в серебро с позолотой, колокола, церковная утварь и многое другое.

В дни войсковых праздников казачьи регалии доставляли к месту парада. При несении памятных символов конвойный взвод и музыканты,

обойдя церковь с восточной стороны, занимали указанные начальником парада места. Здесь же стояли снятые с седла литавры, созывавшие на казачий круг еще запорожских сечевиков. К войсковым знаменам присоединялись знамена частей. Вместе с грамотой их вносили в церковь. Грамоту клали на специально приготовленный стол, а знамена устанавливали у правого клироса. После панихиды по почившей Императрице Екатерине II и усопшим атаманам Черноморского казачьего войска совершался благодарственный молебен о здравии и долгоденствии Государя, Государыни и Наследников Императора. Затем начальник войскового штаба зачитывал Высочайшую грамоту, пожалованную Черноморскому войску 30 июня 1792 года, после чего подразделения проходили церемониальным маршем. (5)

Строительство храмов на Кубани осуществлялось на средства, выделяемые из войсковой казны, однако их было недостаточно, поэтому охотно принимались и добровольные пожертвования. Так, на возведение екатеринодарской кладбищенской церкви во имя Всех Святых жертвовали практически все сословия Черноморского казачьего войска. По описи, датированной апрелем 1852 года, от войсковой «старшинши» П. Посполитакиной, поступили иконостас стоимостью в 2300 рублей серебром, Евангелие в бархате с позолотой и серебром и церковная утварь, изготовленная из ценных пород дерева, драгоценных металлов и камней. Купцом 3-й гильдии А. Пономаревым были дарованы церковные сосуды из золота и серебра, кресты, книги, дарохранительницы, кадила, подсвечники, напрестольные одежды. Описи дарственных вещей составлялись по заданию Межевой комиссии войска.(6)

Самым крупным храмом в Кубанской области стал Екатерининский семипрестольный собор, вмещающий 4 тысячи человек одновременно. Его закладка началась в 1900 году. Освящение состоялось 23 марта 1914 года.

Собор сооружен по проекту архитектора И.К. Мальгерба в память о посещении 21-23 сентября 1888 года города Екатеринодара Государем Александром III и его Августейшей семьей. Один из пределов посвящен св. великомученице Екатерине, в честь которой и назван храм. Алтари посвящены членам царской семьи и святым: Александру, Марии, Николаю, Георгию, Михаилу, Ксении, Ольге. (7)

По традиции в первые годы колонизации края священников, диаконов и причетников выбирали из казачьей среды на общих сборах. С 1797 года по решению Святейшего Синода приходскими священниками стали назначать выпускников духовных учебных заведений. Систему выборов духовенства упразднили в 1841 году. Рядовые священники получали земельные наделы и обязаны были по мере сил трудиться. Материальное обеспечение их состояло также из натуральных подношений к праздникам и платы за выполнение церковных треб. Небольшие пенсии выплачивались из средств епархии. С 1887 года пенсионное содержание финансировалось из государственной казны.

Согласно указу Императора Александра I, принятому в 1805 году, священно- и церковнослужители должны были преподавать в сельских приходах Закон Божий. Большую роль в организации образовательных учреждений на Кубани сыграл войсковой протоиерей о. Кирилл Россинский, прибывший в Черноморское войско в 1803 году. При его активном содействии в куренях Щербиновском, Брюховецком, Таманском, Гривенском, Темрюкском, Роговском, Медведовском, Кущевском, Леушковском, Пластуновском открылись приходские училища, а в Екатеринодаре духовное училище и войсковая гимназия. Содержались учебные заведения на общественные средства и пожертвования. Кубанским просветителем были созданы войсковой певческий хор и духовная певческая капелла. К. Россинский – автор многочисленных научных статей,

учебника правописания для народных школ, основатель первой на Кубани типографии, приютов для сирот и инвалидов, библиотек, библейского общества. (8)

В умножении церковного имущества, благоустройстве храмов и в других общественно полезных делах принимали активное участие не только пастыри, но и простые прихожане. Периодические издания XIX – начала XX в. пестрят такого рода материалами. Например, староста храма св. угодника Божия Святителя и Чудотворца Николая в селении Армавир Н.Г. Локтионов избирался приходской общиной на трехлетнее служение храму пять раз. Еще в начале 1880-х годов вместе с другими односельчанами принимал деятельное участие в финансировании строительства временного молитвенного дома. Когда постройка уже не вмещала всех богомольцев, решено было возвести капитальный храм. Его освящение состоялось в 1892 году. Будучи религиозным человеком, Н.Г. Локтионов «настолько посвятил свою жизнь заботам о храме и так увлекся благоустройством его, что буквально забыл...о своем громадном коммерческом деле».(9) Собрав вокруг себя энтузиастов, староста трудился над сооружением церковных киот, установкой иконостаса, приобретением дорогих икон, хоругвей и церковной утвари. Постепенно церковь, вмещавшая до 2000 богомольцев, приобрела законченный вид. Службы совершались ежедневно, а в праздники проходило по две Литургии. По инициативе старосты в селе было образовано церковно-приходское попечительство, занимавшееся обустройством в бывшем молитвенном доме школы и квартиры для диакона, преподававшего Закон Божий. Заботами Локтионова завершилось строительство часовни в память Священного коронования Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Федоровны. При его деятельном участии, на пожалованной местными армянами земле,

армавирцы насадили сад, установили церковную ограду, расширили и благоустроили приходское кладбище.

Православные верующие добровольно и безкорыстно поддерживали в сохранности культурные памятники, находящиеся на территории Кубанской области. Так, в июне 1874 года епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман докладывал начальнику Кубанской области Н.Н. Кармалину о том, что ставропольский мещанин А.Г. Литвиненко изъявил желание заняться очисткой старинных церквей неподалеку от станицы Зеленчукской Баталпашинского уезда. Древние христианские храмы, построенные еще в VI – 11 веках византийцами, были превращены горцами в стойбища для домашнего скота. «Видя поспание церквей Божиих, он решился, сколько возможно, очистить их от всяких нечистот,... поселившись в маленькой пещере...» (10) Будучи уже человеком немолодым и одиноким, Литвиненко просил разрешения охранять церкви, дав обещание не требовать помощи от местных жителей.

Первую монашескую обитель на Кубани, получившую название Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской общежительной мужской пустыни, основали в 1794 году по высочайшему повелению Императрицы Екатерины II. (11) В ней заканчивали свои дни наиболее религиозные представители казачества, принимая монашество и схиму. Монастырь служил также приютом для больных и увечных воинов. Население приходило сюда на богомолья, жертвовало деньги и имущество. Более всего народу бывало весной на Николаев день и летом на Спас. (12) Чуть не каждый черноморец считал своим долгом хотя бы раз в два-три года посетить пустынь и разговеться. Иногда на службе скапливалось до трех тысяч говельщиков одновременно. К числу наиболее чтимых святынь, находящихся в обители, относились иконы «Толгская Божия Матерь» и «Святитель Николай Мир-Ликийский Чудотворец», доставленные из

упраздненного Межигорского Спасо-Преображенского монастыря, основанного еще запорожскими сечевиками. От него же пустынь получила в наследство ризницу и библиотеку. Обитель служила школой для подготовки лиц, желавших вступить в духовное звание. Здесь обучались церковной службе и церковным порядкам, чтению и пению на клиросе. В начале XX века на монастырской территории находилось три церкви: соборная каменная с тремя входами о девяти больших и четырех малых главах, церковь каменная при настоятельских покоях и церковь из кирпича во имя св. великомученицы Екатерины. Здесь же располагались три корпуса с кельями братии, гостиницы для богомольцев, школа, столярная мастерская. За оградой на расстоянии нескольких верст находились паровая мельница, кирпичный завод, пасека. При станции Переяславской действовали две водяных турбинных мельницы, на Долгой косе Азовского моря и на Бриньковском лимане два рыболовецких завода. Разведение лошадей и рогатого скота, использование сенокосных и пахотных земель, иконная и книжная лавки, проценты, получаемые от банковских билетов – все это позволило пустыни накопить за сто с небольшим лет своего существования солидный капитал. (13)

В 40-х годах XIX века богобоязненные черноморские казачки обратились к Наказному Атаману, генерал-майору Г.А. Рашпилю с просьбой об устройстве женской обители. В ходатайстве командующему войсками Кавказской линии и Черномории от 22 июня 1846 года Рашпиль отмечал, что создание монастыря позволит поддерживать народное усердие к религии и послужит казачкам утешением от потери в боевых действиях детей и мужей. Ходатайство, в целом, было удовлетворено. В 1848 году женская обитель, названная во имя святой Марии Магдалины, которое носила Великая княгиня Мария Александровна, была учреждена. Для устройства пустыни на полуострове реки Кирпили близ Тимашевского

курень отвели 171 десятину земли. Из войскового капитала выделили 20 тысяч серебром. Сооружение ее производилось также за счет приношений и пожертвований. Первой игуменьей пустыни стала монахиня Митрофания (в миру Матрона Степановна Золотаревская). Первая монастырская церковь во имя Пресвятой Богородицы была освящена архимандритом Дионисием – настоятелем Екатерино-Лебяжской пустыни в сентябре 1849 года в присутствии Наказного атамана и других важных войсковых чинов при огромном стечении жителей окрестных станиц. (14) Торжество открытия монастыря вылилось в большой религиозный праздник.

Жителям войскового сословия разрешалось отдавать в женский монастырь своих дочерей на воспитание. В заведении находилось одновременно до двухсот девочек. В конце XIX века здесь же был открыт сиротский приют для 25 воспитанниц. Монахини много трудились в монастырском хозяйстве, не оставались в стороне во время боевых действий, ухаживая за больными и ранеными. Для удобства богомольцев отстроили два странноприимных дома. При пустыни находилось три ветряные мельницы, маслобойня, кузница и свой свечной завод. Перед революцией в обители проживало более полутысячи монахинь.

Из женской общины, основанной в 1899 году в имени крестьянки Т. Кончаковой – жительницы станицы Динской, возник женский Покровский монастырь. Соборный храм освятили в 1909 году. При монастыре действовала школа и странноприимный дом. В 1910 году монастырь насчитывал 116 монахинь. (15)

Благодаря материальной и моральной помощи монахов со святой горы Афонской в 1877 году в сорока пяти километрах от Майкопа и восьми километрах от станицы Царской (ныне Новосвободная) была основана самая крупная на Кубани мужская Михаило-Афонская Закубанская пустынь. К 1910 году на монастырской территории располагалось пять

храмов, школа грамотности, гостиница для странников, метеорологическая станция, больница с бесплатным лечением.(16) За обителью было закреплено подворье, разместившееся в Майкопе в пожертвованном мещанином Поповым полтораэтажном доме с надворными постройками, службами и дворовым местом.

В 1889 году в двадцати километрах от станции Зеленчукской Баталпашинского отдела благодаря стараниям иеромонаха со святой горы Афонской Серафима и 50 человек братии открылся Свято-Александро-Афонский Зеленчукский монастырь. «Трудолюбивая жизнь иноков, строгое исполнение богослужебных уставов вскоре стали известны окрестному населению и упрочили за поселенцами-иноками добрую славу: обитель чаще и чаще стали посещать богомольцы, особенно в посты. Вскоре представилась возможность расширить храм за счет пристройки с западной стороны и, при деятельном участии православного населения, храм не только расширен, но и украшен благолепно. Устроены достаточно помещения для братии, пришельцев и мастерских...» (17) При обители открыли богадельню для престарелых воинов, иконописную школу для детей и миссионерский стан для воздействия на окрестных инородцев. В трапезной обители хранился «дикочаменный крест» с надписями на греческом языке, сооруженный в 1013 году. Месточтимой святыней считалась копия иконы Гребенской Богоматери. (18) К пустыни был приписан Покровский мужской скит, располагавшийся неподалеку от станции Гулькевичи Кубанской области.

В Баталпашинском отделе близ аула Сенты в конце XIX века местные энтузиасты восстановили древний храм, построенный в X веке византийцами с участием местных и аланских мастеров. В 1896 году его освятили и назвали Спасо-Преображенским Сентинским женским

монастырем. При нем действовали церковно-приходская школа и больница для прокаженных. (19)

В 1894 году на берегу реки Кубани в трех километрах от станицы Кавказской на месте бывшего Никольского старообрядческого скита «Обвалы» стали возводить мужской Николаевский Кавказский миссионерский монастырь. В нем находилось два храма: во имя св. Николая Чудотворца и в честь «Живоносного источника». Одновременно на хуторе Романовском на земле, пожертвованной екатеринодарской мещанкой Е. Шульгиной, основали Романовское подворье с храмом в честь Казанской Богоматери. При подворье работала школа грамотности. В 1896 году открылось подворье в селе Армавир на земле, пожертвованной мелитопольским крестьянином О. Довжиком. На подворье располагалось два храма: во имя Александра Невского и домовая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1910 году подворье Ставропольского архиерейского дома в одной из старейших кубанских станиц Васюринской преобразовали в Казанский мужской монастырь.

В Екатеринодаре между улицами Северной, Ярмарочной (Головатого), Котляревской (Седина) и Пластуновской (Янковского) целый квартал занимало подворье Балаклавского Георгиевского монастыря. Закладка храма во имя Живоначальныя Троицы с часовней в честь Св. Великомученика Георгия Победоносца началась в 1895 году. Он имел три предела: центральный – Георгиевский, северный – в честь преподобного Маркелла и Марии Египетской, южный - в честь Феодоровской иконы Божией Матери. В 1903 году храм был освящен. Монастырь просуществовал до 1932 года.(20)

На побережье Черного моря в двадцати километрах от Адлера действовал Свято-Троицкий мужской монастырь, в Новороссийске -

Покровский мужской монастырь, в окрестностях города Туапсе-Иверско-Алексеевская женская община. (21)

Воспитанием младшей братии в монастырях занимались духовные наставники - настоятели и старцы, назидавшие словом и примером. Старчество предполагало подвижнический образ жизни. Молодые обитатели монастыря должны были открывать опытному в подвигах монастырской жизни монаху свое душевное состояние, говорить об искушениях и прегрешениях. Без ведома старца никто из братии не должен был, к примеру, поститься сверх положенного по уставу, «чтобы в дело своей воли не вкралось самоугодие или самомнение». (22) Старцы принимали на себя всю ответственность по спасению душ учеников. К ним приходили и богомольцы из разных концов края. Значительное время старцы проводили в уединенных молитвах и не ограничивались жизнью в монастырях. Многие подолгу жили в отдаленных и глухих местах предгорий Северного Кавказа.

В обязанности священнослужителей, называемых духовниками, входило наставлять мирян в истинах веры и правильной христианской жизни. С особым усердием, заботливостью и долготерпением назидали пастыри детей и молодежь. В личных контактах с прихожанами духовенство стремилось к установлению доверительных и сердечных отношений. В церковных проповедях звучали поучения, призывающие к добру, справедливости, добропорядочности.

К священнику, как к врачу, шли за помощью, чтоб укрепить дух. Существовало незыблемое правило: православный христианин не предпринимал ни одного жизненно важного решения, не получив благословения духовника. Иконы, церковные песни и музыка, обряды и архитектура храма – все было обращено в человеческой личности, просветляя, очищая и возвышая ее.

Приходские священники неустанно заботились о сохранении здоровья прихожан, требуя от станичных правлений исполнения закона о закрытии лавок и питейных заведений до окончания богослужений и крестных ходов. Во время всеобщего уныния и смятения от эпидемий и стихийных бедствий громко звучал голос пастырей, ободряющий и укрепляющий надеждой на Промысел Божий. В такие минуты народ с особенным усердием обращался к Богу. Храмы были переполны молящимися. Люди безропотно покорялись Божией каре в смиренном сознании виновности перед Господом и справедливости Его гнева. В благодарность за избавление от бед и другие благодеяния многие давали обеты: совершить паломничество, построить часовню или крест, пожертвовать деньги, продовольствие, вещи. Нарушение обета считалось тяжким грехом. Чтобы поклониться православным святыням и святым мощам, кубанцы отправлялись в Киев, Афон и даже Иерусалим.

В неурожайные годы духовенство делилось с населением зерновым хлебом для сева и прокормления, помогало деньгами.

В ведении священников и церковнослужителей находились станичные и полковые школы грамоты. Основное место в учебных программах отводилось Закону Божию, церковнославянскому чтению и церковному пению. Начальные истины веры, заповеди и молитвы знали все - и взрослые, и дети.

В отношении к церковным богослужениям и таинствам православный народ был очень усерден. Исповеди и Святое Причастие обыкновенно исполнялись в Великий пост. Во всех церквях в это время шли ежедневные службы. Говеющих было так много, что приходские священники едва успевали принимать исповеди и причащать всех желающих. Ни один простолюдин не позволял себе и своим детям нарушить святость поста

употреблением мясной пищи. Постились телесно и духовно. Обязательно посещали храм в большие православные праздники и в воскресные дни.

Религиозные нужды служащих казаков удовлетворяло войсковое духовенство - полковые священники и иеромонахи. Все требы в воинских частях совершались бесплатно. В церквях, находящихся на попечении войск, было установлено обязательное хоровое пение молитв: утренней, перед обедом и ужином. В частях действовали церковные хоры, состоящие из ротных песенников. Преследовались брань и сквернословие. Особое внимание уделялось религиозно-нравственному воспитанию малолетних детей, чьи отцы находились на службе, а также юнкеров и кадетов, обучавшихся в военных учебных заведениях.

Свои пастырские обязанности военное духовенство нередко выполняло в тяжелых походных условиях. Многие из них были удостоены высоких наград за отличия в боевых действиях. В 1916 году «Кубанский казачий вестник» сообщал: «Государь Император по всеподданейшему докладу г. Синодального Обер-Прокурора в 24-й день марта с.г., в Царском Селе, В с е м и л о с т и в е й ш е соизволил на утверждение пожалований Главнокомандующим армиями фронта и командующими армиями за отлично-усердную службу и труды во время военных действий, на сопричисление к орденам: Св. Владимира 4-й степени с мечами протоиерея 4-го Кубанского пластунского Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича батальона Павла Бартенева; священника 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепиги полка Димитрия Феденко; иеромонаха, исполняющего пастырские обязанности в Кубанском пластунском батальоне, Фотия (Герасименко)».(23)

В феврале 1917 года приказом главнокомандующего войсками Кавказского фронта был представлен к награде наперсным крестом на Георгиевской ленте священник 8-го пластунского батальона о. Сергей

Тихомиров. В том же году за отличия в делах против неприятеля он получил и орден Св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами. До прибытия на фронт о. Сергей служил священником в станице Медведовской и преподавал Закон Божий в станичном училище. (24)

Заметный след в истории Кубани оставил полковой священник К.Н. Образцов - сын дворянина из Тверской губернии, получивший сначала светское образование в Юрьевском университете, а после окончания Тифлисской духовной семинарии в 1904 году принявший сан священника. В 1912 году получил назначение в 1-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. В годы первой мировой войны принимал участие в военных действиях на Закавказском фронте и был удостоен ордена Анны 3-й степени без мечей. Его стихи «Ты Кубань, ты - наша Родина» были положены на музыку композитора Эспозито и стали гимном кубанского казачества. (25)

О достоинствах православного человека принято было судить по тому, как часто он посещал церковные службы и следовал христианским заповедям. Священник Симеон Кучеровский в докладной записке Екатеринодарскому духовному правлению о состоянии религиозности населения Черномории от 13 мая 1852 года сообщал, что «воровству немногие склонны...двери дома вы можете оставить незапертыми, домашний скарб ваш будет в целости, хотя вы будете работать на поле несколько дней...Касательно страннолюбия, можно сказать в похвалу черноморцев, что странник проездом чрез этот край, не войдет в большие издержки....» (26) Принятие на ночлег паломников считалось богоугодным делом.

По понятиям народа, нищие, калеки, слепцы – божьи люди. В дни годовых христианских праздников у местных храмов собиралось много убогих и несчастных. Всякий православный верующий считал своим долгом

подать милостыню. Не обходили и здоровых, не желавших работать и живших подаянием. «А почему и не дать, - говорил в таких случаях казак, - ведь не ему я подал, а Богу». Особой симпатией у сердобольных казачек пользовались те, кто умел жалобно причитать. (27)

Существовал на Кубани и обычай черничества. Черничками становились вдовы, не желавшие вступать в брак вторично, и девушки с несложившейся судьбой. Жили чернички своей общиной в мире и согласии, одна из них была старшей, все ее слушали. Время проводили в пении псалмов, чтении церковных книг и скромных беседах. Никому не отказывали в исполнении обрядов погребения. Друг друга называли сестрицами, со всеми были приветливы. Носили одежду темного цвета. Некоторые отправлялись в далекие странствия к святым местам. Питались чернички от мира, но сами о помощи никогда не просили.

Православное население с состраданием относилось к тем, кто совершил тяжкое преступление. Во время этапирования каторжников в Сибирь и другие места ссылки, простые люди протягивали им еду и деньги. Бывали случаи, когда люди становились добровольными попечителями отбывавших наказание в тюрьмах. В 1895 году в первое сентябрьское воскресенье в слободской церкви станицы Усть-Лабинской перед Литургией было совершено таинство Крещения над девятнадцатилетним арестантом-магометанином, жителем селения Хурзук Баталпашинского отдела Султаном-Беем Темирбулатовым. Новокрещенного назвали Александром. Восприемниками стали есаул третьего Урупского конного полка Кубанского казачьего войска П.П. Лагунов и жена судебного следователя Л.Г. Солнцева. Подготовил и совершил обряд директор Екатеринодарского отделения Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета, слободской священник о. Петр Георгиевич Соболев. В своей прочувственной речи, сказанной в заключении, он обратил внимание

присутствующих на трудное положение новокрещенного, оказавшегося без родных и нуждающегося в поддержке. Присутствующие на службе прихожане сделали добровольные пожертвования в пользу новокрещенного. Четыре дня спустя, в связи с окончанием срока заключения, Александр Петрович Темирбулатов был освобожден из тюрьмы и принят на попечение своим приемником Лагуновым. (28)

Мир, по народным понятиям, явился от Господа Бога. Он - Всемогущ и все в Его святой воле. Всевышний любит правду, а потому люди должны руководствоваться во всем только правдой. Перед Богом все равны – и бедные, и богатые. Каждый получает за свои слова и поступки по заслугам.

Обязательной принадлежностью жилищ православных кубанцев были иконы, размещавшиеся в красном углу. Наиболее почитаемыми считались иконы Спасителя, Пресвятой Богородицы Девы Марии, Преподобного Сергия, Иоанна Воина, святого Пантелеймона. Большое значение придавалось ежедневным молитвам. За стол, не помолившись, не садились. Старики строго следили за тем, чтобы дети и молодежь не устраивали увеселений во время постов, супругов призывали к воздержанию от ссор и брани.

Начинали ли какое дело, терпели несчастье, испытывали скорбь, прежде всего, обращались с молитвою к Господу. Первейшей обязанностью считались поминание и молитвы о покойниках. В дни проводов и поминальных суббот служили панихиды, особо строго соблюдали в указанные церковью дни помин новопредставленных. При поварных болезнях (холере, оспе, малярии) участвовали в молебнах с водоосвящением, устраивали крестные ходы вокруг станиц, пили свяченую воду. Перед севом освящали в церкви семена. Перед первым выгоном домашнего скота на пастбище приглашали батюшку. Во время сельскохозяйственных работ испрашивали Божие благословение. В засуху

священники, отслужив молебен, окропляли поля свяченой водой. На пожары являлись с иконами Пресвятой Богородицы «Неопалимая купина» и с ними обходили загоревшиеся постройки.

Ежегодно всей общиной отмечали храмовые (престольные) праздники. После Литургии накрывали столы и устраивали общественный обед. На торжества сходилось все взрослое население, приглашали гостей из соседних станиц. Празднества с обходом родных и обильными угощениями продолжались несколько дней.

В учебных заведениях, где имелись православные церкви, на праздник собирались воспитанники, учителя, родители и даже посторонние богомольцы. Так, накануне 11 мая 1901 года в церкви при Екатеринодарском духовном училище было совершено всенощное бдение. По окончании Литургии храм огласился молебным пением святым Кириллу и Мефодию - небесным покровителям училища с возглашением многолетия Государю Императору и всему Августейшему дому, Святейшему Синоду и преосвященному епископу Агафодору, руководству училища, воспитателям, учащимся и всем православным христианам. На имя смотрителя училища пришло множество телеграмм от бывших учеников со словами благодарности педагогическому коллективу. (29)

Торжественно проходили празднества в честь особо чтимых православных икон. В станице Сенгалиевской таким святым образом была Казанская Божия Мать, почитаемая как покровительница супружеских пар и влюбленных. Несмотря на то, что местная церковь была освящена в честь Крещения Господня, праздник отмечали каждый год 22 октября в день Казанской Богоматери. С раннего утра станичная площадь представляла собой шумную ярмарку. К празднику сенгалиевцы готовились как к чему-то великому. Ни одной свадьбы не играли до этого дня.

Почитали Казанскую Божию Матерь и армавирцы. В 1892 году во время эпидемии холеры, по желанию православных жителей было совершено торжественное богослужение с крестным ходом вокруг села и молебным пением. Мало-помалу эпидемия прекратилась. С того времени жители Армавира ежегодно 8 июля в день Казанской иконы Божией Матери совершали крестный ход по улицам и вокруг поселения. (30)

Проводы новобранцев на службу обязательно проходили с напутственным молебном. Отцы благославляли сыновей иконой, матери вручали ладанку и образок. Перед возвращением домой, казаки вскладчину покупали местному храму подарки. В станицу сразу не входили, посылали за батюшкой, чтобы встретил с крестом и отслужил благодарственный молебен за благополучное возвращение на родину.

На Кубани особо почитались священные источники. Один из таких родников находился в окрестностях станицы Новодеревянковской, другой, называемый «Чудотворной криницей», в семи километрах от Новомалороссийской. Местом паломничества была и «Девятая Пятница», расположенная между станицами Новолабинской и Некрасовской, где в прошлом стояла небольшая часовня и колодец. Круглый год каждую пятницу сюда стекалась масса странников со всей Кубанской и даже Терской областей, но больше всего молящихся бывало 1 июня в «Девятую Пятницу». (31)

В 1896 году одна из жительниц села Армавир заявила местному священнику о явлении иконы святого Пантелеймона вблизи ее дома на выгоне. По словам верующей, ей было сновидение. На указанном месте женщина обнаружила образ и горящую восковую свечу. Православная христианка попросила священника пожаловать туда и отслужить молебен. Просьба ее была удовлетворена. Вскоре армавирцы, узнав о чудесном явлении, стали ходить с иконой по домам. По просьбе селян на месте

явления святого образа под колокольный перезвон прошел крестный ход. С этого момента началось массовое паломничество богомольцев к месту явления иконы. (32)

В праздничные дни работы в поле и дома прекращались, но если кому-то требовалась срочная помощь, шли, не задумываясь, чтобы выволить из беды. Никогда не отказывали в помощи вдовам и сиротам. Вера в Бога и его святых угодников являлась основой земного существования, силой и двигателем жизни православных кубанцев.

Еще в начале XVIII века, спасаясь от преследований и насилия, на Кубань переселились донские казаки–раскольники, получившие название «игнат-казаки» или «некрасовцы» по имени предводителя Игната Некрасова. Наиболее непримиримые покинули Кубань в конце того же столетия, перебравшись в Турцию.

Раскольникам, прибывшим в «первой волне» переселенцев с Дона в конце XVIII века, отвели правый фланг Кавказской линии. Другой путь массовой миграции поборников старых религиозных обрядов пролегал на Кубань с берегов Терека. Самая большая община их сформировалась в станице Прочноокопской, где по состоянию 1844 года, на 2249 староверов приходилось 256 православных. Но все же в общей массе населения Кубанской области удельный вес их был незначительным и составлял к началу XX века всего 1,5%. (33)

Как следует из отчетов духовенства, в начале XX столетия раскольники проживали в станицах Воздвиженской, Константиновской, Родниковской, Курганной, Михайловской, Некрасовской, Новолабинской, Темиргоевской, на хуторе Александровском. Среди жителей станицы Вознесенской, например, были «австрийцы» - последователи основной старообрядческой Церкви поповского направления, учрежденной в 1846 году в Белокриницком монастыре на Буковине, принадлежавшей Австрии. В

станции Лабинской насчитывалось до 700 человек «беспоповцев», не имевших духовенства и отвергавших церковную иерархию, таинство священства и священников. Беспоповцы не признавали царя и царскую власть. Всех живущих за пределами своих общин считали принадлежащими к «миру Антихриста». Верили в скорый конец света и второе пришествие Христа. Раскольники поповского и беспоповского толка, считавшие себя верными последователями древнехристианской церкви, редко рождались с православными, вели замкнутый образ жизни и не проявляли попыток пропагандировать свою веру. (34)

Уединенно вели себя и другие группы духовных христиан. Так, отошедшие от Русской Православной Церкви и окончательно сформировавшиеся во второй половине XVIII века духоборы, не признавали Библии, отвергали православные обряды и таинства. Обособленную группу духовных христиан представляли скопцы, верившие в необходимость физического подавления плоти для спасения души. Хлысты верили в воплощение Христа, Святого Духа и Богородицы в наиболее праведных людей и отвергали церковный брак. Во время молений доводили себя до экстаза. В 80-х годах XIX века на Кубани появились секта новохлыстов, называющих себя «видимыми ангелами». Конец света считали невозможным в виду постоянно совершающегося круговорота – переселения душ. (35)

В 20-х годах XIX века из разных российских губерний переселяли на Северный Кавказ последователей иудаизма - субботников. В станицах Родниковской, например, проживало до 1 тысячи иудействующих сектантов, в Михайловской - более 3 тысяч. Наряду с Ветхим Заветом субботники признавали Талмуд и вели богослужения на древнееврейском языке.(36)

Чтобы оградить православных от влияния раскольников и сектантов, священники вели душеспасительные беседы, распространяли брошюры и листки противосектантского содержания, приглашали миссионеров-проповедников. В 1855 году духовенству Кавказского линейного казачьего войска была направлена инструкция об отношении законоучителей к детям раскольников. В ней говорилось о соблюдении мер кротости и внимания к учащимся. Запрещалось употреблять излишнюю строгость и насилие. В преподавании Закона Божия указывалось на необходимость изложения догматов Православной веры, повиновения власти, любви к Престолу и Отечеству. (37)

В 1885 году несколько старообрядческих семейств из станицы Ханской приобщились к Православной вере. В то время раскольники имели просторную и богатую моленную с алтарем, в которой служил попом крестьянин Екатеринославской губернии И. Зуев. Некоторые старообрядцы, усомнившись в правильности происхождения Белокриницкой церкви, обратились к нему за разъяснениями, но Зуев от беседы уклонился. Тогда эти люди пришли за помощью к местному приходскому священнику о. Е. Соколову, который «горячо принялся отвлекать сомневающихся... от заблуждения и, благодарение Богу, труды его увенчались успехом: несколько человек подали прошение... о желании своем присоединиться к Православию на правилах единоверия. Преосвященный Герман...выслал для присоединения их к Православной церкви единоверческого священника станицы Ессентукской Афанасия Карпова...». (38)

Созданное в 1873 году в Ставрополе Андреевское братство, спустя двадцать лет слилось с Владимирским братством под общим названием Андреевско-Владимирское религиозно-просветительское братство. Его деятельность распространялась на всю Ставропольско-Екатеринодарскую епархию. Братство готовило тех, кто искал Православия, заботилось о

трудоустройстве нуждающихся, давало приют, одежду, обувь и пропитание. (39)

В 1890-х годах такое же братство действовало при Александро-Невском соборе в Екатеринодаре, стремившееся оградить православное население от влияния других христианских течений. В принятом Уставе отмечалось, что для достижения своей цели братство открывает новые и поддерживает уже существующие церковно-приходские школы, особенно там, где гнездятся сектантство и раскол. В местах расселения духовных христиан, открывали читальни, укомплектованные книгами духовно-нравственного содержания, вели подготовку лиц, способных к миссионерской деятельности, в праздничные и выходные дни проводили чтения и собеседования. Деятельность братства направлялась епископом Ставропольским и Екатеринодарским и Наказным Атаманом Кубанского казачьего войска. Текущими делами организации управляло общее собрание и совет. В память о екатеринодарцах, умерших от холеры во время эпидемий в 1847 и 1892 годах, возле Александро-Невского собора на средства братства был возведен четырехгранной формы памятник с иконами Вознесения Господня, Преображения Господня, Исцеления расслабленного и Самаритянки, беседующей со Спасителем при колодце. За счет членских взносов и пожертвований для собора приобрели икону св. пророка Илии и вырыли колодец, названный Вознесенским братским колодцем. Ежегодно 20 июля из Александро-Невского собора совершался крестный ход на угол Пашковской и Посполитакинской (ныне Октябрьской) улиц для отпевания молебна св. пророку Илии и освящения воды. Позже здесь была построена Свято-Ильинская церковь.(40)

Свято-Осиевское религиозно-просветительное братство, организованное в Майкопе, служило прибежищем для круглых сирот, детей из бедных семей, престарелых и инвалидов. Перед началом полевых работ

оно становилось яслями для тех подростков, кто хотел заработать. Детей обучали ремеслам: корзиночному, чулочному, сапожному, по отделке икон фольгой. День начинался обыкновенно с молитвы, для чего была создана специальная комната-молежня. В праздничные дни все без исключения бывали на службе в Александро-Невской церкви. (41)

Почти в каждой станице при местных храмах действовали братства, заботившиеся о вдовах, сиротах, больных, калеках, бедных и пришлых богомольцах. Помощь братства была безвозвратной или заимообразной, что зависело от того, кому она предназначалась. В церковные братства входили священники, диаконы, старосты и прихожане обоего пола всех званий и состояний, попечителей и участвующие в сборе средств. Ежегодно члены братства вносили в кассу не менее 1 рубля.

Местным управлением Красного Креста в Екатеринодаре была создана община сестер милосердия, члены которой безвозмездно служили больным и раненым в госпиталях, гражданских больницах и частных домах. Во время эпидемий сестры командировались в помощь сельскому врачебному персоналу. В общину принимали по добровольному согласию лиц женского пола всех христианских исповеданий в возрасте от 18 до 35 лет, умеющих читать, писать по-русски и знающих четыре правила арифметики. Сестры выполняли свои обязанности самоотверженно, с христианским милосердием, смирением и любовью, не брезгуя никакой, даже самой черной работой. Уход за неимущими больными был бесплатным. (42)

После окончания русско-японской войны на Кубани было открыто благотворительное общество братской помощи раненым и искалеченным воинам, лишившимся возможности работать и обеспечивать собственное существование и существование своей семьи. Общество оказывало помощь всем, независимо от национальности и рода войск, будь то казак или горец.

Денежные средства образовывались из членских взносов, благотворительных вечеров, спектаклей и концертов.

В годы первой мировой войны по решению съезда депутатов кубанское духовенство выделило 10 000 рублей на оборудование госпиталей в здании, принадлежащем Екатеринодарскому духовному училищу, в общежитии для воспитанников духовной семинарии на 270 кроватей, при Марие-Магдалиновском женском монастыре на 25 кроватей. Архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор из личных средств пожертвовал 1 000 рублей на нужды раненых и 200 рублей - местному обществу Красного Креста. На личные средства епископов Иоанна и Михаила в епархиальном госпитале оборудовали восемь кроватей, по четыре кровати от каждого. Михаило-Афонская пустынь собрала 5 000 рублей, Марие-Магдалиновский женский монастырь (помимо оборудования и содержания госпиталя) – 3000 рублей, от Екатерино-Лебяжской мужской пустыни поступило 3 000 рублей, от Покровской женской обители – 500 рублей. (43)

Среди кубанских казаков был распространен обычай побратимства. Чтобы стать побратимами, нужно было поменяться нательными крестами. С этого момента побратимы всегда и во всем стояли друг за друга горой.(43) Соседство казаков с горцами породило своеобразную форму взаимопомощи и дружбы – куначество. Кунака встречали и провожали как самого дорого гостя, воздавая почести наравне с людьми самого высокого общественного положения. В случае нужды кунаки оказывали друг другу посильную помощь.

После Октябрьского переворота 1917 года, историческая связь с духовными ценностями прошлого стала рассматриваться как препятствие для строительства «светлого будущего». Искусственный отрыв от духовного опыта предыдущих поколений, воспитание вне влияния Русской

Православной Церкви и понимания религиозной сущности явлений вело к уничтожению первоосновы духовной культуры и обеднению человека.

1.1. Генезис духовной жизни и народная культура

Термин «фольклор», возникший на Западе в середине XIX века, в переводе на русский язык означает «народная мудрость». За рубежом и в России устоялось представление о фольклоре как культуре низших слоев общества, включающей в себя верования, предрассудки, философские воззрения народа.

Обращение ученых к природе традиционной культуры обусловлено стремлением сформулировать общие законы ее развития. Согласно концепции П.Сорокина, культура подобно живому организму зарождается, развивается и умирает. Циклическая теория позволяет взглянуть на идею эволюционирования мировой культуры как системы, состоящей из ряда культур, развивающихся в своем темпе. Ученый различал системы социокультурных феноменов разных уровней. Самый высокий их них образует социокультурные системы, сфера действия которых распространяется на многие общества (суперсистемы). (238, с.132)

Иное понимание феномена культуры базируется на пульсирующем характере культурного процесса, где каждая эпоха, будучи неповторимой и своеобразной, включается в общий ход эволюции мирового культурного процесса. Развитие культуры неравномерно, в нем наблюдаются периодические ритмические колебания. Этапы культурной динамики рассматриваются не как последовательно сменяющие друг друга, а как одновременно существующие в культуре. В тот или иной момент ее развития реализуется лишь одна из потенциальных возможностей, остальные заложены в латентной форме. (27) Плюралистический образ культуры сводится к отрицанию завершенности эволюционного процесса.

Течение процесса охватывает все культурные явления во все периоды истории на ограниченных участках пространства. В этом процессе взаимодействия каждый элемент воздействует на другие, а те, в свою очередь, действуют на него. Если возникает конфликт с другими частями культуры, то паттерн может быть отвергнут и устранен из общего потока, как не приобретший высокой культурной ценности. «Если же этого не случится, и другие паттерны культуры будут способствовать его росту..., то данный образец обычно кумулятивно развивается в том направлении, в каком он первоначально начал дифференцироваться благодаря... инерции.»(126, с.468)

Постоянно образующиеся новые комбинации и синтезы культурных элементов представляют собой сложную конфигурацию развития культуры в тот или иной исторический отрезок времени. В дополнение к пространственному и временному параметрам возможно разложение культурного процесса на отдельные составляющие - диффузию, интеграцию, эволюцию.(108, с.423-424)

В формировании представлений об эволюции социокультурных процессов большую роль сыграли труды русских ученых В.И. Вернадского и А.Л.Чижевского, указавших на связь истории человечества с геологическими процессами, происходящими на земле. (272, с.31; 38, с.19)

Сопоставляя психические функции посредством разделения биологического и социального, Л.С. Выготский пришел к выводу, что мышление своим становлением и развитием обязано культурным факторам. Социокультурная среда «формирует и складывает все высшие формы поведения, все то, что в развитии личности выстраивается над элементарными функциями». (48,с.377) Ученый первым разработал типологию когнитивных способностей и вербального мышления, которыми пользуются при изучении исторических изменений и межкультурных

различий в мышлении. В работе «Педология подростка» Л.С. Выготский писал: «Было время, когда мышление в понятиях было не известной человечеству формой. И сейчас есть племена, не владеющие этой формой мышления..., у примитивного человека нет понятий». (45,с.17) Овладение человеком мыслительными операциями потребовало перехода от развернутых во вне действий к действиям на вербальном уровне и постепенной интериоризации (редукции) предметного действия в когнитивную структуру. (49, с.99-120) Типы мышления соответствуют не просто отдельным культурам, а специфическим видам деятельности. (122, с. 28)

Одно из направлений эволюционной эпистемологии определяет идею о непрерывном характере когнитивной эволюции от простейших рефлексов до высших достижений человека. В методологическом плане ей противостоит утверждение о поступенчатости эволюции в виде цепочки перерывов постепенности, новые когнитивные представления возникают на основе старых. Деструкция в эволюции когнитивности необходима, как и проявление новых форм. Изжившие представления, утрачивая функции и качество, распадаются. Разрушение есть необходимое условие для образования новых представлений. Началом любого развития служат случайные изменения, которые постепенно приводят к неустойчивости системы. Бифуркации могут быть глобальными и охватывать всю систему, а могут проявлять себя локально. Переход от приспособления к преобразованию культуры представляет собой культурную бифуркацию, разрушение одной традиции и возникновение новой. Напластования когнитивности возникают в результате работы многих поколений. Не существует «н е п р е р ы в н о г о» усложнения когнитивных конструкций, происходящего бесконфликтно, без конкурентного вытеснения когнитивных содержаний одного рода когнитивности содержаниями

другого рода. Только достаточно радикальное устранение малопродуктивных действий в состоянии подготовить сознание архаического человека к выходу на новый уровень когнитивности. Расчленение слитного образа предмета стало возможным благодаря идее перемещения качества с одного предмета на другой. Отрыв признака от носителя культивировал способность к абстракции». (208, с. 61) «Нельзя представить себе...процесс смены отдельных форм мышления и отдельных фаз его развития как чисто механический, где каждая новая фаза выступает тогда, когда предшествующая совершенно закончена и завершена. Картина развития оказывается много сложнее. Р а з л и ч н ы е г е н е т и ч е с к и е ф о р м ы с о с у щ е с т в у ю т, как в земной коре сосуществуют напластования самых различных геологических эпох». (47,с.204) Сдвиги когнитивности обусловлены коллизиями в сфере культуры.

В ходе мутаций и селекции происходит приспособление познавательных структур к реалиям жизни.(146, с.19-37) Эволюция тела следует за типологическими сдвигами в формах культуры, а не наоборот. «Ножницы» между скоростью культурной эволюции и скоростью биологической эволюции явно указывают на решающий вклад в формирование когнитивных способностей сформированного культурой образа жизни. Биологическое наследование функций за крайне длительные сроки сменяется биологическим наследованием структуры. Гармония биологической, социальной и культурной природы человека складывается в точке их совместного развития. (208, с. 64)

Движение любого человеческого сообщества связано с перестройкой мышления и деятельности. Источником всего нового является творчество. П.А. Флоренский, опираясь на религиозное понимание Космоса и мира, подчеркивал, что критерием творчества является привнесение себя в мир, а мира в себя, когда сам процесс становится реальностью. В равновесии

всеобщности и индивидуального начал – залог жизненности творчества. Культура трактовалась им как творческое восхождение от конкретного явления к всеобщему. (254, с.с.63-164; 344)

Главной темой в понимании творчества М.М. Бахтиным стала роль личностного и исторического начал в культуре. По Бахтину, субъект культуры - единственно активная формирующая энергия, данная не в психологически концентрированном сознании, а в устойчиво значимом культурном продукте, и активная реакция его дана в обусловленной его структуре образа, ритме обнаружения, в выборе смысловых моментов. В творчестве субъект выступает как целое через форму отношения к событию, через форму его переживания. В концепции культуры М.М. Бахтина общение направлено на взаимное понимание субъектов культуры. Активное самораскрытие их происходит благодаря эстетической деятельности.(15, с. 8-11)

Социокультурное творчество обеспечивает коммуникацию и развитие традиционной культуры. Новизна и оригинальность проявляются не столько в результатах творческого акта, сколько в новых подходах к решению творческих задач, в возможности реализации собственных потенций. Продукты народного творчества имеют объективную и личностно значимую ценность. Познавательный интерес выступает в сочетании с какой-либо реальной человеческой потребностью. Традиции позволяют сохранять социокультурные образцы, особенно, когда дело касается жизненно важных событий. Совершенно очевидно, что всякое творчество есть отклонение от существующих норм и его следует оценивать с точки зрения позитивности, общественной значимости.

В истории мирового фольклора выделяют два основных типа: «архаический» и «классический», соотношение которых представлено постадиально. (172,с.3-7) Разделением послужил факт изобретения

письменности. Переход архаики к классической фольклорной традиции повлек за собой смену культурной парадигмы. Это вызвало отход от старых идей и способов социального действия, их обновление и повторное введение в социокультурное пространство. В процессе культурогенеза элементы культурных систем прошлого под влиянием определенных факторов востребовались, актуализировались и переводились в активное состояние. Бесписьменные формы продолжают и сегодня занимать свои ниши внутри письменных культур, тесно взаимодействуя друг с другом.

В этнокультурной парадигме осуществляется преодоление разрыва между природой человека и социумом, процессами индивидуализации и социализации. Эти базовые процессы включают многообразные формы символического опосредования. Главным здесь выступают способы взаимоотношения с миром. Этнокультурный мир служит для человека средством развития этнической индивидуальности. Во все времена обыденное сознание служило питательной средой для мифов, которые являются одним из способов мировоззренческой адаптации к социальным реалиям. Проблема состояла в том, чтобы воспринять новые ценности, диктуемые временем.

В архаическом обществе фольклор был неотделим от многообразных видов человеческой деятельности. Его связь с практикой обнаруживается в заклинаниях и заговорах, в календарных и семейных обрядах и праздниках. Танцы, песни, резьба по дереву, глиняная скульптура - все это имело для первобытного человека мистическое значение и лишь спустя время стало осознаваться как эстетическая ценность. «Возникновение самостоятельного словесного искусства знаменует собою, очевидно, завершение процесса становления эстетического сознания. Словесное искусство рождается как отражение эстетических эмоций и мысли, а значит, как первое их действительно самостоятельное и обобщенное выражение... На этой стадии

развития искусство отделяется от материального производства в особый вид духовной деятельности. Именно в этих условиях начинает создаваться устно-поэтическое творчество как таковое, перерастающее из односложных восклицаний первобытной песни и отдельных магических заклинаний в определенную устойчивую поэтическую традицию. С этого момента только и можно говорить о фольклоре в собственном смысле этого слова».(68, с.38)

Со временем внутри фольклора стало выкристаллизовываться искусство профессиональных мастеров. Позже оно приобрело самостоятельные формы существования. Отпочковавшись от фольклора, профессиональное искусство всегда стремилось к оригинальности каждого творческого акта, в то время как фольклорные произведения развивались и совершенствовались в рамках установившихся традиций.

Возникновение промышленного производства, рост городов способствовали зарождению городского фольклора. Оба направления - крестьянский и городской фольклор - были и остаются художественным творчеством народа, народным искусством.

С распространением письменной культуры качественно изменились взаимоотношения фольклора и профессионального искусства. Возникнув намного раньше элитарного искусства, фольклор накопил огромный опыт, которым пользовались и пользуются профессиональные мастера. В свою очередь, профессиональное искусство существенным образом повлияло на традиционную культуру. Получили распространение фольклорные произведения литературного происхождения; процессы фольклоризации коснулись театра, декоративно-прикладного искусства, хореографии.

В России в XIX столетии творчество народных масс именовали «народной словесностью», «устной словесностью», «народной поэзией». «Сознание всех младенчествующих народов, прежде всего, выражается в поэзии,... на какой бы низкой степени цивилизации и образования ни

стояли». (16,с.85) «Они поэтически выражают и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее их жизни (предание), и свои космогонические и религиозные понятия (мифы, гимны и т.п.). О таком народе, или племени, можно сказать, что они имеют с л о в е с н о с т ь». (16, с.86) В песнях, былинах, частушках словесные элементы долгое время рассматривались вне связи с музыкой, хореографией и театральным действием.

В советской фольклористике в 20-х годах XX века широко утвердилась позиция, достаточно убедительно обоснованная Ю.М. Соколовым. Ученый утверждал, что фольклор нельзя сводить только к понятию словесной поэзии, так как оно не покрывает собою всего круга явлений, которыми приходится оперировать фольклористам. Невозможно разграничивать факты словесного творчества от других способов художественного выражения (жест, мимика, пляска, напев и т.д.) Народное творчество неразрывно связано с другими проявлениями психической деятельности.(234,с.21-28)

После прошедшего в 1930 году XVI съезда ВКП (б) развернулась широкомасштабная борьба с буржуазной идеологией и «пережитками прошлого», к которым отнесли и народную культуру. Разногласия проявились по поводу сути термина «фольклор». Следуя идеологическим установкам партии, ряд ученых стали трактовать фольклор как сумму реликтовых явлений в культуре.(88, с.198)

Ю.М. Соколов резко выступил против этой точки зрения, однако, под давлением политики «сверху» вынужден был отказаться от своих взглядов. Все три последующие десятилетия в советской фольклористике господствовало определение фольклора как устного народного творчества. Название «устное» разграничивало фольклор и письменную литературу. В такой трактовке за рамками понятия оказались музыкальный фольклор,

народная хореография, фольклорный театр, декоративно-прикладное искусство. Устность рассматривалась как единственный критерий фольклорности.

Вопрос о границах понятия и объективных признаках фольклора был пересмотрен лишь в 60-х годах. Весь комплекс практической и духовной деятельности народа В.Е. Гусев предложил называть фольклором, разделив его на две группы:

- эстетически оформленные предметы, выполненные из природных материалов в виде украшений, предметов домашнего обихода, резьбы, литья, вышивки, кружева;

- продукты деятельности, выраженные в форме верований, танца, игры на музыкальных инструментах, пения, рассказа и др.

В качестве основополагающего свойства народного искусства выступает синкретичность, означающая связь слова, музыки, танца и драматического действия в сложных фольклорных жанрах.(66, с.73)

Исследуя природу фольклора, необходимо обратить внимание на его связь с трудом. Образно воссоздавая эпизоды охоты, сбора растительной пищи, народные песни, пляски, пантомимы, игры содержали в себе сакрально-магический смысл, придавали ритмичность трудовым операциям. Существенную роль в становлении и развитии производственных праздников и обрядов играла импровизация, которая возникала как живой отклик на события, взволновавшие как все сообщество, так и отдельных его представителей. Импровизационный материал подвергался проверке временем. Некоторые элементы отбрасывались, другие закреплялись. Так постепенно фольклор совершенствовался, организуя и эмоционально обогащая процессы человеческой жизнедеятельности. Часть произведений фольклора, выйдя за рамки обрядовой культуры, со временем утратила магическое значение и стала жить самостоятельной жизнью.

Непосредственное отношение к трудовой деятельности имеют декоративно-прикладные виды народного творчества, выступающие «в наглядно - вещественной форме как результат и продукт самой трудовой деятельности».(66,с.77;34,с.7-10) Эстетическая значимость предметов культуры тесно связана с их материальной ценностью, но она вторична по отношению к утилитарному назначению вещей.

Фольклор является продуктом духовного творчества народа, отражением его мировоззрения. Важная его черта - творческое переосмысление, создание художественных образов, сюжетов, нередко далеких от реальной жизни.

Необходимо отметить такую особенность фольклора как его жизнеспособность. В трансформированном виде архаические верования, ритуалы, произведения народного искусства сохранились до наших дней. Там, где культурное наследие частично или полностью утрачено, воссоздание ранних форм фольклора возможно методом реконструкции. Являясь образно-художественным воспроизведением реальной действительности, фольклор содержит в себе ценнейшую информацию о социокультурных системах прошлого.

Важное свойство фольклора - персонификация традиции. Во все времена лучшие мастера, запевалы, танцоры, рассказчики, обладающие творческими качествами режиссеров, организаторов и воспитателей отбирают и включают в фольклорные произведения наиболее ценные импровизационные решения, благодаря чему фольклор несет на себе отпечаток личных представлений и переживаний.

Живя вне сцены и зрителей, фольклор создает равные условия для всех. Демократизм, активное творческое начало присуще практически всем фольклорным жанрам.

Сравнивая народное творчество с литературой и профессиональным искусством, можно обнаружить в них как общее, так и особенное. Например, эпические, лирические и драматические жанры есть и в фольклоре, и в литературе. В то же время обрядовая поэзия, заговоры, пословицы, поговорки, частушки, анекдоты, хороводные песни являются продуктом творчества только непрофессионалов. Специфичен поэтический язык, композиционный строй и художественный стиль фольклорных произведений. Такие средства как психологический параллелизм, ступенчатое строение и сужение образа, симметрия, двоичность и троичность частей встречаются только в фольклоре. Отличие состоит и в том, что художественные произведения литературы и искусства имеют авторов и их авторство охраняется законом, в то время как фольклор анонимен. «В области словесности нет знаменитых имен, потому что автор словесности - всегда народ. Никто не знает, кто сложил его простые и наивные песни, в которых безыскусственно и ярко отразилась внутренняя и внешняя жизнь юного народа или племени». «Литература образует собою отдельную и самостоятельную область умственной деятельности, существование и права которой признаются всем обществом. Литература всегда опирается на публичность, получает свое утверждение от общественного мнения». (16, с.89) В фольклоре всякий человек, исходя из собственных представлений и полагаясь на свой вкус, вправе изменить текст. Стимулом к развитию фольклорного произведения может быть неудовлетворенность сюжетом, ординарность напева или хореографического рисунка. Сотворчество непрофессионалов позволяет произведениям народного искусства постоянно изменяться.

В отличие от литературных произведений в словесном фольклоре действие разворачивается последовательно, каждый эпизод подготавливается предыдущим. Пройдя путь от начала к высшей точке, сюжет подходит к логическому концу, герои достигают цели, конфликт

исчерпывается. В ходе разворачивающихся событий возможно неоднократное повторение ситуаций с различными вариациями. В центре фольклорного произведения непременно образ главного героя. Его отношения с другими действующими лицами определяют тон повествования: в историческом предании он героический, в балладе - трагический, в шуточной песне - комический. В народной лирике под образом главного героя подразумевается тот, кто исполняет песню.

Среди фольклорных средств выражения следует выделить гиперболу - намеренное преувеличение в описании исторических событий и качеств людей. Для эпических жанров характерна идеализация положительных героев. Другим типом иносказания служит метафора, которая предстает в форме слитного сравнения и предусматривает употребление слов в переносном значении - перенесение на объект признаков другого в силу их сходства. В метафоре нет полного замещения одного предмета другим, скорее слияние их в одном с сохранением свойств обоих предметов. Метафора, как художественный прием, входит в состав символа. Символ не тождественен аллегории, в которой есть «идейная образность вещи, сама вещь или предмет, а также их взаимное отождествление».(147,с.380) А. Ф. Лосев отмечал, что в аллегории отнесение идейно-образной стороны к изображаемой предметности не есть отношение тождества, как в символе. Образная сторона ее представляет только художественную иллюстрацию к идее. Она может быть научной или общественно-литературной. Таким образом, аллегория в отличие от символа не есть замена, а только способ иллюстрации идеи. Вместе с тем, эти два понятия нельзя рассматривать в отдельности. Символическая ситуация в фольклоре может приобрести аллегорическое значение и служить пояснением идейного содержания произведения.

Большую роль в трансформации фольклора играет временной фактор. Чем больше вглубь веков уходят корни фольклора, тем большие изменения происходят в нем. Так, некоторые свадебные и календарные песни со временем стали народной лирикой, полностью утратив связь с обрядами. Наиболее интенсивно изменения протекают при ломке жизненных укладов, под воздействием новой идеологии. Старое пересматривается, возникают новые представления. Преобразования в фольклоре приводят к появлению разновидностей внутри жанров и даже новых жанров. В одних случаях произведения отличаются лишь в деталях, в других новообразования столь существенны, что следует говорить об оригинальных продуктах художественного творчества. Исторический метод дает возможность лучше понять и объяснить хронологическую последовательность единичных, культурных событий и явлений.

Формальный процесс охватывает культурные явления во вневременном, структурном и функциональном аспектах. Формой культурного процесса выступает способ его осуществления. Исторический и формально-функциональный процессы имеют дело с одной фазой действительности. (249, с.561-568) Предпримем попытку охарактеризовать основные функции фольклора, как непрофессиональной, художественной деятельности народа.

Являясь ценнейшим источником знаний о национальной истории, человеческих чувствах и переживаниях, фольклор выполняет г н о с е о л о г и ч е с к у ю функцию. В произведениях народного искусства в художественной форме отразились чаяния о счастливой доле, повседневные радости и заботы народа. Большое значение в развитии познавательных интересов подрастающего поколения во все времена играл детский фольклор, сохранивший представления о национальном укладе жизни и системе народного мышления. Говоря о детских песенках, Н. И. Костомаров указывал на следы в них фольклора взрослых.(120,с.185-190) Напевая

колыбельные, мать помогала ребенку накапливать чувственные впечатления, осмысленно воспринимать слова, знакомиться с предметами окружающего мира. Познавательная функция детского фольклора обусловлена несложной ритмикой напевов, красочностью и динамичностью поэтических текстов, образностью лексики. Роль старших заключалась в том, чтобы сохранять, поддерживать традиционный фольклор и передавать его молодым. Первичная социализация ребенка происходила в семье и имела цель приобщить его к культурному наследию, создать условия для овладения нравственными нормами и эстетическими оценками. Усвоив основы традиционной культуры, подрастающее поколение адаптировалось затем к культурной жизни в половозрастных группах вне дома. Детям и молодежи всегда были свойственны повышенная эмоциональность, физическая подвижность, эстетическая и интеллектуальная восприимчивость. Свободное время заполнялось забавами и развлечениями, совершенствованием духовных сил.

На протяжении всей человеческой истории фольклор служил средством воспитания не только его создателей, но и зрителей, слушателей. Благодаря активной деятельности положительные моменты воспитательного воздействия закрепляются наиболее прочно. Художественная ценность исполнительского репертуара - необходимый фактор в формировании художественного вкуса, эстетических и нравственных воззрений. Огромным воспитательным потенциалом обладают народные праздники и обряды, оказывающие сильное эмоционально-образное воздействие на личность. Театрализация превращает их в воспитательный акт, который, говоря словами А.В. Луначарского, «действует не рассуждением, а живым показом жизни в образах».(151,с.230) Праздник обеспечивает широкую самодеятельность, способствует активному самовыражению, дает возможность опробовать

себя в самых разных ролях в коллективных шествиях, плясках, игровых и церемониальных действиях.

В казачьих семьях мать почиталась наравне с отцом. В отсутствии мужа на службе она заменяла главу семьи. От выносливости казачки, от ее навыков и умения хозяйничать, зависели благополучие и порядок в семье. Для патриархальной семьи характерным было безропотное подчинение старшим по возрасту и социальному положению. Народная мораль порицала тех, кто не оказывал должного внимания и помощи престарелым родителям. В фольклоре зафиксированы нормы нравственности в отношении старших, готовность к любым невзгодам и испытаниям.(169,с.43) Семья создавалась для продолжения рода и расценивалась как нравственное достижение супругов.(168, с.151) Строго соблюдался обычай целомудрия девушек. «Нечестность» невесты общественным мнением безоговорочно осуждалась.

Единство членов общины проявлялось в совместном выполнении хозяйственных и общественных работ. В казачьих семьях все обязаны были по мере сил трудиться. Народная мораль осуждала ленивых и восхваляла тех, кто своим трудом добивался достатка. Труд создавал условия для передачи жизненного опыта детям. Сложившаяся в ходе многовековой истории народная педагогика, нашла отражения в народных песнях, пословицах, поговорках, преданиях, сказках, обычаях и обрядах.

Одна из важнейших функций фольклора - г у м а н и с т и ч е с к а я. Общее понятие гуманизма включает систему идей, отстаивающих высшую ценность человеческой личности. Гуманизм исходит из того, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и счастье, на развитие и реализацию своих способностей. Нормами взаимоотношений между людьми являются принципы равенства, справедливости и человеколюбия.

Важнейшим этапом в культурном развитии человечества был переход от кровной мести к правилу: не делать того, чего не хочешь себе. Христианство обогатило и развило человеческую мораль, уравнив всех перед Богом, невзирая на национальность и общественное положение. Н.А. Бердяев писал, что человечность – одна из характерных русских черт. «Лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника. У них нет западного культа холодной справедливости. Человек для них выше принципа собственности, и это определяет русскую социальную мораль». (17, с.76)

Сострадание к терпящим нужду, калекам, униженным и оскорбленным составляли основу культурного архетипа казачества. В среде простых кубанцев принято было оказывать «помочи» многодетным семьям и вдовам во время неурожая, при пожарах и наводнениях. Особо заботились о сиротах. Сельская община следила за тем, чтобы опекуны ни в чем не стесняли их. Помощь сироте расценивались выше, чем поклонение Богу: «Не строй храм, пристрой сироту», - говорили кубанцы. Нормативным образцом служили те, кто почитал ратный труд как высшую ценность. Стремление к материальному достатку не означало применения насилия. Наоборот, личный труд, бережливость, умение обеспечивать семью собственными усилиями – таковы были ценностные ориентиры казачества. В целом, с окружающими людьми старались поддерживать добрые отношения. Человеколюбием проникнуты духовные стихи, притчи, легенды о Божьем Суде, святых и грешниках.

Гуманизм не потерял своей актуальности и сейчас, поскольку существуют природные и социальные катаклизмы, потеря близких людей и одиночество. Развитие и укрепление практических форм гуманизма характеризует общий уровень культуры общества.

К гуманистической тесно примыкает функция т р а н с л я ц и и социально-культурного опыта. В этом смысле фольклор является социальной и культурной памятью народа, обеспечивающей историческую и культурную преемственность.

Человек патриархального общества был тесно связан с сельской общиной. Дети проводили досуг не только со сверстниками, но и с взрослыми. Освоение песенного репертуара происходило сначала в семье, затем на улице. Матери обучали дочерей женским работам: вышивке, ткацкому ремеслу, вязанию. Мальчики перенимали от отцов навыки изготовления и орнаментовки предметов казачьего снаряжения, участвовали в мужских состязаниях. Главные события жизни: рождение ребенка, свадьба, похороны, календарные и храмовые праздники отмечались в родственных и общинных компаниях. В процессе совместного времяпровождения усваивались и совершенствовались культурные навыки.

Большинство фольклорных произведений имеют прямое отношение к коллективному досугу. Творческие и коммуникативные установки максимально реализовывались в коллективных песнях и плясках, в народном лицедействе, представлявших собой синтез различных знаковых систем: язык, жесты, мимика, пантомима, музыка, цвет.

Одна из э с т е т и ч е с к и х функций фольклора - эпическая. Создавая «эстетическую реальность», фольклор пробуждает и формирует художественные задатки. Эпизация предполагает наличие фантазии, преувеличение «эпического героизма», хронологическую несовместимость, произвольное удаление и приближение событий. Эпизация исторической личности заключается в превращении исторического героя в эпический образ. Общеизвестное имя героя может перемещаться из одного повествования в другое с последовательным нарастанием тем вокруг постоянного ядра.(69,с.39-48) Исполнение народной музыки, танцев,

кукольных представлений и инсценировок рассчитано на зрительное и слуховое восприятие. В равной мере это относится к народной прозе, когда говорят об искусстве сказителя. Именно по этой причине фольклор называют искусством народа, народным творчеством.

С е м и о т и ч е с к а я функция фольклора. Ч.Пирс писал: «Каждая мысль есть знак».(266,с.265) Это же свойство присуще и человеческим эмоциям. «Все, что представляет для нас хоть малейший интерес, вызывают особую, пусть даже незначительную эмоцию. Эта эмоция является знаком и предикатом вещи».(266,с.265) Художественное творчество неотделимо от человеческих мыслей и переживаний, а потому представляет собой знаковое явление. Эта идея получила развитие в трудах советского психолога С.В. Выготского. Он отмечал, что «основной и самой общей деятельностью человека, отличающей его от животного, с психологической стороны, является сигнификация, то есть создание и употребление знаков».(49,с.111) Эстетический знак з а м е щ а е т явления и идеи.(266,с.266) В народном искусстве символы – это «образное выражение нравственных идей посредством некоторых предметов физической природы, причем этим предметам придается более или менее определенное духовное свойство».(121,с.65) В качестве онтологической основы культуры символы могут проектировать и организовывать жизнь человека, обеспечивать существование и воспроизводство культуры, согласие и социальный контроль. По мысли П.А. Флоренского, символ есть субстанциональное тождество метафизического и физического. (254, с.344) Сущность культуры раскрывается в нахождении, описании и типологизации символов, в воссоздании оптимальных условий их функционирования.

Анализируя первобытные ритуалы, тотемы, мифы, как особого рода знаковые системы, К. Леви-Строс выявил общие схемы и множественность культурных форм.(138) Выдвинутая им идея «нового гуманизма», не знает

сословных и расовых ограничений. Ключевое место в его творчестве занимает мифология. Неслучайно ученого называют основателем структурной типологии мифа как важнейшей части структурной антропологии.

Фольклор – сложная знаковая система, позволяющая накапливать, поддерживать и передавать культурный опыт. Знаками служат слова, мелодии, жесты, цветовая гамма, выразительные телодвижения, художественные образы, животные и растения. У каждого этноса своя символика. Знаки имеют лексическую, семантическую и прагматическую природу.(58;59) Всякий ритуал, орнамент или обрядовый атрибут можно рассматривать как текст, который поддается прочтению, переводу и интерпретации.

Механизмом обозначения культурно-смыслового значения выступает архетип (от греческого слова «первообраз»). Термин закрепился в культурологии благодаря исследованиям швейцарского ученого К.Г. Юнга. (296) «Коллективное бессознательное» проявляется в тяготении людей к массовым зрелищам, к определенным формам мышления и поведения, отражается в суевериях, магии, колдовстве. Представления об архетипах исходят из архаических мифов, которые служат источником информации о том, как обобщался практический и социальный опыт этноса, каким было художественное творчество. «При мифическом способе мышления образ считается объективным и потому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого». (198,с.243) «Отсюда происходит старинное верование..., что одно произнесенное слово само по себе может произвести то явление, с которым оно связано».(198,с. 206)

Суть архетипических представлений составляют амбивалентные понятия, выступающие в качестве антиподов. К таковым относятся жизнь –

смерть, любовь – ненависть, правый – левый, старый – новый и др. На каждом полюсе архетип приобретает положительное или отрицательное значение. В свете современных представлений, амбивалентные архетипы в условиях той или иной культурной среды поочередно трансмутируют в поляризованные символы.

Символическая образность особенно свойственна народной лирике, в других песенных жанрах: исторических, походных песнях, балладах не встречается. С помощью символов замещаются истинные герои фольклорных произведений. В любовных песнях душевное состояние раскрывается благодаря таким символическим предметам, как барвинок или цветы василька. Широкое распространение имеют символы, заменяющие качество. Сухое дерево, опавшие цветы, например, связаны со значением горестных переживаний об утраченной любви. Символы небесных светил содержатся в колядках, щедровках, свадебных величальных песнях. Земля – знак богатства, изобилия и местопребывание умерших предков. Ветер, имеющий эпитеты буйный или тихий, приносит известие о смерти, вызывает грусть, развеивает тоску. Символ девственности, строгости нравов, разлуки и одиночества служат растения мята, шалфей, фиалка. Им приписывается охранительная сила. Хмель – образ ветреного молодца, в свадебных песнях символ пиршества. Вишня, калина, тополь – женские символы. В величальных песнях знаком семейного счастья служит виноград.

В славянской мифологии образ кукушки (зозули) согласуется с древними представлениями о превращении языческого божества в птицу, убить которую считалось тяжким грехом. Кукушка – прорицательница добра и зла. В песенном фольклоре выступает символом матери, невесты или замужней женщины. Знак парной любви – голуби. Разговор влюбленных сопоставляется с голубиным воркованьем. Из домашних животных в

кубанском фольклоре предпочтение отдают коню - верному другу и товарищу казака. Во множестве вариантов бытует песня о казаке, просящем коня известить о его смерти жену и родителей.

Г е д о н и с т и ч е с к а я функция. Отражая природу в произведениях фольклора, человек открывал для себя ее эстетическую ценность, учился понимать самого себя. Природа стала воспитательницей духовности человека. Ритм природы, ее красота, преломляясь в произведениях народного искусства, находили живой отклик в человеческих душах. Фольклор пробуждал чувства и эмоции, доставлял радость и эстетическое наслаждение. Художественное творчество вносило поэзию в обыденность, меняло умонастроения, заражало энергией, поощряло воображение.

К о м м у н и к а т и в н а я функция фольклора обеспечивает общение человека со всеми формами внешнего и внутреннего мира с помощью словесных, поведенческих, эмоциональных и интеллектуальных реакций. В общении усваиваются культурные стереотипы. Как когнитивные убеждения, стереотипы содержат в себе позитивные оценки.

Близким и вместе с тем отличным от стереотипа понятием является предрассудок, в котором выражена антипатия. Предрассудок предстает на вербальном уровне или на уровне ощущений. Предрассудки представляют собой отрицательную или даже враждебную оценку и трудно поддаются коррекции.

Как и стереотипы, предрассудки передаются от поколения к поколению, от человека к человеку, поддерживаются обычаями и традициями и имеют форму нормативных заповедей. Формирование предрассудков связывают с потребностью определить свое положение по отношению к другим людям, событиям, когда возникает необходимость подчеркнуть собственное превосходство. В основе такого отношения лежат культурные, этнические, социально-экономические, идеологические, этические факторы.

Предрассудки оказывают существенное влияние на коммуникативные процессы между представителями разных культур.

Большинство фольклорных произведений имеют прямое отношение к общению. Связь живых и мертвых четко прослеживается в сиротских песнях, погребальных и поминальных обрядах, в заговорной поэзии. Общение максимально реализуется в коллективной пении и плясках, в ролевых играх и народном лицедействе.

В той или иной форме межличностные контакты возникают между всеми членами человеческого сообщества, но не с одинаковой интенсивностью. Чаще всего они устанавливаются внутри возрастного слоя, сплавляя его. Парентальные связи объединяют родителей и детей. Межпоколенные коммуникации слабее горизонтальных по причине возрастного и социального неравенства членов организации. Восходящие и нисходящие связи между поколениями придают сообществу иерархичность.

Совокупность способов поведения, способствующих установлению процесса общения, есть культура общения. Она предполагает выбор слов, интонаций, особую жестикуляцию, мимику. В одних ситуациях способы общения принимаются людьми, в других отвергаются. Для поведения человека определенное значение имеет этикет - правила внешнего проявления отношения к людям. Смысл этикета в оказании благожелательного отношения к окружающим. Общение можно считать оптимальным лишь тогда, когда достижение цели сопровождается позитивными изменениями в психологическом облике людей.

Во взаимоотношениях личности и культурной среды можно выделить три аспекта: в первую очередь, индивид усваивает культуру, являясь объектом культурного воздействия; во-вторых, функционирует в культурной среде как носитель и передатчик культурных ценностей; в-

третьих, создает культурные ценности, будучи субъектом культурного творчества.(90, с.12-21)

Общение, включенное в игровую ситуацию, благотворно влияет на поведение и психологический облик индивидуумов. Замеченные другими качества расцветают, достигают блеска, которого никогда не достигли, если бы оставались неизвестными для окружающих. Неформальный характер общения, коллективное пение, игры, танцы помогают людям с болезненным и неустойчивым самосознанием преодолевать свои слабости, повышать активность. Люди, общение с которыми сопровождается положительными эмоциями, вызывают желание общаться вновь и вновь. Сенсорный «голод», эмоциональное напряжение создают предпосылки для возникновения неуверенности и дискомфорта.

На культуру общения воздействуют и такие факторы, как биологическая наследственная программа и индивидуальный опыт, усваиваемый на протяжении всей жизни.(141,с.50-56) Благодаря непосредственному контакту больших групп людей вступает в силу механизм заражения. В процессе неформального общения эмоциональное воздействие многократно увеличивается, что особенно ярко проявляется во время массовых гуляний и праздников. Заражение происходит посредством слова, музыки, мимики, движений (танец, театральное действие).

Своеобразным фактором социализации является подражание, представляющее собой попытку индивида воспроизвести в своих манерах и поступках такие черты, которые делают его похожим на образец, идеал. По народным представлениям образцом для подражания могут быть те, кого отличают душевная мягкость, деликатность, терпимость. Произведения фольклора оказывают неоценимую помощь в формировании умения понимать других людей и чутко относиться к окружающим. Фольклор

выступает средством общения не только отдельных личностей, но и целых народов.

Р е к р е а т и в н а я функция фольклора. При выборе досуга немаловажную роль во все времена играли пол и возраст. От них зависел способ включения в те или иные группы. Возможности досуга реализовывались сначала в детских компаниях. Усвоение культурных ценностей развивалось по линии интереса. Эмоциональные связи служили каналами, по которым поступала культурная информация. При этом активизировались психические механизмы: подражание, внушение, идентификация.

Отдыхом и развлечением служили хоровое пение, музицирование, ролевые игры, пляски. В долгие зимние вечера рассказывали сказки, предания, легенды, загадывали загадки. На святках колядовали, щедровали, разыгрывали сценки. На Масленицу джигитовали, соревнуясь в ловкости и удалстве. Весной и летом водили хороводы, осень была периодом свадеб. Чередование труда и отдыха придавало жизни размеренность, вносило разнообразие, создавало благоприятную эмоциональную атмосферу.

Фольклор выполняет **о р г а н и з у ю щ у ю** функцию. Под марши и пение легче печатать строевой шаг. Ритмически регулируемые звуки духовых и ударных инструментов создают эмоциональный настрой, поднимают боевой дух, усиливают коллективные чувства. Массовым исполнением отличаются традиционные свадьбы, шествия, праздничные гулянья. Под пение в прошлом выполняли женские зимние работы. Ансамблевым исполнением сопровождается домашний досуг. Одни жанры фольклора имеют узкую область применения, сферы распространения других достаточно обширны.

В условиях политической и экономической нестабильности фольклор способен осуществлять функцию **с о ц и а л ь н о й и н т е г р а ц и и**. Для

успешной приспособляемости требуются образцы подражания. Общество стремится к формированию идеальных образов групп и личностей, которым следует подражать. Культивирование идеалов усиливает фольклор. В наилучшем виде такие образцы выполняют свою культурную функцию тогда, когда отвечают ожиданиям людей. Обычаи и традиции, преломляясь в конкретной микросреде, формируют представления о ценном и ненужном, о добре и зле. Представления закрепляются в поведении. Для возникновения новых позитивных форм поведения необходимо выйти за пределы установившихся стереотипов. Распространение идей, поведенческих актов делает их достоянием человеческого сообщества.

Процесс социализации в целом согласуется с известной моделью потребностей личности, качественно различающихся между собой и образующих иерархию. Низшие потребности обеспечивают физическое выживание человека – это потребность в пище, в крове, безопасности. К социальным потребностям относится принадлежность к социальной группе. Высший уровень потребностей составляют потребности в престиже, в признании и реализации способностей. Без удовлетворения потребностей низшего порядка невозможен переход на новую, более высокую ступень. Человек способен одновременно реализовать несколько потребностей. Потребности служат основой человеческого поведения и движущей силой в развитии индивида.

В истории бывало не раз, когда общество в силу слабой интеграции его членов, общественных групп и субкультур, оказывалось в критическом положении. Потребность в интеграции и организации, столь необходимая для выживания людей, относится к наиболее универсальным человеческим потребностям. Фольклор позволяет обеспечить порядок и равновесие, помогает обществу сохраниться. Он способен также снимать губительные для человека чувство страха, ощущение катастрофичности бытия и

агрессивность, формировать установку на позитивный способ действия.(107,с.62) В современном обществе традиционный фольклор может помочь в разрешении социальных противоречий, в сохранении единства и стабильности. Социальную функцию фольклора принято считать главной, стержневой.

Как справедливо отмечал В.Е. Гусев, ни одна из функций, взятая сама по себе, не может объяснить специфику фольклора. На разных этапах развития человеческого сообщества функции фольклора различны. Одни из них могут отмирать и появляться новые. В связи с этим, различают «прогрессирующие», «регрессирующие», «возвратные» (возобновление исчезнувшей функции в новых условиях), «мерцающие» функции (действие их периодически прерывается и вновь появляется). В зависимости от условий некоторые функции проявляются в качестве «ведущих», другие «подчиненных». В пределах социума, половозрастных групп следует учитывать «уровень функциональности» и «ареал функциональности». (64, с.182)

Важное теоретическое и прикладное значение имеет классификация фольклора в целом и отдельных его жанров. Общепринятым считается разделение фольклора на три рода: эпос, лирику и драму.(16, с.5-66) К эпическому роду относят произведение фольклора, где типизация культурных явлений и объектов реальности преобладает над отношением к ним. Лирика обращена к чувствам и переживаниям личности или группы лиц. Раскрытие внутреннего состояния людей на фоне разворачивающегося игрового действия составляет основу драматических произведений. Деление на роды условно, так как в отдельных произведениях возможно наличие нескольких родовых признаков одновременно.

В отечественной фольклористике единицей классификации служит жанр. Существует множество формулировок этого понятия. Нам

представляется наиболее полным следующее определение: жанр - это группа произведений, общность которых объективно определяется той областью действительности, на которую направлено художественное познание, сходным характером идейной проблематики, а также своим назначением. Эта общность выражается в большем или меньшем сходстве принципов и средств типизации, композиционного строения и стилистических средств.(65,с.12) Фольклорный жанр содержит в себе совокупность еще более мелких частиц. В.Е. Гусев назвал такие частицы видом. К эпическим жанрам относятся сказки, былины, исторические песни, легенды, предания, духовные стихи, притчи. Каждый из них имеет свои разновидности. Былины, например, подразделяются на героические, сказочные и новеллистические, причитания - на похоронные, свадебные и лирические песни-плачи.

В основу классификации фольклора может быть положен такой признак, как исторические границы явления. Истоки архаических форм народного творчества уходят в дохристианскую эпоху. Представления о мифических существах, наделенных сверхъестественными способностями, запечатлены в рассказах о русалках, домовых, «заложных» покойниках, привидениях, заклятых кладах, ведьмах, оборотнях. Название «быличка» говорит о том, что в такие рассказы верили. К языческим временам восходят календарные обряды и обрядовый фольклор, погребальные обряды и плачи. Циклы новогодних, масленичных, троицких и купальских песен, обладающие идейной и поэтической общностью, имеют разное содержание, форму и исполняются в разные календарные периоды. Хореография скоморохов, вобравшая в себя антропоморфные и зооморфные представления первобытных людей, также имеет древнее происхождение. Упоминания о ряженых, выступавших певцами, музыкантами, сказителями, встречались уже в «Повести временных лет» и «Поучении о казнях

Божиих». Архаичными являются свадебные песни и пляски с переодеванием. Сложный комплекс со следами ритуала представляли хороводы, состоявшие из «круговых» плясок (движение по кругу) и «ходовых» (в шеренгах навстречу друг другу). Заклинания, клятвы (божбы), мифы, гимны использовались во время шествий, на молебнах и поклонениях. Поэтическое слово и ритуал в бесписьменном обществе имели сакральный смысл.

Христианская культура породила специфический жанр фольклора - духовные стихи - эпические произведения на религиозные темы, исполнявшиеся бродячими певцами на ярмарках и у ворот монастырей, а также колядовщиками во время зимних святок. Пели духовные стихи и во время церковных постов. В основу стихов положены книжные повести. Все они обладали определенным историческим содержанием и художественными достоинствами. Православие породило христианские легенды об Адаме и Еве, Иисусе Христе, Иуде, о святом Николае Чудотворце. Христианские мифы и символы стали своеобразной знаковой системой, в которой оформились не только сложные богословские конструкции, но и обыденные элементы.(103,с.103)

К XVI-XVIII векам относится зарождение эпических песен, испытавших на себе влияние былин. Исторические песни черноморских и донских казаков, переселившихся на Кубань, сохранили память о вождях казачьей вольницы П. Дорошенко, П. Сагайдачном, И. Некрасове, С. Разине, о русских полководцах А. Суворове, М.Платове. Уже в начале боевых действий на Северном Кавказе в казачьих подразделениях стали создаваться песни о событиях Кавказской войны. Среди эпических жанров важное место занимала баллада, раскрывающая мир человеческих страстей, окрашенных трагическими тонами. Наиболее развитый сюжет баллад - убийство невинной женщины близкими ей людьми.

XVII и XVIII века - время расцвета фольклорного театра. Выступления кукольников, вожаков медведей, музыкантов и балагуров были непременной частью праздничных увеселений. Центром и душой сценического искусства стал балаган. В фольклорных спектаклях господствовала народная сатира: высмеивались помещики, чиновники, франты. Одновременно получила развитие сценическая хореография и музыкальное исполнительство, сложившиеся на подлинно народных традициях, идущих от древних скоморохов - первых интерпретаторов и исполнителей народной музыки и плясок.

На ранних ступенях человеческого общества исполнение фольклорных произведений было обусловлено верой в особую силу слова, действия и поэтического образа. По мере трансформации архаических представлений все более значимую роль стал играть бытовой уклад, сложившиеся нормы повседневной жизни. Из быта черпались фольклорные мотивы, сюжеты, образы и поэтический язык. Бытовой тематикой наполнены малые фольклорные жанры, народная проза, фольклорный театр, народная лирика. В обрядовом фольклоре на смену заклинательным формулам пришли бытовые мотивы.

На более поздней «классической» стадии развития художественного мышления в результате влияния книжной письменности и городского фольклора появились частушки и литературные «переделки» с характерным строфическим строением. В свое время Д.К. Зеленин отмечал, что в жанре частушки наблюдается начало дифференциации поэзии и музыки. До XIX века эти два искусства были слиты в народной песне. (92, с.2-3; 116)

На рубеже XIX-XX веков постепенно угасает жанр исторической песни, песни чумаков и ямщиков. Несколько позже стали исчезать из сферы активного бытования отдельные жанры детского фольклора и обрядовая поэзия.

Современный фольклор включает живую часть культурного наследия, которая «будучи основанной, актуализированной или связанной с устойчивыми элементами народной жизни, органически существует в повседневном быту народных масс, удовлетворяет их духовные запросы».(63,с.299)

Традиционный фольклор представляет собой открытую разножанровую и разновидную систему и, одновременно, как подсистему бытия. В каждом его сегменте обнаруживаются общие и специфические признаки. Системное рассмотрение внутреннего устройства и функционирования фольклора имеет три измерения: человеческое, процессуальное и предметное. Это предполагает выявление необходимых составляющих каждого звена.

Народные песни, танцы, музыка, драматическое действие, ремесла несут на себе не только отпечаток архаической и христианской культуры, но и черты нового, современного. Аутентичный фольклор граничит сегодня с другими культурными пластами – профессиональным искусством, любительством, художественной самодеятельностью. На их стыке образуются новые социокультурные явления. Важной проблемой исторической культурологии оказывается исследование культурогенеза, процессов распространения культурных форм, что позволяет выявить периоды в соприкосновении и трансформации автономных субкультур. Проблема взаимовлияния культурных систем приобретает в современном мире особую актуальность. В связи с этим, попытаемся проследить логику становления и развития традиционного фольклора и его вторичных форм в среде восточнославянского населения Кубани, начиная с конца XV111 века и до сегодняшнего времени.

1.2 ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ФОЛЬКЛОРЕ

Знания, верования и культурно-исторический опыт, передающиеся от поколения к поколению путем устной коммуникации, обозначаются как традиция. Мнемонические возможности традиции позволяют фольклорным текстам сохраняться достаточно длительное время. Следует учитывать и то, что фольклорный текст в каждом конкретном случае создается исполнителем как бы заново и потому новый вариант не тождественен предшествующему варианту. Варьирование необходимо для постоянного обновления и продолжения фольклорной традиции. Каждое поколение, получая в наследство традиционные образцы в виде идей, обычаев, обрядов и т.д., не просто воспринимает и усваивает, а по-своему интерпретирует их. Те элементы социокультурного наследия, которые вызывают негативную реакцию общества, социальных групп или отдельных личностей, традиционно отвергаются.

Важная составляющая историко-культурологического анализа – выявление установки на традиционность. В фольклоре следование стандартам вполне осознаваемо. Оба качества фольклора – неизменность и вариативность – находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

С древнейших эпох фольклорные традиции устно передавались от одного поколения к другому; вне традиций фольклор не существует. По словам В. Г. Белинского «всякое отдельное народное произведение было обязано одному лицу, которое с горя или с радости, вдруг запело его; но, во-первых, это лицо, сочинивши, или, говоря его собственным языком, с л о ж и в ш и песню, само не знало, что оно поэт;... во-вторых, песня, переходя из уст в уста, претерпела много изменений, то прибавляясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствия или отсутствия поэтического чувства у певших ее. Если у народа нет письмен - его

поэтические произведения по необходимости хранятся в народной памяти и изустно передаются из поколения к поколению; если у народа есть письмена - его поэтические произведения опять - таки хранятся в памяти и живут в устах народа... Какие бы ни были причины этого явления, но автором русской народной поэзии является сам русский народ, а не отдельные лица». (16, с.331)

На устойчивость фольклорных традиций указывал и русский демократ Н.А. Добролюбов. «Разбирая внимательно наши песни, сказки и пр., - отмечал он, - нельзя не заметить, что в них народ создал себе некоторый особенный способ выражения, которого придерживается более или менее неизменно и постоянно. Здесь находим мы обороты и фразы как бы условные, всегда одинаково употребляющиеся в данном случае из рода в род, по всей обширной Руси переходят заветные формы, и в отношении к ним твердо держится русский народ пословицы, что «из песни слова не выкинешь».(75,с. 522)

Один из самых устойчивых в русской народной поэзии образ креста, перекрестка. Это знак судьбы, предначертаний, отчасти выбора жизненного пути. На распутье прощались с теми, кто отправлялся в дорогу, и ждали возвращения домой. С перекрестком связаны надежды, размышления, опасения. В фольклорных произведениях образ пути - дороги символизирует судьбу героя. Мифологема судьбы выражена знаками триединой дороги и надписи на придорожном камне или столбе.(127,с.32-44) На перекрестках читались заговоры на исцеление больного. Образ креста присутствует в мифологических рассказах, балладах, песнях, частушках. Устойчивые словесные формулы почти дословно повторяются в сказках. В фольклоре в отличие от литературных произведений более устойчивы и способы композиции.

Сложившиеся фольклорные традиции рано или поздно претерпевают изменения. Старые видоизменяются или исчезают, их место занимают новые. Но старое не уходит бесследно, оно частично сохраняется в новых образованиях. Формирование, развитие, а затем разрушение традиций - процесс динамичный и нескончаемый. «Сущность феномена «современность» состоит, однако, не только в настоящей реализации прямых и обратных связей между прошлым, настоящим и будущим, не только в механическом перемещении, в количественном росте и убавлении, но всегда в качественных метаморфозах и эволюциях, в качественной трансформации явлений и (что особенно важно подчеркнуть) управляющих ими законов... Оказавшись прошедшим (сначала недавнем, потом далеким), настоящее постепенно или резко меняет свои функции, но не перестает функционировать, вступая в новые для себя отношения, обнаруживая новые свойства. Прошедшее... образует основу для существования и развития традиций, и эти традиции всегда активны по отношению к «новой современности».(93,с.28-29) Преломляясь сквозь призму современности, фольклор позволяет по-иному воспринимать и оценивать прошлое, настоящее и будущее. Развитие фольклора происходит по трем основным направлениям:

- наследование, живое бытование некоторых традиционных жанров;
- обновление, актуализация произведений фольклора;
- область новообразований.(63,с.317)

Творческое начало в народном искусстве органично связано с исполнением. Большое значение для совершенствования традиций имеет импровизация. Бурная реакция зрителей и слушателей невольно заставляет исполнителей на ходу импровизировать. Подобные ситуации нередко возникают во время розыгрыша ряженых, в кукольных представлениях, в диалоге частушечников, импровизации присущи

талантливым сказочникам. Менее всего творческой переработке поддается обрядовый фольклор.

Различают принудительную и преднамеренную импровизации.(20, с.398) В первом случае импровизация возникает тогда, когда певец, забыв мелодию, создает свою или изменяет словесный текст. Исполнители сталкиваются с такой ситуацией при исполнении, например, величальных песен или похоронных причитаний. К принудительной импровизации прибегают во время пения трудовых песен или аккомпанемента. Для ансамблевого взаимодействия необходимо, чтобы музыкант подстраивался к исполнителю, определял нужный темп и ритмическую сетку наигрыша. В диалоге исполнителей решающая роль принадлежит танцору и певцу. Исполнитель может преднамеренно использовать собственный или заимствованный из другого произведения музыкальный напев, создать комбинацию из нескольких сюжетов. Неподготовленная импровизация часто возникает во время исполнения обрядов, однако и здесь участники его стремятся не выходить за рамки существующих традиций.

Одна из фундаментальных проблем в отечественной фольклористике - коллективность творческого процесса. Справедливо замечание В. Е. Гусева, который указывал на необходимость изучения явления исходя из психологии носителей и творцов художественных ценностей. Игнорирование специфических законов психологии коллективного творчества оказывается зачастую причиной отождествления фольклора, литературы и творчества композиторов.(66,с.165-176)

Творчество того или иного человека всегда носит общественный характер, объективно отражая интересы, взгляды, вкусы, идеалы отдельных социальных групп, но в этой деятельности они преломляются через индивидуальное восприятие. В коллективном творчестве на первый план выступают коллективные эмоции. Традиция возникает благодаря

приложению сил одаренных личностей, чья творческая индивидуальность подчинена ранее выработанным традициям.

В настоящее время в науке прочно утвердилась концепция о диалектическом единстве индивидуального и коллективного начал в фольклоре. Коллективность воспринимается не как авторство или способ первичного создания произведения, его первоосновы (словесного текста, игры персонажей, музыки), а как постоянный процесс совершенствования и приспособления. Понимание коллективности связывается и с характером отражения мироощущения человека как части этноса.(106,с.147)

Несмотря на многократную переработку, фольклорные произведения несут на себе отпечаток личности их создателей. Если окружающие усваивают фольклор, то постепенно он закрепляется традицией. Что касается новаций, то они могут быть незначительными, а могут привести к изменению структуры, идеи или жанра фольклорного произведения. В виду постоянной трансформации народного искусства его бытие в каждую историческую эпоху специфично. Творческий процесс в фольклоре бесконечен. Традиции есть результат и выражение коллективного созидания, способ сохранения культурного наследия.

Соотношение общего и индивидуального в отдельных фольклорных жанрах неодинаково. В массовых плясках и хоровых песнях, в некоторых обрядовых жанрах главным признаком выступает коллективная составляющая. В сольном пении велика роль личной импровизации. «Народный певец не просто исполняет песню, а, по существу, сиюминутно создает ее. Но при всей свободе творческого самовыражения и музыкальной фантазии он создает свой вариант лишь в рамках местной певческой традиции... Традиция для народного певца - закон, строгое ограничение, обязанность. Поэтому, научиться искусству народной певческой импровизации можно, лишь познав и глубоко почувствовав все особенности

местной песенной традиции. А этого возможно добиться только в результате длительных, живых, творческих контактов с их носителями».(189,с.8)

Наиболее устойчивы традиции в обрядовом фольклоре. Порядок исполнения, например, похоронно-поминальных обрядов сохраняется на протяжении длительного периода истории. Искусство импровизации присуще частушечникам, танцорам, участникам театрализованных представлений. Несмотря на огромное значение традиции в народном искусстве, творческое начало в нем превалирует. В литературе и профессиональном искусстве не допускается плагиат. В фольклоре наоборот предполагается заимствование и опора на традиции тех, кто создал в этой области ранее.

Среди фольклористов нет единого мнения в отношении перспектив существования коллективности творчества в фольклоре. Одни утверждают, что это свойство характерно для древних форм творчества. В современном фольклоре возрастает роль личной позиции, собственного взгляда. Отсюда вывод, что с развитием общества коллективные формы художественного творчества исчезнут.(3,с.21-24)

Нам представляется весьма убедительной позиция В. Е. Гусева, который считал, что в бесписьменном обществе коллективность отражала общность мышления всех членов рода и была недифференцированной. Разделение труда привело к дифференциации мужского и женского репертуара. В результате смены матриархата патриархатом появились новые фольклорные жанры, подверглись переосмыслению укоренившиеся сюжеты и образы. Условия жизни первобытного человека наложили на коллективность творчества определенные ограничения: созидание осуществлялось в пределах рода, было локальным. По мере развития родственных и племенных коллективов локальные формы и традиции

вступили во взаимодействие. Из этого следует, что в первобытном обществе коллективность проявлялась на уровне автономных форм, фольклор имел местный характер. В эпоху феодализма традиционное мировоззрение и художественные образы пересматривались с позиций классов и сословий. Каждая социальная группа в процессе коллективного творчества создавала свои традиции. С появлением классов зародилось профессиональное искусство. Но носителями и создателями фольклора по-прежнему оставались представители низших слоев общества, крестьянство. В феодальном обществе коллективность приобрела региональный характер. Сложились традиции трех восточнославянских народов - русских, украинцев и белорусов. (66,с.195-213)

Специфика этносов наиболее полно отражена в народных праздниках, обрядах, в художественных ремеслах, песнях, танцах, традиционном этикете, народной педагогике, в национальных развлечениях. Каждый народ в процессе своего исторического развития выработал свои самобытные культурные ценности. Совокупность культурных особенностей этноса получила название «этнической традиции». Традиции складывались в определенных исторических условиях и связаны были с конкретными социальными, экономическими и природными факторами. В известной мере они сохранялись и тогда, когда функции их изменялись.

На Кубани этнокультурные различия проявлялись достаточно отчетливо в первые десятилетия колонизации края. По мнению авторитетного ученого-этнографа Н.И. Бондаря, процесс межэтнической и культурной диффузии начался примерно полвека спустя после начала колонизации края и затронул, в первую очередь язык, песенный и танцевальный фольклор, и в меньшей степени обрядовую субкультуру.(23,с.59)

Отдельные фольклорные явления не получили развития в новых условиях и со временем вышли из обихода. Современному поколению они известны благодаря записям фольклористов прошлого. К таковым следует отнести этиологические рассказы, хороводы, народные пляски, песни с былинными мотивами. Не последнюю роль в трансформации произведений народного искусства сыграли профессиональные мастера. Обработки специалистов заглушают скромность звучание фольклора. «Народ воспринимает его не как свое, близкое, а как явление большого искусства. Отдавая профессиональному искусству свои мелодии и песни, народное творчество далеко не всегда может получить их обратно и даже просто сохранить в прежнем виде. Изощренная разработка их художником разрушает ту «грузную, глубинную песнь-праматерь», которая робко замолкает перед мастерством профессионала».(276,с.119-120)

Стремительной трансформации фольклора в XX веке способствовало внедрение городских стандартов в сельский быт и культуру. Благодаря моде на городские песни и танцы в среде сельской молодежи стали популярны кадрили, польки, жестокий романс. Из хоровода выкристаллизовалась импровизированная пляска. Живучими оказались те фольклорные жанры, которые не дублировали профессиональное искусство.

Важная составляющая традиции - историческая память народа, способная вызывать общие эмоциональные переживания. Не будучи статичным явлением, она непрерывно развивается, отражая сложный и противоречивый характер общественного прогресса. Л.Н. Гумилев отмечал, что в критические, переломные периоды истории динамичность и действенность этноса особенно велика.(60-61) В истории Кубани такими важными периодами были начало заселения края, Кавказская война, русско-турецкая война 1877- 1878 годов, походы в Закавказье, Персию, революция и гражданская война, годы борьбы с фашистскими захватчиками. Все эти

события вызвали живой эмоциональный отклик и зафиксированы в традиционном фольклоре.

Изменение хозяйственно-бытового уклада сельских жителей за годы советской власти, влияние профессионального искусства и средств массовой информации привели к разрушению системы традиционного фольклора. Стремление вернуть в народный быт старые обычаи, песни, танцы, оказалось не всегда возможным. В XX веке усилилась тенденция к возникновению общенациональных форм языка, унификации народной культуры. Одна из причин этого явления - смена механизма передачи традиций. Прямые и живые контакты людей уступили место опосредованным: радио, телевидение, печатная продукция. Все большее влияние оказывает международный туризм, организация фестивалей международного уровня. В ситуациях межкультурного контакта меняется и восприятие. Н.К.Иконникова пишет: «Нулевой этап» связан с предварительным ознакомлением и формированием первых представлений о новой культуре. Начальная фаза получила название «медового месяца», когда знакомство с культурными достижениями рождает прилив оптимизма, приподнятое настроение, уверенность в успешном взаимодействии.

Следующий этап контакта характеризуется как «культурный шок», возникающий в сфере эмоций. Важную роль здесь играют такие факторы, как неприятие обычаев, стиля поведения и духовных ценностей другого народа. Культурный шок носит временной характер. В третьей фазе формируется реалистическая оценка ситуации, возникает адекватное понимание культурного явления, однако не исключается возможность полного отторжения культурных феноменов.(97,с.26-34)

За годы советской власти традиционная основа фольклора была существенно подорвана. Процесс возрождения культурных традиций начался с народных ремесел. Очаги декоративно-прикладного творчества

сохранились в Мостовском, Лабинском и Отрадненском районах. В станицах Надежной, Спокойной в прошлом бытовали гончарное производство и обработка дерева. У жителей Баговской, Попутной, Ахметовской, Каладжинской, Отрадной, города Лабинска сохранились прялки, ткацкие станки, резные блюда и ложки, иконы с деревянными окладами, орнаментированными объемными изображениями.(118,с.56) Музыкальное наследие сохраняется благодаря самодеятельным и профессиональным коллективам, получая всестороннюю поддержку региональных и федеральных органов культуры.

В современных условиях появились новые формы коллективного освоения культурного опыта: сценические варианты традиционной свадьбы, календарных обрядов и внеобрядового фольклора. В таком виде фольклорные произведения приобретают новую жизнь, но уже не в быту, а на сценических площадках. Реакция на прошлое вызвана возрождением кубанского казачества и его самобытной культуры. Это дает надежду на сохранение духовных традиций, сложившихся за более чем столетнюю историю. Постижение и осмысление прошлого является одним из решающих факторов приобщения человека к духовной жизни.

1.3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

В результате победы в войне с Турцией (1768-1774 годов) возникла острая необходимость в защите южных рубежей России. В 1777 году между Азовом и Моздоком возводится Кавказская линия укреплений с размещенными вдоль нее регулярными войсками. Для обеспечения политического и экономического превосходства России на Северном Кавказе край решено было заселить. С 1792 года началась колонизация отвоеванных земель.

Обширные территории от Таманского полуострова и правому берегу реки Кубани до впадения в нее Лабы отвели Черноморскому казачьему войску, состоявшему из части Запорожского войска и представителей различных слоев населения Украины. Среди переселенцев были болгары, поляки, татары, греки, евреи, немцы, турки. Три года спустя их насчитывалось уже около 25 тыс. человек. Из них 30% составляли бывшие запорожцы, 40% - «охотники» из числа свободных людей, служивших с казаками в Турецкую войну, остальные - неорганизованные переселенцы. Большая часть мигрантов прибыла из Екатеринославского, Киевского, Черниговского, Харьковского, Новгород-Северского и других наместничеств.(291, т.1, с.с.458;280;50-53;69-70;192;421;425) Восточная часть края заселялась донскими казаками и переселенцами из южнорусских губерний.

Государство, заинтересованное в увеличении численности казачьих войск на южных рубежах Российского государства, искусственно стимулировало этногенез казачества. Оказывание представителям разных этносов осуществлялось посредством приобщения их к военной организации, быту и традиционной культуре казачества.

В Черномории большую часть населения составляли этнические украинцы. В станицах и хуторах, расположенных на Старой линии в восточной части Кубанской области, национальный состав оказался неоднородным. Наряду с русскоязычным населением здесь проживали выходцы с Украины, но украинцев было значительно меньше, чем русских.

Там, где селились черноморские казаки, формировались диалекты с украинской основой, в линейных станицах, а позже и в Закубанье сложились южнорусские говоры. Любопытно, что в отдельных станицах первоначально складывались и мирно существовали разные диалекты.

Представители той или иной этнической группы, живя обособленно в «кутах», стремились к сохранению своих языковых традиций.

В процессе взаимовлияния и взаимопроникновения говоры со временем приобретали специфические местные черты.(213,с.37-48) Украинцы, жившие в непосредственной близости с русскими, осваивали русскую речь, русские овладевали украинскими диалектами.(5,с.237) В немалой степени этому способствовало армейская служба. Командование войсками, делопроизводство в армии и на местах велись на русском языке. В армейских подразделениях популярными были полковые песни, исполняемые на марше или во время отдыха. В такой обстановке музыкальный репертуар и разговорный язык усваивались быстрее. К началу XX века в предгорной зоне, например, значительную часть населения составляли украинцы, однако украинская речь сохранялась преимущественно среди женщин. Мужчины, прошедшие армейскую службу, говорили по-русски. Особенно интенсивное влияние русского языка испытывали украинцы, оказавшиеся оторванными от разговорного языкового массива и жившие вперемешку с русскими.(130,с.37-54)

Относительная обособленность черноморцев и линейных казаков в первой половине XIX века предопределила географические границы распространения традиционного фольклора. В правобережье реки Кубани бытовал украинский фольклор, в восточных станицах с русскоязычным населением сложились специфические традиции южнорусской культуры. Этнокультурные традиции черноморцев и линейцев составляли мировоззренческие установки и стереотипы поведения, унаследованные от предшественников – этнических субстратов. Географический ареал составляли два относительных самостоятельных региона - восточный и западный. Западную часть пространства занимало Черноморское, восточную – Линейное войска. В 1860 г. Черномория и Линейное войско

слились воедино и стали называться Кубанским казачьим войском. Зародилось самосознание и самоназвание - кубанские казаки. (23, с.59)

Складывающийся казачий субэтнос в социальном и культурном отношении был разнороден. «Сирома» унаследовала идеологию запорожского рыцарства с его демократическим гуманизмом, безбрачным образом существования и военной доблестью. Прагматическая часть казачества ориентировалась на решение насущных проблем: обустройство новых территорий, налаживание хозяйства, воспитание детей, забота о стариках. Выделившаяся старшина – правящая элита – стремилась к успеху, общественному признанию и материальному благополучию.(136,с.126) Несмотря на различия в мировоззренческих устремлениях и стереотипах поведения, для всех слоев субэтноса был характерен высокий уровень пассионарности. Обладая мощным культуротворческим зарядом, пассионарии внедряли новые ценности, идеалы, культурные ориентации. Созидательная энергия находила применение в ломке и совершенствовании установившихся культурных канонов, в перемещении культурной доминанты на новые формы культурной жизни.

В результате синтеза различных этнических культур сложился самобытный, не похожий на другие социокультурный регион, простиравшийся от границ войска Донского на севере до войска Терского на юге. Процессам ассимиляции и консолидации в среде восточнославянского населения Кубани способствовали Православие, военный уклад, общий ландшафт, положительная комплиментарность малороссов и великороссов, их духовная и культурная близость.(136,с.124).

Местные фольклорные традиции складывались под влиянием природных факторов - теплого климата и открытой местности. Хороводы на Кубани водили практически круглый год. Голоса певцов слышались с большого расстояния и рассчитаны были на максимальную звучность.

Энергичная манера пения вызвана была в немалой степени полувоенным бытом казачьих станиц. Зимой во время святок молодежь, сбившись в «гурты», маршем ходила от дома к дому под оглушительные звуки самодельных оркестров. Неслучайно, многие лирические песни, бытующие на Кубани, звучат в походно-строевом ритме («Роспрягайтэ, хлопцы, конэй», «В саду гуляла, квиткы збирала» и др).

Поначалу в виду боевых действий с горцами казаки занимались земледелием от случая к случаю. По этой причине календарный обрядовый фольклор занимал незначительное место в культурной жизни переселенцев. В репертуаре доминировали исторические и походные песни. Местное значение приобрели песенные сюжеты о боевых действиях во время Кавказской войны (1800-1865г.г.), в Отечественной войне 1812 года, в Крымской кампании, в многочисленных войнах с Турцией. Фольклорные традиции складывались также под воздействием культуры народов Северного Кавказа, живших по соседству с казаками.

После отмены крепостного на Кубань устремились разорившиеся крестьяне, мещане, ремесленники, торговцы. Продолжилась миграция из южнорусских губерний и восточной части Украины. К концу XIX века на территории Кубанской области проживало более всего уроженцев Воронежской, Харьковской, Полтавской, Курской, Екатеринославской, Черниговской, Орловской, Таврической, Тамбовской губерний и Донской области. Все вместе они составляют 77,5 % населения Кубани.(130,с.22)

Культурному общению местного населения и вновь прибывающих переселенцев во многом способствовал традиционный фольклор. В черноморских станицах в обиход вошли русские народные песни. В Абинской, например, А.Д.Бигдай записал от казака Лазарева «Уж ты служба царская», «Ты винтовка друг мой верный», «Ты береза моя береза

кудрявая», в станице Пластуновской «Ой, во бору сосенка стоит зеленая», в Пашковской «Ой, по морю, морю синему».(187,с.с.115-116;127;311;323) Команда Псекупской больницы в Горячем Ключе, сформированная из черноморцев, исполняла песню во славу победы русской армии «Гей, а не тучи, не гром».(187,с.124) В станице Канеловской собиратель-фольклорист А.Кошиц зафиксировал солдатскую песню о графе Суворове.(191,с. 44) В Крыловской любимой черноморцами была строевая песня «Полно вам снежочки на талой воде лежать», в Староминской - об Отечественной войне 1812 года и разорении Москвы.(191,с.с.42-43;150-151)

О трансформации музыкального фольклора свидетельствуют записи сельского учителя Е.Передельского, сделанные им в Темижбекской в начале 80-х годов XIX столетия. Станица основана казаками Екатеринославского войска, прибывшего с Украины в начале века. Из 143 песенных текстов нет ни одного на украинском языке. Менее чем за восемь десятков лет украинцы приспособились к особенностям традиционной культуры окружающих их переселенцев из России и пели русские песни также легко, как и великороссы.(180,с.31-90) В линейных станицах, где преобладало русскоязычное население, бытовал украинский песенный фольклор, но не столь широко как в Черномории.

Русификации украинского населения во многом способствовало развитие системы школьного образования. Первая официальная школа открылась в Екатеринодаре десять лет спустя после начала заселения края. Через год она получила статус войскового училища, а затем гимназии. Вскоре было открыто еще три училища - на Тамани, в станицах Брюховецкой и Щербиновской. К концу 20-х годов XIX века в войске насчитывалось одиннадцать училищ, что было намного больше, чем в центральных губерниях России и даже в Донском войске. Войсковые стипендиаты учились в Новочеркасской и Харьковской гимназиях, в училищах и

университетах Санкт-Петербурга и Харькова.(291, т.2,с.762) К середине XIX века на Кубани были уже свои представители интеллигенции. С развитием школьного образования все большее влияние на обывденную речь стал оказывать литературный русский язык. Фольклорный репертуар кубанцев обогатился песнями литературного происхождения. Большой популярностью пользовались народные песенные варианты на стихи Т.Г.Шевченко, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.И.Глебова, Е.Гребенка,(В.М. Забилы, Я.И. Щеголева.(250,т.2, с.с.383;336;35,с.255)) В народном песенном фольклоре просторечие заменялось русской литературной лексикой. Экспансия русского языка вела к неустойчивости исторически сложившейся лексической основы фольклора черноморцев. К концу XIX века на фольклор кубанских станиц все большее влияние стала оказывать культура города. Казачьи традиции усваивало и иногороднее население.

После революции казаки, объявленные большевиками реакционным сословием, подверглись кровавым репрессиям. «Монолитное по языку и этническому самосознанию население степной зоны в течение нескольких десятилетий вынуждено было переметнуться к русским. Трудно не согласиться с тем, что смена этнического самоопределения жителей бывшей Черномории во многом была искусственной. Подавляющее большинство кубанцев считают себя русскими, но это результат, не столько этнических, сколько политических процессов».(203,с.68-71)

Унификация языка достаточно отчетливо просматривается при сравнении записей песенных текстов, сделанных с интервалом в целое столетие. В современных текстах диалектные слова постепенно «вымываются», уступая место литературным: «ничка – ночка», «порад – порадуй», «мушкэты – ружья», «квитки – цветы». Нередко образование в одной и той же песне так называемых параллельных рядов, состоящих из слов разных говоров: «отец - батько», «дружина – симья», «плачуть –

тужуть», «любить – кохають». Для украинских песен все более характерным становится сочетание местного говора и русского языка в форме близкой к литературной норме. Так, в песне «Як запоем с горя»(170,с.55), бытующей в одной из старейших кубанских станиц Васюринской, основанной черноморцами, украинские слова практически вытеснены литературным русским языком. В современном звучании песня почти не отличается от вариантов, известных в бывших линейных станицах Казанской, Некрасовской, Темиргоевской и Кирпильской. (187,с.с.22-23,139,319) Процессы сближения диалектной лексики с литературным языком заметны и в словесных жанрах фольклора. Все реже в народной прозе встречаются слова: «гроши», «коваль», «хлопец», «нэнько», «пивень», «вэссиля» и др.

Несмотря на усиливающиеся процессы унификации фольклора, по-прежнему существуют относительно замкнутые, локальные культурные явления, бытующие в пределах одной станицы или хутора. Как справедливо отмечает Н.И. Бондарь, расхождения иногда «бывают настолько разительными, что в первый момент произведение невозможно узнать. А при более тщательном знакомстве с песенно-музыкальными и танцевальными традициями той или иной станицы оказывается, что «культурное поле»... внутри нее также неоднородно. Практически каждый край и даже каждая улица дают свою, особенную трактовку исполняемым произведениям.» (307,с.2) Сложившиеся в XIX веке восточный и западный ареалы, сохраняются до сих пор, что легко обнаруживается при сравнении фольклорных записей последних лет. (189 -191)

В последние два десятилетия XX века миграционные процессы на Кубани вновь усилились. Увеличилось число лиц, прибывших из республик СНГ, в первую очередь, из Грузии, Армении и Азербайджана. Серьезные этнические, экономические и социальные проблемы возникли в связи с

переселением из Средней Азии курдов и турок-месхетинцев. Все это вызывает серьезную озабоченность у местных органов власти и специалистов-этнографов. И хотя славянская ветвь (восточная группа) по-прежнему наиболее многочисленна, ее культурная специфика размывается. Потомки кубанских казаков утратили ряд культурных и психологических признаков, присущих ранее их предкам и представляют, по сути, специфическую этнографическую группу русского этноса.(24, с.8-11)

К настоящему времени сегмент, занимаемый традиционным восточнославянским фольклором, в общей системе художественной культуры Кубани, по сравнению с прошлым уменьшился. Причины кроются в изменении жизненного уклада сельских и городских жителей, в процессах урбанизации, распространении массовой культуры. В условиях нарастания культурной и этнической интеграции различия на уровне обычаев и традиций нивелируются. Как реакция на эти процессы - возрождение этнического самосознания потомков кубанского казачества, стремление к духовным истокам своих предшественников.

1.4. СЦЕНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

В середине XIX века на Кубани стало зарождаться новое культурное явление - художественная любительская практика, ориентированная на академическое искусство. Инициатива по развитию любительства исходила от руководства войском и энтузиастов.

Первые любительские кружки свое начало взяли от традиций семейного музицирования в среде местной интеллигенции, офицерства, чиновничества, духовенства и представляли собой относительно устойчивые центры концертной жизни. В них нередко были талантливые, высокообразованные специалисты, для которых стимулом к общению с

публикой явились не экономические, а просветительские и педагогические задачи. Со временем любительство стало наиболее динамичной движущей силой в формировании и развитии музыкальной среды.(25, с.6-7;26)

Хоровое любительство в сельской местности развивалось на базе церковно-приходских школ. Хорами руководили лица духовного звания - священники, дьяконы, псаломщики, иногда монахи и монахини, реже учителя пения и общеобразовательных дисциплин. В станичных любительских хорах участвовали не только дети, но и взрослые. Полученные от концертной деятельности средства шли на благотворительные нужды - помощь сиротам, раненым, калекам и малоимущим. Стремясь усилить интерес к хоровому искусству, певчие и регенты включали в церковные песни бытовые интонации, близкие и понятные простому народу. Священнослужители остерегались накладывать жесткие запреты на нововведения, чтобы не лишиться притока любителей. Нередко использовались и материальные стимулы.

В гимназиях, реальных и епархиальных училищах, учительских и духовных семинариях, где обучались дети войсковых офицеров, духовенства, купечества и местной буржуазии, учителя пения имели более высокую квалификацию и занимались по углубленной программе. В Кубанском Александровском реальном училище, например, занятия хора проводились два раза в неделю. В начальных классах наряду с пением гамм и детских песен изучалась нотная грамота. В третьем и четвертом классах ученики исполняли церковные песнопения и светские хоровые произведения. Все классы обязательно выступали с концертными программами на праздничных вечерах. Хор был одним из лучших в Екатеринодаре. По окончании учебного года учащиеся выступили с обширной программой, в которой звучали сложные музыкальные сочинения

В.Беневского «Из-за леса, леса темного», «Интродукция» и «Славься» из оперы М.Глинки «Жизнь за царя».(82,с. 23-25)

В учительской семинарии и Мариинском женском училище программа была составлена таким образом, чтобы по окончании учебного заведения каждый выпускник мог преподавать пение в школе. Помимо игры на фортепиано учащиеся приобретали знания по церковной и светской хоровой музыке. В дни летних каникул в Кубанской учительской семинарии проводились съезды учителей, а с 1896 года - регентские курсы. Программа включала теорию, методику и практику работы со школьными хорами. Организационное руководство осуществлял известный в России музыкальный педагог А. Карасев.

В 1906 году на базе отделения Русского музыкального общества в Екатеринодаре открылось музыкальное училище. Студенты осваивали полный курс гармонии, сольфеджио, чтение партитур, хоровой класс, игру на скрипке и фортепиано. Позже в других городах и станицах Кубанской области стали действовать музыкальные курсы. Высокую профессиональную подготовку получали регенты и учителя пения в Синодальном училище и Придворной певческой капелле Санкт-Петербурга.

В конце XIX - начале XX веков на территории Кубанской области действовало более 20 просветительских обществ и кружков любителей музыки. В городе Ейске выпускником Санкт-Петербургской консерватории И. Бланковым при войсковой гимназии был создан симфонический оркестр. В 1876 году музыканты вместе с хором давали благотворительные концерты в помощь народам Балканского полуострова в борьбе с Турцией за национальную независимость. В программу выступления входили произведения Ф. Мендельсона, Л. Бетховена, Ф. Шопена, В. Моцарта, Г. Генделя, А.Даргомыжского и др. Духовые оркестры действовали в воинских частях, расквартированных на черноморском побережье и в Екатеринодаре.

В их исполнении звучали самые разные по жанру и степени сложности музыкальные произведения.

Большая роль в развитии певческих традиций принадлежала Войсковому хору, созданному в 1811 году при штабе Черноморского казачьего войска. Хор исполнял духовную и народную музыку, выступая с концертами перед широкой зрительской аудиторией. Ежегодно 1 октября в Екатеринодаре проходил праздник любительских хоров, на который съезжались певцы и музыканты со всей области. Среди произведений, составлявших репертуар, были обработки народных песен и сочинения, написанные для академического хора.

В 1911 году на торжества по случаю 100-летнего юбилея Войскового хора прибыло 366 выпускников из 129 станиц области. В концерте прозвучали юбилейная кантата Е. Эспозито на слова Г. Концевича по мотивам украинских народных песен, хоры из оперы «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова, произведения для духового и симфонического оркестров. В этот же день состоялся спектакль по пьесе Г. Доброскока на музыку Е. Эспозито «Козацьки прадиды». В нем приняли участие любители кружка драматического искусства, любительский женский хор, симфонический оркестр и Войсковой певческий хор. За свое столетнее существование хор «выпустил не одну тысячу вполне обученных певчих и музыкантов, которые возвратясь домой не оставили своего любимого дела, а продолжили его в станицах, собирая вокруг себя любителей». (299, с. 72)

В середине 90-х годов XIX века Российским правительством было принято решение о создании «Попечительств о народной трезвости». Среди средств, способных оградить народ от злоупотребления спиртными напитками, наряду с устройством дешевых столовых и чайных, открытием библиотек-читален, проведением лекций о вреде алкоголя названы были и

народные театры. В конце XIX века в городах и станицах Кубанской области открывались офицерские Собрания, в которых выступали местные любители и гастролирующие артисты. К участию в любительских спектаклях привлекались офицеры и низшие чины. Предпочтение отдавалось пьесам комедийного характера. С большим успехом шли спектакли по пьесе Дмитренко «Кум Мирошник или Сатана в бочке», Квитко-Основьяненко «Шельменко-денщик», Карпенко-Карого «Мартын Боруля», Кропивницкого «По ревизии». В 1898 году Екатеринодарским музыкально-драматическим кружком была поставлена музыкальная комедия по мотивам пьесы Я.Г. Кухаренко «Черноморский побит на Кубани между 1794-1796 роками», изобиловавшая народными афоризмами и песенными произведениями. В организации любительских спектаклей для населения активное участие принимали Екатеринодарское женское благотворительное общество и местная интеллигенция, получившая образование в крупных городах России. (113,с.106-107)

Проникновение в народный быт городской культуры ускорило процессы трансформации фольклора и превращение его в сценическое искусство. Свою новую жизнь фольклор обрел в концертном исполнении любителей и профессионалов. Изменился способ передачи фольклорных традиций: от непосредственного контакта (родители, дедушки, бабушки, улица) к опосредованной трансляции (письменные источники). Концертное исполнение фольклорных произведений, безусловно, обогатило художественную культуру Кубани, но вместе с тем, потеснило границы бытования аутентичного фольклора.

После революции, созданный на основе Войскового певческого хора Кубано-Черноморский государственный хор, был признан музыкальным культурно-просветительным учреждением. Программу концертов составили революционные и народные песни, а также оркестрово-хоровые сочинения

профессиональных композиторов. Хор выступал в театральных помещениях областного центра и на рабочих окраинах - Дубинке, Покровке, Кожевенных заводах. Свое существование прекратил в 1921 году.

В самодеятельном творчестве 1920-х годов господствующее положение заняли пограничные формы, в которых совмещалось образное отражение действительности с внехудожественным, митинговым самовыражением, отвечающим социальному заказу времени. Синтетизм в самодеятельном искусстве определялся необходимостью объединения всех имеющихся сил для осуществления агитационно-массовых акций.

Главными формами массового любительства стали пение революционных песен, инструментальное исполнительство и самодеятельный театр. В условиях дефицита культурного обслуживания художественная самодеятельность превратилась в средство пропаганды революционного искусства. Любительству последовательно придавался организованный характер. Рупором партии стали «синезеленки», выступления которых носили исключительно агитационный характер. Члены ячейки ВКП (б) и комсомольцы станицы Должанской Ейского района выпускали рукописный журнал «Октябрь» с частушками - агитками.(306,с.11)

Проблема создания революционного репертуара вызвала к жизни традиционный любительский способ переделки готового материала, более всего получившего распространение в песенном творчестве, где широко применялось написание новых «революционных» текстов к популярным напевам разного происхождения. Переделки представляли собой элемент компилятивно-бытового монтажа, основанного на компановке событий, сцен, картин, объединенных общей идеей. Установка на обслуживание политических кампаний вынуждала агитколлективы чередовать выступления ораторов с хоровым пением, игрой самодеятельных актеров,

звучанием революционных оркестров, разнохарактерным изооформлением. Новые формы приобрели ярко выраженную монтажную структуру. Массовое конструирование было вызвано дефицитом кадров и материальных ресурсов. (219,с.с.27-52)

Вместе с тем в быту продолжали сохраняться народное хоровое пение, традиционные обряды, игра на народных инструментах. Еще были живы исполнители, чье мастерство складывалось в пору активного бытования фольклора. Именно они создавали вокруг себя благоприятную культурную среду. Неофициальным фольклором оставались политические анекдоты, меткие изречения, частушки.(104,с.26) Острословы нашли применение своим талантам при расшифровке аббревиатур. Их общий лейтмотив - власть бесчеловечна и глупа, народ возвышается над нею и смеется над ее просчетами.

В середине 20-х годов Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О мерах воздействия на книжный рынок» и потребовало ликвидировать литературу, направленную против строительства социализма. Активистам на местах указали на необходимость контролировать репертуар в деревне, особенно, куплетный жанр.(100,с.с.48;227) Цензурировались периодическая и историческая печать, репертуар театров, кино и художественной самодеятельности. (309)

С целью искоренения «вредных» для молодой республики старых обычаев и обрядов в начале 30-х годов началось планомерное наступление на фольклор. Полемика разгорелась вокруг крестьянского хора М.Е. Пятницкого. В Москве и Ленинграде прошли теоретические дискуссии на тему: «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период».(257,с.256) Постановка проблемы связывалась с текущей политикой ВКП (б). XVI съезд партии (1930г.) признал политическое воздействие на народные массы недостаточным и потребовал развернуть

непримиримую борьбу с буржуазной идеологией и порожденным ею неверием в социалистическое строительство. Съезд указал на необходимость оживить культурно-просветительную деятельность на селе.(123, с.469)

22 июня 1931 года в Москве на пленуме литературного сектора Государственной академии искусств выступил ученый-фольклорист Ю.М.Соколов. В своем докладе он признал фольклор как одну из важнейших частей марксистско-ленинского литературоведения, подчеркнув, что устное творчество масс, остается в состоянии стихийности и большей частью лишено планомерного идеологического и художественного руководства. Необходимо покончить с этим индифферентным отношением к фольклору и в противовес старым дворянско-романтическим и буржуазно-народническим теориям, отстаивающим неприкосновенность народного творчества, положить предел стихийности, активно вмешиваться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мещанского характера, поддерживать ростки здоровой пролетарской и колхозной устной поэзии. Ативное вмешательство и руководство устным поэтическим творчеством может быть достигнуто мобилизацией всех современных средств идеологического воздействия. Идеологические и художественные требования, предъявляемые к литературе, должны быть применимы и к произведениям устной поэзии; все теоретические и методологические принципы марксистско-ленинского литературоведения обязательны и для советской фольклористики. Фольклор подобно художественной литературе является отражением и острым оружием классовой борьбы, агитации и пропаганды.(257, с.21-22) С этого времени литература и фольклор стали рассматриваться как идентичные

понятия, имеющие единую цель - бороться со всем, что мешает строительству коммунизма.

Испирированные властями выступления в печати и на радио имели губительные последствия для традиционного фольклора. В стране развернулась широкомасштабная кампания по борьбе с «пережитками прошлого» и политизации народного искусства. Под лозунгом «воспитания трудящихся масс» подавлялась общественная инициатива, в массовом сознании насаждалась нетерпимость к фольклорному наследию. Эти меры неизбежно вели к эрозии бытового уклада и перерождению фольклора.

Все последующее десятилетие прошло под знаком усиленной идеологизации культуры. В 1935 году в Москве открылся Всесоюзный Дом народного творчества (ДНТ) имени Н.К. Крупской, одним из направлений, работы которого стало руководство устно-поэтическим, танцевальным и музыкальным фольклором. Аналогичные учреждения функционировали в областных и краевых центрах. В 1938 году ДНТ учредили в Краснодаре. Партийные органы настоятельно указывали на то, что фольклористы не должны следовать установкам старой фольклористики, не допускавшей вмешательства в творчество народных мастеров. «Сказителям необходимо повседневное руководство, деловая помощь, деловая критика людей, заинтересованных в процветании советской литературы, а не бесстрастная регистрация, не бесплодное смакование всего, чтобы ни сказал сказитель».(257,с.158)

На проходившем в 1939 году в Москве слете мастеров советского фольклора было принято обращение, в котором говорилось: «Искореняйте пережитки старого времени, боритесь с поповской брехней.... В песнях, сказках славьте многострадальную жизнь нашего советского народа, восхваляйте всех знаменитых людей, тех, кто работает на заводах и колхозных полях не за страх, а за совесть - учеников великого русского

богатыря Стаханова. Пойте о славе нашей родимой земли, о силе ее оружия, о храбрости ее воинов. Мы, сказители, должны еще выше нести свое песенное слово, слагать новые легенды, песни, сказки, побывальщины, - на службу и на радость всему народу».(257,с.145) И далее: самостоятельное творчество следует осуществлять при неременном содействии собирателей, а литературные источники должны в дальнейшем перерабатываться профессионалами.

Одновременно с политическими и экономическими репрессиями развивалась мощная административная система управления культурой. Повсеместно создавались культурно - просветительные учреждения, ставшие опорными пунктами работы партии на селе. По состоянию на январь 1940 года на Кубани действовало 83 дома культуры, 598 изб - читален, 1739 колхозных клубов, 358 профсоюзных клубов, 695 библиотек наркомпроса, 1112 колхозных библиотек, 587 библиотек профсоюзов.(125,с.534) Очаги культуры размещали в экспроприированных домах ссыльных казаков, в церквях, на монастырских подворьях. В предвоенные годы в сельский быт целенаправленно внедрялись сценические формы, что неизбежно вело к имитации, измышлению и утрате народных традиций.

По заданию ЦК партии фольклористов командировали в колхозы для записи песен о счастливой советской действительности и героях нового времени. А поскольку таковых оказалось явно недостаточно, собиратели вынуждены были сами создавать произведения «под фольклор». В 30-х и 40-х годах профессиональные мастера сочинили немало «фольклорных» песен и частушек, воспевающих советский строй и счастливую жизнь при социализме. Псевдонародные творения не отвечали главному принципу фольклора - не входили в традицию. Начался планомерный процесс фальсификации народного искусства, который продолжался до середины

1960-х годов. Советская фольклористика громогласно отстаивала позицию, недопустимую в дореволюционной науке - о законности литературного сотрудничества собирателя и сказителя.

Чтобы решать свои политические задачи на селе, партия все же вынуждена была поддерживать фольклор. В 1938 году на Кубани прошла первая колхозно-совхозная олимпиада народного творчества, в которой участвовало 42 района. По окончании кампании Бюро крайкома партии указало на недостатки в работе отделов искусств и краевого дома народного творчества и обязало в последнем квартале того же года организовать постоянно действующие курсы с отрывом от производства по подготовке и переподготовке руководителей кружков из числа колхозников, рабочих МТС и совхозов. Для сбора и последующей переработки фольклора Бюро обязало оргкомитет Президиума Верховного Совета по Краснодарскому краю создать при крайисполкоме и Адыгоблисполкоме постоянно действующую фольклорную комиссию. Не допускались к постановке «идеологически не выдержанные» пьесы. (125,с.503) Советский режим полностью взял под свой контроль традиционный фольклор. Цензура строго определяла круг лояльных власти тем. Получали официальное признание лишь те произведения народного творчества, которые отвечали политике государства.

Переработка фольклора мастерами профессионального искусства производилась на Кубани до Великой Отечественной войны, но более всего активизировалась в послевоенный период. Из Москвы по заданию Союза композиторов РСФСР прибыл А.И. Мосолов, записавший в станицах и городах края 20 народных песен. Во вступительной части к сборнику композитор отметил, что мелодии он оставлял нетронутыми лишь в старинных народных песнях, шлифовавшихся народом в течение столетий и потому имеющих развитую линию и чеканную форму. Что же касается

современных народных песен, то сплошь и рядом при отличном начале мелодия в дальнейшем как бы теряла четкость очертаний, напевность и иногда оказывалась до конца «не распетой». «Порой мелодия современной песни настолько явно требовала дальнейшего развития, что мне удавалось еще при записи, помочь исполнителю расширить мелодическое дыхание песни. Чаще, однако, приходилось долго вслушиваться в мелодию, изучать ее, привыкать к ней как по своему сочинению, прежде чем решиться сделать какие-либо изменения. В ряде случаев... я подвергал редакции также и хоровые припевы песен.»(162,с.4) Практиковалось и редактирование стихов, о чем составитель сборника также указал в примечаниях. Например, старинная казачья песня «Ой, на горке, на горе крутой», известная и в других вариантах (187,с.361), изменилась настолько, что получила иное поэтическое звучание. Центральное место в сюжете занимает картина счастливой колхозной жизни.(306с.63) Аналогичной работой занимались кубанский композитор Г. Плотниченко и поэт В. Подкопаев. Все без исключения песни, созданные ими, прославляли колхозный «рай».(306,с.54)

Процесс идеологической обработки коснулся и обрядовых песен. Так, известная в станице Новопокровской троицкая песня после корректировки утратила свое ритуальное значение, став по сути песней социального звучания. (304, с.40)

Во времена тоталитарного режима настойчиво утверждалась идея, что «советское самодеятельное искусство, порожденное великой революцией и характерное для социалистического общества - явление качественно новое, отражающее эпоху народной жизни».(6,с.123) Такой постулат был необходим идеологам социализма для того, чтобы противопоставить новое культурное явление традиционному фольклору. В качестве доказательства использовались факты участия любителей искусства в политической борьбе. «Соединение любительского творчества с политической борьбой

обусловило формирование в нем важнейших черт, таких как жесткая организационная оформленность, служение идеологическим интересам определенного класса, институализация, подконтрольность вышестоящим организациям».(106,с.221) Последовательно разграничивались понятия «народное» и «самодеятельное». Самодеятельными считались только организованные формы творчества, ассоциировавшиеся с примитивным искусством. Поощрялись подражание и копирование профессиональных образцов. Вульгаризация понятий, ориентация на профессионализм способствовали обеднению и искажению сути явления.

В советскую эпоху художественная самодеятельность была не столько потребностью народных масс художественно осмыслить экономические, политические и культурные преобразования, сколько сферой целенаправленной политикой государства, формой специально организованного досуга, ориентированного на эстетические каноны профессионального искусства. Эта установка со временем вступила в противоречие с общественными потребностями. По мнению Е.И. Смирновой, начиная с 60-х годов темпы, роста числа кружков художественной самодеятельности и их участников замедлились. В зоне угасания оказалось большинство исполнительских жанров: народный хор, театральные коллективы, хореография, оркестры народных инструментов. В ситуации широкого распространения радио и телевидения самодеятельность не могла конкурировать с профессиональным искусством. Для того чтобы остаться «на плаву», руководители вынуждены были проводить отбор по способностям, а это сужало базу потенциальных участников. Ориентация любителей на профессионализм привела к утрате массовости. Не спасало положение и то, что для исполнительской самодеятельности говорили кадры в училищах и вузах культуры. Самодеятельные коллективы, добившиеся высокого уровня мастерства благодаря интенсивному тренингу,

приобретали статус профессионалов. (Так случилось, например, с ансамблем «Кубань» города Усть-Лабинска.) Большинство культурологов склонялись к мысли, что сокращение исполнительских жанров художественной самодеятельности есть объективный процесс. Свое лидерское положение они получили на ранних этапах социализма, в условиях дефицита художественного обслуживания, когда художественная самодеятельность и профессиональное искусство сообща выполняли функцию культурного обслуживания. Слабые в исполнительском отношении самодеятельные коллективы все более вытеснялись коллективами высокого профессионального класса.(231,с.80-103)

Возникшее еще в середине XIX века любительство, ориентированное на фольклор, донныне составляет часть художественной культуры региона. Живущее вне уклада его породившего и без непосредственной связи с исконным производственно-психологическим базисом, это явление есть фольклоризм. (67,с.7-13). Самодеятельные фольклорные коллективы отличаются друг от друга степенью следования фольклорным традициям. Более всего связь с аутентичным фольклором сохраняли те из них, которые объединяют людей старшего возраста. В детских и молодежных ансамблях участники обучаются навыкам ансамблевого пения, знакомятся с лексическими особенностями народных песен. Выбор того или иного произведения зависит от уровня исполнительского мастерства коллектива и специальной подготовки руководителей. Такая самодеятельность нацелена не на точное воспроизведение фольклора, а на его переработку и осовременивание. Обучение и сценическое воплощение фольклора происходит по законам академического искусства. Выступления на клубной сцене требуют режиссуры, что существенно влияют на манеру исполнения и внешний облик артистов. Попадая в иные пространственные и временные

рамки, фольклор неизбежно трансформируются, изменяется связь с традициями прошлого, утрачивается местная специфика.

В последние годы на научно-практических конференциях регионального и федерального уровней нередко звучала мысль о падении престижности художественной самодеятельности, исчезновении художественных ремесел. Причины этих негативных процессов специалисты видят в отрыве самодеятельности от этнографической точности iscенируемого фольклорного материала и ориентации на академическое искусство.

На профессиональной сцене фольклоризм представлен такими коллективами как Кубанский академический казачий хор, «Казачья вольница», оркестр народных инструментов «Виртуозы Кубани», «Крыныця», «Кубанцы». В профессиональной среде идут активные поиски соединения кубанского фольклора с различными музыкальными жанрами и стилями. Так, в ансамбле «Казачья вольница» исполняются джазовые композиции казачьих песен. По мнению главного хормейстера ансамбля Е.Г. Перминовой, «обращение к необычным гармониям, к технически сложному полифоническому развитию и виртуозным вокальным пассажам дает мощный импульс творческому росту артистов. А в результате - более глубокое и многомерное понимание фольклора в его аутентичных формах, причем как у артистов, так и у слушателей».(181,с.97) Над сценической эстрадной интерпретацией народных образцов искусства работает руководитель ансамбля «Криница» В.Н. Капаев. Приспосабливаются к вкусам современной зрительской аудитории сценические варианты народных танцев, исполняемых студенческим ансамблем Краснодарского государственного университета культуры и искусств «Калына».

Творческие поиски и новые решения обусловлены объективными факторами. Организаторы конкурсов исполнителей регионального и

Всероссийского уровня в номинации «фольклорный ансамбль» требует от руководителей аранжировки и исполнения народных песен и танцев с применением современных средств выразительности, и включают такие произведения в обязательную программу. Если раньше руководители, обращаясь к фольклору, стремились сохранить в сценических формах максимум региональной специфики, то в последнее время этот тип фольклоризма уступает место более сложному, в котором присутствуют элементы национальных культур других народов. Обработки народных произведений приводят к неизбежному разрушению фольклора, делая его неузнаваемым и нежизнеспособным.

Фольклоризм в профессиональных формах коммерциализирован. Профессиональные коллективы гастролируют по странам ближнего и дальнего зарубежья, выступают в различных регионах России. Творчество их во многом определяется кассовыми сборами и это обстоятельство играет не последнюю роль в приспособлении концертных программ к зрительскому восприятию. Исполняется не все, а лишь то, что сценично, что нравится зрителям.

Коммерциализация в последние годы проникла и в самодеятельность. В силу недостаточности финансирования учреждений культуры, любители вынуждены сами зарабатывать средства на нужды коллектива. Практика самофинансирования превращает любительство в дополнительную работу.

Самостоятельное направление в фольклоризме - самодеятельность, ориентированная на художественно-прикладную деятельность - вышивку, лепку, ковку, резьбу и роспись по дереву, плетение из лозы и камыша. Одни предметы имеют эстетическое значение и рассматриваются как украшение, другие служат утилитарным целям. В настоящее время художественными ремеслами занимаются большей частью мастера, получившие специальную подготовку. Программа их обучения строится с учетом локальных

особенностей и традиций других местностей. Заимствование обогащает творчество мастеров народного декоративно-прикладного искусства, но, вместе с тем, неминуемо ведет к утрате местного колорита.

Еще одна форма фольклоризма - музеи, сохраняющие образцы народного искусства. Богатейшие коллекции предметов, утративших связь с бытом и носителями культурных традиций, содержатся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике имени Е.Д. Фелицына - преемнике Войскового этнографического и естественно-исторического музея, основанного в 1879 году. Хранилищами предметов старины (орудий труда, казачьей формы, оружия, фотографий, дневников) стали историко-краеведческие музеи в городах и районах края.

Трансформации фольклора способствует массовая репродукция в виде популярных изданий произведений народного искусства, музыкальных и текстовых обработок, рекламы, радио- и телепередач, фольклорно-этнографических документальных фильмов. Этноинтегрирующее воздействие оказывает туризм и паломничество к культурным памятникам.

Итак, подводя итог, заметим, что в первые десятилетия колонизации края переселенцы стремились к воссозданию привычной для них культурной среды со всеми присущими ей характеристиками. Замкнутость быта ограничивала адаптацию восточнославянского населения к новым условиям.

Возможности социокультурного развития расширились за счет смешанных браков, межличностного общения на службе и в быту. Толерантность в отношении людей других национальностей, проявлявшаяся в помощи и поддержке в трудных жизненных ситуациях и на службе позволяла стабилизировать и консолидировать процессы многоэтнического взаимодействия. Постепенно культурные отличия перестали восприниматься как чуждые и враждебные. Ассимиляция и интеграция

происходили достаточно быстро, всего через 2 – 3 поколения. Заимствуемые элементы культуры, воспринимаемые первоначально как инновации, впоследствии становились органической частью традиционного комплекса. Решающими факторами явились общность территории, приемов хозяйственной деятельности, обычаев и традиций восточных славян.

Традиционный восточнославянский фольклор Кубани – специфическая форма художественного творчества казачества, представлявшего собой этносоциальную и культурную общность, преимущественно, русских и украинцев. Присущие казакам чувство товарищества и сплоченность, вера в Бога, демократизм, особые условия ратного труда предопределили самобытность народной культуры региона. Иногородние быстро усваивали местные традиции, в свою очередь, оказывая влияние на культурную среду. С конца XV и до последней трети XIX веков фольклор был практически единственным источником удовлетворения эстетических потребностей восточнославянского населения.

Становление традиционного фольклора казачьего населения совпало с коллизиями начального этапа колонизации края. Война с горцами, тяготы обустройства и освоения новых земель способствовали укоренению в народном сознании противоположно заряженных полюсов - тенденций к обретению самоидентичности, а с другой стороны, к преодолению самотождественности. Относительная специфичность западного и восточного историко-культурных ареалов со временем стиралась, что стало наглядно проявляться в трансформации локальных культурных различий. Интегрирующим фактором выступала конфессиональная общность. Усилению межславянских связей способствовали процессы культурной диффузии и ассимиляции. Этноэволюционный процесс, сопровождавшийся нивелированием диалектов и культурно-бытовых различий, вел к утрате специфических этнических свойств, в первую очередь, украинцев.

Обрусение их не было быстрым, одномоментным. Заметнее всего изменения коснулись языка. Культурная адаптация обеспечила переход традиционной культуры в новое состояние.

Последняя треть XIX и начало XX веков были отмечены все нарастающей культурной экспансией города, проникновением профессионального искусства в сельскую среду, что, с одной стороны, обогатило традиционный фольклор, наполнило его новым содержанием, а с другой, создало предпосылки для угасания отдельных видов и жанров народного искусства. Созидательная деятельность и стилевой плюрализм проявились в одежде, архитектуре, воинском снаряжении, зрелищно-игровой культуре. Это не могло не сказаться на смысловом богатстве фольклора, в котором органично сочеталось языческое и христианское, европейское и азиатское.

Новая культурно-историческая парадигма, возникшая на базе старых норм и ценностей, приобрела иную окраску. В ядре художественной культуры региона обозначилось два направления – собственно аутентичный фольклор и фольклоризм. Сосуществование разных по исходным творческим установкам явлений постепенно вело к секуляризации народной культуры, расчленению ее на отдельные сегменты, обеспечивало динамизм культурной жизни. Этот тип социокультурной организации и регуляции определялся не только этнической, но и цивилизационной доминантой.

Произведения народного творчества являются продуктом работы многих поколений. Качественную природу фольклора определяют его относительная устойчивость, следование традиции, но под воздействием идеологических, экономических, социокультурных факторов она подвергается трансформации. Устойчивость и изменчивость в фольклоре находятся в диалектическом единстве.

Перемены, произошедшие в советские и постсоветские времена, серьезным образом сказались на эволюции культурного ландшафта Кубани. За это время еще более усилились процессы унификации фольклорных традиций, воспринимаемых ранее как исконно народные, казачьи. И хотя местные диалекты постепенно исчезают, до сих пор в домашнем обиходе употребляются слова своего родного языка.

Современный этап характеризуется уменьшением удельного веса традиционного фольклора в системе художественной культуры. Но он не исчез и продолжает свое историческое развитие, удовлетворяя потребность в занятиях искусством не всех, а лишь отдельные группы населения. Устная традиция, как основной способ передачи фольклора сохраняется, вместе с тем, в условиях, когда художественное образование становится массовым и доступным, возрастает значение письменной коммуникации.

В нынешних условиях эволюция традиционного фольклора протекает следующим образом: переосмысливается содержание, изменяются формы, возникают новые, не имевшие места ранее, культурные образования. Нетрадиционные формы воспроизводства народного искусства – художественная самодеятельность и творчество профессиональных мастеров, ориентированных на фольклор, есть явление фольклоризма. Возникнув в то время, когда фольклор был неотделим от быта сельского населения, фольклоризм создал условия для совершенствования исполнительского мастерства, стал средством отдыха и развлечения. Оба эти социокультурных явления существуют более чем полтора столетия, находясь в постоянном взаимодействии. Традиционный фольклор служит базисом фольклоризма, в то время как фольклоризм делает произведения народного искусства известными широкой зрительской аудитории.

ГЛАВА II. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ И ЗАГОВОРНОЙ КУЛЬТУРЕ

2.1. КАЛЕНДАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Чтобы избежать двусмысленности и не усложнять предмета исследования, определимся с научными понятиями, к которым будем обращаться неоднократно далее. Фундаментальной культурологической категорией, рожденной в недрах онтологической концепции культуры, является к у л ь т, представляющий, по мысли представителя учения религиозной метафизики П.А. Флоренского, некий первоакт жизни. Культ предопределяет и направляет всю совокупность практических и теоретических действий человека, выступает началом и ядром культуры. Процесс генезиса культуры сначала оформляется в виде культа, затем - мифа, словесно объясняющего действие и необходимость культа в виде понятий, формул, терминов. (254, с.390)

Другая базисная категория - р и т у а л - есть стереотипизированная форма человеческого поведения, окрашенная сакрально-мифологическим смыслом. Поведенческий ритуал свойственен и животным, но для животных это инстинктивно заданная моторика, в то время как ритуал, выполняемый человеком, проникнут духовными идеями, образами, фантазиями. Эволюционный смысл ритуального человеческого поведения определен многократно выполняемыми действиями, строгой ритмикой, акцентацией движений, коммуникативной нагрузкой, символичностью.

Более простым типом культурной регуляции являются о б ы ч а и, складывающиеся на основе целостных и привычных образцов поведения, совершаемого по установленному поводу в определенное время и в определенном месте. (132,с.328-329) Концепт обычая включает такое поведение, которого придерживаются все члены сообщества при любых обстоятельствах. Нарушение обычая может повлечь за собой санкции,

начиная от неодобрения до различных форм наказания. Обычай выполняет функцию обязательного для исполнения образца поведения и может быть как положительным, так и отрицательным.

Обычаи, совершаемые в определенном месте и в положенное время по тому или иному поводу, называются **о б р я д а м и**. Обряды более формализованы, нежели обычаи и связаны с выполнением определенных магических действий. Обряд, по мнению В.Я. Проппа, есть «имитация действительности, которая должна вызвать изображаемую действительность к жизни». (201, с.39)

Этнографические материалы XIX века свидетельствуют о том, что восточнославянское население Кубани сохраняло и поддерживало календарные обычаи и обряды, сложившиеся еще в метрополиях. Год делился на два отрезка – лето и зиму. Критическими точками года служили дни солнцестояний. Временем зимнего солнцеворота и началом года считался праздник Коляды, совпадавший с христианским Рождеством Христовым. Летним рубежом считался праздник Ивана Купала. Середина солнечного пути весной приходилась на Благовещение, зимнего – на Воздвижение. Границами в суточном изменении служили утренняя и вечерняя заря, полдень и полночь. (245, с.17-27)

Представления людей традиционного общества о Вселенной и природных стихиях содержались в народных сказаниях. С точки зрения мифологического сознания, мир движется по бесконечным кругам времени от одной критической точки к другой. Эти точки соотносятся с солнцестоянием, самым опасным временем года – хаосом, чреватым для людей катастрофами. Каждый момент в суточном, годичном или эпохальном измерении обладает сакральностью и ценностью. Из этого исходит представление о плохих и хороших днях и часах. В народных месяцесловах содержалась характеристика каждого дня и перечень правил,

необходимых для исполнения: когда начинать и заканчивать дела, когда предаваться отдыху и развлечениям. В критические точки суточного цикла читали заговоры и заклинания, в полночь и до восхода солнца рисковали встретиться с нечистой силой. Идея цикличности и неизбежного прекращения течения времени (конец света) была воспринята христианством. Эсхатологические взгляды несли в себе глубокий этический и воспитательный заряд.

Череда праздников и будней придавала жизни сельской общины определенный ритм и порядок. Праздники считались священным временем, будни – лишенными сакральной значимости. Праздники были также периодом взаимного прощения, единения и укрепления связей между людьми. Большое значение в праздничные дни имели пожертвования Богу, святым, духам, бедным и убогим с целью задобрить, очиститься, заручиться поддержкой, получить прощение. В жертву приносились продукты питания, деньги, предметы культа. Праздники были временем отдыха и развлечений. Участие в культурных событиях вместе со всеми и на виду у всех имело для людей более глубокие последствия, чем участие в повседневных развлечениях. С праздниками связаны такие культурные явления, как обычаи, символы, нормы поведения, костюмы, украшения, национальная кухня. Праздники включают различные виды и жанры народного творчества - музыку, танцы, песни, состязания, инсценировки.(87,с.30-58)

Для православных верующих в духовном смысле каждый день недели был временем, требующим воздержания от греховных дел и похвалы Богу. Ежедневно утром и вечером читали молитвы. Общей молитвой руководил старший мужчина, и читалась она всей семьей. Молились при любых обстоятельствах. Праздничным днем считался седьмой день недели - воскресенье, напоминавшее о воскрешении Христа. В воскресенье обязательно посещали церковь. Общение с членами общины вызывало

чувство единения. В отдельные группы собирались люди пожилого возраста, отцы семейств, замужние женщины, молодежь и подростки. На «бэсидах» обсуждали сроки посевов и уборки урожая, цены на сельхозпродукцию, общественные дела и новости. Слушали тех, кто вернулся со службы, с отхожих промыслов и ярмарок, пели хором. Молодежь на улице «жартувала», разыгрывала друг друга, водила хороводы.

В традиционных календарных обрядах восточнославянского населения Кубани отчетливо проявлялись типичные формы религии родового общества - тотемы. Наделяя чудесными свойствами земных животных, человек патриархального общества обращал к ним свои суеверные чувства, мольбы и жертвы. Культ сакральной козы соотносился с зимним сезоном и был приурочен к Щедрому вечеру 31 декабря по старому стилю (по ст.ст.) В шкуры зверей и домашних животных одевались ряженые. Характерная для тотемизма магия жизни и смерти, проявлялась в обряде перевоплощения и повторного рождения к новой жизни. Выпечка, напоминающая формой лошадок, коров, овец, символизировала плодородие. С помощью домашних животных и птиц гадали на будущее. Разгул переодетых в зверей колядовщиков, громкие песни и буйные пляски, оглушительный звон печных заслонок, бубнов напоминали раскаты грома и дождевые потоки, которые должны прийти с весенним солнцем.

Другой славянский тотем – дерево сохранялся в семицко-троицких обрядах. Жертвы приносились водным стихиям (похороны и утопление чучела Костромы). К древнему культу предков восходит обычай поминать усопших в установленные дни года с совершением тризны на месте погребения. Древний культ птиц сохранился в обрядах водосвятия на Крещение Господне и встречи весны на Сорок сороков. Обязательным было почитание христианской заместительницы языческой богини Мокоши -

Параскевы Пятницы. Достаточно четко прослеживается традиция брачного периода, приходящегося на осень и зимний мясоед. Календарный обрядовый фольклор проникнут идеей плодovitости человека, животных и растений.

Древний жанр обрядового календарного фольклора - заклинания - обращены были к предметам и явлениям окружающего мира с целью вызвать желаемый результат. Слово, воспринимаемое как магическое действие, органически сочеталось с ритуалом и закрепляло его. Простейшие заклинания состояли из двухчленной формулы: «Везу вас семь - идите вы все!» (изгнание тараканов в осенний мясоед); «Узвар на базарь! Кутя с покутя» (праздник Крещения Господня). Как правило, их обращали к какому-либо объекту: дождю, солнцу, птицам, полю, снопу, хозяевам двора и выражали в форме требования, просьбы или мольбы. Заклинательные формулы, большей частью, рифмованы: «Дощыку, дощыку! Зварю тоби борщыку в зеленому горщыку, поставлю на дубочку; дубочек хытнувся, а дощык лынувся, цебром, видром, дийвычкою над нашою пашнычкою».(241, с.289-290)

И м п е р а т и в н ы е обращения-требования, произносимые в повелительном тоне, имеют много общего с художественным стилем былин: «Ты свистни, гаркни уж своим громким голосом! Ты созови-скличь своих лютых ужей: лесовых, полевых, дорожевых, придорожных, стынных, подтынных, крапивных, подъягодных, коровиковых, черных, белых, рябых, серых, желтых желтобрюхих, белобрюхих, рябобрюхих, куцых и длиннохвостых...».(217, с.147)

Композиция заклинательных формул может иметь ступенчатое строение с характерным сужением образа: «На море, на окияне, на острове Буяне стоит дуб. Под дубом липовый куст. В том кусте стоит железный

сундук. В сундуке том лежит баранье руно. В руне том лежит уж об двенадцати головах, об двенадцати хоботах»(217,с.146-147)

Следующая разновидность заклинаний в форме п р о с ь б ы, обращена к посреднику (духам, святым, Пресвятой Богородице). Обращение звучит как молитва о помощи: «Мати Вознесенская Богородица! Вознесися ты на седьмое небо, возьми ключи царствия, отопри тараканам все их норы и поднорья, созови-скличь их и затвори своими ключами царствия отныне и до века. Ключ брось в море - окиян, там его ни птица не клюнет, зверь не съисть и рыба-кит не глоня. Аминь, аминь, аминь!» (праздник Воздвижения). Форму заклинания-просьбы имеют древние колядки, щедровки и посевальные песни:

Зароды, Боже, жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку пашныцю.(347)

С Евдокии (1 марта по ст. ст.) до Пасхи «кликали» весну. В великий четверг поздно вечером, если только вода в море или лимане была свободна ото льда, ейские девушки купались и заклинали: «Весна, весна красна, прийди, весна, с милостью, великою благостию».(241,с.337)

Заклинания - м о л ь б ы кратки. Обращаясь к персонифицированному образу, девушки молили: «Батюшка Покров, покрой землю снегом, а меня платком!»

В заклинательных формулах при сопоставлении и употреблении двух и более предметов или явлений свойства одного объекта передавались другому, от желаемого к действительному. Так, чтобы пчелы слетались на свою пасеку, в день Преображения Господня (6 августа по ст. ст.) пасечники, подойдя к священнику за просфорою, тайно говорили: «Как к сему священнику мир идет, идучи радуется, так бы и пчелы мои сходились в мою пасеку и радовались».(178, с.4)

В эпической части заклинаний встречается упоминание о камне - Алатыре, название которого восходит к библейским сказаниям. По мысли А.Н. Афанасьева, камень есть метафора ясного весеннего солнца, плавающего по воздушному небу-океану. Сопровождается он эпитетом «бел-горюч» и хранится в царстве вечного лета. Небесное царство представлялось язычникам островом. В русских заговорах он имеет название «Буян» от слова «буй», «буйный», что означает неистовый, стремительный. На острове сосредоточены могучие силы весенних гроз, ветров и бурь. Сюда обращался древний славянин со своими мольбами, прося исцеления, плодородия земли, успехов в охоте, счастья в любви. (9, т.2, с.с.132-133;142) Императив в них служит доминантой, все остальные части - подготовкой к требованию. Соотношение вступления, эпической и императивной частей различно. В некоторых текстах эпическая составляющая имеет сложную конструкцию с множеством эпизодов и заканчивается «замком»: «Крепок Алатырь-камень; крепко мое заклятие. Его ни водой не зальешь, ни землей не засыпишь; ни огнем не выжжешь. Слову моему - цепь и замок. Цепь на тебя, ключ в море».(217, с.146)

В календарный обрядовый фольклор входит жанр п р и г о в о р о в благожеланий. Магическое начало в них отсутствует. Заканчиваются формулы традиционной просьбой угостить или одарить чем-либо:

На щастя! На здоровье!
 З празныком! З Новым годом!
 Открывайтэ сундучок,
 Доставайтэ пятачок! (347)

Особую разновидность заклинаний составляют диалогические приговоры. Примером может служить приговор на изгнание тараканов, читаемый на Пасху: «Параська выйшла пид викно та здоровкайиця: «Христос воскрес! А я говорю: Воистину воскрес! - Чым вы розгивлялысь? -

Святою паскою! - А сусиды ваши чым? - Сами собою!» Тараканив, бачь, сусидамы звуть. Так воны кажуть, самы себе пойдять».

Следы древнего мифического верования в связь плодородия природы и человека сохранялись в обычае, которому следовали в канун Нового года. Вечером хозяин перевязывал неплодородные деревья соломой, по каждому ударял обухом топора и приговаривал: «Як не буде родыты, то буду рубаты». Жена, стоящая за деревом, отвечала: «Ой, не рубай! Послухаю и буду родыты».(241, с.290)

Календарную привязанность к осеннему периоду имели обряды «похорон» насекомых. Так, чтобы вывести тараканов, хозяйка растапливала печь, согревала кочергу, затем, надев чистую сорочку и распустив волосы, садилась верхом на кочергу и трижды объезжала вокруг дома, читая заклинание. Потом на четвереньках пятилась в хату задом и ставила кочергу крючком вверх в правый угол. Взяв новый кувшинчик, бросала в него заранее пойманных и завернутых в тряпку тараканов и закапывала в сених у порога жилой горницы, плюнув три раза на место захоронения. Магическое значение имел круг, по которому следовала женщина. Все, что находилось внутри круга, считалось недостижимым для нечистой силы. Похороны насекомых по окончании летнего сезона были своеобразной жертвой дьяволу. Важный атрибут ритуала - кочерга. Вместе с помелом они служат нечистой силе. Неслучайно для обряда избиралась глухая полночь - время, когда нечисть проявляет себя наиболее активно.(217,с.с.148-150) Отрезок между кульминационными точками, связывающими темное время суток (от заката до восхода), соотносили с женским началом. В обряде обозначено и место похорон - порог дома. В архаической модели пространства порог разделял мир на «свой» и «чужой». На порог сажали новогодних посевалящиков, чтобы куры охотнее садились на яйца, а «курчата булы чубати, вухати, та й волохати». Требовалось неукоснительно следовать

традиции, в противном случае действие обряда могло оказаться минимальным.

Обряд с жертвоприношением совершался по окончании жатвы и представлял собой «кормление» мифологического существа, изготовленного из несжатых колосьев (Илье «бороду»).(7,с.570) В поминальные дни на могилах раскладывали еду и приглашали покойных разделить трапезу. Ритуальные угощения раздавали детям и «старцам» (нищим). Перед медосбором пчелам давали ритуальный корм, состоящий из белых муравьев, сваренных вместе с засушенной на Рождество Христово щучьей икрой, медом, солью и перцем. Делали это на Аннино зачатие (9 дек. по ст. ст.), Рождество, Крещение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Преображение Господне. (178,с.4) Магическая сила ритуала подкреплялась верой в силу Божью и Его святых угодников. Комплекс заклинаний и приговоров, как произведений устного народного творчества, сохранялся еще в начале XX века, пока сохранялись в живом бытовании аграрные обряды.

В системе кубанских календарных праздников более всего был развит зимний комплекс. Зима и особенно декабрь представлялись временем торжества нечистой силы над солнечным светом и теплом. С увеличением света связывались идеи богатства и счастья. Цикл обрядового фольклора состоял из разножанровых произведений, простейшими из которых были детские колядки и щедровки в форме музыкальной декламации. Магического значения они не имели и были, скорее, просьбой в форме шутки, цель которой - выпросить угощение. Такие песенки нередко заканчивались угрозами в адрес скупых хозяев.(328)

Песни во славу Христа составляли репертуар молодых и взрослых исполнителей. Каждая отдельная группа певцов имела собственную партию. Пели как однородным, так и смешанным хором. К зимним святкам

приурочивалось исполнение духовных стихов, представлявших собой упрощенно-фольклоризованные варианты церковного учения, в основе которых тексты Святого Писания, жития святых, апокрифы. (168, с.244)

Другой тип колядок - б л а г о ж е л а н и я хозяевам по обеспечению богатым урожаем, здоровьем и счастливым браком. Исполняли колядки представительницы женского пола в первые дни Рождества.

Третью группу составляли в е л и ч а н и я. Назначение их заключалась в оказании магического действия на семейные отношения и домашнюю работу. Характерная особенность величаний - идеализация тех, кому они предназначались. (36,с.121) Хозяина и хозяйку восхваляли за домовитость. Невесту величали как идеал девичьей красоты. Колядки, адресуемые девушкам, лиричны. Возвышение достоинств невесты осуществлялось посредством психологического параллелизма. (186,с.96) Если образ павочки статичен, то образ девушки развивается динамично, постепенно превращаясь в развернутый ряд картин по типу ступенчатого строения. Косвенным признаком, указывающим на позднее происхождение колядок-величаний, бытовавших в конце XIX–начале XX веков, являются внутрисклонная рифма и сюжет, типичный для свадебных и лиродраматических хороводных произведений.

Четвертую разновидность песен зимнего цикла мы назвали к у л ь т о – в ы м и. К ним относятся те, в которых сохранились следы языческого мировосприятия, например, культ «мудрой козы» и общефольклорного персонажа «сирого вовчука», олицетворяющих борьбу добра и зла. (186,с.95)

С культом плодородия связаны посевальные песни, исполняемые в первый день Нового года:

У поли, поли сам Господь ходыв.

Дива Мария ризу носыла.

Ризу носыла, Бога просыла.

- Зароды, Божэ, жито, пшеницю,

Жито, пшеницю, всяку пашныцю.(347)

Следующую группу составляют песни, и з о б р а ж а ю щ и е ритуал или призывающие к его исполнению. Метафора, гипербола, сравнение в ритуальных песнях отсутствуют. Пантомима органично сочетается с музыкальным напевом. Своеобразие ритуальным песням придают картины народного быта и развитая система образов.

Ритуальным пением сопровождалась «похороны» Костромы, почитаемой язычниками воплощением весны и вечного, земного плодородия. Плакание и ритуальный смех должны были вызвать ее благорасположение и помощь.(247,с.185) Бросание на воду венков из незабудок и васильков под пение обрядовых песен входило составной частью в троицкий комплекс.(187, с.178)

В ритуальных купальских песнях содержится один из древних мифов о близнецах Иване и Марье, именами, которых назван полевой цветок. Согласно преданию, близнецы вступили в кровосмесительный брак. Соблазненный сестрою, брат мстит. Марья просит его посадить на своей могиле полевые цветы.

В купальских песнях, бытовавших на Кубани в конце XIX-начале XX века, следы сексуальной языческой свободы отсутствуют. Композиция и стилистика их близка к свадебным лирическим песням. В станице Бекешевской накануне праздника Ивана Купала принято было «уквичать» ветку цветами. После захода солнца девушки, взявшись за руки, водили вокруг нее хоровод и пели. (36,с.с.127-129) Сюжет другой купальской песни восходит к мифам о неверной жене.(187,с.с. 276-277)

В фольклористике принято различать символику с л о в а, символику а т р и б у - т а и символическое д е й с т в и е. В народе вера в могущество заклинаний и

заговорного слова была непоколебимой. По мнению простых людей, таинственная сила слова может излечить от болезни, сделать человека счастливым или погубить, препятствовать действиям злых духов, управлять физическими явлениями, творить чудеса.

Обрядовые атрибуты (опредмеченные символы) подразделяются на те, что не имеют аналога в живой природе (маски, одежда ряженых, украшения, праздничные костюмы). Другую группу составляют материальные объекты (растения, животные, природные явления) с присущими им характеристиками: цветом, формой, материалом. (135,с.с.138-139) Святочная коза, например, была одета в кожух, вывернутый мехом наверх, на голову крепили рожки и приклеивали бороду. Реквизитом посевальщиков служили холщовые торбы с зерном. «Артисты», разыгрывавшие святочные мистерии, одевались в костюмы пастухов, ангелов, волхвов. К Рождеству изготавливали Звезду Вифлеемскую в память о той, что указала волхвам место рождения Сына Божьего Иисуса Христа. Атрибутом в обряде христославления служил вертеп с декорациями и куклами. С ним ходили на святках и разыгрывали сценки рождения Христа, поклонения волхвов, бегство в Египет. В сочельник в красном углу настилали сено и делали «гнездэчко» (ясли).

Специфический атрибут троичного комплекса - «дерево» с висящим на нем нательным крестом. Взяв друг друга за руки, девушки становились вокруг дерева. В центр круга выходил один из парней и выбирал девушку. Хоровод с пением двигался вокруг дерева, а пара трижды целовала крест и друг друга. Выходя из круга, назывались, по желанию, кумом и кумой или братом и сестрой. Побратавшийся с девушкой, принимал на себя обязанности охранять ее от уличных обидчиков, быть советчиком при выборе жениха, но сам жениться не мог. В панибратство могли вступать и

парни, давая клятву навсегда оставаться друзьями, помогать словом и делом. (225)

Неотъемлемый атрибут календарных праздников - ритуальные блюда. На зимних святках кутью готовили трижды. Провожали ее стрельбой из ружья и битьем палками по заборам и воротам. Масленицу встречали и провожали варениками, блинцами и «ладиками». На Сорок Сороков выпекали «жаворонков», на Вэлык день - «паскы». Троицу, как и пасху, встречали яйцами. Летом из зерна нового урожая готовили хлеб «новину».

Символическое значение придавали травам, цветам, веткам, зернам злаков. Еще до рассвета в первый день Нового года мальчики обходили дворы и «посевали» зерном. В васильев день (1 января по ст. ст.) Мыланка кропила хаты засушенными васильками. Обычай пришел на Кубань с Украины, где цветок называют «душистым васильком» или базиликом. По преданию, святой Василий Великий при жизни любил полевые цветы и украшал ими келью. Когда открыли гроб с мощами святого, нашли в нем пахучее растение. Тогда его будто бы и назвали васильком. В погребальном обряде василек выполняет ту же функцию, что и церковный ладан. В клещальную субботу (накануне Троицы) до восхода солнца собирали в поле чабрец, любистик, мяту, полынь. Калитки и крылечки украшали зелеными ветками и молодыми деревцами. В Троицын день совершали обряды с венками - символом молодости и чистоты.

Обряды почитания дерева восходят к мифологическому образу мирового дерева. Люди архаического общества верили в сакральность деревьев и боготворили их. В русской мифологии знаком смерти считалась ель, ей приписывалась связь с «нижним миром». Под влиянием западных традиций к середине XIX века ель превратилась в символ Божественного Младенца, воплощение таинства рождения Христа и надежды на вечную жизнь. Символическая соотнесенность елки с Иисусом Христом привела к

возникновению в народном сознании восточных славян образа «Божьего» дерева. Созданная усилиями творческой интеллигенции псевдонародная елочная мифология придала празднику фольклорный оттенок. Несмотря на противодействие церкви, новые персонажи – Дед Мороз, Снегурочка, Старый, Новый год и, наконец, сама елка стали атрибутами рождественских и новогодних праздников. Увлечение украшать елку игрушками распространилось среди городского населения в последние десятилетия XIX века. Вершину дерева венчала Вифлеемская звезда. Игрушки на нижних ветках имели форму астральных и солярных знаков, олицетворявших мироздание.(79, с.14)

Символ Ивана Купала - цветок папоротника, расцветающий якобы в глухую полночь. Сорванный цветок понимает разговор животных и трав. Цветение папоротника соотносили и с зимой.(286,с.661) Другой купальский символ - «калыноня» (калина), олицетворяющая женственность, девичью красоту и целомудрие. Ягоды калины соотносились с замужеством. Ветка в купальском обряде выступала в значении, близком свадебному «гильцу». Песни служили для обыгрывания влюбленных по аналогии с величанием на свадебных вечеринках.(36,с.128)

Знак природных стихий - огонь. Древние мифы приписывали происхождение огня похищению с небес. Особое значение придавалось огню, добытому трением. Согласно древнему мифу, от трения происходило возгорание небесного пламени от рук бога Громовника.(9,т.2,с.18) Из суеверных представлений сложился образ «духа огня», ставшего объектом почитания. Этнографические описания XIX века свидетельствуют о повсеместной распространенности поверий, обрядов и запретов, связанных с огнем. Простой народ считал огонь живым существом и потому всеми силами старался расположить к себе. При устройстве нового жилья непременно приносили с собой старые принадлежности домашнего очага:

кочергу, ухват и огонь.(244,с.24-35) В поддержании огня главная роль отводилась женщине. Следы древнего поклонения огню сохранились в обычае, пришедшим из Малороссии: во время сватовства невеста должна была стоять возле печи и в знак согласия на замужество ковырять глиняную замазку. От живого огня зажигали купальские костры. Чтобы очиститься от порчи и сглаза, прыгали через огонь.(36, с.113) В огне сжигали одежду больных. По народным понятиям, вместе с нею пропадет и болезнь. На печной заслонке давали корм больной скотине. В дни больших христианских праздников жилые постройки окуривали ладаном. Обычай ставить во время грозы «страстную» свечу, указывает на верования в плодоносящую силу молнии, посылающей дожди. «Страстную» свечу зажигали и во время родов. В этом случае плодородная сила небесного пламени переносилась вообще на огонь. В своих заклятиях народ обращался к древнему хранителю домашнего очага «Чур» («Цур» укр.), чтобы тот покарал обидчиков огнем. («Цур тобі, пэк!»). При вспышках молнии и раскатах грома верующие крестятся. Локальное значение имеет обычай дарить узелки с золой незамужним подругам перед свадьбой. От огня свойства плодородия переносятся за золу.

Сакрализация и символическое значение огня отчасти сохранились до сих пор. Символ огня служит внешним выражением общности национальных чувств. Огонь зажигают в дни больших торжеств и в местах захоронений погибших в годы войны.

Древний славянский культ - поклонение земле. Во время споров клялись и ели землю. Отправляясь в дорогу, брали с собой горсть родной земли. Свою территорию (двор, улицу, станицу, родину) защищали.

Особым поклонением пользовались родники, которым приписывалась чудодейственная сила. В засуху устраивали крестные ходы к святым источникам и молились о дожде. Вызывали дождь обливанием водой. В

Великий четверг кропили жилища, купались и поили родниковой водой больных. В Ейске на Аграфену Купальницу молодежь до захода солнца купалась в море и лимане. Согласно архаическим славянским воззрениям, солнце по вечерам погружается в морские воды, а утром, умывшись, вновь предстает чистым и свежим. Воду почитали живым соком, дарующим жизнь и плодородие.

На Троицу принято было водить «кукушку», которую изображала девушка, украшенная цветами и растительностью. Вероятно, кукушка осмысливалась как воплощение природы в образе птицы. Образы любовной пары - Мыланки и Василя - встречаются в новогодних щедровках.(169,с.263)

Неотъемлемая часть календарных обрядов - пляска. Для импровизаций святочной козы характерны вихляния корпуса, угловатые движения рук, прыжки, напоминающие движения животного. Ряженая толпа создавала сложную хореографическую мозаику. «Музыкой» служили звон, лязг, стук печных заслонок, коровьих ботало, крышек от кастрюль. Оглушительная какофония соответствовала дисгармонии пластики ряженых. В танце каждый мог проявить свою индивидуальность. Хореография святочных ряженых по своей природе архаична. По представлениям народа скакать могут нечеловеческие, зооморфные, демонологические существа. Отсюда выражение: «скакать как коза», то есть вести себя нелепо.(95,с.85-95)

В хороводах, приуроченных к Троице и «Костроме», воплощалось главное свойство сложных жанров - синкретичность. Танец, как, впрочем, ворожба, игры, изменение внешнего облика считались церковью бесовством. Для того, чтобы очиститься от греха, на Богоявление купались в «иордани» и рисовали кресты на стенах домов.

Деструктивное поведение, формировалось спонтанно, но все же имело тесную связь с обрядом. Изживание молодежной агрессии происходило с

помощью игр и забав, выходящих за рамки установленных обществом порядков и правил.(51-52) Этот тип поведения был распространен как в западном, так и восточном географических ареалах.

С календарным годом связаны верования в магию начала, а также обязательные и желательные ритуалы начала. В первый день нового года в дом должен войти мужчина, тогда весь год хозяевам будет «в руку». Чихнувший за праздничным столом получал от хозяина подарок. В сочельник, прежде чем внести в хату сено, детей сажали на трех порогах и просили «поквохтать», чтобы куры хорошо неслись.

По погоде в первый день года делали прогноз на предстоящий период. Если на новый год ветер и туман - год будет неурожайный. Заморозки и снег с Покрова обещали безвременную зиму, а до Дмитрия (26 октября по ст. ст.) - непостоянную и гнилую. 1 июня в «девятую пятницу» не работали, боялись градобития. Ненастье несла «сухая бабка». (217, с.с.141-143)

1 ноября в день святых покровителей свадеб Козьмы и Демьяна устраивали «курячий» праздник (делали «складку»). Любые понедельник и пятницу считали несчастными днями. Понедельник - день тяжелый, а в пятницу, если начнешь, то никогда не закончишь дело. Магическими считались числа один, три, семь, девять, двадцать семь, семьдесят семь.

Любой ритуал предполагал наличие лиц, его совершавших. Главным распорядителем святочных торжеств был старший мужчина - хозяин дома. Мальчики, подростки и парни пели псалмы про Страшный суд, Божие наказание, про искупление грехов. Они же разыгрывали рождественские инсценировки и «посевали». Девочки и невесты на святках колядовали, а на Троицу носили дубовую ветку, призывая весну принести дождевые тучи. Новогодние обряды с козой и кобылой были исключительной привилегией юношей и подростков. В «кумлении» и «крещении» кукушки участвовали

молодежь и дети обоего пола. Пасхальные яйца катали на могилах взрослые казаки и казачки.

В XIX – начале XX веков в сельской местности зимние святки отмечали на всей территории Кубанской области по установившимся традициям. Началом святого вечера была кутья. До первой звезды ничего не ели, «чтобы скотина летом не хромала». Вся семья и отдельно живущие родственники собирались к старшему мужчине рода. Канун Рождества проходил в торжественном спокойствии. Веселья не устраивали. Утром мальчики «рожествували»: декламировали вирши, носили Звезду, устраивали вертепные представления. После возвращения из церкви обедали. Первыми разговлялись девушки, «чтобы овцы больше ярк котили».

На Богородицу (второй день Рождества) служили молебны, устраивали поминальные обеды, давали милостыню нищим. Девушки собирали складку. Днем позже была женская складка. В ней принимали участие и мужья. Ретроспективный анализ сообщений, касающихся коллективных трапез на второй и третий день Рождества Христова и в день рождения Пресвятой Богородицы, дает возможность предположить, что этот специфический обычай имел отношение к языческому культу плодородия и одновременно знаменовал утверждение солидарности членов сельской общины. В процессе эволюции языческий ритуал испытал на себе влияние христианской культуры и в трансформированном виде вылился в коллективное благодарение повитух.

В богатый вечер (31 декабря по ст. ст.) щедровали и водили «козу». 5 января весь день постились. После церковной службы пили свяченную воду, брызгали ею в хатах. Как и в сочельник, садясь ужинать, звали Мороза, а после изгоняли его.(36, с.117-124)

Образ ожившей «ледяной девушки» Снегурочки вошел в фольклорную традицию в конце XIX века, однако корни его уходят в славянскую мифологию. В дохристианской Руси языческих идолов изготавливали не только из дерева, но из снега и льда. По сказке А.Островского, написанной в 1873 году, Снегурочка была дочерью Мороза и Весны. Пьеса со временем фольклоризовалась, образ загадочной девочки вошел в сказочную прозу и народный быт.

В ходе слияния западноевропейских и русских народных верований произошло оформление образа Деда Мороза. Искусственно сконструированный персонаж наделили подобно любому другому мифологическому герою характерной внешностью и атрибутикой. Это был старик с белой бородой в шубе и шапке, с мешком и палкой в руках. Определяющими чертами характера его стали доброта и щедрость. До революции псевдонародный персонаж укоренился в городской традиции. (78, с.253-258)

Традиционная кубанская Масленица делилась на три периода: «встреча»-понедельник, «разгул»-четверг, «прощение»-воскресенье.(36, с.124-127) Первые дни проходили в обильной еде. После обеда выходили на улицу. Женщины вязали молодым парням и девушкам «колодки», чтобы те не висели грузом на шее родителей и создавали свои семьи (обряд переходного периода). Массовым зрелищем и развлечением служила вольная джигитовка. В «прощеное» воскресенье просили друг у друга прощения, считая, что делать это нужно потому, что конец света наступит под первый понедельник Великого поста.

Для православных верующих пост был временем совершенствования духа и обуздания плоти. В течение семи недель молились, пели церковные песнопения, ели постную пищу. Особо почитаемый день - Полукрестье (середина поста). В этот день из теста пекли кресты. На шестой неделе в

воскресенье освящали в церкви вербу, хлестали друг друга веточками и приговаривали: «Верба хлещет, бей до слез». В первый день выгона скотины на пастбище годовой вербой, смоченной святой водой, окропляли скот и опускали в пойло. На Страстной неделе в Чистый четверг до восхода солнца купались в родниковой воде, почитая ее как целебную.

Остатки коллективной магии сохранялись в весенних песнях с характерным «гуканием» (гукать - звать). Пением закликали весну, тепло и хороший урожай.(304, с.16-17)

Народными обычаями и поверьями сопровождалось празднование Светлого Воскресения. Разговлялись освященными пасхами, яйцами, солью, пшеном, житным хлебом, мясом. Дети бились крашенками «навбитки», катали по желобкам с горки, «ставили на сажени», стараясь попасть своим яйцом в чужое на расстоянии. Молодежь начинала «улицу» хороводными играми в «козла» и «просо».(142, с.695) Пели припевки, называя по именам влюбленных. При встрече христосовались и обменивались крашенками. Яйцо от первого христосования считали «наисвященнейшим» и хранили целый год. Народ был убежден, что с ним можно узнать колдуна, который, будучи на пасхальной службе, обязательно повернется спиной к алтарю. Тем, кому случалось умереть на Пасху и до Вознесения, в гроб клали яйцо. Существовало поверье, что такие люди непременно попадут в рай.

Первый вечер Светлой седмицы заканчивался молодежной складкой, седьмой по счету (счет велся с «курячей» складки 1 ноября). На второй день пекли блины, варили вареники и раздавали нищим. На третий день делали «жиночу» складку.

Последующая неделя называлась «родительской» или «проводами». В народе всех умерших естественной смертью называли «родителями». Отсюда обычай сеять на могилах траву «материнку» (чабрец).

Завершала весенний цикл аграрных праздников Троица. Ей предшествовала «клечальная» неделя (клечальни - ветки и молодые деревца). Народ верил, что души покойников приходят домой на Троицу и прячутся в зелени. Считалось большим грехом не украсить хату. Эту неделю называли еще и русальной. По понятиям простых людей, при столпотворении Вавилонском Бог наказал дерзнувших проникнуть в тайну Его величия тем, что смешал языки. Кто находился в доме, стал домовым, в горах горным, в лесу лешим, в воде русалкой. В лучшую часть года от Пасхи до Петрова дня русалки странствуют по берегам рек, избирая для развлечений и ночлега ветвистые деревья. По другому преданию – это родившиеся мертвыми младенцы женского пола, утопленницы и умершие без крещения. Русалки обладают вечной юностью и красотой. Накануне праздника в субботу они бегают во ржи и, хлопая в ладоши, приговаривают: «Ух, ух! соломенный дух! Мэнэ маты народыла, нехрещену положила!» Русалки особенно опасны до Ивана Купалы.(241,с.337) Троицкий комплекс состоял из коллективной трапезы, верований и магических действий с растительностью, русалками и птицами, обычай кумовства и панибратства. Купальская ночь проходила в обрядах и игрищах. (36, с.127-129)

На Ильин день (20 июля по ст. ст.) совершали крестный ход к святым источникам и, если была засуха, молили о дожде. Святому Илие приписывалась роль целителя. В библейской легенде Илия оживил сына вдовы и предсказал смерть Охозия. Эти эпизоды получили толкование в фольклоре, где образ Илии складывался на основе языческих верований и церковных догм. С одной стороны, он милостив, податель благ, а с другой, грозный громовержец, карающий и немилосердный. С Ильина дня не купались. Объясняли по-разному: «можно заболеть или утонуть», «в воде нечисть заводится», «вода холодеет». Ильинские ночи называли «воробьиными» оттого, что в ненастную погоду, когда гремят раскаты гром,

слабые воробьиные сердца не выдерживают и разрываются. На Илью не работали - боялись быть убитыми молнией.

К Преображению Господню (6 августа по ст. ст.) приурочивались охранительные обряды пасечников. По окончании литургии освящали мед. Существовало поверье, что до яблочного Спаса нельзя есть плоды, особенно женщинам детородного возраста, иначе родятся мертвые дети.

Осенние праздники начинались с Семенова дня (1 сентября по ст. ст.) «похоронами» насекомых. 8 сентября на Рождество Богородицы женщины, имевшие детей, носили повивальным бабкам дары. Бездетные заказывали церковные службы и просили бедных помолиться за них Богородице, а после звали на обед. Широко отмечался праздник Воздвижения (14 сентября по ст. ст.). Согласно традиционным верованиям, в этот день земля «сдвигается», уплотняется и все гады до весны исчезают. Чтобы избежать укуса змей, читали молитвы и заговоры. Покров (1 октября по ст. ст.) считался покровителем свадеб. Спозаранку девушки бежали в церковь поставить свечку, чтобы той же осенью выйти замуж. По вечерам устраивали молодежные посиделки. Параскеву Пятницу (28 октября по ст. ст.) особенно чтили замужние женщины, давая обеты и моля об избавлении от несчастий. С этого дня начинались женские зимние работы.

Календарные праздники, отмечаемые на территории Кубанской области, были в общих чертах схожи, но существовали и локальные традиции. К ним можно отнести обычай делать чучело медведя на Масленицу и петь веснянки в цикле весенних праздников. В станице Удобной на Троицу девочки 8 лет и старше водили «камаря» с «камарихой», одетых женихом и невестой. (220, с.18) В Щербиновском районе в троицком обряде участвует «брачная» пара, украшенная полевыми цветами. «Молодую» зовут «Хоха», молодого – «Хомына» (Фома). Сопровождающие пару «гости» поют и обыгрывают действие. (311) Игры в «свадьбу» является

остатком древних представлений о связи сил плодородия природы и человека. Находясь в состоянии живого бытования, земледельческие обряды объединяли и организовывали жизнь сельской общины. Максимально насыщенными были зимний и весенний период, летние и осенние праздники отмечали не столь широко. Ядро народной философии составляли архаические представления и Православная вера. С конца XIX века обрядовые традиции стали постепенно разрушаться.

2.2. КАЛЕНДАРНЫЙ ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

С приходом к власти партии большевиков календарные и религиозные обряды оказались в состоянии блокирования и запрета. Развернувшаяся под руководством партийных органов антирелигиозная пропаганда была направлена на воспитание у населения атеистического сознания. В крае по состоянию на 1 мая 1938 года действовало 889 союзов воинствующих безбожников с количеством членов 22547 человек. Выступая на партийной конференции 10 июня того же года, секретарь Краснодарского крайкома ВКП (б) Л.П. Газов сказал, что в этой работе много кампанейщины и она только начинается. Перед партийными активистами была поставлена задача – в ближайшее время добиться решительного перелома. (125,с.497)

Отделение Православной Церкви от государства имело бы еще большие катастрофические последствия, если бы не усилия старших поколений по сохранению и передаче молодежи духовного наследия предков. В условиях масштабной атеистической работы произведения духовного содержания (притчи, христианские легенды, духовные стихи) стали для верующих одним из немногих способом выражения религиозных чувств, а для новых поколений средством приобщения к православным традициям прошлого.

В народной памяти сохранялись величальные колядки зимнего цикла с традиционными обращениями к хозяевам двора. (170,с.290; 186,с.с.90-94; 187;146-148;157-162;165) Объекты величания не только «паны-госпожаны», но и сами праздники. Во множестве вариантов разработана тема прихода Рождества, Васильева дня и Крещения Господня с традиционным припевом:

Радуйся, возрадуйся зэмлэ,
Сын Божий народывся. (352)

Заклинательные песни, имеющие простейшее композиционное строение в форме монолога, представлены императивом. Музыкальные напевы состоят из несложных попевок, заключительные строфы звучит как словесные приговоры.

Новогодние величания за последнее столетие почти не изменились. В них чаще всего фигурируют те же традиционные персонажи - Мыланки и Васыля. Жанр испытал на себе не только влияние евангельских историй, но и народного быта.(170,с.с.162-164) Детские песни имеют простейшие музыкальные мелодии, взрослые - куплетную форму с развитым мелодическим рисунком. (170,с.165)

В песнях зимнего цикла местом действия выступает чистое поле, означающее белый свет, противостоящий иному потустороннему миру. Этот общенародный мотив встречается в обрядовых и эпических песнях, а также в сказочной прозе. Обрядовые песни, в большинстве своём, представляют собой обращения-монологи в сочетании с повествованием. Рифма организует и скрепляет словесный текст. Если в прошлом благожеланиям приписывалось магическая роль, то современные информаторы рассматривают их лишь как праздничные поздравления. (314)

Из обрядов зимнего цикла в бывших черноморских станицах сохранились сценки ряженых с «козой». Помимо традиционной части

включены в них и новые элементы: переодевание в «цыганей», «доктора». Игровую часть попеременно исполняют парни и девушки. Пение перемежается диалогом гостей и хозяев дома. (170,с.152; 186,с.95)

Важная часть карнавальных увеселений - смеховые зрелища. Так, чтобы «оживить» святочную козу, одному из участников представления предлагается подуть «мёртвому животному» под хвост. Произведения, унаследовавшие приёмы народного балагурства, продолжают активно бытовать и сейчас.

Песни и ритуалы зимнего цикла сохранились в памяти людей преимущественно старшего поколения. Сегодня их исполняют, большей частью, участники самодеятельности. «Рожествуют» 7 января, «щедруют» и «посевают» в старый Новый год /14 января/.

С началом антирелигиозной пропаганды в 1927 году Дед Мороз был признан «религиозным дурманом». Гонения на него и на елку продолжались до 1935 года. В канун 1936 года ЦК ВЛКСМ принял решение о проведении новогодних праздников с елкой для детей. В предвоенные и первые послевоенные годы елку устанавливали в общественных местах, затем снова она стала атрибутом частной жизни.

Сегодня Новый год - один из немногих календарных праздников, сохранивший некоторые черты древнего ритуала. В традиционных обществах праздник знаменовал переход от старого к новому миру и сопровождался обрядами и игрищами ряженых, обязательная составляющая современных новогодних увеселений - карнавалы с масками, костюмами, фейерверками. «Белые снежинки» символизируют свет и женское начало, образы «зайчиков» согласуются с мужским символом (по аналогии со святочными хороводами и играми). (79,с.14) Полярный им мир представлен темными силами – образами «чертей», «серых волков» «барабашки», «лешего». По представлениям человека архаики, ушедшие в мир иной

способны обеспечивать живых счастьем и благополучием. «Антиповедение» участников карнавала есть не что иное, как отражение элемента оппозиции «игровое – серьезное». Смысл театрализации понятен лишь в сопоставлении с мифом.

Стихию зимнего холода, мир смерти и ушедших предков олицетворяет Дед Мороз, который приносит подарки и может выполнить любое желание. В новогоднюю ночь ждут чуда не только дети, но и взрослые. Обычаи накрывать обильные столы и одаривать друг друга подарками можно трактовать как сохранившуюся в овеществленном виде продуцирующую магию и, одновременно, как обновление и укрепление родственных и дружеских отношений.

Трактовка образов Деда Мороза и Снегурочки получила развитие в последние годы XX столетия. Город Великий Устюг получил название родины Деда Мороза, там устроена резиденция сказочного персонажа. Для его постоянной спутницы Снегурочки в подмосковном городе Абрамцеве сооружен символический терем, где она может жить круглый год, вести переписку, принимать гостей. Сказочная героиня получила «родовую» прописку потому, что в Абрамцеве у художника В.Васнецова родился образ Снегурочки, там же им были созданы декорации к первой театральной постановке. В Абрамцеве на сцене домашнего театра С. Мамонтова впервые прозвучала одноименная опера Н. Римского-Корсакова.

В советские годы Масленицу переименовали в Проводы Зимы. В сельской местности организацией праздника занимались местные органы власти, работники досуговых и образовательных учреждений. Изменения существа древнеславянской Масленицы и православного Мясопушта повлекли за собой образование иных, нетрадиционных атрибутов и персонажей праздника.Guests ждут ряженые, скоморохи, Зима, Весна, Снежинки, Дед Мороз, Снегурочка. Открывает праздник глава

администрации или ведущие, которые зачитывают «наказы» и подносят хлеб-соль Весне. Театрализованные представления с участием коллективов художественной самодеятельности заканчиваются сжиганием соломенного чучела. В современный праздник входят спортивные состязания, конкурсы частушечников и танцоров. Обильные застолья с блинами и варениками, хороводы, православный обычай просить прощение перед Великим постом, обрядовые песни в организованных формах праздника отсутствуют. В семьях, где есть верующие, сохранились обычаи принимать гостей и раздавать нищим милостыню.

В советское время соблюдение постов считалось личным делом каждого. Программы радио, телевидения, учебно-воспитательная и культурно-массовая работа школ, клубов и Домов культуры строились без учёта традиций Православия. Во время постов играли свадьбы, устраивали концерты и вечера танцев. Начиная с 70-х годов, 1 апреля стали ежегодно проводить день смеха.

До 1943 года Пасха была под официальным запретом, но в быту обычаи продолжали сохраняться. Хранителями традиций оставались люди старшего поколения. Обычай в день Святого Воскресения ходить на кладбище и устраивать на могилах обеды бытует до сих пор. Начиная с 90-х годов, в праздничных богослужениях всё большее участие принимает молодёжь.

Троицкие обряды кумления, завивания венков, крещения кукушки и др. из быта исчезли совсем. Увидеть их можно лишь в исполнении профессиональных и самодеятельных коллективов.

Календарную приуроченность имели в прошлом производственные праздники и обряды. В первый день сева на восходе солнца, помолясь и сделав первый круг на поле, садились завтракать: съедали крест, выпеченный на Полукрестье, остальные оставляли на меже. Всеобщим

весельем заканчивалась уборка урожая. После завершения жатвы оставляли несжатым небольшой участок с завитыми колосьями как благодарность земле и святым-покровителям за урожай и сохранение плодоносящей силы в следующем году. В Закубанье по окончании ломки табака лентами и цветами украшали самый большой стебель, а из листьев делали папушу и с песнями несли хозяину плантации. За них получали выкуп и угощение.(23,с.83-84)

В годы коллективизации и после нее начало полевой кампании отмечалось смотром сельскохозяйственной техники. На митинге звучали слова напутствий хлеборобам. Лучшему механизатору поручалось проложить первую борозду. В поле выезжали с плакатами и транспарантами. После окончания посевной и уборочной передовикам вручали почетное знамя, денежные премии, вымпелы и грамоты. Гуляния с участием самодеятельных артистов проходили на улицах, площадях и в Домах культуры.

Купальские обряды из быта исчезли окончательно. В последние годы работники культуры пытаются закрепить зрелищные традиции, наполнив их новым содержанием. В городе Новороссийске, например, праздник проводят на главной площади, где фольклорные ансамбли изображают сцены с Аграфеной Купальницей и Иваном Купалой в окружении купалинок. Катание горящих колес, скакание через костры, завивание венков, массовое купание исполняют участники самодеятельности и зрители в строгом соответствии со сценарным и режиссерским планом. Имитация проделок «нечистой силы», всеобщая вакханалия - специально разыгрываемое действие, ничего общего не имеющее со спонтанными проявлениями творческой энергии масс.

В советское время традиции Ильина дня практически забыты. В народе помнят лишь запрет купания. Не отмечают и осенние праздники Воздвижения, Покрова и Параскевы Пятницы.

Развитие системы культурно-просветительных учреждений в годы советской власти привело к ослаблению влияния улицы. Постепенно вышли из культурного обихода хороводы, сопровождавшие аграрные праздники. Вместе с ними стали исчезать сами праздники и обрядовый фольклор.

Попытки сохранить традиционный фольклор были предприняты в 1968 году, когда при краевом Доме народного творчества открыли фольклорный кабинет и возродили фольклорные комиссии при методкабинетах РДК. В газетах «Советская Кубань» и «Комсомолец Кубани», на краевом радио и телевидении транслировались передачи, адресованные руководителям художественной самодеятельности. Начиная с конца шестидесятых годов, ежегодно в городах и станицах Краснодарского края проходят фестивали «Кубанская музыкальная весна».(305) К созданию праздничных театрализаций привлекали профессиональных драматургов и режиссеров, которые, игнорируя местные традиции, вырабатывали сценическую манеру, несвойственную истинным носителям традиционного фольклора.

Социалистические праздники состояли, как правило, из официальной части (торжественное собрание) и тематической (концерт или театрализованное представление) с декоративным оформлением в виде партийной и государственной символики. Новые советские обряды включали вручение правительственных наград и первой полочки, посвящение в хлеборобы и механизаторы, присвоение почетных званий победителя социалистического соревнования, рационализатора, наставника, ветерана труда, проводы на пенсию. Насаждение псевдонародных форм осуществлялось государственным аппаратом идеологов и культработников. Парки культуры и отдыха, ДК, представлявшие собой замкнутые

пространства, предназначались для организованной и контролируемой общественно-праздничной деятельности. Свойственное человеку стремление освободиться от будничных настроений оборачивалось закрепощением. (219,с.с.523-524)

Популяризацией кубанской календарной обрядности в постсоветский период занимаются самодеятельные и профессиональные коллективы. Организация смотров и фестивалей народного творчества в ряде случаев позволяет демонстрировать отдельные образцы обрядового фольклора со сцены, вместе с тем, сценарии и концертные программы, составленные без опоры на традицию, лишают зрителей возможности познакомиться с местной фольклорной спецификой. В современных праздниках почти не осталось места для творческой импровизации масс. Им чаще всего отводится роль пассивных потребителей. Участие в увеселениях стало личным делом каждого.

На рубеже XX – XXI веков «Хэллоуин», давно ставший на западе частью праздничной индустрии, завоевывает и российское пространство. Молодежь, надев карнавальные маски и костюмы, беснуется всю первую ноябрьскую ночь. Россиянам магический смысл древних увеселений кельтов неизвестен, привлекает скорее возможность реализовать себя в коллективной игре. Благодаря средствам массовой информации приобретает популярность католический праздник - день святого Валентина, праздник всех влюбленных.

В эпоху глобализации этнические и религиозные составляющие празднеств стираются. Возрождение традиций народных гуляний возможно не только в рамках сценических форм, но и в их исконных, аутентичных формах. Личная мотивация является источником и движущей силой социально-культурной активности человека. Культурные потребности, лежащие в основе мотивации, составят базу творческой

активности во всех ее появлениях. Культурная политика должна быть направлена на возрождение культурного потенциала региона, стимулирование инициатив, создание условий для самовыражения и самореализации каждого. Необходимость перехода традиционной культуры в режим самоорганизации и саморазвития наиболее полно отражает сущность этого явления. Деполитизация фольклора означает идеологическую автономность субъектов культурной жизни от государства.

2.3 ЗАГОВОРНО-ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА

Архаические культы восточных славян пронизаны общей идеей смерти. Архетип смерти имеет отношение к культу Солнца и Луны, поэтому неслучайно многие магические действия привязаны к лунному календарю и солнцестояниям. Архитепические переживания смерти обнаруживаются в культе инициации. Посвящение обязательно включало акт символической смерти. Новое рождение, с которым отождествлялось посвящение, имело точку перехода через смерть-небытие. Смерть есть рубеж, преодоление которого необходимо для того, чтобы войти в новое состояние. Превращая смерть в обряд перехода, человек архаики пытался победить ее, видя в этом начало нового существования.(293,с.118)

К ушедшим в мир иной всегда относились со страхом. Культ предков включал различные формы покаяния и умилоствления. Предполагалось, что мертвые способны не только на благо, но и зло. (239,с.308) Переход из одной жизни в другую сопровождался ритуалами проводов и превращений. О том, как умерший, превратившись в огненного змея, являлся жене в облики живого человека, народное предание гласит следующее. Целый год летал змей, пока она не забеременела. Побудет до первых петухов и опять улетит. Знающие люди научили ее, что делать. «Змей плюнул и задом стал к печи отходить. Она вцепилась в него и просит: «Покажи спину, я узнаю,

муж ты мне или нет». Змей бросился в трубу и с тех пор не бывал.(217,с.118-119)

По народным представлениям, контакт с существами нечеловеческой природы умеют устанавливать колдуны и ведьмы. Они же способны принимать обличье волка, кошки, собаки, ужа, жабы, змеи и т.д.(217, с.129) Нечисть бродит по земле с полуночи и до первых петухов. По народным поверьям, ведьмы доят чужих коров и, обпившись молоком, обмирают. Тогда на землю обрушиваются ураганы, смерчи и землетрясения. Ведьмы и колдуны могут делать окружающим и другие «капости» (пакости). Со слов станичник, Л.К. Розенберг в начале XX века записал следующее. Однажды дала соседка деду свежую выпечку, а сама ушла со двора. Видит дед, а вместо «перепички» в руках у него - дымящаяся куча коровьего помета.(217, с.130)

Колдуны и ведьмы способны портить скот. Лечение домашних животных основывалось на законе соприкосновения (контагиозная магия). Хозяйки, выдоив остатки молока, наливали в сковороду и ставили на горящие без пламени угли. Затем, взяв в руки нож и, окропив Богоявленской водой, резали и кололи молоко. В тех местах якобы появляется кровь ведьмы. Каждый укол отзывается в теле нестерпимой болью. Ведьма обязательно придет и будет молить о прощении.(217,с.128)

По народным поверьям, апотропейной силой обладает борона, под которую необходимо лечь, чтобы увидеть ведьму и наказать за проделки.(7, с.575) Если кто-либо захочет повелевать ведьмами, должен в последний день Масленицы оставить на ночь во рту кусочек сыра, утром вложить его в прорезь ладони и подождать пока кожа зарастет. В первый день Пасхи можно увидеть в церкви ведьм с подойниками на голове - они будут умолять, чтобы отдали сыр.(7,с.с.575-576)

Народ верит, что ведьмы и колдуны знают с дьяволом. Чтобы дьявол навсегда поступил в услужение, ему дают расписку, написанную собственной кровью. Место обитания нечистой силы – «нижний», подземный мир. Распространено представление о черте в образе вихря, кружащегося по земле; если бросить нож в середину воронки, на лезвии покажутся капли крови.

Для наказания черта Бог создал Гром. Господь посылает громовые стрелы, стараясь убить «неумытого» (черта), прячущегося среди ветвей деревьев, в домах, в телах животных и человека. Стремясь уничтожить его, Бог не щадит ни растения, ни жилища, ни людей. Пораженный стрелами человек, идет в царство небесное, получив прощение во всех грехах.(36, с.144-145)

К проделкам колдунов и черта относили заломы на хлебных нивах. Народ верил, что если из такой пшеницы испечь хлеб, можно умереть. Оберегом служила молитвы «Да воскреснет Бог» и «Отче наш», читаемые на заре в пост с конца в обратном порядке, пятясь задом. (217,с. с.19-24)

Действуя во вред человеку, колдуны и ведьмы нарушают мировую гармонию. Владея секретами черной магии, они имеют огромную власть над людьми: насылают порчу и мор, мстят тем, кто относится к ним без должного уважения. Нанести вред могут из корысти, за плату. В результате ссорятся некогда дружные родственники и соседи, супруги теряют способность к деторождению, богатые разоряются. Народные предания гласят, что колдуны могут в отместку передать роды от распутных женщин... мужчинам. «Ночью Михей и з а х о д и л с я р о ж а т ь. Три дня ревел, как бык...р а з р о д и т ь с я н е м о ж е т. Спасибо привезли знахаря. Он тот час смекнул, в чем дело... Наговорил воду, дал выпить. Через час из Михеева живота пар пошел».(210)

Искусством чародейства овладевал тот, кто отрекался от Бога и передавал себя во власть дьявола. Колдунов делили на сильных и слабых. Чтобы избавиться от козней слабого искали сильного. Колдовскими средствами служили вода, спиртное, шерсть, носовые платки, рубашки и пр.(209) Заговоренные вещи закапывали во дворе жертвы, дарили, оставляли на дороге, не всегда зная, кому они достанутся. Жертва, выпив наговоренную воду или взяв «поклад», могла сделаться «икотницей» (кликушей). Колдун способен сделать «спорченной» любую здоровую женщину и даже мужчину.(217,с.с.185-189) Икотников отчитывали в церкви или обращались к сильному колдуну. «Пособием» для чародеев служила книга «Петромила». «Из этой... книги он прочитает, бывало и «всякую планиду расскажет, и все, что хошь изделает... Та книга - старая-престарая червями объеденная. И бумага не нонешняя, а как будто кожа гладкая...».(209) Сверхзнание могло явиться магу неожиданно извне. Старые колдуны, умирая, передавали свою науку родным или даже случайным людям. Для этого достаточно лишь прикосновения руки. Чернокнижникам приписывалось умение повелевать природными стихиями. Подозреваемых в бездожии «заложных» покойников и «облакопрогонников» обливали водой, рушили на крышах печные трубы, боясь, что те заморят людей и скотину. (166)

Если колдуны свое порочное ремесло прятали, то знахари лечили открыто: без молитвы и креста к делу не приступали. Читая тайные слова шепотом, полагали, что заговоры потеряют силу, если будут услышаны кем-либо. Среди знахарей были «специалисты» разного профиля. Женские и детские болезни лечили бабки.(84,с.21-37) Мужчины врачевали боли в суставах, пояснице, правили кости, выгоняли лихорадку. Заговорами оберегали домашний скот, останавливали кровь, отвращали от пьянства, лечили порчу и сглаз, болезни желудка, простуду.(269) Знали «тайные

слова» от диких зверей, от пули, шашки и копья.(54, с.267) Заговорами регулировали любовно-брачные отношения.(54,с.271) Тайные заклинания помогали посвященным находить подземные клады. В их поисках использовали змей, которых народ считал солярными существами, способными беспрепятственно проникать в подземные царства. В 1901 году корреспондент газеты Кубанские областные ведомости Г.Маликов сообщал, что на хуторе Каменноостском Майкопского отдела появился маг, имевший при себе двух гадюк. Хозяин кормил их хлебными крошками и после остатки пищи доедал. Это стало поводом к заключению, что маг – «шайтан». Чародей занимался раскопками древних курганов. Если раскопка обещала быть успешной, псалтырь и ножницы при прочтении псалма, обращались сами собой на восток. По словам хуторян, труды мага не оказались напрасными. Ему удалось выкопать золото. Никто не решился помешать «археологу», так как тот заранее предупредил, что напустит змей полную хату или выморит скот.(154)

Корни представлений о защитных свойствах заговоров уходят во времена первобытной истории. Простой народ верил, что всякое зло имеет своего царя или царицу и пребывает в глухих местах, где петухи не поют и не ступает нога православного человека. Для народных верований характерна персонификация болезней. Так, из 77 разновидностей лихорадки большинство знахарей лечили лишь семь самых страшных «сестриц», обитающих в сырых местах и появляющихся в полночь. Народная фантазия создала их в облике девушек в белых рубахах и с распущенными волосами.(217, с.с.88-89)

Традиционные формулы заговоров начинались с обращений или требований: «Заря, зарныця, Божа помощныця! Освяти своими лучами орданьску воду». «Гей кынь, нечыстый, из (имя рек) опой, та не будэ ему тоди. Опою ни в ричках, ни в балках, ни в озерах». (от пьянства)(269)

Заговоры испытали на себе сильное влияние Православия. Знахари обычно начинали и заканчивали лечение словами молитв «Отче наш», «Во имя Отца и Сына и Святого духа». Чудесными спасителями считались святые Петр и Павел, Исаакий, Пантелеймон, Варвара, Екатерина.

Императивные заговоры обращены к объекту воздействия и выражены в повелительном наклонении. Структурная композиция заканчивается требованием. На императиве строятся как зачины заговоров, так и эпическая часть. В общей структуре требование доминирует.

Особенность художественного стиля традиционных заговоров - наличие «сквозного симпатического эффекта» (193,с.89) - неоднократно повторяющихся эпитетов, используемых для характеристики симпатических средств: «железное», «золотое», «огненное», «белое». «... На том море - океане стоит столб каменный, на том столбе каменном стоит муж каменный, надевает рубашку каменную на раба Божия...». (77) В заговорной поэзии нередко встречается полилогия - ступенчатое строение текста. Один из распространенных мотивов - остановка кровотечения с помощью шитья. Традиционные заговоры содержали запреты, налагаемые на те хозяйственные работы, которые не следует выполнять в воскресенье до восхода солнца. Наказание ждет всех, кто в день отдыха православных рубит дрова или сеет муку.

Для текстов, сопровождающих ритуал, характерен императивный тон, вызванный стремлением запугать, подчинить своей воле и уничтожить смерть или болезнь. Специфическим способом внушения служило многократное повторение заговорных формул в сочетании с материальными (вода, хлеб, кожух) и ритуальными формами магии (окуривание, умывание, сбрызгивание, зализывание, сплевывание, загрызание). Каждый знахарь знал и пользовался только ему известными тайными приемами. Одни

наговаривали воду и давали больному. Другие выплескивали на перекресток, считая, что вместе с водой уйдет и болезнь.(325)

Примером сложного по структуре ритуального действия можно считать лечение «морщій-заключки». Для выполнения процедуры требовались определенные магические и актерские навыки. Больного ребенка ставили в проем двери и знахарка, приставив поверх его головы долото, ударяла по нему деревянным «ополоньком» (половником), затем делала отметки под ногами и вытянутыми руками, одновременно читая заговор. По народным понятиям, когда больной перерастал обозначенные границы, то, якобы вновь рождался для новой жизни, но уже здоровым.(217,с.с.74-78)

В ритуале «запекания» болезни, описанном Л.К. Розенбергом, ярко проявляется драматургическая основа действия, где слово и акция выполняют знаковую функцию. Лечение сопровождалось диалогом знахарки и матери ребенка и основывалось на веровании в очистительную силу огня. Сцена купли-продажи больного указывает на связь с обрядами жизненного цикла. Выкупая ребенка, мать как бы ограждала его от враждебных сил. Возвращение больного через окно продиктовано было желанием обмануть смерть. Магические слова, движения, реквизит, руководящая роль «режиссера» не были рассчитаны на зрительское восприятие. Ритуал имел самодавяющее значение и возникал как единая структура, в которой магия предметов, действия, ритма, слова слиты воедино и несут еще и эстетическую нагрузку. (217,с.с.78-79) В практике народных целителей магическое свойство приписывалось симпатическим средствам (костям, кольцам, цепочкам, ниткам, веревкам, камням, булавкам и пр.). Обереги носили на теле или прикладывали, полагая, что болезнь исчезнет.(217;с.с.220-223)

Некоторыми тайными приемами владели не только знающие, но и обычные люди. Особая роль в ритуально-магической практике отводилась

женщинам, которые чаще чем мужчины прибегали к «приворотам», «присушкам», молитвам. До замужества эта деятельность осуществлялась вне семьи. Став матерью, женщина получала знания по уходу и лечению детей. С возрастом ритуальная деятельность ее расширялась. Магическими обрядами и заговорами сопровождалась домашние работы, огородничество, уход за скотом. Так, для увеличения урожая огурцов, арбузов, подсолнечника и т.п. женщины сеяли семена в полночь непременно в «костюме прародительницы Евы». Во время цветения, взяв в руки мужские штаны, водили ими по грядкам. По народным представлениям, после этого завязей становится больше. (218)

В советскую эпоху свобода атеизма подразумевала свободу идейного наступления на традиционное мировоззрение. Однако, несмотря на запреты и гонения магия в различных ее формах сохранялась. Не утратила она своего значения и сегодня.

Тема таинственных явлений, необъяснимых фактов и феноменов стала обсуждаться в средствах массовой информации и научной среде лишь в период гласности. После семидесяти лет господства коммунистической идеологии, утверждавшей атеистические догмы, область необычного и сверхъестественного стала доступной для научных исследований и открытого обсуждения.

В последнее время все чаще говорится о том, что в соседстве с людьми находятся некие сущности, имеющую не биологическую, а иную природу. Высказываются гипотезы о возможности существования полевых форм, тонких структур в виде частиц или газа, из которых состоят неизвестные людям феномены. Предполагается, что мысли и эмоции представляют собой энергетические сгустки на полевого уровне, имеющие массу и концентрирующиеся в определенных местах. Там, где возникают негативные эмоции (ненависть, зависть, страх), люди испытывают

дискомфорт. Такие места называют гиблыми, проклятыми. Находиться в них человеку опасно. Верят люди и в пагубность словесного проклятия. По народным представлениям, помочь может только священник или знахарь.

Стойка в народе вера в «шумный дух» (полтергейст). С 1987 по 2001 год нам удалось собрать более трех десятков рассказов информаторов. Большую часть из них составляют истории о проделках домового. Описывая внешний вид сущности, информатор назвала его коренастым старичком с седой бородой и длинными до плеч волосами в белой шляпе. «Он смотрел на меня добрыми глазами и улыбался. Я поняла, что это домовый. С тех пор, начиная какое-нибудь дело, сначала говорю об этом «хозяину».(316) Как утверждают респонденты, домашние животные чутко реагируют на присутствие духа.

В домах индивидуальной застройки местом обитания домовых служат чердаки и печи, в многоэтажных домах - мебель, антресоли, углы квартир. Напоминают о себе стуком или пропажей вещей. Часто приходят во сне и душат. По рассказам очевидцев, у домового сильные лохматые руки, а сам он на ощупь как меховой комок. Одно из любимых занятий «хозяина» - плетение косичек. Присутствие домового в семье представляется явлением обыденным и потому удивления не вызывает. (317)

Живучи на Кубани предания об оборотнях. Оборотень не использует тело другого существа, а сам выворачивается наизнанку, приобретая облик животного. По народным преданиям, те, что похожи на волков («вовкулаки»), гораздо более по величине и с кольцом поперек туловища. Человек, обращенный колдовством в «вовкулака», остается в этом виде несколько лет, потом опять возвращается в прежнее состояние от удара, нанесенного кем-либо по опоясывающему кольцу. (36,с.104) Узнать оборотня можно по отметине на теле, оставленной, например, острым

предметом.(318) По сообщениям наших информаторов оборотни способны превращаться и в неодушевленные предметы. (319)

В народе распространено убеждение о том, что колдуны знают тайные заклинания и ими оберегают свое добро. Все без исключения рассказчики подчеркивали, что, оказавшись во дворе колдуна, не могли выбраться оттуда: на пути возникали непреодолимые препятствия. Спасти удается лишь, выбросив украденное.(320)

Надежным оберегом от сглаза и порчи считаются острые предметы. При посадке лука и чеснока на краю делянки в землю втыкают нож. Чтобы в дом не вошел непрошенный гость, в порог или над дверью втыкают иголки, колючки, лезвие старого ножа. Верной защитой от порчи считаются булавки, спрятанные в складках одежды.(321)

По словам информаторов, образы живущих могут являться окружающим наяву. Появление двойников, как правило, ставит очевидцев в затруднительное положение. Все, кто видел прижизненных двойников, констатировали, что произошедшее выходит за рамки понимания феномена. «О том, что на выходных хозяина богатейшего подворья не будет дома, знали вся станица. Нашлись и искатели приключений – местные подростки. Забравшись во двор, увидели... спокойно расхаживающего хозяина. Они не поверили своим глазам, потому что видели, как все семейство уехало в город. Воришки уверяли, что хозяин их тоже видел, но ничего не сказал, только как-то странно запрыгал». (322)

Есть мнение, что фантомные существа, имеющие внешность «оригинала» и неотличимые от своих создателей, вызываются осмысленным и направленным действием. Способность создавать двойника демонстрируют люди, знакомые с магической практикой.

В среде простого народа бытует представления о призраках - образах умерших, не нашедших упокоения в виду несоблюдения необходимых

обрядов при захоронении. Информаторы утверждают, что избавиться от наваждения удастся с помощью молитвы. Шумы и явление призраков прекращались и после того, как в могилу захоронили вещи умершего.(323) Распространено поверье, что в гроб нужно вбить осиновый кол, тогда дух не будет беспокоить живущих.

Чародеи свои способности от окружающих прячут и потому даже родственники долго ничего об этом не знают. Информатор сообщила нам, что о колдовских проделках своего мужа она узнала случайно. Перед смертью их передал ему прадед. «Только взял за руку, и с тех пор началось».(324)

Члены семейств, где нет мира и согласия, нередко подозревают друг друга в связях с колдунами, ищут подтверждения своим догадкам. Обстановка накаляется. Дело заканчивается ссорой. Бабки, к которым обращаются в таких случаях, говорят: «Кто первым придет, тот и «сделал».(325)

По народным представлениям, более всего от порчи страдают дети, поэтому в первые месяцы младенцев чужим не показывают. Но и после, взглянув на дитя, всякий должен сплюнуть и сказать: »Тьфу, на тебя!»! Если кто-то чересчур расхваливает и восхищается чужим ребенком, знающие люди советуют родным сказать про себя: «Соль в глаза».(330) Надежный способ оберега от злодеяний колдуна - показ «дули» (кукиша).

По народным поверьям, ведьмы портят домашний скот. Информатор из станицы Вышестеблиевской Темрюкского района сообщила, что ее бабушка лечит коров так: берет стакан воды, шепчет молитву и бросает в воду зажженные спички. Если спички потонут, корову сглазили. Тогда просит у хозяина ношенные брюки и водит ширинкой по крупу больного животного от головы до хвоста. Ширинку пропитывает наговоренной водой.(326) Чтобы корову не сглазили, сдоенное молоко накрывают.

На хуторе Адагум Крымского района нами зафиксированы отдельные компоненты древнего обряда опахивания, который выполняется в надежде, что коровья смерть уйдет от границ домашнего подворья. Охранный обряд исполняют женщины в глухую полночь перед отелом. Апотропеем служит не только магический круг, но и лопата, которой хозяйки копают вокруг сарая лунки. Весной перед выгоном скота в «череду» (стадо) механизаторы опахивают плугом пастбище. Если корова отелится ночью, будят детей, чтобы они первыми взглянули на теленка. Говорят: «Детский взгляд чистый». В описании информатора словесные тексты не упоминаются. (327)

Перед тем, как дать молоко чужим людям, читают «Отче наш». За молоко полагается расплатиться мелкой монетой или положить на дно ведра кусочек хлеба.(329) В день отела чужих людей к себе не пускают, ничего не вносят и не выносят из дома. У дойной коровы пропадет молоко, если отрезать кисточку на хвосте.(330)

Охранная сила придается веткам калины и чабрецу, которые развешивают над порогом сарая и курятника. В первый день выгона коровам у основания хвоста крепят иголку с ниткой, чтобы не сглазили.(329) или привязывают на шею красную ленточку.(327)

К корове-кормилице относятся с большим уважением. Если корова случайно наступит ногой в ведро, молоко выливают домашней птице с приговором: «Тебе молочко, нам яичко».(314) Тексты, сопровождающие доение, бывают чаще простейшие, двучленные, реже с распространенным повествованием и перекликается с духовными стихами.

Охранную функцию выполняет мужской пояс, который кладут на воротах, прежде чем завести купленную корову во двор; животное должно через него переступить, тогда болеть не будет.(329) Новые хозяева уводят ее

на «налыгаче» (веревке) прежних хозяев. В этот день ничего не дают чужим (к убытку).

В вербальных формах - заговорах и приговорах - по-прежнему сохраняются обращения императивного характера: «Божья Мать! Меня заступают и покрывают злые и лихие люди. Божья Мать! Сцепи им губы и зубы на рабу Божью (имя рек). Святые Гурий, Самуил и Аверий! Помолите Господа Бога и устройте мою семейную жизнь».(331) По-прежнему в заговорах сохраняются ритмически организованная структура, а временами и рифма: «Выгоняя скотину в первый раз на пастбище, хозяйки говорят: «Чистое поле, вольное раздолье. Пройдите Сорок Святых тем полем, тем вольным раздольем. Окрестите мою скотину крестом, гоните хлыстом. Поднимите ее от худа-беды. Крест Господний, хлыст пастуший. Аминь, аминь, аминь».(332)

Как и в прошлом, в заговорах фигурируют архаические образы «ночниц», «зари», «солнца красного», «месяца», «ветра», «звезд». В составе календарных обрядов последний день февраля рассматривается временем, удобным для прошения о приплоде домашнего скота. Старший мужчина, выйдя во двор, трижды крестится и читает: «Засветись, звезда ясная, на радость крещеным, церковью освященным. Заглянь, звезда ясная, на двор (имя рек), ты освети огнем негасимым белоярских его овец. Как в небе Господнем нет числа звездам, так бы у раба Божьего (имя рек) уродилось овец более того. Аминь».(332) Лечебные заговоры также начинаются с обращений к персонифицированным недугам: «Привстрит, Привстрит, водяной, чоловичий, жиночий, дивочий. Я тэбэ вызываю, я тэбэ выкликаю, з очей, з плэчэй, з рук, з ног...». (333; 80, с.с.108-111)

В колдовских заклинаниях традиционно действуют представители темных сил: «Черт идет водой, волк идет горой. Они вместе не сходятся, думы не думают, мыслей не мыслят, плоду не плодят, плодовых речей не

говорят. Так бы и (имя рек) мыслей не мыслили, речей не говорили, а все бы как кошка с собакой жили».(334)

Довольно часто встречаются заклинания, основу которых составляют сопоставление и уподобление - реального и желаемого. Так, чтобы отучить петуха бегать по соседским дворам и огородам, забивают в первую от двери половицу гвоздь и говорят: «Как этот гвоздь держится полу, так петух держался бы своего дому».(332) Приведенный заговор - пример двухчленной формулы, широко используемой в календарных обрядах, народной медицине, обрядах жизненного цикла, для оберега домашнего скота. Для того чтобы избавиться от ведьмы, превращающейся в ужа и сдаивающей молоко у чужих коров, берут хозяйского кота, с ним обходят углы сарая и говорят: «Домовому и коту, а не болотному ужу. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь». В одно блюдце наливают молоко домовому, в другое коту. Уходя, добавляют: «Кота с собой забираю, а корову на домового оставляю».(332)

Рубежом, отделяющим «свой» и «чужой» мир, служит порог дома. Через порог не здороваются, не прощаются, не дают займы и не возвращают долг, иначе случится несчастье. На пороге «выливают» испуг, лечат порчу, за порог выбрасывают предметы туалета больного.(325) Наговоренную воду выплескивают на улицу. Читают заговоры и над проточной водой, считая, что вместе с нею уйдет недомогание.

В простонародье сохраняется вера в магию действия. Чтобы не болела спина, в первую летнюю грозу прикладываются спиной к дверному косяку.(335) Скорлупу пасхальных яиц дают курам, тогда лучше будут нестись. Чтоб всегда водились деньги, смотрят на молодой месяц, держа в руке монету.

Собранный нами фактологический материал и исследования других ученых, в частности, М.В. Семенцова, А.М. Дьяченко (228-229;80)

позволяют утверждать, что за два последних столетия заговорно-обрядовая культура Кубани претерпела изменения, но по-прежнему находится в состоянии активного бытования. Как и прежде, традиционное мировоззрение составляют архаические верования в очистительную силу огня и воды, в магический круг, сохраняются представления о болезнях как антропоморфных существах. Простые люди верят, что белая магия направлена на упорядочение мира, в то время как колдовство стремится к дисгармонии. Передаются магические знания и умения от старших к младшим, большей частью, в семье.

Доминирующая функция вербальных форм - направленное действие словом с целью получения желаемого результата. Словесные формулы состоят из простых и сложных ритмически организованных фраз. Магическую роль выполняют и предметы-символы. Заговоры охватывают наиболее важные сферы народной жизни. В зависимости от тематической направленности они делятся на: любовные, лечебные, хозяйственные.

Все три группы заговоров обеспечиваются:

1) традиционной диагностикой (приметами и гаданиями: любит-не любит; здоров - болен; желательно или нежелательно выполнять те или иные работы);

2) апотропейными мерами для достижения успеха в любви, хозяйственной деятельности, в охране жизни и здоровья;

3) практическими приемами и средствами (ритуалы по регулированию добрых, супружеских и семейных отношений, лечение и помощь в ведении домашнего хозяйства).

Советская наука игнорировала суеверные и сверхестественные аспекты традиционной культуры, огульно порицая магию и оккультизм. Ситуация с тайным знанием кардинально изменилась к концу XX века. Наблюдается взрыв интереса к религиозно-мистическим и магическим ритуалам.

Возрождение явления во многом связано с актуализацией этнического и национального самосознания. При наличии проблем в официальной медицине востребованны траволечение, костоправство, гадание, ясновидение. Профессионально запущенные в оборот с использованием богатого арсенала современных информационных технологий, они ориентированы на вкусы широкой публики и стереотипы массового сознания.

ВЫВОДЫ

В патриархальном обществе календарный праздник был связан с культом, обрядами и выполнял функцию регуляции эмоционального состояния и коллективного опыта. В обрядовом фольклоре закодирована идеология этнического сообщества.

В календарный комплекс входили обычаи и традиции, приуроченные к памятным датам православных святцев и обряды производственного назначения, сопровождавшие важнейшие события народного быта. Сельская община, регулируя общественно-экономическую и культурную жизнь, следила за исполнением обрядово-праздничных установлений. В праздничные дни прекращались всякие работы. Нарушение традиций влекло за собой применение санкций морального и административного порядка.

Исторические материалы свидетельствуют о том, что роли исполнителей обрядов четко регламентировались и рассматривались как жизненно важные, сакральные. До начала XX века календарная обрядность носила коллективный характер и строилась по принципу половозрастной иерархии. В компетенцию пожилых женщин входили ритуалы, связанные с культурами воды и смерти. Мужчины и женщины зрелого возраста, имевшие

опыт хозяйственной деятельности, исполняли обряды по обеспечению урожая. Холостая молодежь, подростки и дети участвовали в играх, хороводах, ряжении. В ритуальном общении внутри половозрастных групп и между поколенными группировками воспроизводились и передавались социально значимые формы поведения.

Анализ ритуального поведения в рамках календарных обычаев и обрядов проясняет смысл мифологических представлений раннего этапа этнокультурной эволюции, когда доминировали жесткие запретительные и разрешительные формы регуляции, относившиеся главным образом к родственным и соседским отношениям, к сфере жизнеобеспечения.

Основные календарные комплексы приходились на переходные моменты в годовом цикле. Их ядро составляли: подготовка реквизита, ритуальных блюд и символических атрибутов; исполнение фольклорных текстов; получение вознаграждения и коллективные трапезы. Темные силы символизировали стихийно-природные свойства молодежного возраста, отсюда проявления крайних форм поведения ряженных.

Культурная политика большевиков, направленная на уничтожение календарных, религиозных и семейно-бытовых укладов, привела к деградации традиций. Разделение массового праздника на парад-демонстрацию и народные гулянья было типичным для всех регионов страны. Санкционированные, срежессированные и отрететированные зрелища вытеснили игру, импровизацию. На смену стихийному самовыражению пришли организованные формы межличностных общения. Утверждение общесоюзных стандартов, игнорирование многообразных местных этнокультурных традиций способствовали унификации культуры.

Проблема заключается в том, что с исчезновением носителей и сфер бытования фольклора, нарушается преемственность в сохранении, воспроизводстве и передаче культурного наследия. Сознательное

включение в фольклор авторских приемов, ориентация на сценические формы пропаганды народного искусства ведут к эклектике и искажению самобытности празднично-обрядовой культуры региона.

В современном обществе ценностные системы все более приобретают лично значимый характер. Массовый календарный праздник рассматривается как средство реализации индивидуальных культурных потребностей.

Народная заговорно-обрядовая культура Кубани в прошлом содержала в себя архаические воззрения – такие как анимизм, тотемизм. В том, что принято считать тайным знанием, есть как минимум три составляющие: религиозная, целительская и регулятивная. В прошлом лечением занимались многочисленные категории знахарей с конкретными специализациями (хотя врачевать умели и колдуны). Знахари были поборниками этических традиций: не имели права отказывать просителю и тем более требовать за услуги какой-нибудь платы.

Колдуны и ведьмы отличались тем, что умели осуществлять виртуальные контакты с нечистой силой и наносить вред окружающим. Для виртуальной практики требовались некие суперсенситивные и экстрасенсорные способности, которые они получали от других «специалистов» или свыше. Главное же, они умели входить в измененные состояния сознания (ИСС) и работать в них.

У каждого колдуна или ведьмы известные только им специфические техники работы в измененном состоянии сознания. В лечебных сеансах используется психотерапия: больной человек должен поверить в то, что исцеление наступит обязательно. Во время сеансов в ИСС вводятся и перципиенты. В настоящее время есть научные подтверждения тому, что некоторые люди обладают паранормальными способностями, дающими им

возможность воздействовать на окружающих, но многие тайны подобного воздействия остаются пока неизвестными.

Магическая практика, основанная на традиционных корнях, имеет многовековую историю, и это подтверждает ее реальность и большие возможности. Однако, перенесение заговорно-обрядовой культуры на неаутентичную социальную почву, не всегда благо для нее, что наглядно демонстрируют исполнительские жанры фольклора, освоенные художественной самодеятельностью и профессиональными мастерами. Востребованность аутентичного фольклора и его вторичных форм исходит из потребности в альтернативных парадигмах. Переосмысление многообразных пластов традиционной культуры означает расширение массового сознания, введение в него иных культурных стереотипов, обретение новых социальных связей и перспектив. Эти тенденции определяют необходимость бережного отношения к традициям и инновациям в календарном и заговорно-обрядовом фольклоре.

ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ)

3.1. СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО ФОЛЬКЛОР

Запорожские сечевики представляли собой свободное от семейных уз братство. Бессемейная «сиррома» была и в нижнем слое сообщества, и в командной верхушке. Было ее немало и среди переселенцев, устремившихся на Кубань. Приоритетными ценностями «рыцарства» считались военная доблесть, демократизм, приверженность к вольнице.

В первые десятилетия колонизации края численность мужчин в массе переселенцев преобладала. Для обеспечения прироста населения войсковая администрация вынуждена была пойти на кардинальные меры: запрещалось

отдавать невест и вдов, «на сторону». Использовались и экономические стимулы. Так, размеры земельных наделов напрямую зависели от числа мужчин в семье.

Отношения в казачьих семьях определялись спецификой пограничного края и сословными традициями. Главными занятиями мужского населения помимо военной службы были земледелие и скотоводство. Отхожим промыслом подрабатывали лишь отдельные хозяйства. Характерное проявление замкнутости казачьего быта - браки, заключаемые преимущественно в своей среде. Вступать в родство с иногородними считалось зазорным. Смешанные браки с представителями иных социальных и этнических групп стали распространенными только в советские годы.

Патриархальные семьи, большей частью, состояли из 3-4 поколений. Такая картина наблюдалась, прежде всего, в линейных станицах. Стимулом к образованию большой семьи являлось нежелание дробить владение и имущество. Неразделенная семья, состоявшая из родителей, женатых сыновей и их детей, сохраняла специфические черты векового уклада: общее хозяйство, коллективная собственность, общая касса, коллективный труд и потребление. Старший мужчина руководил хозяйственными работами, представлял интересы семьи на сходе, распоряжался семейным бюджетом. Сохранение семьи целиком зависело от него. Младшие члены семьи безропотно подчинялись старшим.

Согласно положению о воинской повинности, мужчины с 20-ти до 45-ти лет обязаны были один год служить «в сотне», а другой состоять на льготе. Установление имело свои плюсы и минусы. Ушедшие на службу казаки, не имевшие отца и братьев, оставляли хозяйство на попечении жены. Без мужчины хозяйство приходило в упадок. Действующее положение было выгодным для тех, кто жил в большой семье. Двоих

братьев никогда не зачисляли в строй одновременно. Пока один находился на службе, другой работал на благо всех.

В 70-х годах XIX века этот порядок был отменен. Теперь казак, достигший двадцатилетнего возраста, обязан был отбыть пять лет на пограничной службе, чтобы затем уйти на льготу. При таком раскладе удерживающей силы в сохранении семьи не стало. После службы, а иногда и до нее, братья приступали к дележу имущества. Пошатнулась и власть отца. Если раньше он мог наказать сына, ничего не выделив из общего хозяйства, то теперь сыновья, опираясь на силу закона, делились с отцом на равных. После раздела в отцовском доме оставался младший сын. Старшие братья выбирали себе новые поместья или делили отцовский двор. Все это постепенно вело к нарушению жизненного уклада. (179,с.с.37-82)

События семейного значения – свадьбы, родины, крестины, похоронно-поминальные обряды, «входины» (новоселье), проводы на службу, проходили в соответствии с установившимися обычаями, вносили оживление в монотонный ритм трудовой жизни. В свадебных обрядах русских и украинских групп, проживавших на обследованной территории, как и во многих других элементах народной культуры, обнаруживается много общего. Это объясняется тем, что в кубанской традиции сохранились многие черты, свойственные всем восточным славянам.

Брачные узы связывали супругов на протяжении всей жизни, разводов практически не знали. У девушек брачный возраст наступал в шестнадцать лет и заканчивался в двадцать два - двадцать три года. Парни женились с семнадцати - восемнадцати лет. В этот период молодежь называли невестами и женихами. Решающее значение при выборе пары имело материальное положение, физическое здоровье, а уже затем внешний вид. Нежелание создавать семью воспринималось общиной как покушение на жизненные устои и общественным мнением порицалось.

Для традиционного свадебного ритуала обязательна неузнаваемость лиминальных существ - переход новобрачных из одной социальной группы в другую. Представление о новобрачных как хтонических существах и их «нечистоте» в переломные моменты жизни выражалось в переодевании в новую одежду, а для невесты еще и в изоляции от окружающих. К началу XX века момент изоляции выступал в форме сокрытия лица, что можно рассматривать как защиту от враждебных сил и, одновременно, как временное пребывание ее в потустороннем мире.

В кубанской свадебной церемонии есть эпизоды, требующие особого таланта импровизации. Один из них - с в а т о в с т в о, результаты которого не всегда были известны заранее. Идя в дом невесты, сваты не были уверены, что получат согласие девушки и ее родителей. Чтобы добиться благоприятного исхода дела, требовалось умение управлять импровизированным спектаклем, задавать темп действию, исправлять ошибки исполнителей, вводить коллективную игру в русло традиции. Искусство выдавать желаемое за действительное и породило, по всей вероятности, поговорку – «брешет, как сват». Диалог велся иносказательно. Отступались только после третьего отказа. Знаком служило возвращение принесенного хлеба (в черноморских станицах еще и тыква). Обоюдное согласие скреплялось р у к о б и т ь е м.

В черноморских станицах начальный эпизод называли з а р у ч и н ы (зарученье), устраиваемые в доме невесты. Угощение хозяев выпивкой сопровождалось подношением платков, рушников, денег. Досвадебное знакомство затем проходило в доме жениха и называлось «розглядыны» у черноморцев, «смотреть на загнетку» (полку в устье печи, куда ставили посуду с приготовленной едой) у линейных казаков. Таким образом, мать и отец девушки хотели убедиться в том, что их дочь не будет испытывать

нужды в чужом доме. На встрече обсуждались материальные затраты каждой из сторон.

Затем сватовство переходило в новую стадию - будущий тесть просил в ы г о в о р (выпивку, закуску, подарки для невесты). Следующий эпизод традиционной свадьбы - п р о п о й - проходил в доме невесты, куда приглашали родных и молодежь. Особенность данного компонента свадебного комплекса заключалась в величании всех присутствующих, начиная с родителей невесты. (180,с.56) Словесные тексты игровых песен, которыми величали молодые пары, максимально согласованы с действиями исполнителей. Песни в отрыве от игры теряли всякий смысл. Типичный пример игровой песни «Скоро еду в Раскитай-город гуляти». Из круга выходил парень, изображавший «мужа», под пение хора кланялся «жене» и вручал подарок. Молодая пара целовалась и выходила из круга, ее место занимала следующая. Игры «в свадьбу» служили подготовкой молодежи к переходу для выполнения новых социальных ролей. Для семейных пар величания были актом общественного признания.(261, с.70-71)

Величальные песни пели сначала жениху и невесте, «дядьке», потом холостым парням и женатым мужчинам. Неженатых величали вместе с девушками, женатых с женами.(180с.61) Особенность таких песен - в преувеличении, идеализации внешности и поступков объектов величания. При описании жениха и холостых парней подчеркивалась их красота. В оценке женатого мужчины указывалось на богатство одеяния. При этом использовалась специфическая символика: жених представал в образе «воина», «ясного сокола», невеста – «голубки», «чечетушки». (187,с.250)

В свадебных величаниях при сопоставлении или противопоставлении образов природы и главных героев часто используется психологический параллелизм. Распространён мотив величания хозяйского дома как терема.(187,с.287) В песнях-величаниях нашли отражение такие идеалы

простого народа, как физическая и нравственная красота, достаток, крепкая семья. Большинство песен имеет благожелательный характер. Недоброжелательный тон звучит в словах, адресованных свекру и отцу, «пропившему» родную дочь (187,с.252)

Тема недоброжелательности в отношениях молодой невестки и свекрови отражена в песне «Даш мэнэ, мий батэнько, молодую», построенной в форме диалога отца и дочери.(186,с.68) Среди традиционных величальных песен встречаются тексты, построенные в вопросно-ответной форме с развернутой характеристикой персонажа.(187,с.258) Встречаются контаминации нескольких композиционных форм. Примером мозаичного способа компоновки стиховых фрагментов являются варианты величальной песни «Что по бугрику бочоночек катается», исполняемой в одном случае супружеской паре, в другом парню и девушке.(187, с.254) Контаминация мотивов осуществляется по признаку сюжетного, эмоционального и лексического родства.

К началу XX века из свадебного комплекса стал исчезать такой специфический компонент, как «с в о д ы».(189,с.293) Описывая свадьбу в станице Кавказской, А.Д. Ламонов заметил, что своды устраивали лишь в семьях старожилов. Ритуал проходил в форме игры-шутки, в ходе которой жених должен был узнать свою невесту среди подруг, скрытых головными платками. Сокрытие лиц и одинаковость указывают на связь с потусторонним миром. Игра заканчивалась «торгом»; в завершении его «купец» под пение девушек трижды целовал невесту. На сводах жених и невеста публично называли новых родителей отцом и матерью.

Следующий эпизод традиционной кубанской свадьбы – «д е в и ч - н и к», на который собирались мастерицы для помощи в сборе приданого. Во время работы пели протяжные песни. Прощальные песни почти не отличались от внеобрядовой песенной лирики. Особым драматизмом

проникнута свадебная песня, в которой умерший родитель дает последние наставления своей дочери накануне свадьбы:

- Ой, кланяйся, дытя мое, чужий чужини.

Нэхай дають порадоньку бидний сыротыни.(186,с.73)

Близка к ней своим эмоционально-психологическим настроем другая обрядовая лирическая песня «Субботонька, нэдэлинька, як одын дэнь», настраивающая невесту на доброжелательные отношения с матерью супруга:

- Ой, назву я «свэкрушенька», та й нэ гождэ,

Ой, назву я «матинкой», мылый гожий.(186, с.76)

В старинных свадебных песнях встречается мотив возвращения из загробного мира умершей матери, чтобы отправить дочь к венцу.(186,с.80)

На девичнике, как и в других эпизодах свадебного комплекса, предпринимались охранные меры: подруга невесты («светилка») на протяжении всего вечера восседала в красном углу, держа в руках свечу, вправленную в пучок васильков. Особенность кубанской вечеринки состояла в том, что на нее приходил жених с «боярами» и одаривал невесту и родных подарками. Молодёжь под музыку пела и плясала.

В черноморских станицах существовал обычай перевозить приданое обычно ещё до венчания. По пути и при въезде во двор пели обрядовые песни.(180,с.63) Отец жениха встречал гостей водкой с закуской и выкупал каждую вещь. Гости величали невесту и ее новую родню.(261,с.52) Не имея магического значения, такие песни способствовали реализации обряда.

Обрядовыми песнями и ритуалами сопровождалась выпечка шишек и каравая. Замешивая тесто, женщины прятали в него три серебряных пятака (знак богатства). Символическое значение имели тестяные птички и три вишневые веточки, украшавшие каравай. Они должны были принести любовь и плодородие. Чтобы выпечка стала «кучерявой» (пышной),

женщины снизу вверх трижды махали веником, целовались, стоя крест-на-крест и пели заклинательные песни. Сажать каравай в печь доверяли кудрявому мужчине или мальчику. (261,с.с.53-54) Двоеверие, как синтез языческих и христианских мотивов, фиксируется в обычае загадывать на судьбу молодых. С помощью трех восковых свечей (во имя святой Троицы), зажженных на испеченном каравае определяли, кто из новобрачных проживет дольше.

В процессе исторического развития ритуальное пение испытало сильное влияние народной лирики, что сказалось на поэтическом содержании, композиции и художественном стиле произведений. Примером служит песенный фольклор, сопровождавший обряды «уквичения» свадебного поезда гроздьями красной калины и благословения невесты. (261, с.69)

Обязательный элемент традиционной свадьбы - г о л о ш е н и е невесты. По мнению фольклористов, русская свадебная причеть сложилась в XIV - XV веках.(274,с.с.36-59) Долгое существование традиции обусловило появление многообразных форм причитаний, что подтверждается записями, сделанными на Кубани в конце XIX - начале XX веков. В ареал их бытования входили как черноморские, так и линейные станицы. По обычаю невеста голосила ранним утром в день венчания. Причитания сохраняли связь с разговорным языком той местности, откуда прибыли переселенцы и, чаще всего, представляли собой ритмически организованную прозу. Если невеста была сиротой, ее вели на кладбище оплакивать родителей. Венчание могло совершаться в день свадьбы или за несколько дней до нее. Обвенчавшиеся не считались супругами до тех пор, пока, не сыграли свадьбу.

Важную роль в кубанской свадьбе играл обряд с волосами. Девичья прическа состояла из одной косы (иногда из двух у черноморских казачек) и олицетворяла девичество, вольное житье в родительском доме. Под пение

сваха, крестная и родная матери распускали невесте волосы и заплетали косу. Гости величали невесту и подруг.

В конце XIX - начале XX веков на убранстве невесты сказалось влияние городской моды. Венок стали украшать легкой фатой белого цвета и восковыми цветами. На смену традиционному костюму, состоящему из домотканной рубахи, юбки, фартука и пояса пришли платья белого цвета из атласа и шелка. Одетую невесту сажали за стол («на посад» - подушку), подруги, находившиеся рядом, пели печальные песни. Отец с матерью благославляли дочь на вывернутой мехом вверх овчинной шубе. Невеста голосила.

В день венчания ритуальное пение женщин оповещало о сборах жениха. (186,с.257) В другой ритуальной песне женщины просят мать жениха свить «симьсот квиток, ще й чотыре» и украсить ими «бояр.(186,с.81) Символом благополучия и достатка служила «дежа» - кадка для теста, вокруг которой мать обводила сына перед тем, как отправить за невестой. Гости величали жениха. (186,с.259)

Диалог дружка и «стражи», охранявшей подступы к дому невесты, представлял собой актерскую импровизацию. Сцена «торговли» за право войти в дом и занять место рядом с невестой, проходила живо лишь тогда, когда импровизаторы находили нестандартные способы решения проблемы. Охрана получала деньги, «варенуху» (спиртное) и «шишки». Зять подносил теще «чоботы» (обувь), тестю «борону» (печенье). Каждая сцена сопровождалась игрой и пением.

На пути следования свадебного поезда соблюдались все необходимые меры защиты. Избегали проезжать по дороге, на которой поднялся вихрь. Для того чтобы оградить себя от порчи и сглаза, на каждом перекрестке жених и невеста крестились и читали молитву «Да воскреснет Бог». После венчания свадебный поезд трижды объезжал вокруг церкви, чтобы колдуны

не обратили всех «в вовкулаков» (волков). (36,с.104) Обязательно соблюдался очистительный ритуал: у ворот новобрачные прыгали через костер, взявшись за концы платка.(36,с.113) Магическое значение имел обряд осыпания зерном, хмелем, монетами и величание свекрови. (186,с.71)

В свадебный комплекс первого дня входил обряд «повивания» невесты, совершаемый замужними родственницами жениха. Новобрачной распускали волосы, заплетали две косы или свивали в жгут по-бабьи, затем покрывали платком или одевали «шлычку» (шапочку). По обычаю, невеста должна была сбросить головной убор, но в конечном итоге смириться. Во время исполнения обряда над ее головой держали покрывало. (36,с.109-111) Соблюдался и обычай снятия молодой женой обуви с супруга в первую брачную ночь. Муж слегка ударял ее по спине голенищем или нагайкой, чтобы помнила, кто в доме хозяин. Сцена публичной демонстрации девственности невесты сопровождалась стрельбой из ружей, ритуальным пением, подношением новобрачной бутылки водки и шишки с пучком красной калины (символ перехода в новое качество). Родителей, что не досмотрели дочь, подвергали общественному позору: надев хомут, водили по улицам и подносили рюмку водки, с просверленной на боку дыркой.(189,с.303)

Самый оригинальный жанр свадебного фольклора к о р и л ь н ы е песни или дразнилки. Обрядовый смех связан с культом плодородия, с ритуалами пробуждения жизненных сил.(202,с.с.189-190) В контексте свадебного ритуала смех выполняет коммуникативную функцию и может рассматриваться как сообщение, направленное одного субъекта другому. Как сигнал, он выражен в речи, жестах, поведении и выступает кодом, за которым скрыт определенный смысл.

В рамках свадебного обряда смеяться могут над отдельным индивидом и группой. В кубанской свадьбе принято насмеяться над сватами,

женихом, подругами невесты, боярами за неумение вести себя в «обществе», а чаще за скупость. Если в величаниях участники свадьбы выступают как положительные герои, то в корильных песнях они предстают обжорами, пьяницами, нищими. Главный принцип в создании песенных образов - гротеск, преувеличение.(128, с.с.97-111)

Свадебные песни смехового характера, вероятно, появились в результате трансформации древних скоморошин, сохранивших следы сексуальной свободы язычников. Нет сомнения, что на них сказалось и влияние «прысьпив» (припевок). Дразнилки исполняли в эпизоде приезда свадебного поезда, во время пира и коллективных плясок гостей. (186,с.86)

Третий день свадьбы - п о н е д е л ь н и к - представлял собой карнавальное зрелище ряженных. Социальное значение свадебного карнавала состоит в инверсии социальных ролей и снятии запретов.(12, с.180) Смех, символизирующий здоровье и благополучие, не только создает настроение, но и мобилизует творческие усилия участников карнавала. Дети смеются над действием, взрослые – над его смысловым содержанием и подтекстом. Традиционный прием в свадебном карнавале – «антиповедение» в виде травестии и ритуального сквернословия.

По традиции переодетые цыганами и вооруженные дубинками гости, ходили по дворам, воровали кур и несли в дом, где играли свадьбу. (216) Обязательно совершался ритуал с купанием матери молодого. (142, с.708) Одаривание новобрачных и сцена вступления в права молодой хозяйки сопровождалась пением, приговорами и вручением свекровью атрибутов женской «власти» - деревянной лопаты, рогача и кочерги. (36,с.с.115-116) Ритуальное блюдо - лапша, приготовленная из чужих кур и сладкий пирог, политый медом. В последний день у порога дома забивали кол. В станице Бекешевской свадьба завершалась «тушением пожара»: дружка поджигал пучок конопли, бросал на землю, а гости его топтали. (36, с.116-117) Как и

в южнорусских губерниях России, (292, с.88) этот обычай на Кубани был малоизвестен.

В начале XX века на свадьбы стали приглашать полковые оркестры, которые при встрече новобрачных и во время поздравлений гостей играли маршевые мелодии и туш. В разгар торжеств пускали ракеты.

Подводя итог, отметим, что традиционная кубанская свадьба в XIX - начале XX веков представляла собой массовый народный театр с обрядовым пением, заклинаниями, плясками, игрой на музыкальных инструментах, ряжением, ритуальным пьянством и смехом. Эта сторона свадьбы имела непосредственное отношение к языческим обычаям. С другой стороны, народная традиция вобрала в себя духовные ценности Православия. Брачный союз скреплялся венчанием в церкви. Органическое сочетание народной и христианской культуры - отличительные признаки традиционных свадебных обрядов, бытовавших в среде казачьего населения Кубани. Сложные напластования были обусловлены также своеобразием формирования этнического состава населения, непосредственным взаимодействием культур в районах смешанного расселения народов.

В результате длительных исторических контактов, под влиянием сходных условий жизни черноморцев и линейцев сформировались общие черты в свадебных обрядах восточнославянского населения Кубани. К ним относятся обычаи сватовства, сговора, знакомства родственников, предсвадебные вечера, участие свадебных чинов в выкупе, повивании невесты, приготовлении обрядовой пищи, брачной постели и др. Веселый и жизнерадостный характер ритуальных игрищ способствовал сближению южнорусской и украинской традиций и, в то же время, отличал от северорусской свадьбы.

Под влиянием социально-экономических и культурных преобразований в первой половине XX века произошло постепенное упрощение,

сокращение и слияние обрядовых действий. Переосмысливались древние религиозно-магические мотивы обряда. Свадьбы все более приобретали развлекательный характер.

Представления о превращении существ в качественно новое состояние и необходимость соблюдения мер для обеспечения этого перехода имеют прямое отношение и к родильным обрядам. Согласно традиционным воззрениям, новорожденный и его мать таят в себе большую опасность для окружающих, поэтому роды чаще всего принимали отдельно от домочадцев или в нежилых хозяйственных постройках. Обособляли рожениц еще и потому, что боялись порчи и сглаза. Помощь в родах оказывали повитухи (в черноморских станицах «пупоризны бабы»), они же совершали основные обрядовые действия. Апотропейное значение имели расплетание роженицам волос, развязывание пояса, отпирание замков. В особых случаях просили священника открыть царские ворота и отслужить молебен, а мужа трижды переступить через ноги роженицы. Повивальная бабка зажигала лампадку и читала молитвы. Если новорожденный не подавал признаков жизни, бабка громко произносила имя отца. Стоило ребенку закричать, говорили: «Бабка откликала». (84, с.37) «Место» повитуха вызывала, присвистывая и причмокивая губами. В качестве амулета его носили на шее от лихорадки. По утолщениям на пуповине, соединявшей мать и ребенка, повитуха гадала, будут ли у женщины еще дети.(303, с.2) Сразу после родов бабка совершала ритуальные действия с плацентой: мыла в трех водах, сворачивала калачиком и закапывала в потаенном месте. Если родители хотели и дальше иметь детей, то конец пуповины укладывался сверху, если их было достаточно, пуповина оказывалась внизу.

Охрану жизни матери и ребенка обеспечивали превентивные обряды, в которых отразились укоренившиеся взгляды на нестабильное состояние роженицы и младенца, находящихся на грани реального и трансцендентного.

«Нечистых» обязательно очищали свяченой водой. Если состояние рожницы было удовлетворительным, на третий день совершалось «размывание рук».(303,с.2) Исполнение обряда начиналось с подношения хлеб-соли. Ритуальными атрибутами служили печная заслонка и «нехвороща» (сырье для веников), на них роженица ставила ногу. В чашку со свяченой водой бабка опускала хмель и, держа ложку левой рукой, трижды сливала роженице на руки, читая молитву. Женщина пила из горсти (чтоб молоко прибывало), а затем умывалась и мыла руки. За причастность к родам, которые по народным понятиям считались греховным делом, полагалось очищаться и бабке.

Обязательный компонент ритуала - по три поклона на образа и друг другу. За работу повитуха получала подарки и деньги. Заканчивался обряд поцелуями и словами благодарности.

Обряд размывания рук имел и другие вариации. В Чамлыкской станичная повитуха просила женщину поставить правую ногу на топор, лила из чашки свяченую воду, приподняв руки над лицом роженицы. Вода сначала попадала в рот, потом на кисти рук и дальше до локтя. Топором бабка делала вокруг роженицы четыре насечки в виде креста. Все повторялось трижды и сопровождалось молитвой. Охранные меры должны были обеспечить женщину здоровьем и грудным молоком. До этого момента мать не кормила младенца грудью, пищей служила жвачка из хлебного мякиша.(84,с.27-28) Без обряда не обходились никогда, боялись Божьего наказания.

Ритуальными атрибутами послеродового периода служили щепотка соли, медный крестик или уголек, которые бабка опускала в свяченую воду, умывала больной лицо, читая молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». В качестве охранных средств использовались заговоры, рогащ,

крестик или «чоп» от водовозной бочки, случайно найденный на дороге.(84, с.31)

На Кубани существовал обычай свивать ребенка в виде спирали от шеи до ступней, «щоб рос ровнее». Свивальник представлял собой ленту из холста или сукна. Первой свивала бабка, отсюда «повитуха», «повивальная бабка».

Право давать имя ребенку отводилось священнику. Крестные родители (восприемники) выбирались, как правило, из числа материально обеспеченных и благочестивых родственников. Если младенец в раннем возрасте умирал, то во избежание смерти последующих детей, кумом и кумою просили стать первых встречных. В крестные не приглашали мужа и жену, так как по церковным установлениям, супружеские отношения не совмещаются с понятием духовного родства. Народная традиция распространялась и на запрет быть восприемниками родителям своего ребенка. Половые связи между кумовьями рассматривались как кровосмешение. Восприемники считались вторыми родителями, опекунами и покровителями новорожденных. На восприемников возлагалась обязанность по духовному развитию крестников.

Перед тем, как отправиться в церковь на крещение, гадали о будущем ребенка: бабка стелила на пол кожух, под него прятала косу, перо, чернила, книгу и т.п. Крестный отец должен был наугад вытащить один из предметов. Взяв ребенка на руки, крестные родители, оставляли повитухе деньги на шубе. (303,с.25) Чтобы узнать судьбу младенца, использовали волосы, выстригаемые священником во время церковного обряда. Восприемник закатывал их в воск и опускал в купель. Существовало поверье: если воск потонет, младенец скоро умрет, если останется на поверхности, жить новокрещенному долго, если закрутится волчком, жизнь

будет беспокойной. По окончании таинства Крещения восприемники трижды целовались.(303,с.44)

По обычаю крестный отец покупал младенцу нательный крест и расплачивался за совершение церковного обряда. Куме и повивальной бабке полагалось дарить на платье. Крестная мать покупала три аршина полотна на ризку, в которую заворачивала младенца после купели, а священнику подносила рушник.

На крестильном обеде повивальной бабке отводилась ведущая роль: она готовила и кормила всех присутствующих ритуальной кашей. Обряд «кувады», (83, с.47-48) основанный на переносимости действий и состояний с одного лица на другое, сохранялся на Кубани еще в начале XX века. Связь отца и ребенка представлялась сценой, в которой отец должен был внешне уподобиться роли родильницы и испытать на себе часть перенесенных ею страданий, съев неприятную на вкус пересоленную и наперченную кашу.

Обряд пострижения, совершаемый в годовщину ребенка, должен укрепить его ум и здоровье. Выстригая волосы в виде креста, крестный отец как бы отгонял дьявола и ограждал крестника от грехов. Пострижение и одевание в новую одежду должны были сделать его неузнаваемым и недостижимым для темных сил. Сакральность проявлялась в то время, когда прежний статус заменялся новым.

Младенцем ребенка считали до семи лет. По понятиям народа, до этого времени его грехи лежат на совести матери. По достижении сознательного возраста восприемники должны были объяснять крестнику основы Православной веры, водить на исповедь и к причастию.

При теоретическом осмыслении происхождения погребальных обрядов за основу берется чаще всего религиозная сторона – вера в загробную жизнь, в существование души человека после его смерти. Понятие «культ предков» ставится в один ряд с понятием «первобытная религия».

Археологи связывают погребальные памятники с особенностями быта и культуры этносов, обитавших некогда на той или иной территории. Предпринимаются попытки изучения погребальных обрядов в связи с человеческой потребностью в интеграции или реинтеграции.

Как известно, любое этническое сообщество образуют три возрастных слоя: старики, средний слой (взрослые) и младшие (дети, подростки). В сообщество входят также умершие, существующие в памяти живых людей, в продуктах их труда, творчества и еще неродившиеся дети. После смерти одного из членов сообщества социальное равновесие в нем нарушается. Чем выше статус умершего, тем неустойчивее система отношений внутри группы. Вследствие этого возникает стихийное или осознанное стремление к реинтеграции, к замещению умершего неким символом. Предполагается, что из этих представлений возникли обряды с телом, вещами, оружием, жилищем покойного. Первичный смысл погребальных обычаев заключался в полуинстинктивном чувстве социальной связи. В основе обрядов лежат отношения между поколениями. Динамика этих отношений выражена переходом (замещением) одного поколения другим, сохранением культурных связей. При таком понимании религиозные верования оказываются вторичными. Побудительным мотивом ритуала погребения служит уважение к старшему в роду, в то время как при погребении детей выражаются родительская любовь и забота.

Тема смерти нашла отражение в многочисленных приметах, гаданиях и знамениях. В среде простого народа бытовали многочисленные толкования вещих снов. Увидеть во сне окровавленный, зуб означало, что кто-то из родных скоро умрет. Смерть предвещал приснившийся покойник, зовущий идти за собой. Предвестниками смерти считались птицы - ворон, кукушка и глухарь, из домашних животных - собака и кошка. Если у покойного открыты глаза, значит, он высматривает себе попутчика. Смерть без тела,

невидима и является перед кончиной в образе женщины или всадника на белом коне.(7,с.573) В простонародье существовали понятия «трудная» и «легкая» смерть. Желали умереть легко в окружении родных и близких. Хорошей считали смерть на Пасху и Вознесение.

Страх перед враждебной силой мертвого поддерживался представлением о «нечистоте» его тела и всего, что с ним связано. С наступлением смерти усопшего мыли, чтобы он предстал перед Богом в чистоте. Омовение совершали женщины. Воду выливали туда, где никто не ходил, одежду сжигали. Облачив покойника «в смертельную» рубаху, укладывали вверх лицом на стол или на лавку. Смертоносное воздействие его пытались уничтожить кроплением свяченой водой.

По традиционным народным представлениям, человеческая душа бессмертна. Покидая бренные останки и оставаясь невидимой для окружающих, она слышит плач и стоны родных. Пребывает на земле два дня и в сопровождении ангела-хранителя ходит по знакомым местам. Лишь на третий день Господь призывает ее на небеса. Поэтому похороны устраивали не раньше, чем через три дня. Как и живые, она нуждается в пище, отсюда обычай ставить на стол стакан чистой воды и мёд для того, чтобы душа умершего в продолжение сорока дней купалась и вкушала сладкое. Загробная пища помогала покойному приобщиться к сонму мертвых. Трапезы родных во время ночных бдений можно рассматривать как способ облегчения перехода умершего в новое состояние, как символ неизбежного перехода в иной мир.

Кубанский фольклор восточнославянского населения иллюстрирует верования в магическую силу слова и пения в предотвращении вредоносной силы покойников. Традиционно причитали женщины. Содержание плачей неоднородно, но, как правило, тексты начинались развернутым обращением: «На кого ты, милый мой, обнадеялся? И на кого ты

положился?» Так говорила жена покойному мужу, обеспокоенная его намерением покинуть родной дом и оставить ее без покровительства. При выносе тела из дому родные громко плакали, что расценивалось окружающими как дань уважения и любви к усопшему.

Согласно этическим нормам простого народа, участие в похоронах было обязательным для всего взрослого населения, тогда умерший будет встречать на том свете всех, кто провожал его в последний путь.

По христианским представлениям о загробном мире, после погребения душа в сопровождении ангела-хранителя, данного Богом каждому человеку при рождении, отлетает на небеса и путешествует сорок дней. После долгих мытарств она предстает перед Богом, который решает, куда направить ее - в рай или в ад. Рай представлялся прекрасным садом на небесах, ад связывался с «нижним миром». Оберегающими мерами служили запреты на совершение погребений в первый день Пасхи и на Рождество Христово до вечера.

Цель поминальной трапезы у восточнославянских язычников состояла в охране живых от влияния злых сил и как посмертная жертва мертвому. В этнографических материалах второй половины XIX века указывалось на то, что порядок ее был строго регламентирован. Начиналась трапеза с ритуальной кутьи и включала спиртное. Сохранялась устойчивость обрядового «кормления» мертвого во время поминок в день похорон и в другие поминальные дни.

К семейно-бытовым обычаям и обрядам можно отнести и те, что сопровождали выбор места для возведения жилья, его строительство и обживание. Благодаря этнографическим описаниям известно, при закладке дома, по аналогии со строительной жертвой, под углы закапывали медные монеты достоинством в 3 копейки, а на верхних углах клали черную шерсть.(7, с.569) Для укладки перекрытий хозяин созывал родню и соседей

и каждому подносил чарку. Матицу укладывали под пение.(286,656) При переезде в новый дом увозили с собой домового. Бросить его в старом доме считалось непростительной неблагодарностью. (312)

Проводы на службу происходили по той же схеме, что и предсвадебные сборы. Сакральный смысл имели обряды с казачьим снаряжением и застолье. Родительское благословение выражал отец, прикасаясь иконой головы сына. Мать надевала освященный крест и ладанку. Молодая жена, по обычаю, собственноручно седлала мужу коня и голосила, кланяясь в ноги. Казак кланялся на все стороны, садился на коня и скакал к станичному правлению. После молебна священник окроплял новобранцев святой водой, и колонна отправлялась в путь.(217,с.211)

Изучение регионального материала показывает, что традиционный семейно-бытовой фольклор имел достаточно сложный жанровый состав. Условно его можно разделить на две группы - словесный и музыкальный. К словесным жанрам относятся заговоры и заклинания. Ими облегчали роды и ограждали мать и ребенка от болезней. Заговоры и приговоры (свадебные иносказания) использовались свадебными друзьями, сватами, молодыми и их родителями. Моления совершались над покойником, роженицами и в свадебном обряде.

Музыкальные жанры включали ритуальные, величальные, игровые и корильные песни, песни-заклинания, свадебные причитания, лирические песни со свадебной тематикой. Каждый жанр имеет свои особенности. Ритуальные песни сопровождали обряды. Величания восхваляли участников свадьбы. Игровые песни сближали жениха и невесту. Дразнилки потешали своей непредсказуемостью. Песни-заклинания обеспечивали успех в делах. Лирический обрядовый фольклор отражал чувства и настроения главных участников свадьбы - жениха, невесты и их родных. Свадебные причитания обеспечивали счастливую семейную жизнь. Весь комплекс семейных

обрядов представлял собой сложное драматическое действие, где каждый выполнял свою, предписанную обычаями и традициями роль.

Семейные обрядовые комплексы формировались на протяжении длительного времени и служили формой воплощения народного мировоззрения. В процессе исторического развития одни элементы ритуалов переосмыслились, другие преданы забвению.

3.2. СОВРЕМЕННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

Становление советской государственной обрядности проходило в 20-х годах XX века и совпало с началом культурной революции. Декреты «О гражданском браке и ведении книг актов гражданского состояния», «О расторжении брака» провозгласили принцип независимости семейных отношений от религии и передачи их в распоряжение государственных органов. С этого времени религиозные обряды крещения, венчания и погребения утратили свою правовую силу.

Исторический анализ семейно-бытового фольклора восточнославянского населения Кубани свидетельствует о том, что содержание и жанровый состав его за годы советской власти претерпели изменения. Отдельные оставляющие подсистемы сохранились, другие трансформировались, появились новые обычаи и обряды.

Как и прежде, сватовство проходит с участием свадебных чинов. Мать жениха выпекает хлеб круглой формы. Сватают родственники жениха (338) или свашка - немолодая, опытная замужняя женщина: тетка, старшая сноха, крестная мать.(339) Сватают и всем семейством.(340)

Сохранились символическое значение овчинной шубы во время благословения сына и повязывание сватов полотенцами. Охранительный смысл содержится в запрете заходить куда-либо по пути к дому невесты и

рассказывать о своих намерениях посторонним. Ритуальный хлеб, в обряде сватовства используется для загадывания судьбы молодых: если невеста разрежет буханку ровно и гладко, семейная жизнь будет ладной. По-прежнему символическое значение счастья и плодородия придается домашней птице. О нраве невестки судят по поведению курицы, которую дарят будущей свекрови во время сватовства. Если курица ведет себя в чужом доме спокойно, значит, невестка окажется покладистой и, наоборот, беспокойная курица предвещает неприятности в отношениях свекрови и молодой снохи.(340)

В современной свадьбе отсутствуют такие эпизоды, как сговор, пропой, девичник. Исчезли из живого бытования обрядовые песни, которыми величали молодых, родителей, подруг и друзей жениха и невесты. Забыты ритуальные песни, сопровождавшие перевоз приданого. Приглашают на свадьбу открытками, а близких родственников и стариков - шишками.

За два дня до свадьбы в доме жениха пекут каравай. «Гильце» (ветку) украшают лентами, гроздьями калины и сладостями. По сообщениям информаторов, ленты завязывают для того, чтобы жизнь молодых была красивой и богатой, калина - символ долголетия и продолжения рода, конфеты обещают сладкую жизнь.(341) Родственники невесты выпекают для молодоженов круглый с узорами калач – «дывень». На свадебном столе этот символ плодородия стоит перед молодыми. Знаком единения служат две деревянные ложки и «бугаи» (бутылки водки), перевязанные красными лентами.

Входит в обычай устраивать «мальчишник», на котором жених прощается с холостяцкой жизнью. Девичники в том виде, какими они были раньше, как и голошение невесты из обихода вышли повсеместно.

По свидетельству современных информаторов, невесту должна одевать дружка, потому что в случае прикосновения к ней замужних женщин, беды и неудачи их семейной жизни перейдут на молодых. Соблюдается обычай, по которому новобрачные должны держаться через платок. Если раньше платок и полотенце рассматривались как средство перехода в новое качество, то теперь, по словам информатора, невеста как бы «привязывает» избранника к себе.(339) Соккрытие лица фатой расценивается нами как следы верования в необходимость временной изоляции невесты от внешнего мира с целью ограждения от дурного глаза (нечистой силы).

В черноморских станицах приготовления свадебного поезда практически не изменились. В обряде используются рушники, козух, платки, ритуальное угощение поезжан.

Подступы к дому невесты, как и прежде, встречает «охрана». Ступить на порог можно только после выкупа. Стремясь сделать встречу молодых более зрелищной, подруги устраивают испытания жениху, например, предлагают зернами пшеницы выложить имя своей избранницы, положить в корзину подарки, ответить на ряд вопросов и т.д. Если среди гостей есть люди старшего возраста или участники самодеятельности, хозяевам поют величания.(339) В диалог вступают и родственники невесты. В станице Новониколаевской невесту выводит со двора отец. Символом плодородия и богатства, как и прежде, выступают хмель, зерно и мелкие монеты.

Вошло в традицию после официальной церемонии возложение цветов на мемориалах и кладбищах. Сохранился обычай прыгать через костёр, зажженный у входа в дом. Входит в традицию класть на пути следования молодой пары тарелку. Кто первый разобьёт её, тому и верховодить. По количеству осколков судят, сколько детей будет у молодых.

Распорядители свадебных торжеств практикуют вручение молодым каравая с семью свечами, означающих семейный очаг. На свадебном столе центральное место занимает гильце. Культ растительной силы земли, воплощенный в дереве, имеет значение созидательного начала.

В современном обряде поиск невесты можно интерпретировать, как изжившее верование в необходимость ее изоляции от окружающих. В игре-шутке участвуют подруги и друзья молодых. Действие заканчивается выкупом и возвращением невесты жениху.

До настоящего времени продолжают сохраняться имитативные игры в фарсовую «женитьбу» с элементами травестии, исполнение шуточных песен эротического свойства, сопровождаемые озорством, свистом и смехом. Кульминационный момент импровизированного карнавала – купание родителей (140, с.28) и эротические игры (342). Символические браки и оргии, посадка «сада-огорода» можно расценивать как средство усиления продуцирующей силы природы и человека.

В современном свадебном комплексе обряд «повивания» молодой жены отсутствует. О реликтовых корнях его напоминает переодевание молодых в новую одежду на второй день свадьбы. Апотропейное значение выполняет, на наш взгляд, забивание кола у входа в дом, где играют последнюю свадьбу.(339)

В настоящее время роли свадебных чинов изменились, а некоторые утратили свое значение совсем. В современной свадьбе сватов нередко заменяет тамада (распорядитель). Тамада - профессионал, руководящий церемониалом согласно типовому или специально написанному сценарию.(343) Типовые сценарии распространяются отделами культуры и методическими кабинетами РДК. В гражданском обряде бракосочетания подругу невесты называют свидетельницей, а дружка жениха - свидетелем. Главные участники обряда разучивают роли заранее. В современной свадьбе

много официоза. Она все более приобретает характер организованного мероприятия.(344)

Попытки сохранить свадебные обряды на сцене предпринимают сельские фольклорные коллективы. Жанровый состав песен, исполняемых участниками художественной самодеятельности, достаточно разнообразный. Наибольший массив составляют лирические песни. Обряд служит фоном, на котором раскрываются образы главных персонажей. Круг наиболее характерных сюжетов составляют переживания невесты и её матери накануне свадьбы. (170,с.с.111-112) Другую группу составляют лирические произведения о взаимной любви. Жених предстаёт в образе бравого казака, невеста - летящей птицей.(169,с.с.84-87)

При сравнении свадебной и внеобрядовой лирики обнаруживаются общие сюжеты со схожей лексикой.(186,с.с.110,114) Резко контрастны, например, плясовая и свадебная песни, имеющие близкие по смыслу словесные тексты, но разное музыкальное звучание. Подвижный темп и синкопированный музыкальный напев плясовой создают ощущение безудержного веселья. В свадебной песне мелодический рисунок представляет собой последовательно чередующиеся плавные подъемы и спады. Минорное звучание вызывает чувство тревоги и безысходности. (186,с.271; 170,с.116)

Обрядовые песни, исполняемые во время одевания невесты в первый день свадьбы, как правило, минорного звучания. Символом смирения невесты служит сосна. (169,с.72) Ритуальные песни, органично вплетаясь в ход свадебного действия, предваряют и сопровождают его, создают атмосферу то грусти, то веселья. Содержание стихов отвечает характеру музыкального напева. Так, ритуал катания родителей на тачке - веселая игра, поэтому и пение проникнуто мажорным настроением. (345)

Исчезли из живого бытования величания жениха и невесты и сегодня их можно услышать лишь в сценическом исполнении. Такова же судьба корильных песен. Вместе с тем, этот жанр динамично развивается на сцене в рамках фольклорной традиции. Важную роль здесь сыграло то, что дразнилки нацелены на публичное исполнение и рассчитаны на немедленную реакцию слушателей. Исполнение их обращено к конкретному адресату. Чаще всего куплеты имеют четыре строки, что придает им сходство с частушками. (346) Корильные песни полностью лишены символической условности и отражают жизнь в реальных образах.

Перенесение свадебного фольклора на концертную сцену ведет к изменению условий его естественного бытования. То, что в народном быту живет полнокровной жизнью, на сцене должно отвечать требованиям сценичности. Отбираются лишь отдельные эпизоды свадьбы, количество обрядов сокращается. Обработке подвергаются словесные тексты и музыкальные напевы, в результате чего, исполнительство утрачивает импровизированность. Из всего объема фольклорного материала отбирают те произведения, которые отвечают вкусам и ожиданиям зрителей. Главенствующая роль в концертирующем коллективе принадлежит руководителю. Получив специальную подготовку в высших и средних учебных заведениях, они вносят в народное искусство профессиональную вокальную культуру, осовременивают стиль. Начиная с 70-х годов XX века, в пропаганде обрядового фольклора наметилось эстрадное направление. Несмотря на имитацию народной манеры пения, такие коллективы остаются сугубо сценическими.

Основной контингент фольклорной самодеятельности составляют люди старшего возраста, родившиеся в первой трети XX века. Непременное условие существования ветеранских коллективов - наличие исполнителей одной станицы, хутора или поселка. Определяющим признаком репертуара

являются произведения, бытующие в конкретной местности. В коллективах, где руководитель-профессионал отсутствует, участники тяготеют к аутентичному фольклору.

Существующие во множестве детские и молодежные ансамбли, в известной мере, подражают взрослым исполнителям. Основная форма работы - освоение вокально-хоровой техники. Подбор репертуара осуществляется с учетом степени сложности музыкальных произведений и исполнительской культуры участников. Для фольклорной самодеятельности характерна общая тенденция: омоложение состава исполнителей, уход людей старшего возраста, в результате чего теряется мастерство, нарушается преемственность традиций.

Рудименты архаических представлений о новорожденном поныне находят выражение в суеверных приметах и стереотипах поведения, главный смысл которых определяется заботой о его здоровье. Матери, например, не рекомендуется перед родами стричь волосы и фотографироваться, иначе ребенок появится на свет мертворожденным. Нельзя переступать через корнеплоды, расчесывать волосы по пятницам, а на святках и в пасхальную неделю шить, вязать, резать, не то ребёнок родится с родимым пятном в виде заплатки либо ему будет «зашит» путь в этот мир. До рождения младенцу ничего не шьют и не покупают, до шести недель не показывают чужим (могут сглазить). Опасно оставлять детскую коляску под стрехой дома, так как по скату может спуститься нечистая сила. Сохранилось верование в охранительную силу острых предметов.(336)

Чтобы ребенок рос крепким, на крестильном обеде одну рюмку выливают в потолок. До тех пор пока он не научится говорить, нельзя целовать в губы и кормить рыбой (может стать нем как рыба). Не следует отнимать младенца от груди в дни памяти святых мучеников. Как только он

сделает первые самостоятельные шаги, мать должна провести ножом между ножками (разрезать путы).(337)

С развитием в СССР системы родовспоможения исчезли обряды повивальные бабки. Беременность и роды находятся под контролем медицинских работников. В советское время утратил свое значение обычай наречения имени по православным святым. Выбор имени зависит от желаний и вкусов родителей, а нередко и моды. Вошло в практику празднование дней рождения.

Регистрацию рождения ребенка обеспечивают органы записи актов гражданского состояния (загсы). В населенных пунктах, где они отсутствуют, проведение гражданских обрядов осуществляют органы местной администрации. Основу советского обряда составляли величание новорожденного как гражданина СССР и поздравления семьи. Руководили обрядом распорядитель и его помощники. В советскую эпоху многие родители остерегались крестить детей в церкви, боясь преследований со стороны идеологических органов. Обряды крещения совершались, большей частью, тайно. С возрождением Православной веры все больше людей стремятся крестить новорожденных, тем самым, приобщая их к религии, к церкви.

В семейно-бытовом комплексе похоронно-поминальные обряды наиболее консервативны и поэтому сохранились достаточно хорошо. Как и прежде, тема смерти встречается в народных предсказаниях, приметах, фатальных знамениях. Наступление смертного часа узнают по появлению темных пятен, по запаху тела умирающего («землей пахнет»). Распространено и толкование снов. Так, если кто-либо из покойных во сне зовет к себе, говорят, что это к скорой смерти. Залетевшая в окно птица - знамение чьей-то кончины. Предвещает несчастья курица, неожиданно запевшая петухом.

Неузнаваемость покойников достигается с помощью переодевания: стариков в темную, молодых в светлую одежду. Сохраняются традиции ночного бдения и ритуального кормления. В настоящее время считают, что умерший должен «переночевать» в родном доме хотя бы одну ночь. Похоронить раньше времени, значит быть осужденным общественным мнением за неуважение к памяти покойного. В традиции обычай ритуальной жертвы в виде денег, на которые покупают свечи и заказывают панихиду. Снова вошло в практику соборование и отпевание умерших родственников в церкви или дома.

До полудня не хоронят. К мерам предосторожности относится обычай выносить тело вперед ногами, стараясь не задеть за порог или проем двери, чтобы воспрепятствовать возвращению мертвого домой. Родственники громко плачут, открыто выражая свое горе. Перед траурной процессией принято бросать живые цветы и вечнозеленые ветки самшита и туи. За гробом сначала идут родные, затем остальные провожающие. Атрибутами похоронного обряда являются платки и полотенца - языческие символы легкой дороги в загробный мир.

В современный гражданский ритуал входит траурная музыка в исполнении духового оркестра, несение портрета покойного, подушечек с орденами и медалями, а также прощальные речи. Существует и поныне обычай прощания родных с умершим и бросание в могилу по три горсти земли со словами: «пусть земля будет пухом». Нередко на могиле устанавливают православный крест и портрет одновременно.

«Кормление» покойного во время поминок и «завтрак» на второй день после похорон – остатки древних верований во вредоносную силу ушедших в мир иной. Традиционная «еда» умершего – хлеб, кутья, водка. Если на поминках присутствуют священнослужители, то обед начинается с молитвы. Могилу «запечатывают» вскоре после похорон, но не позже

восьмого дня. Поминают, как и прежде, на девятый, сороковой дни, спустя полгода и год.

До настоящего времени не утратило своего значения соблюдение траура, однако, сроки его сократились. До года и более траурную одежду носят матери, безвременно потерявшие детей. Годовой траур соблюдают вдовы. Мужчины надевают тёмную одежду чаще всего только в день похорон.

В современном гражданском похоронном ритуале религиозный компонент необязателен. В процессе секуляризации быта религиозные традиции отступают на задний план.

Похоронам, как и другим семейным ритуалам, присуща функция единения родных и близких, а в сельской местности, всей общины. Обряды создают ощущение целостности семьи, рода, трудового коллектива. Участие в них представляет собой одну из традиционных форм общения и одновременно, средство передачи традиций.

В XX веке наметилась тенденция к индивидуализации семейного быта. Современная российская семья состоит преимущественно из родителей и их несовершеннолетних детей. Отделение взрослых детей стало обычным явлением. Инициатива исходит от обеих сторон. Стимулом к усилению процесса разделения семей выступает активная миграция сельской молодежи в город. Не сдерживают ни экономические, ни жилищные проблемы, с которыми сталкивается молодежь, начиная самостоятельную жизнь.

Сохраняя определенную экономическую и культурно-бытовую автономию, родители и дети объединяют свои усилия в достижении общих материальных и хозяйственных целей. Родительская семья выступает в роли связующего звена между членами рода. Единение родственников

проявляется в ответственные моменты – рождение детей, смерть или заключение брака.

В целом можно констатировать, что традиции семейно-родственных связей качественно изменились. Расширилась финансовая и хозяйственная помощь отделившимся детям. Отход от устоев патриархального быта усилил авторитет женщины. Этому способствует увеличение доли неполных семей и гражданские браки.

Проблема сохранения и возрождения традиционного обрядового фольклора предполагает обретение этнокультурной специфики, отношение к фольклору как к стратегическому ресурсу, от которого зависит нравственное и культурное обновление общества. До недавнего времени объектом государственного регулирования являлась сфера институциональной культуры. Под воздействием идеологических установок традиционная культура целенаправленно разрушалась, лишь незначительная часть ее поддерживалась организационно и материально. Принципами региональной политики в будущем должны стать:

- ориентация на сохранение и преемственность семейно-бытовых традиций;
- обеспечение условий для воспроизводства аутентичного семейно-бытового фольклора;
- создание благоприятного режима взаимодействия вторичных и неорганизованных сфер фольклора в рамках единого культурного пространства.

3.3. ИСТОРИЧЕСКАЯ И ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗ КАЛЕНДАРНОГО, СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО И ВНЕОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА

В XIX веке свадьбы на Кубани играли в строго определенный календарный период: с Семенова дня (I сентября по ст. ст.) и до

Рождественского поста (середина ноября), затем в зимний мясоед после Крещения и до Великого поста. С началом весенних полевых работ брачный период заканчивался. Существовали и локальные особенности. Например, в станице Казанской свадьбы приурочивали к дню Казанской Божьей Матери (22 октября по ст. ст.).

И.И. Земцовский справедливо отмечает, что свадебные обряды складывались позже календарных и, во многом, на их основе. Отдельные музыкальные жанры свадебного фольклора со временем образовали самостоятельную систему. Интонационные комплексы календарных песен имеются среди свадебных, в то время как свадебная мелодика не исчерпывается ими, будучи в целом много шире календарной, гораздо более развитой. (94, с.152)

Основой взаимодействия аграрной и свадебной обрядности служила, единая тема брачного союза. Любовные и брачные мотивы встречаются в новогодних щедровках о Мыланке и Василе. (169, с.42) Свадебная тематика обнаруживается в величаниях, адресуемых дочери хозяина двора. Брачные мотивы есть и в новогодних величаниях с традиционным зачином и рефреном «Щедрый вечер, добрый вечер, на весь вечер». (180, с.34)

Цикл весенних обрядов составляли песни, приуроченные к Пасхе и Троице. Древнейший смысл обрядов раскрывается названиями мая – «травный» (у русских), «травэнь» (у украинцев), отвечающими существу весеннего месяца - времени всходов, распускания листвы и цветения. Обрядовые песни этого периода лиричны и передают любовные чувства героев. В той или иной мере песни имеют развитые сюжеты. Экспозиция служит эмоциональным вступлением и начинается обычно с картины пробуждающей природы. (187, с.279)

При сравнении календарных песен и свадебного фольклора легко обнаруживается сходство поэтического языка. Рефрены песен нередко

состоят из сочетаний междометий: «ой ля», «ай люли, люли» и др. В заклинательных формулах сохранились архаические представления восточных славян о влиянии сверхъестественных сил на судьбу человека. Песни-заклинания направлены «на те или иные явления природы, от которых ожидалась помощь в трудах земледельца, на тот или иной заповедный предмет, которому предписывалось магическое значение на неведомую силу - судьбу, распоряжавшуюся счастьем человека в его личной жизни».(112,с.33) Заклинали в Новый год и встречая весну. В свадебном комплексе заклинаниями сопровождалась выпечка каравая, одевание и «повивание» невесты.

Растительная символика, пронизывающая календарные и семейно-бытовые обряды, содержит в себе универсальную идею плодородия. Эта идея нашла отражение, например, в ритуальной выпечке, которой одаривали колядовщиков на святках. Символом богатства в свадебных ритуалах выступает хлеб, зерно.(189,с.90) В традиционных свадебных и святочных величаниях легко обнаруживается общность тематики.(36,с.124; 186,с.163) Общие признаки отчетливо просматриваются в свадебных и похоронных причитаниях. Словесные формулы состоят из ритмизованной речи: «Родимый ты мой батюшка, родимая матушка, зачем так рано выпускаете меня из своего тепла гнездышка, отдаете в чужие люди, не знакомья».(189,с.293) Аналогично строится и похоронная причеть: «Родимый мой батюшка, на кого вы меня покинули, сироту горькую? Зачем оставили свое гнездышко. Некому меня, сиротинушку пожалеть, некому приласкать».

Причитания, имеющие стиховую строфу, рифму, развитый музыкальный напев, представляют собой жанр народной лирики. Композиция их чаще всего построена в форме монолога. (189,с.152-153) Куплетная структура состоит из повторяющихся строк, части строки или

целиком обновляющихся компонентов. Это придает причитаниям сходство с протяжными лирическими песнями позднего происхождения. Примером может служить фрагмент обрядовой песни, исполняемой невестой перед отъездом к венцу. (189,с.168-169)

Образы героев календарных, хороводных и свадебных песен создавались на основе общих фольклорных стереотипов. Так, сюжет хороводной песни, исполняемой в первый день Рождества, построен на традиционном мотиве: красная девица загадывает на суженого.(186,с.301) Такой же мотив содержится в свадебной и внеобрядовой лирике. (186,с.74; 207)

Универсальное значение имел цикл народных песен, исполняемых во время календарных праздников, на свадьбе и в хороводе. Например, «Ой, зайка, бел горностайка» пели после обедни на Рождество и как величание молодых пар на предсвадебной вечеринке. Местным свойством народной традиции в оформлении свадебного действия следует считать использование во время «пропоя» одного и того же музыкального напева.(180,с.с.49,64) «Ты, черемуха, черемуха моя» исполнялась на Троицу в обряде завивания венков и при возвращении домой с сенокоса. В свадебной лирике встречаются мотивы родильных и крестильных обрядов.(189,с.180)

Среди произведений кубанского песенного фольклора встречаются оригинальные образцы, соединяющие в себе не только разножанровые признаки, но и далекие по содержанию и идейной значимости темы. Своеобразна, например, контаминация свадебной и исторической поэзии. Так, в свадебной песне «Не дорого пиво пьяное» величание гостей сопровождается рассказом о московском пожаре 1812 года. (189,с.с.158-159)

Универсальная мировая идея о вторичности рождения человека после смерти в новом качестве сохранялась в фольклоре Кубани вплоть до начала

XX века. Смерть представлялась границей, после которой начиналась «новая жизнь в новом мире». Переход жениха и невесты в новую социальную группу был возможен с прекращением добрачного существования.(83,с.с.3-47) Ритуальное превращение невесты в замужнюю женщину происходило на свадебном пиршестве в момент, когда с ее головы снимали венок и покрывали платком. В родильных обрядах вещественным оформлением вступления в новую возрастную группу служило пострижение головы ребенка и переодевание в новую одежду, что означало изменение его сущности. Волосы «хоронили» (закапывали или сжигали), вместе с ними младенец как бы «умирал», а затем «рождался» для новой жизни. Переодевание покойника в заранее приготовленную одежду, а невесты в свадебный наряд, ношение траурной одежды - все это должно было сделать человека неузнаваемым и обезопасить от вредоносного воздействия потусторонних сил. Для покойника переходный период составляет сорок дней, после чего якобы прекращаются посягательства мертвого на живых, возвращения в родной дом, душа навсегда покидает белый свет. Родившая женщина и её младенец, наоборот, порывают с переходным этапом и окончательно возвращаются в реальный мир.(83,с.149)

Ритуал «замужества» девушки после её кончины был распространён на Руси повсеместно. Известен он был и в Малороссии. К. Шейковский сообщал, что покойницу наряжали как под венец. Использовались одновременно погребальные и свадебные атрибуты: венки, платки, цветы. Для сопровождения на «тот свет» назначался «жених».(287,с.с.23-33) В настоящее время обряд бытует лишь частично. Молодей девушке надевают какую-нибудь деталь свадебного наряда (фату, венок, белое платье). Имитация свадебного обряда отсутствует. Исчезновение ритуальной инсценировки «похорон-свадьбы» привело к исчезновению не только обрядовых компонентов, но и самих верований.

Связь свадебной и погребальной обрядности сохранилась в народной фразеологии: «Курице и на поминках, и на свадьбе горе», «Пол свита плачэ, а пол свита скачэ». Во внеобрядовой лирической поэзии метафора «свадьба-похороны» выражена в форме иносказания – «женитьба» казака на пуле быстрой, «венчание» на шашке острой.(187,с.108)

В лирических и свадебных песнях встречается «бродячий» сюжет, где говорится о «возвращении» с того света. «Чужой» и «свой» мир в балладе о женщине, превратившейся в кукушку, разделены условной границей – рекой.(347) Мотив водораздела упоминается в свадебной песне о невесте-сироте, просящей благословения у покойных родителей.(169,с.70-71)

От влияния потусторонних сил использовались разного рода обереги. Апотропейной силой наделяли огонь, металл, предметы растительного происхождения. Оберегом служила вышивка на одежде. Вышитыми полотенцами перевязывали сватов и дружек, перевивали дуги и оглобли повозок и лошадей, везших жениха и невесту. Во время венчания молодые стояли на рушнике, руки их тоже были связаны полотенцем. (348) На рушниках подавали спиртное и хлеб-соль. Ими украшали интерьер: вешали на иконы, зеркала, на стены у кровати новобрачных. Полотенце использовалось и в родительных обрядах. Чтобы новорождённый жил в достатке, повитуха принимала его непременно на новый рушник. В погребальных обрядах полотенцами перевязывают участников похоронной процессии, на полотенцах опускают гроб, полотенцем перевязывают надмогильный крест.

Свадебным атрибутом у черноморских казаков служила «корогва» (хоругвь), украшенная платком, лентами и цветами. Ее несли подруги невесты. (186,с.78) Обмениваясь платками, парень и девушка выражали, таким образом, любовь и готовность к вступлению в брак. Платок, которым

невеста утирала слезы во время голошения, олицетворял печаль. Носовые и головные платки принято дарить на крестильном обеде, на свадьбе и похоронах.

Вера в очистительную силу воды сохранились в преданиях о «заложных» покойниках. Сакральные предметы бросали в воду. Чтобы обезопасить себя от темных сил, купались на Водосвятии в проруби. Божьявленской водой лечились от болезней. Очистительная сила воды прослеживается в купальских обрядах. Распространенным было поверье о нечистоте мертвецов, новорожденных и рожениц. Вредное влияние исходит якобы не только от них самих, но и предметов туалета. Поминальный обед служил оберегом от опасного воздействия покойного. Перед венчанием невесту обязательно мыли и кропили свяченой водой. Обряд «размывания» рук, купание роженицы и новорожденного также служили охранным средством для ребенка и его матери.

Представления о переносимости действий и состояний с одного лица на другое (кувада) в родильных обрядах, обнаруживаются и в заговорной практике. Чтобы исцелить ребенка от чирьев, его трижды протаскивали через щель расколотого ствола дуба и надевали новую рубашку, старую вешали на куст. Нашедший ее человек, приобретал болезнь.(210) Икота (кликушество), судороги, рези, помешательство насылаются якобы по ветру, воде, с помощью наговоренных предметов.

Чтобы обмануть или задобрить нечистую силу, использовали «выкуп». «Продажа» должна была принести исцеление. Деньги клали в воду, купая новорожденного. Деньгами осыпали молодых. За деньги покупали косу невесты, место на посаде и саму возможность ступить в ее дом.

По представлениям народа, плодородию способствуют смех, шутки, розыгрыши, ненормативная лексика. Эротическими символами служат предметы окружающего мира: кустарники, деревья, овощи, цветы,

животные, домашняя утварь. «Сад-огород», строительство «шалаша» для молодых употребляются как аллегория любовного акта. Семантикой любовного соития служат образы перепелки и котика в величании новобрачных утром на второй день свадьбы. (349)

Эротический смысл имеют травестийные свадебные игрища. Переодевание в «жениха» и «невесту» (символический брак) должно способствовать плодovitости молодой пары. Традиционно «молодую» купают и обряжают мужчины, а «молодого» женщины. В современной свадьбе травестия утратила магический смысл и носит игровой, развлекательный характер. В дохристианские времена эротикой, ритуальным сквернословием и пьянством были пронизаны и погребальные обряды. Со временем карнавальные увеселения сохранились лишь в свадьбе. Мир смеха и шутовства, где все наоборот, противостоит реальному миру. Беспорядок, хаос связаны с «смертью», за ними следует «новое рождение», «воскресение». (295, с.303) Прекращение игрищ знаменовалось сожжением соломенного чучела. (89, с.с.115-116) В древние времена чучело олицетворяло языческих Коляду, Масленицу и Кострому.

Историческая преемственность обнаруживается и в игровом фольклоре. Как и прежде на свадьбах и вечеринках играют в «голубя», в «пояс», в «концы», в «суд». Все игры с поцелуями и «наказаниями» эротического свойства.

Важный компонент традиционных календарных и семейных обрядов - жертвоприношения. Доныне известны заупокойные дары. Другой вид жертвоприношений – «жертвы первинок». (244, с.26) В прошлом до наступления установленного срока вкушать отдельные продукты земледелия и скотоводства запрещалось. Спустя время действие табу прекращалось. Так, начало употребления мёда приурочивалось к 1 августа по ст. ст. (медовый спас), яблок - к 6 августа (яблочный спас), хлеба нового

урожая - 14 августа (хлебный спас). Угощение мёдом, плодами и хлебной «новиной» бедных и нищих было обязательной жертвой для всех православных. Близок к жертве первинок обычай «кормить» священную козу на святках. Этот жертвенный ритуал уходит своими корнями в традиции примитивного охотничьего промысла. Раздача имущества умершего такая же жертва, принять которую должен только бедняк. Отголоски «строительной жертвы» проявлялись в обычай класть под матицу нового дома зерно и медные деньги.

Идея борьбы добра и зла отразилась в духовных стихах, притчах, иконах. В православном храме о Страшном суде напоминают иконы деисусного чина иконостаса и фрески. В образах Божьего суда ад изображается черным цветом, на фоне которого представлены мучения грешников. В изображении райского сада доминируют светлые тона. В процессе длительной, художественной практики возникли иконографические, стихотворно-песенные и прозаические каноны, направленные на воплощение в народном искусстве философско-религиозных концепций. Отбирались наиболее значимые, выразительные и емкие в художественном и религиозно-символическом плане композиционные схемы. В ходе их отработки определялся набор элементов – образы, символы, цвет, язык, художественный стиль. В дальнейшем они закреплялись традициями. Каждый элемент имел свое универсальное значение. Появление случайных элементов исключалось.

ВЫВОДЫ

В патриархальном обществе цикличность явлений природы соотносилась с жизненными циклами человека. В этом особенность традиционного мировоззрения, основанного на осознании единства мира и социума. Система переходных обрядов включала и другие обрядовые

циклы, фиксируя переход человека к качественно новому социальному и возрастному статусу.

Функциональный подход к пониманию природы обрядов жизненного цикла дает возможность выявить специфику супружеских отношений, способов родовспоможения, родительских табу, правил изоляции, ритуала кувады и крещения, обеспечения ребенка и матери защитой, пищей, содержанием в чистоте. Выполняемые функции соотносились с магическими формулами и ритуалами.

Церемонии «перехода» связаны были с кризисными моментами (рождением, половым созреванием, браком, смертью) и событиями календарного года. Все они имеют схожую в общих чертах модель. На начальном этапе происходило отделение индивида от группы, расставание с прежним состоянием, затем «переход» в новое качество, новые пространственно-временные параметры.

В семейно-бытовых обрядах «переходными» признаками являлась утрата прежнего облика. Доминанта сюжета – одевание: новорожденного младенца, молодых на свадьбе, в погребальном обряде покойного. Во всех случаях, перемещение из «своего» в «чужого» означает изменение сущности.

Подготовительный период знаменовал выбор главных действующих лиц для исполнения тех или иных ролей, изготовление символических атрибутов, обряжение. Второй этап сопровождался исполнением обрядов, ядро которых составляли: шествие участников с ритуальными символами, проводы («похороны»). В таком виде семейно-бытовые обряды обнаруживали связь с календарными обрядами. На завершающей стадии человек воссоединялся с новой половозрастной и социальной группой. Акты дарения или обмена выступали как акты ритуального характера, в которых предметы служили знаком магической власти. Участники

церемонии участвовали в символическом признании главных исполнителей ритуала, в операции по обеспечению «перехода» субъектов в новое социальное положение и коллективном угощении. Диахронные связи на уровне семьи и сельской общины создавали условия для трансмиссии социальных свойств и культурной интеграции.

Ослабление влияния религии в эпоху тоталитаризма привело к секуляризации традиционных обрядов. Освободившись от религиозного содержания, они трансформируются, однако, историческая связь пока еще продолжает сохраняться. Особенно наглядно это проявляется в похоронно-поминальных обрядах.

ГЛАВА IV. ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВО ВНЕОБРЯДОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМАХ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

4.1. НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ЖАНРОВ

Народное песенное и инструментальное творчество

В процессе разложения синкретического по своей природе первобытного искусства слово и пение отделились от него и со временем приобрели самостоятельное значение. Наиболее древними эпическими произведениями русского фольклора принято считать былины. Этнографы прошлого не упоминали о бытовании на территории Кубанской области богатырского эпоса, в отличие, например от гребенских казаков. М.Карпинский утверждал, что в 90-х годах XIX века у терцев отстатки былевого эпоса еще сохранялись. Уйдя из центральных губерний России около трех веков назад, и живя в окружении инородцев, гребенцы всеми силами стремились к поддержанию песенных традиций предков. Былины они называли «старинками» или «старинными

песнями» о славном граде Киеве, князе Владимире, (переселяя его иногда в «каменну Москву»), о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Ставре и Дюке Степановиче. К концу XIX века былевой репертуар был известен лишь женщинам пожилого возраста. Молодежь и люди среднего возраста охотнее осваивали городской фольклор и народную лирику. (109, с.41) Полвека спустя Б.Н. Путилов отмечал, что от древности в фольклоре гребенских казаков сохранились лишь эпические произведения с былинными мотивами. (183, с.14-15)

В конце XVIII века раскольники переселялись, в основном, с Дона. На Кубани им отвели правый фланг будущей Кавказской линии. Другой путь массового переселения брал свое начало с берегов Терека. Центром старообрядчества стала станица Прочноокопская, где по состоянию 1844 года, на 2249 староверов приходилось 256 православных. И все же удельный вес их в общей массе населения области был незначительным. К началу XX века он составлял 1,5%. (37, с.с.36-38)

Линейные казаки-раскольники, считавшие себя верными последователями древнехристианской церкви, редко рождались с православными и вели замкнутый образ жизни. Сохранилась лишь одна песня духовного содержания «Боже, приидоши» в записи атамана станицы Кавказской Ламонова. (189, с.190-192)

Осколки былинного эпоса были обнаружены на Кубани Ф.В. Тумилевичем в среде казаков-некрасовцев незадолго до Великой Отечественной войны и вскоре после фашистской оккупации. Перебрались потомки донских бунтарей на Кубань из Малой Азии в 1921 году. Местом их проживания стали хутора Новонекрасовский и Потемкинский Приморско-Ахтарского района. Находясь вдали от России с 40-х годов XVIII века, некрасовцы с мусульманским населением не ассимилировали и крепко держались старых обычаев и веры. Все это позволило сохранять песенные традиции достаточно длительное время.

Разные по жанру фольклорные произведения, в том числе и с былинными мотивами, были изданы отдельными сборниками в Краснодаре и Ростове-на-Дону.(184;185;256)

По мнению собирателя, понятие былины как эпической песни героического характера ни в коей мере не отвечало существу некрасовских песен. Былина на севере – это повествовательное произведение с развитым сюжетом, насчитывающее от 100 до 1000 стихов. Некрасовские былины имели усеченный объем (от 11 до 30 стихов) и представляли собой хоровые лирические песни с развитой мелодией. Если речитативное исполнение северных былин вело к развитию сюжета и текста, то хоровые произведения у некрасовцев, наоборот, к их сокращению. По своему поэтическому строю, объему и тематике они примыкают к донским старинам.(184, с.с.17-18)

У некрасовцев былины превратились в беседные и лирические песни с одним или двумя разработанными мотивами без повествования о событиях истории. Отличительные их свойства - это контаминации разных тем в одной песне, перенос характерных черт с одного образа на другой, рефрен, как свидетельство позднего формирования, что несвойственно не только северным былинам, но и ранним эпическим произведениям юга России. Характер музыкальных напевов одноголосный. Бытование их прекратилось вскоре после Великой Отечественной войны.

В годы фашистской оккупации на основе былинных образов Змея Тугарина, Идолица поганого и обрядовых песен были созданы лирические плачи «Будь ты проклят, Гитлер!», «Дитятка ты моя полоненная» (о девушке, вернувшейся из немецкого плена), «Разливались быстрые речушки» (о зверском избиении фашистами депутатов районного совета), «Я пушу стрелу» (переделка масленичной песни). (256,с.66) Тексты создавались методом монтажа: старый сюжет наполнялся новым

содержанием. Все без исключения плачи – авторские сочинения людей старшего поколения, молодежью не восприняты и в традицию не вошли.

На фоне сказанного, сенсационным выглядит заявление В.Н. Капаева, о том, что на хуторе Кубанском Апшеронского района обнаружена им былина под названием «Спор сокола с конем».(190,с.21) Для того, чтобы разобраться в правомерности точки зрения автора сборника, обратимся к теории вопроса. До 70-х годов XIX века историческая песня и былина рассматривались как производные друг от друга явления. «Между мифическим эпосом и историческим не представляется никакой существенной грани, - писал А.Н. Веселовский, - разница не существует ни объективно, ни для народного сознания, а только субъективно для нас, которым время Ивана Грозного и ближе и понятнее эпохи, которую мы продолжаем называть мифической».(40,с.907)

Эта мысль получила дальнейшее развитие в трудах известных советских фольклористов. Так, П.Н. Сакулин писал: «каждая былина в свое время, в своем генезисе, была исторической песнью, и каждая историческая песня с течением времени может превратиться в былинку...» Былина в отличие от исторической песни содержит в себе элементы фантастики, что обусловлено дальностью расстояния от воспеваемых событий, сложными путями устного распространения и влечения певцов к н е о б ы ч н о м у и ч у д е с н о м у. В результате невероятным образом искажается время, место и имена лиц, основными приемами творчества является идеализация и гипербола.(226, с.с.44,47,50)

Важную роль в былинах играет сюжет, хотя не менее важны портретные характеристики и пейзажно-бытовые картины. Герои предстают богатырями, наделенными лучшими человеческими качествами.(30-33) Исполнение былин имеет свои особенности. По словам В.Г. Белинского, сказитель уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других

возбудить к нему благоговение. В тоне повествования всегда присутствуют «важность, увлечение, иногда возвышающиеся до пафоса» и никакой иронии, тем более, пошлых шуток».(16,с.354)

Слушатели былин воспринимали невероятные события как вполне достоверные. «Известно, что северные сказители, попадая в Киев, искали «Маринкину улицу», искали места действия былин киевского цикла. Былины были для них историей, события былин - исторической действительностью, богатыри и князя - историческими лицами».(143,с.236)

В классических былинах герои - конкретные люди - киевские князья, хан Батый, Кончак и др., хотя встречаются и фантастические образы Соловья-разбойника, Змея, Идолица. И все же исторический фон в былинах проступает достаточно отчетливо. Наиболее историчны былины, посвященные военной истории. Они составляют ядро богатырского эпоса. Сказители стремились не столько к пересказу событий, сколько к прославлению богатырей. Гипербола использовалась как для характеристики положительных героев, так и в изображении врага.

По мнению Б.Н. Путилова, к ХУ1- ХУ11 векам в общерусском фольклоре отчетливо проявились и обособились два основных очага – северорусский и южнорусский. Определяющим северорусскую поэзию признаком явился ее эпический характер. В народной поэзии юга стал преобладать принцип лирического стиля.(183,с.14) Северные былины исполнялись сказителем под многократно повторяющийся напев, воспроизводящий интонации и ритмику человеческой речи и соответствующий одной строчке словесного текста. Внутри напев на более мелкие фразы не расчленялся. Южнорусские «старины» имели развитый мелодический рисунок и звучали в хоровом исполнении.

При обращении к записи В.Н. Капаева обнаруживается отсутствие в ней реальных героев и событийной основы, без которых нет ни исторической

песни, ни былины. Уже во вступительной части употребляется весьма распространенный в народной лирике композиционный прием - ступенчатое строение образа. Строфы поэтического текста имеют куплетную форму. Музыкальный напев достаточно развит и состоит из четырех фраз. Нам представляется, что это - осколочный вариант русских героических баллад о вольнице.(222,с.с.261-262) Появились такие песни в результате модификации историко-песенного фольклора, на что указывает сокращенный текст, отсутствие исторической канвы, преобладание лирических интонаций, наличие некоторой завершенности. Похожий сюжет имеет баллада под названием «Конь и сокол», известная в записи Д.М.Балашова.(223,с.234)

Во внеобрядовом музыкальном фольклоре Кубани важное место занимает и с т о р и ч е с к а я казачья песня. «Поэтизация не чужда этому жанру, но и она принципиально отлична: историческая песня может приукрасить факты, «додумать», «присочинить», но все это в пределах реального. И лишь изредка в песню входит фантастический элемент, который... выполняет всегда второстепенную функцию».(183,с.24) Традиционные исторические песни - ключ к пониманию истории казачества, памятник музыкального творчества народа.

В первые годы колонизации края народно-песенный репертуар составляли преимущественно произведения тех местностей, откуда прибывали мигранты. Один из известных циклов - песни об Азовских походах Петра I о завоевании выхода к Черному и Азовскому морям.(222,с.с.181-182) С походов хоперских казаков на Азов в конце XVII века начинается история Кубанского казачьего войска. Исторические песни XVII - XVIII веков сохранились благодаря записям М.Д. Чулкова, В.И. Чичерова, П.В. Кириевского, А.Ф. Гильфердинга, Б.Н. Путилова и других собирателей.(222, с.с.98-99; 138-140; 178-182; 239-240; 249-250) Бытовали

они в среде линейных казаков-кубанцев - переселенцев с Дона и южных губерний России.

Памятной вехой в истории Кубани стали события, связанные с бегством некрасовских казаков на Тамань. Гонимые российским правительством раскольники, образовали сплоченную группу вольного казачества, искавшего вне малой родины условий для религиозной свободы и воплощения своих исконных идеалов.(291,т.1.с.с.602-609) Народ неоднозначно относился к Игнату Некрасову. Одни резко осуждали его за грабежи и измену царю, называя «изменщичком» и вором. Другие одобряли, любовно величая «добрым молодцем», «сударем», «родным батюшкой». Портретная характеристика, созданная сторонниками предводителя, предстает в виде картины восходящего солнца как символа красоты и величия атамана.

Для песен о некрасовских казаках, как, впрочем, и для исторических песен вообще, характерно вольное обращение с фактами. Сюжетная основа не всегда соответствует исторической действительности. Встречается анахронизм, когда те или иные события относятся к другому месту и времени. Нередко народная фантазия приписывала историческим деятелям то, что на самом деле им свойственно не было. Вымышлен, например, сюжет песни, повествующей о том, как вожак бунтовщиков написал Петру 1 письмо о бесчинствах царских слуг. Такая художественная форма избрана неслучайно. Народ искренне хотел примирить царя с теми, кто не желал подчиниться его воле. (222, с.с.213-214) Вместе с тем, в песнях этого периода отразились многие реальные события и факты истории. Так, в 1707 году отряды Кондратия Булавина и Игната Некрасова, напав на войско полковника Долгорукого, уничтожили всех. В песне об этом событии смерть князя предстает не как бессмысленная расправа озлобленной толпы над царским посланником, а как справедливое наказание за жестокие

притеснения казаков. (222,с.с.215-216) Среди многочисленных песен о Некрасове особо выделяется плач предводителя по тихому Дону. Композиция песни предстает в форме монолога. (222,с.218)

Составляющие два самостоятельных цикла, песни о некрасовском бунте известны на Кубани в местах компактного проживания потомков тех, кто вернулся из Турции в начале XX века и переселенцев с Дона. Один из них объединяет произведения, восхваляющие бунтовщиков, другой создан противниками казачьего движения. Фольклорное наследие некрасовцев включает также русские и донские песни ХУ11 века. Основные темы казачьего песенного эпоса – любовь к России, Дону, стремление вернуться на родину.

До конца XIX века в народной памяти сохранялась песня об участнике многих походов и войн со Швецией, Турцией и Персией, бригадире Донского казачьего войска Иване Матвеевиче Краснощекове, пользовавшемся авторитетом и славой среди казачества. Во время русско-шведской войны 1741-1742 годов в сражении под Гельсингфорсом он попал в плен. В изображении обстоятельств его гибели лежат не столько реальные факты, сколько традиционная сюжетная ситуация, разработанная в исторических песнях XVII-XVIII веков. Чувство непоправимой беды ощущается уже в первой строфе поэтического текста. Догадавшись, что пленник знатного, княжеского рода, шведы убивают его. (187, с.с.61-62)

В XVIII-XIX веках среди линейных казаков популярной была историческая песня «Ах, ты поле, поле чистое» о выдающемся русском полководце, генерале-фельдмаршале Петре Александровиче Румянцеве (1725-1796 г.г.), положившем начало зарождению новой тактики боя.(187,с.с.66-68) Но, пожалуй, самый заметный след в истории Кубани оставил Александр Васильевич Суворов, назначенный в ноябре 1777 года командующим Кавказским корпусом. С этого момента Кубань стала ареной

многогранной деятельности выдающегося полководца. Сформированные им для охраны южных рубежей летучие корпуса, обеспечивали активную оборону российских территорий. В результате боевых операций, успешно проведенных Суворовым, Турция была вытеснена из Крыма и Кубани, что позволило еще более укрепить мощь Российского государства. За отеческую заботу солдаты отвечали своему «батюшке» любовью. (170,с.с.36-38)

С последними событиями русско-турецкой войны 1773-1774 годов связано имя сподвижника Суворова, донского казака, ставшего впоследствии атаманом Донского казачьего войска, генерала от кавалерии М.И. Платова. На Кубани он стал известен тем, что участвовал в сражениях с черкесами на реке Лабей, у татарского города Копыла, усмирял темиргоевцев и натухайцев. При штурме крепости Измаил в 1790 году казачья колонна Платова выступила в самый критический момент, в результате чего русские войска одержали победу. Но более всего атаман прославился в Отечественной войне 1812 года. В сражении на Бородинском поле казачьи полки нанесли сокрушительный удар по левому флангу наполеоновской армии, вызвав панику среди французов. В 1813 и 1814 годах отряды казаков под его командованием совершали удачные рейды в тыл врага.

Большинство песен о Платове имеют много общего с былинным эпосом. Ступенчатое строение стихов делает повествование свободным, развернутым, а маршеобразный ритм напевов придает песням победный характер. Экспозиция типична для песен, прославляющих Родину и ее героев.(187,с.с.57-58) Развитие действия происходит по принципу строения былинных сюжетов: рисуется картина пира у Наполеона, который, не узнав в госте самого казака Платова, принимает его за купца и пытается выведать сокровенную тайну. Кульминацией служит эпизод, когда атаман, усыпив бдительность хозяина и его дочери, незаметно ускользает. Действие

заканчивается характерным для эпических произведений прославлением находчивости героя и, одновременно, высмеивается ротозейство француза.

Песенный казачий эпос о русских полководцах Краснощекове, Румянцеве, Платове, Суворове возник в то время, когда старые поэтические формы – былины уже разрушились, однако былинные мотивы, своеобразно преломившись в нем, еще сохранялись. Наполнение эпической военной поэзии лирическим началом подготовило почву для зарождения исторических баллад, получивших популярность благодаря схожести исторического фона. (223,с.с.192;309;155;108-109) Во время Кавказской войны 1800-1865 годов горцы нередко брали пленных казачек в жены или превращали в рабынь.(189,с.с.108-109) В общих чертах содержание одной из баллад таково: иноверец, похитивший русскую девушку, женится на ней. У супругов рождаются дети. Спустя время татарин (в других вариантах турок) берет в плен старуху, которая оказывается его тещей. Брак дочери с мусульманином трагедия для нее. Молодая женщина предлагает матери бежать. В другом варианте дочь приказывает слугам отвезти мать на родину.(121,с.471) Композиция баллады основана на троекратном повторении фольклорного текста, что усиливает драматизм коллизии. Варианты ее бытовали как среди русских, так и украинцев, что говорит об общности исторической судьбы двух славянских народов.

Другая ветвь кубанского историко-песенного фольклора берет свое начало в Украине. Одна из ранних песен относится к временам войны с Турцией, которая велась Петром I в союзе с Польшей и Австрией. Против России на стороне турок и крымских татар выступил гетман Правобережной Украины П.Д. Дорошенко. Турки были наголову разбиты, а гетман в 1676 году сдался на милость победителям. Песня о походах Дорошенко была популярна на Кубани в XIX веке, о чем свидетельствуют записи А.Д.

Бигдая и Г.М. Концевича. (186,с.с.30-32;168,с.53) Поют ее потомки запорожских казаков и сейчас.(169,с.с.12-13)

В народном репертуаре сохранились донные песни о разрушении правительственными войсками Запорожской Сечи, представлявшей, в ту пору, обособленную область на территории России и не признававшую иной власти, кроме казачьего самоуправления. «Абсолютизм, достигший при Екатерине II крайней степени своего развития, не мог ужиться с такою вольнолюбивою окраиною».(291,т.1.с.468) Окружив сечевиков со всех сторон, казаков вынудили сдаться. (186,с.35;168,с.76) Часть из них, крайне недовольная действиями центральной власти, бежала на лодках по Днепру в Турцию.(170,с.89; 168, с.60, 416) Другая, оставшись на родине, в 1787 году героически проявила себя в войне с турками.

Спустя год после окончания боевых действий, из разрозненных команд волонтеров образовалось казачье войско по образцу Запорожской Сечи. Большую роль в возрождении казачества сыграл фаворит Екатерины II Г.А. Потемкин, гордо носивший кличку Грыцька Нэчоса, данную ему запорожцами. Поначалу новая военная организация была названа войском верных казаков, в отличие от неверных, принявших подданство Турции, позже переименованная в Черноморское казачье войско. Черноморцы, участвуя в операциях по взятию острова Березани и крепости Очаков, на деле доказали свою боеготовность и преданность России. Высокую оценку боевым качествам черноморцев дал М.И. Кутузов, командовавший казачьими подразделениями во время сражения под Бендерами. В 1790 году по ходатайству Г.А. Потемкина императрица Екатерина даровала черноморцам земли между Бугом и Днестром.

Годом позже великий гетман князь Потемкин неожиданно скончался. Казаки оказались в трудном положении. Проект указа, представленный Потемкиным, государыня не утвердила, а это означало, что у черноморцев

не было законных прав на пользование занятыми ими землями. Драматизм ситуации довольно точно передан в песне, автором которой принято считать А. Головатого.(186,с.406) По форме и поэтическому языку песня напоминает украинскую похоронную причет. Простота и лаконичность отличает ее от северорусских плачей. Генетически песни-плачи связаны с женскими похоронными причитаниями, представлявшими собой ритмически организованную прозу. Песни-плачи у казаков составляли, как правило, мужской репертуар и имели рифмованную строфическую форму.(186,с.с.33;83) Зачин плача по Потемкину построен в виде молитвенного обращения к Богу. Мелодический рисунок начальной музыкальной фразы представляет собой плавно восходящую «волну» и заканчивается фермой. Далее мелодическая линия после быстрого и энергичного подъема, покачиваясь, движется вниз и снова завершается фермой. Продолжительные остановки как бы дают возможность собраться с силами. Характерны для причети обращения к покойному как к живому.

Смерть Г.А Потемкина вызвала у черноморцев смятение и страх за свое будущее. Они не без оснований опасались, что власти поступят с ними так же, как в свое время с запорожцами. Собравшись на круг, казаки решили снарядить в Петербург депутацию, чтобы получить разрешение о переселении на Тамань, пустующую в ту пору местность.

Прошение черноморцев, по большей части, было удовлетворено. Покидая обжитые места за Бугом, казаки «зажурьлысь». Впереди их ждал чужой край и беспокойные соседи - горцы. Мелодия и слова исторической песни о новом исходе черноморцев полны горести и печали.(186,с.38)

Иной характер настроения песни «Ой, годи ж нам журытыся», автором которой предположительно также считается А. Головатый. Песня наполнена радостью и надеждами тех, кто искал лучшей доли и, наконец, осуществил свою мечту. Сложена она была по пути на Тамань и заканчивалась словами

благодарности Екатерине II за дарованный край.(186,с.39) Как свидетельствуют записи А.Д Бигдая и Г.М. Концевича, песенный пласт об историческом прошлом казачества, возникший еще до переселения на Кубань, в конце XIX - начале XX веков продолжал оставаться востребованным.

Зарождению и развитию историко-песенного наследия, непосредственно связанного с Кубанью, во многом способствовала сама историческая действительность. События времен Кавказской войны послужили основой для создания исторических песен-хроник, в которых нашли отражение точные даты, имена героев, места сражений. (187, с.с. 11; 27; 29-31; 32; 36; 37; 44-45; 52;60; 63-64; 71-72; 73-74; 78-79; 8—81; 82; 84-85; 86-87; 91; 92-93) Песни напоминают фронтовые сводки с арены боевых действий. Такая форма отражения действительности позволяла быстро откликаться на текущие события. В народном сознании актуализировались лишь те события военной истории, которые вызывали живой эмоциональный отклик.

Большой цикл песен составляют песни-славы в честь героев войны: наказного атамана Я.Г. Кухаренко (186,с.с.41-42), генералов Ф.А Круковского (187, с.с.92-93) и Г.Х, Засса,(187,с.с.86-87) начальника кавалерии Кавказской линии Я.П. Бакланова, прозванного казаками Ермаком.(187,с.с.34-35) Все они предстают в облике богатырей, наделенных небывалой силой, удалью и блестящими организаторскими способностями. Так, исторические события в песне о Бакланове преломляются сквозь призму древнего мифа. Полководец отличается колдовскими премудростями: то превращается в орла, то в бесшумную змею, то в серого волка. Отсюда и сказочные мотивы: «шапка-невидимка», «сапоги-скороходы», верный конь «Сивка-бурка». Герой изображается как продолжатель традиций атамана Платова.

В песенном фольклоре запечатлены и события Крымской кампании.

В июле 1854 года корпус под командованием генерала В.О. Бейбутова разбил шестидесятитысячную турецкую армию в бою при Курюк-Даре. Об этом памятном сражении говорится в песне «Веселитесь, ребята».(187,с.13) Во время русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) кубанские казаки геройски сражались вместе с болгарами на перевале Шипка, одержав сокрушительную победу над турецкими войсками под командованием Сулейман-паши. События легли в основу исторической песни «Вспомним, братцы, как стояли».(187,с.19) В другой песне «Казаки в Нетрополе биваком стояли» запечатлен крупный эпизод войны - сражение за болгарский город Плевна, в результате которого была пленена сорокатысячная армия противника. Особо при этом отличились кубанские пластуны, имевшие большой опыт ведения боевых операций на Кавказе.(187,с.63)

Фольклор - ценнейший источник в изучении отношения кубанского казачества к монаршей власти и Отечеству. Как свидетельствуют тексты песен, державная воля Государя Императора выполнялась всегда с готовностью и самоотверженно. (187,с.с.53-54)

В ходе преобразования исторической песни возникли разновидности жанра - произведения на военно-бытовую тему и военная лирика. Новые модификации утратили точную хронологическую приуроченность, локализацию, эпичность, диалектные элементы, но приобрели четкий ритм и литературную рифму. Сохранились лишь те песни, которые приспособивались к новой исторической обстановке и отвечали духовным устремлениям народа. Военная лирика внеисторична и потому не поддается влиянию меняющихся исторических обстоятельств. Этим объясняется ее живучесть в отличие от исторической песни, зависимой от «капризов памяти народа на факты истории». (183, с. 37)

О том, как оценивали казаки свою службу, говорит пословица: «Слава казачья - жизнь собачья». В военной лирике ратная служба изображалась как тяжелый труд. Один из распространенных «бродячих» сюжетов - рассказ о казаке, который просит начальника отпустить домой, чтоб повидаться с любимой. В вариантах песни историко-географическая привязанность к местности и конкретным условиям разная. В одном случае - это берег моря, скорее Черного, (186, с.53) в другом - река Кубань, вдоль которой в начале XIX века проходила кордонная линия. (186, с.52) Оба варианта имеют схожие сюжеты с песней «Тыхый Дунай», известной как в Украине, так и на Кубани. (170, с.74)

Фабулы стихотворных текстов не поддаются точному историческому прикреплению. По-видимому, речь идет о схожих эпизодах многочисленных войн с турками и кавказскими горцами. Что касается музыкальных напевов, то они существенно отличаются друг от друга. Вероятно, по этой причине В.Г. Захарченко рассматривает их как самостоятельные произведения.

Близка по тематике к данному циклу песня «Чому, соловэйко, рано нэ щэбэчиш?» (186, с.54) Исторический фон проявляется в ней достаточно отчетливо, равно как и лирические мотивы «о щирой доле», что говорит о принадлежности ее к военной лирике. Похожий сюжет имеет песня «Калына-малына, чем нэ процвітаеш?» (186, с.с.79-80) Точно определить время ее создания не представляется возможным. Записана она в двух стихотворных вариантах. Первый сравнительно короткий, всего шесть строф, заканчивается просьбой казака отпустить домой к любимой девушке. Второй вариант словесного текста более развит. Несомненно, его авторство принадлежит женщине, что само по себе явление исключительное в военно-песенном фольклоре казаков. Причину, как нам кажется, следует искать в особенностях хорового пения кубанцев. Военную лирику исполняли не

только во время службы, но и в быту, на праздничных гуляниях и посиделках. Собиралось на них все население, включая детей. В бытовом коллективном пении женщины играли лидирующую роль. Они же активнее чем мужчины осваивали и творчески перерабатывали песенный репертуар. Нельзя исключать и того, что песня родилась в самодеятельности уже в советское время в сценическом коллективе. В основе сюжета песни достаточно типичная житейская коллизия. В свое время Б.Н. Путилов отмечал, что казачья песня эволюционирует в сторону сокращения и все большего насыщения лирическими элементами. Данный пример подтверждает эту тенденцию. (183,с.33)

Наиболее популярная тема в военно-бытовом фольклоре - прощание умирающего казака с верным конем. Сюжеты песен почти не отличаются друг от друга. Меняется лишь место действия: берег Дуная, Кубани или Лабы.(187,с.с.107-108;120-121) Весьма устойчив и мотив перекрестка, лежащего на стыке потустороннего и земного миров. Образ пути-дороги символизирует судьбу героя. Мифологема судьбы обозначена триединой дорогой. (187,с.127) Песни военно-бытового цикла имеют как эпическую, так монологическую и диалогические формы. Историческая основа просматривается в них с трудом.

Другая разновидность историко-песенного фольклора - походные песни, отличающиеся своим музыкально-ритмическим складом. Характерный признак таких песен - четкий маршеобразный ритм. Под пение маршей шли пешим или конным строем, отсюда и другие названия - строевые, пластунские, кавалерийские песни. Песни поднимали дух, помогали поддерживать армейские традиции.

Тематика и характер изображения человеческих переживаний в походных песнях разнообразны. Значительная часть посвящена ратному труду: «Слышно бьют тревогу», «Полно вам снежочки на талой земле

лежать», «Ой, там летели», «Ты винтовка друг мой верный», «Любим, братцы, со врагами» и другие. В строю охотно пели шуточные лирические песни: «Ой, на горке, право, на крутой», «На гори, гори йидуть мазуры».(187, с.с.133;122;116;105;128; 168,с.124)

Песни времен революции и гражданской войны являются, большей частью, литературными переделками известных исторических казачьих песен. Новые тексты создавались на мелодии народной песенной лирики: «Вот скрылось солнце за горою», (72,с.16) «В кинце грэбли шумлять вэрбы», (230,с.145) «Засвистали козаченьки». (169,с.20) Музыкальный напев времен Кавказской войны «Собиралися в круг линейны казаки» использован в песне «Не черные вороны в стадо слетаются».(35,с.24) Марш «Стальная дивизия» исполнялся на мелодию «Скакал казак через долину»,(35,с.301) а в «Ой, на гори та жинцы жнуть» вместо запорожского полковника П. Дорошенко фигурирует «стальной командир» Д. Жлоба. (35,с.280)

Традиции исторического плача продолжены в песне о председателе Кубанской краевой рады Н.С. Рябоволе, убитом в 1919 году за выступления с критикой идеологии белого движения. Это одно из немногих произведений народного творчества первых лет советской власти, звучащее как торжественная клятва погибшему товарищу. (170,с.91)

Во время Великой Отечественной войны песни фронтовиков публиковались в армейских газетах, записывались на плакатах, придорожных щитах, на бортах грузовиков, на танках и товарных вагонах. Авторами их выступали, чаще всего, журналисты, политруки и фронтовые поэты. В создании одной из таких песен принимал участие писатель С. Бабаевский. Вскоре после войны он вспоминал, как в январе 1942 года его командировали в составе бригады артистов в село Любимое Ростовской области, где находился Гиагинский кавалерийский полк. Сочиняли стихи полкового гимна сообща. Мелодию заимствовали из песни «За лесом солнце

воссияло». Словесный текст составили из отрывков из казачьих песен, известных в XIX веке («Как не соколы крылаты», «Конь боевой с походным вьюком») и песни Александрова «Священная война».(10)

В годы войны авторские стихи печатались в малотиражных армейских газетах. К ним подбирали мелодии старых и советских массовых песен и разучивали в частях. (175) Не все, что публиковалось в печати, было подлинно народным. Печатались, как правило, лишь те материалы, которые соответствовали требованиям цензуры и были инспирированы политорганами.(205,с.25-35)

В советское время жанр исторической песни стал стремительно угасать. Негативную роль сыграли репрессии в отношении казаков, очернительство и извращение прошлого. Вместе с тем, интерес к историческому прошлому Кубани сегодня огромен, что дает надежду на возрождение народно-песенных традиций.

Заимствование событий и лиц из библейской истории способствовало появлению жанра **д у х о в н ы х с т и х о в** - фольклоризованных песнопений, испытавших на себе воздействие христианской и апокрифической литературы, обрядовых и исторических песен, легенд и канонической иконописи. Создателями и исполнителями их были «старцы» (нищие). «Слепая нищая братия, стоя при вратах монастыря или храма, воспевала для входящих те великие события Последнего Дня... Малопонятные, полузагадочные и таинственные изображения становились всякому доступны и вразумительны, перелитые в родные слова». (28,с.201) «Как поэзия, возникшая в кругу грамотного простонародья, она соединяет в себе традиционные формы древнейшей эпической поэзии с элементами книжными». (29,с.486)

Начало записей духовных стихов на Кубани относится к 80-м годам XIX века. По составу репертуара они близки к общерусским духовным стихам. Наиболее яркой фигурой в них выступает Иисус Христос как пример непоколебимой твердости в вере. Развитые темы в произведениях духовного характера – конец мира и загробная жизнь,

второе пришествие Христа, Страшный Суд, о муках грешников, обретение праведниками вечного блаженства в раю. Эсхатологические взгляды подкреплялись реальной угрозой наказаний, которые представлялись народу как расплата за грехи перед Богом и людьми.

Единых принципов в композиционном построении духовных стихов не существовало. В старых текстах рифма отсутствовала. В текстах позднего происхождения композиция имеет форму монолога, опирающегося на традиции народного тонического стихосложения. Распространение получили стихи с хореическими и дактилическими окончаниями строк. В начале XX века народная духовная поэзия восприняла утвердившуюся литературную систему стихосложения с четырехстрочными рифмованными куплетами.

Некоторые произведения духовного характера жёстко прикреплены к календарной дате, об этом говорит традиционная формула поздравления: «Щедрый вэчир, добрый вэчир, добрым людям на здоровье». Другие приуроченности не имеют и исполняются на Рождество Христово и во время постов. Стиль изложения повествовательный.

Разнообразны по содержанию и стилистике песни, славящие Христа. Красочно изобразить события Рождественской ночи помогает приём идеализации, традиционно используемый в колядках-величаниях.(170,с.176) Встречаются духовные стихи в виде контаминации рождественской колядки и виршей о рождении Христа.(170,с.141) В новогодних песенных сюжетах более всего разработаны два стереотипа: а) Дева Мария называет новорождённого Сына Иисусом Христом; б) Младенец получает имена Рождества, Святого Василия и Святого Крещения.

В старообрядческом быту духовные стихи (псалмы) прикреплялись к дням памяти святых и православным праздникам. Действия гонителей приверженцев старой веры в них выступают в форме иносказаний. Псалмы отличаются усложненной лексикой. Наиболее употребительны глагольные формы

церковнославянского языка «приидоши», местоимений «аз», «мя». (189, с.с.190-192) Некрасовские казаки исполняли духовные стихи по рукописным сборникам хором одногласно. Во время Великого поста пели «Про Лазаря», «Расставание души с телом», «Идут годы, идут лета», в праздники «Об Адаме и Еве», «О блудном сыне», «О Федоре Тыринине». (256, с. 21)

Общины старообрядцев находятся в станицах Кавказской, Должанской, Тбилисской, в хуторах Новонекрасовском и Потемкинском, в городах Армавире, Белореченске, Кропоткине, Темрюке и их окрестностях. Староверы разных согласий, несмотря на полемику, имеют общий круг чтения, обмениваются святоотеческими сочинениями, книгами на крюках с богослужебными песнопениями и псалмами. (1, с. с.78 - 84)

В советские годы духовные стихи не записывали и не издавали. Многочисленные варианты бытуют на Кубани и поныне, но изменилась форма их существования. Теперь они нередко звучат со сцены. В 1997 году В.Г. Захарченко опубликовал девять текстов духовного содержания, представляющих интерес как материал для познания религиозного сознания. Все тексты содержат в себе сжатый пересказ Евангелие. (170, с.с.167-178) По тематике они неоднородны, но, как и ранее, служат для утешения и спасения души. Элемент чудесного в них выполняет иную функцию, чем в легендах и волшебных сказках. Чудесное творят не существа из потустороннего мира, а Иисус Христос и святые. Самый популярный и разработанный сюжет - последние дни пребывания на земле Иисуса Христа. В основе эпизодов, такие сюжетные ситуации как предательство Христа Иудой Искаротским; распятие Спасителя; явление ангелов, сообщивших о вознесении Сына Божьего. В отдельных произведениях эпическая часть заканчивается словами Священного Писания. Место действия, где решилась участь Спасителя, обозначено достаточно определённо - речка «Ордань» («Ярдань»), «жидивський край». Правда, в описании событий встречаются

нарушения хронологии, что в целом характерно для эпических жанров фольклора, в том числе, и духовных стихов.

Популярны темы греха и покаяния. Главный лейтмотив в сюжетах - слова Иисуса Христа к ученикам: «Не заботьтесь ни о том, что есть вам для поддержания жизни вашей, ни о том, что одеть вам, чтобы прикрыть тело ваше». (Еванг. Луки. Гл.12,22.). «Не будьте корыстолюбивы, ибо жизнь человека не зависит от того, насколько он богат». (Гл.12,15) «Легче верблюду сквозь игольное ушко пройти, нежели богатому войти в Царство Божье». (Гл.18,24,25) Произведения построены в форме монолога и содержат традиционные для духовных стихов слова раскаяния. (170,с.с.178-181) Глубокий нравственный смысл имеет идея о бренности бытия, безудержной тяге к накопительству, о сострадании нищим и убогим. Приурочены к Рождеству известные во множестве вариантов фольклорные песнопения о Страшном Суде.

Духовные стихи унаследовали не только идеи церковного вероучения, но и языческое мировосприятие. В текстах упоминаются две области пространства – «море» и «камень». Водное пространство разделяет реальный и иной мир. Камень (бел горяч Алатырь) символизирует центр мироздания. Две другие области - церковь и престол - имеют отношение к христианству. При переходе из одной области пространства в другую сакральность усиливается. Доминирует идея примирения грешника с Богом.

Тексты стихов свидетельствуют о том, что под влиянием Православия языческие верования не разрушились, наоборот, благодаря их соединению открылись новые возможности для работы духа. Композиционное строение имеет традиционную ступенчатую форму. Исполнение приурочено к Новому году. Наряду с главными персонажами Иисуса Христа, Богородицы, ангелов, святых в них содержатся и бытовые темы. (170,с.с.154-155)

Самый популярный и любимый жанр народного творчества - внеобрядовые лирические песни, главная особенность которых, обращение к психологическим переживаниям и чувствам героев. Народная лирика максимально приближена к повседневной жизни простых людей. В этом причина столь длительного и плодотворного ее развития. В XIX - начале XX веков лирические песни пели на посиделках, на праздниках и уличных гуляниях. Славились своими вокальными способностями и женщины, и мужчины.

Древний пласт составляют лирические баллады с отголосками раннего анимистического мышления. Один из популярных мифологических сюжетов о молодой невестке, околдованной свекровью и превратившей ее в тополь.(186,с.с.130-131) В балладах сохранились архаические представления о распущенной косе, как символе утраты целомудрия,(169,с.с.297-298) о возможности превращения человека в птицу.(186,с.168)

Обширный цикл лирических фольклорных произведений составляют песни о доле. В славянской мифологии доля персонифицируется. Счастливая доля связывалась с взаимной любовью, (186,с.с.140;217) несчастная - с сиротством. Песни о несчастливой судьбе чаще всего звучат как причитания.(186, с.с.125;134;135;151;157;159;162;166;196;202)

В народной лирике о семейных отношениях свекор и свекровь характеризуются отрицательно. В песне «Ой, на гори васылэчки сходять» свекровь советует своему разгулявшемуся сыну взять в руки «дротяну нагайку» и бить «жинку з вэчор и до ранку».(186,с.223) В другой песне свекровь незаслуженно чернит молодую женщину.(186,с.112)

В отличие от сложных семейных конфликтов и грустных переживаний, изображаемых в народных песнях в темных тонах, тема счастливого брака наполнена ярким светом.(186,с.114) Положительные лирические герои

предстают в образах «казака – орла», «дивчинонькы», «ридной нэнькы». Место действия органично связано с яркими картинами природы: «зэлэный гай», «крутой бэрэжок», «сине море», «широкое поле». Средством эмоционального воздействия служат обращения в виде сравнений: «дивчина – рыбчина», «нэнька ж - моя вышня». Особую выразительность придают эпитеты, усиливающие значение поэтических образов. Для характеристики переживаний используются выражения: «дрибны слизочки», «лыхая розмова», «батько риднэсэнкый». Поэтичны двойные обозначения: «щука-рыба», «шлях-дорожка», «рано-ранэнько», «батько-отец». Встречаются обратный порядок слов (инверсия): «ничка тэмна», «витэр буйный», «намысто червонэ»; поступенчатое строение с повторением одной, двух, а иногда и трех строк; ритмические частицы: «ой», «эх», «гэй», «гоп».

Разновидность песенной лирики - ш у т о ч н ы е песни, высмеивающие человеческие пороки и создающие веселое настроение. Смех помогал народу легче переносить тяготы жизни. В таких песнях много повествовательности. Забавно выглядит комический монолог молодежи, рассказывающей о постылом муже. Мелодия песни печальна, напоминает плач. Поэтический текст состоит всего из трех строф, но этого достаточно для того, чтобы понять непредсказуемость героини, способной на самые неожиданные поступки.(186,с.320)

Особая группа шуточных песен - песни с приговорами в форме диалога или монолога. В песне «Ой, куды ж ты, мий милэнькый, пойдеш?» интонации женского голоса миролюбивы и доброжелательны. Мужчина, наоборот, нарочито сердит, что придает разговору равнодушных друг к другу молодых людей комический характер.(168,с.187) Приговоры служат своеобразным комментарием к поэтическому тексту.(168,с.с.320-321)

Если в протяжных песнях рифмы мало, то в шуточных с подтанцовкой она обязательна. Рифмуются чаще всего глаголы: «ораты – гуляты», «болыть - нэ вэлыть».

Специфична разновидность народной лирики - х о р о в о д н ы е песни. Во времена язычества и даже на поздних стадиях феодального строя хороводы были частью календарных и свадебных обрядов. Божествами наслаждения, благополучия и гармонии Вселенной почитались Лада и ее сын Лель. Им приносили свои жертвы молодежены и земледельцы.(121,с.с.16-18) Отсюда и название «лелешные» песни. К началу XX века хороводы в основном уже утратили магическое значение и служили для молодежи развлечением. На Кубани их водили круглый год, но более всего весной и летом. Заводилами были певицы с хорошим голосом и музыкальным слухом.

Тематика хороводных песен неоднородна. В первую группу можно отнести те из них, которые сопровождалась имитацией производственных операций: посев зерна, уборка урожая. Наиболее известна «А мы просо сеяли».(187,с.309) Во вторую группу входят произведения с любовной тематикой. Их исполняли в предсвадебный период на вечеринках и молодежных гуляниях. (187,с.с.311-313;328-331) В третью группу мы включили хороводные песни, служившие средством выражения сердечных чувств супругов и других членов семьи. (187, с.с.292;294;295;299;301;308)

В ходе 1 Кубанской интернациональной экспедиции выяснилось, что пласт хороводных песен к концу XX века оказался в наихудшем состоянии по сравнению с другими жанрами. Если в 1880-х годах Е.Передельским было зафиксировано около 30 текстов, то спустя 100 лет удалось записать только два, причем один в сольном исполнении. Пожилые информаторы сообщали о том, что в годы, предшествовавшие исчезновению хороводов,

они сопровождалась лирическими и даже историческими песнями.
(86,с.с.54-55)

Анализ показал, что в XX веке в народной лирике усилилось сближение фольклорной традиции и книжной поэзии. Рифма, куплетность, новая символика используются здесь достаточно широко. Заметно стремление к наполнению песен новым социально-бытовым содержанием. Встречаются и контаминации сюжетных мотивов по принципу эмоционального родства. Мозаика песенных стиховых фрагментов объединена общим музыкальным напевом. Цепь поэтических мотивов составляют, например, песни «Нэсэ Галя воду», «В лузи на покоси»; «Нэсэ тэща воду», «Варыла я водку», «Ой у лиси, лиси», «Пойихав наш тату».(170,с.с.298-299)

Народные песни Кубани, преимущественно, двухголосные. Начинает песню один голос, затем присоединяется второй, движущийся параллельно. Иногда в кульминации появляется подголосок, самостоятельного значения не имеющий.(163,с.с.44-46) В песенном творчестве кубанского казачества тесно переплелись элементы культур восточнославянских народов с характерной интонационной закругленностью, подчеркнутым гармоническим минором и диатоничностью. Одним из главных результатов развития народной песни являются метро-ритмическая «прямолинейность» и «квадратность структуры». На Кубани старинные песни приобрели четкую метрическую двудольность, чеканный ритм, приближенный к условиям боевого похода. Общая тенденция к трансформации песенного фольклора обусловлена поздним временем его становления и развития, а также полувоенным бытовым укладом казаков. (114,с.7)

Самобытный фольклорный жанр - п р и п е в к и - короткие четырех-, шести- и восьмистрочные рифмованные песенки, чаще шуточного характера. В линейных станицах их называли «вертушками», «набивушками», «сбитушками», «шапоранями», в черноморских –

«прысьпывами».(130,с328) Благодаря писателю Г.И. Успенскому их больше знают как частушки. Популярности жанра способствовали отхожие промыслы, ставшие обычным явлением в пореформенный период, особенно, в южных районах Кубани.

Припевки исполняли под музыкальные наигрыши вместе с гопаком и казачком.(192,с.с.34-42) Пели и на мелодии плясовых песен. Генетически они тесно связаны с детскими дразнилками, поддевками и небылицами. (188,с.43) Одночастные припевки имеют форму монолога или описания, двухчастные строятся на психологическом параллелизме, сравнении или противопоставлении. Обращения придают им характер живой разговорной речи.

В советское время быстрые темпы общественных и культурных преобразований нашли отражение в частушках-агитках. Влияние на жанр оказал «жестокий романс», распространенный среди городского населения. Однако несчастная любовь, разлука часто оборачиваются гротеском и даже фарсом. Играя словами, исполнители умело демонстрирует грамматические и звуковые возможности языка. (188, с.205) Частушка «оттого была и остается «первоисточником народной души», что великие и малые события получают своеобразное конкретно-личностное преломление в частных судьбах. Новое в общественной жизни порождает новые коллизии личного свойства. Эти коллизии, как правило, и дают частушку».(267,с.11)

Ценнейшим наследием прошлого является внеобрядовый музыкальный фольклор с о ц и а л ь н о г о содержания. Чумацкие песни порождены особым крестьянским промыслом. Во времена отсутствия железных дорог, чумаки перевозили на волах грузы - соль, зерно, рыбу, лес. Занятие это было не из легких, поэтому рассказы о дорожных происшествиях одна из главных тем в песнях этого цикла. Большинство из них звучат протяжно и заунывно.

(186,с.242) Полна трагизма песня «Ой, горэ тий чайци» о проезжих чумаках, сваривших в каше маленьких птенцов. (170,с.с.222-223)

Тюремные песни изобилуют картинами расставания героев перед долгой разлукой. В качестве поэтических символов используется шелковый пояс, обручальное кольцо.(187,с.178) Основные мотивы - воспоминания узника о любимой женщине и тоска по воле.

Песни о служителях церкви, которым по чину надлежит быть благопристойными, носят гротескный характер. В записи А.Д Бигдая сохранилось два варианта стихотворного текста и три музыкальных напева о том, как попадья «журылася» бедою, что поп с бородою.(186,с.с.312-316) Комичность ситуации усиливает контрастность темпа. Куплеты исполняются как быстрая пляска, а припев, наоборот, неторопливо, что вызывает ощущение безысходности от свалившегося на женщину «несчастья» и, одновременно, выдает ее лукавство. Тема о богатых и бедных, о социальном неравенстве и бесправии неразработана.(170,с.254)

Влияние книжной поэзии во второй половине XIX века способствовало зарождению песен л и т е р а т у р н о г о п р о и с х о ж д е н и я. В результате творческой переработки стихи фольклоризовались: ломалась изначальная метрическая структура, объем сокращался, терялись целые строфы. Чуждое народному мироощущению либо переосмыслялось, либо заменялось вовсе. В песню включались элементы живого местного диалекта. (183,с.42) В отдельных случаях стихотворение теряло свои художественные качества, в других, наоборот, становилось лучше. Переделку, например, претерпели стихи А.С. Пушкина «Делибаш», послужившие основой для создания походной песни «Перестрелка за холмами».(206,с.с.457-458) Из четырех авторских строф в народном варианте осталось три, последние два переработаны. Для придания песне

ритма победного марша использован рефрен. В таком виде стихи приобрели новую жизнь.

Литературное происхождение имеет народная песня на стихи Т.Г. Шевченко «Тяжко, важко в свити житы», в которой нашли отражение чувства великого Кобзаря, рано оставшегося сиротой и впоследствии много скитавшегося вдали от родины. Незадолго до смерти поэт услышал от бродячих певцов свои думы. Среди них была и эта песня.(186,с.221) Долгой оказалась судьба народной лирической песни на стихи Л.И. Глебова «Стоит гора высокая». (186,с.208) Ее до сих пор охотно поют в быту и на сцене самодеятельные и профессиональные коллективы.

По мотивам стихов В.Дмитренко-Бута сложена песня «У п'ятницю на базари» (186,с.с.41-42) о наказном атамане Черноморского казачьего войска Г.Я.Кухаренко, боевая служба которого проходила в годы войны с горцами. По пути в Ставрополь он был захвачен черкесами и умер в плену. Основой для создания лирической песни «Поехал казак на чужбину далеко»(187,с.110) послужили стихи украинского поэта Е.Гребенко, в которых реалистично изображена печальная участь казака, сгинувшего вдали от родного дома. Благодаря соединению литературной поэзии и фольклора песенный репертуар кубанцев обогатился новыми произведениями народного творчества.

В 30-х годах в период массовой фальсификации фольклора в Ростове-на-Дону вышел сборник с текстами песен о Ленине и Сталине, Ворошилове и Буденном, о счастливой и веселой жизни при социализме. (255, с.с. 102-103;111-112;116;119-120) Все они написаны литературным языком, в традицию не вошли и потому аутентичность их сомнительна.

В XIX веке внеобрядовый музыкальный фольклор взрослых включал к о л ы б е л ь н ы е, п е с т у ш к и, п о т е ш к и. В научной литературе эти жанры получили название материнской поэзии или поэзии пестования.

Изучение и осмысление детского фольклора, бытующего на Кубани, началось лишь в последние десятилетия прошедшего столетия. Обширный этнографический материал собран сотрудниками Центра народной культуры при Кубанском казачьем хоре.(247) Сбором и изучением детского фольклора занимаются и студенты Краснодарского государственного университета культуры и искусств во главе с автором диссертации.

Характер исполнения, поэтика и функции традиционных колыбельных песен специфичны. Назначение их вызвано, в первую очередь, необходимостью безболезненного перехода ребенка из состояния бодрствования в состояние сна. Монотонное пение и ритмичное покачивание успокаивают младенца, помогают быстрее заснуть. Другая функция колыбельных песен - эпистемологическая. Посредством пения старшие передают малышу определенные культурные представления о «своем» и «чужом» пространстве. Враждебный мир в них предстает в виде дремучего леса и серого волка. (247,с.127)

Стихотворные тексты большей частью состоят из существительных и глаголов. Лексическая простота обусловлена особенностями восприятия маленькими детьми речи окружающих. В круг поэтических образов входит сам ребенок и близкие ему люди. Традиционные персонажи колыбельных песен - котик, петушок, журавли, «гули» (голуби). Встречается и мифический образ Бабая, которым пугают шалунов. (247, с.138) Помогает усыплению сказочная Баба-Яга.(247,с.127) Наиболее распространенные мотивы - утверждение сна и пожелание благополучия в будущем. (247,с.130)

Традиционные колыбельные песни представляют собой простейшие уроки нравственности. Чтобы облегчить их усвоение ребенком, стихотворные тексты наполнены сценами из обыденной жизни. Императивы выполняют функцию обращений и магических заклинаний.

(349;283,с.с.163-164) Другая группа повествовательных сюжетов состоит из контаминации пестушек, прибауток и детских песен. (350; 283, с.163)

С развитием общей грамотности влияние книжной поэзии усилилось, что привело к качественному изменению функций жанра. Во второй половине XX столетия колыбельные песни бытовали уже пассивно, сохраняясь, большей частью, в памяти людей старшего возраста. Не поддерживаемые бытовой необходимостью, они, постепенно, забываются. Молодежь знает и активно осваивает авторские произведения.

Пестушки служат для восстановления кровообращения после сна и тренировки мышц младенца.(338; 283, с.164) Как правило, они лаконичны, рифмуются парно или перекрестно, и не всегда отличаются оригинальностью. Музыкальные напевы близки к интонациям выразительной речи. На жанр оказали влияние частушки, прибаутки, потешки. Сохранились они в народном быту лучше, чем колыбельные песни.

Потешками называют забавы маленьких детей, располагающих небольшим словарным запасом. Главное назначение потешки - развеселить ребенка, выработать потребность в совместной игре, обучить навыкам разговорной речи. О происхождении жанра однозначного мнения не существует. Есть точка зрения, что потешки были частью весенних обрядов встречи птиц с пением, рукоплесканием, заклинаниями и обрядовой едой. Старые люди до сих пор к празднику выпекают «жаворонков» и поминают мертвых. С праздником связаны и поверья о сороке. Предполагается, что «сорока», которая «кашку варила и деток кормила» осколок ритуала встречи пернатых. По мнению В.В. Головина, генетическую основу потешки «Ладушки» следует искать и в обряде повивальных бабок (бабыны каши).(53,с.с.35-38) Рефреном «ладо» и «ладу» сопровождалась и хороводные песни весны.(119,с.20)

В отличие от колыбельных песен в потешках больше информации об окружающем мире. Шутки, художественные образы максимально доступны для понимания детьми младших возрастных групп. Варианты «Ладушек», «Сороки-белобоки», «Идет коза рогатая» бытуют и в наши дни.

Малоисследованный жанр музыкального фольклора – д е т с к и е народные песни. Собиратели фольклора их не записывали. Не привлекли они должного внимания фольклористов и в наши дни. Детские коллективы исполняют, в основном, игровые и шуточные песни, заимствованные из взрослого репертуара: «А мы просо сеяли», «Чебуранчик», «Як служив же я у пана», «Зэлэное жито», «Ой, на гори грэчка», «Ой, у саду пташечка щэбэтлыва». Взрослые песни переходят в репертуар целиком без изменений или частями. Обращение традиционных песен в детский фольклор позволяет сохранению песенных традиций, однако, требуется серьезная поисковая работа по сбору подлинно народных произведений, отвечающих возрастным особенностям детского возраста. Самодеятельные детские и молодежные коллективы довольно быстро овладевают манерой исполнения, но, ориентируясь на сценическое воплощение фольклора, со временем теряют свое неповторимое своеобразие.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что кубанская народная песня, являясь частью общерусского и украинского фольклора, разнообразна в жанровом отношении и богата по содержанию. В современном репертуаре наиболее широко представлены внеобрядовая лирика, баллады, припевки, песни литературного происхождения.

Инструментальная музыка

К казачьей инструментальной традиции следует отнести ударные инструменты: барабаны и литавры, которые использовались в ратном деле для подачи команд, устрашения врага и на войсковых праздниках. Сигналом служила мелкая дробь. Удар по мембране производил с помощью палочек

«довбыш» (барабанщик). В военном и общественном быту, в оркестровой группе Войскового певческого хора незаменимыми были также духовые инструменты. В настоящее время они оживляют тембровую палитру любительских и профессиональных оркестров.

Первое описание бытового народного инструмента относится к 80-м годам XIX века. Учитель станицы Темижбекской Е. Передельский сообщал, что жители ее издавна играли на пищике - камышовой дудке величиной в пять вершков с шестью отверстиями на одной трубке и тремя на другой. Язычки на конце трубок напоминали язычки кларнетов. На пищиках играли быстрые плясовые мелодии.(180,с.82) Колорит ансамблевого звучания создавали и предметы быта - печные заслонки, колокольчики, рогачи (ухваты), рубеля. Благодаря влиянию адыгейских инструментальных наигрышей приобрели популярность трещотки. В танцевальных мелодиях трещотки имитировали хлопки в ладоши.

Бандура появилась на Кубани вместе с украинскими переселенцами. А. Черный считал, что завезли ее запорожцы из Турции.(270,с.116) Создание инструмента приписывают ассирийцам и даже англичанам. А.С. Фаминицын полагал, что на Украину бандура попала из Польши. Она «вытеснила и заместила собою старинную кобзу,... здесь повторилось то же, что в Великой Руси случилось с гусями... В южной Руси кобза уступила место более усовершенствованной бандуре, которая также стала называться, по старой памяти, кобзой».(252,с.434) В польских словарях и описаниях бандура называлась *к а з а ц к о й л ю т н е й*, *а б а н д у р и с т - казаком*.(252,с.435) Польские паны содержали у себя на службе молодых «хлопцев», веселивших гостей. В начале XVIII века малороссийских бандуристов стали приглашать и знатные русские дома. Период расцвета искусства бандуристов в России приходился на вторую половину XVIII

столетия. На бандурах играли веселые песни и танцы, такие «що слухаты мыло».

После разорения Запорожской Сечи эпос малороссийского казачества иссяк. Преемниками, исполнителями и хранителями фольклора стали нищие, странствующие слепцы. Репертуар их составляли исторические думы и духовные стихи.

Украинская бандура имела две формы: галицийская – грушеобразную, гетьманская – «набоковатую», напоминающую с обратной стороны форму свиного окорока.(270,с.116) Кроме струн применялось от 6 до 13 подструнов. Во время пения инструмент держали как при игре на гитаре. Под плясовые наигрыши музыкант напевал, держа бандуру вертикально, правой рукой перебирая струны. На второй палец надевался наперсток (металлическое кольцо) со вставленным в него выструганным кусочком дерева. Для воспроизведения сильного и резкого звука музыкант цеплял им струны.(252,с.473)

Во второй половине XIX века бандуру потеснили гармошка, балалайка и мандолина. Незадолго до первой мировой войны сначала в Украине, а затем и на Кубани инструмент получил второе рождение. По инициативе чиновника управления Кубано-Черноморской железной дороги Н. Богуславского в 1913 году в Екатеринодаре была организована летняя школа игры на бандуре. Преподавателем стал приглашенный из Харькова студент Василий Емец. Вокруг него собралось около двух десятков человек. Среди них братья Диброва, Ержов, Безчастный, Дарнопых, Семенихин, Черный. Последних двух музыкантов Емец назвал «самыми цикавыми бандуристами на Черноморщине».(270,с.119)

«Общества» бандуристов имели свои неписанные законы. После окончания учебы всех отпускали «в свет». Церемония проходила на ярмарках при большом стечении публики и музыкантов. Ученик покупал

«могорыч» и обносил собравшихся собратьев по ремеслу. Учитель («пан-отец») обращался к присутствующим, не обидел ли кого ученик. Получив удовлетворительный ответ, снимал с себя инструмент и «из-под» полы передавал ученику вместе с медным грошем. Ученик играл и пел свою песню, низко кланялся и уходил на самостоятельный промысел.

С 1914 по 1918 годы бандуристы разъезжали с концертами по городам и станицам Кубанской области. Дальнейшая судьба их неизвестна, за исключением Антона Черного, оказавшегося в эмиграции в Югославии, затем в Польше, а после второй мировой войны в Аргентине, где служил церковным регентом, воспитал много учеников и прославился как мастер по изготовлению бандур.

Описание бандуры и волынки сохранилось в рукописях Г.М. Концевича, хранящихся в Краснодарском историко-археологическом музее имени Е.Д. Фелицына. Работы «Волынка» и «Дударик» внесли весомый вклад в музыкальную фольклористику Кубани.

Во второй половине XIX века известность получила гармошка. Первоначально она воспринималась казачьим населением как чужеродный инструмент, но со временем благодаря сильному звуку и относительно несложной технике исполнения пришлась по вкусу любителям-инструменталистам. Важную роль сыграла и мода на городские песни и танцы. Куплетная рифмованная строфа с четким ритмом требовала такого же ритмичного аккомпанемента.

В советское время центрами по созданию новых образцов гармоник были Краснодар и станица Пашковская. Сохраняя корпус вятских гармоник, мастера усовершенствовали голосовую часть и меха. Декором служили перламутр, кожа, шелк. Гармоники ручной работы пользовались большим спросом не только среди славянского населения, но и адыгов. На гармошках играли соло и в ансамбле с барабаном, мандолиной, балалайкой.

Вторая половина 1920-х годов ознаменовалась кампанией по использованию балалайки и гармоники в политико-просветительных и культурных целях. Бытовая манера исполнения уступила место академическому концертному стилю. Это отразилось на репертуаре, костюме, манере поведения музыкантов. Прежняя уличная обстановка сменилась на концертный зал, клубную сцену. Все это ускорило переход к усовершенствованной конструкции инструментов. После Великой Отечественной войны массовое распространение получил баян, которому оказались подвластны различные стили и жанры классической, народной и эстрадной музыки. Игре на баяне стали обучать в музыкальных школах, в средних и высших специальных учебных заведениях. Репертуарный диапазон профессиональных коллективов в значительной степени расширился за счет многотембровых готово-выборных баянов. Любительские и профессиональные оркестры русских народных инструментов стали сферой творчества композиторов и профессиональных оранжировщиков.

Принципиально изменились социокультурные функции бытового музицирования. Из организаторов досуга, воспитателей и импровизаторов музыканты превращались в увлеченных исполнителей, подражающих профессиональным мастерам. Бытовую музыкальную культуру все более стали теснить организованные культурно-массовые мероприятия. В самодеятельных коллективах изживались методы обучения «на слух», что сказалось на быстром росте исполнительского мастерства любителей. К 70-м годам XX века инструментальные и певческие коллективы стали самыми массовыми в художественной самодеятельности. (219, с.с.24-63)

Из сказанного следует, что в XX веке механизм воспроизводства и функционирования музыкального фольклора был искусственно нарушен. В результате хоровое пение и инструментальное исполнительство в

структуре досуга сельских жителей занимает далеко не лидирующие позиции. Старые песни и музыкальные наигрыши забываются. Трансформация коснулась и музыкального стиля. В сценических коллективах идет активный процесс переосмысления фольклорной традиции, обработка и переработка народных мелодий в контексте других традиций, в том числе авторского творчества. Такая трансформация губительна для аутентичного фольклора. История кубанской музыкальной культуры насчитывает более двухсот лет, но изучена пока недостаточно. Необходимо специальное, углубленное исследование локальных форм народного музыкального искусства.

Народная хореография

Известное всем восточнославянским народам понятие «пляска» включает в себя обрядовую и внеобрядовую (групповую, парную и сольную) пляски. Слово «танец», вошедшее в русский язык лишь в XVII веке, стало со временем более предпочтительным, чем изначальное понятие. Сегодня танцами называют все виды хореографии: реликты древних плясок, театрально-сценические, бальные и бытовые.(251,с.17) Инстинкт пляски заложен в природе живых существ и наглядно выражен в виде однотипных движений.(298,с.6) Танцами считают ритмически упорядоченные перемещения пчел-разведчиц, указывающих своим собратьям направление полета в поисках взятка. Танцами называют предбрачные формы поведения насекомых, птиц и других представителей животного мира.(240,с.8) Следует оговориться, что в инстинктивном поведении представителей фауны нет следов духовной деятельности подобно той, которая присуща человеку.

Известное определение традиции, как коллективной социальной памяти, относится и к танцевальному искусству. Человеческая память сохранила пластические образы, в которых отразились древние формы художественной картины мира и способы хореографического мышления.

Традиции поддерживали связь прошлого с настоящим. Но преемственность - это не только система передачи того или иного танцевального элемента, но и система отбора, переработки, трансформации фольклорного материала. В хореографии действуют собственные специфические регуляторы. «Моторной памяти человека свойственно дольше удерживать движения удобные, вызывающие «мышечную радость»... Этими качествами обладают чаще всего движения гармоничные...Из поколения в поколение передаются... основные, самые яркие и выразительные музыкально-ритмические формулы... Все это обеспечивало в хореографии трансмиссию лучшего, наиболее совершенного и типичного».(276,с.115)

Со временем укоренившиеся образцы пересматривались. Сложность процесса взаимодействия традиции и новаторства проявлялась в чередовании повторов и новых импровизаций. В прошлом многократная повторность была рождена верой в магическую силу слова. В народном танце повторы вызваны были необходимостью успешного освоения и запоминания танца и, одновременно, служили основой для импровизации. Импровизация есть результат творчества. Она позволяет создавать многообразие фольклорных вариантов, без которых не может существовать традиция.(276,с.16)

Главными составляющими импровизации являются воображение и изобретательность танцора. «Момент импровизации, свойственный всем видам народного танца, не носит характер произвольного изменения традиционных общепринятых движений – «ходов», а связан исключительно с их новым сочетанием, выразительностью исполнения и расцветиванием пляски разнообразными орнаментами».(14,с.10) Накопление лучших результатов импровизации ведет к качественному обогащению танцевальной культуры. «Удачная находка постепенно усваивается,

ассимилируется массой, органично включается в ткань произведения».(285,с.139)

Импровизация всегда носит индивидуальный характер. Ее инициатором выступает отдельный исполнитель, но закрепление и сохранение традиции зависит от других людей. Если нововведение одобряется и подхватывается окружением, возникает вариант танца или танцевального движения. При невосприятии происходит обратное движение к старому варианту. Этот процесс происходит в народной хореографии постоянно. Импровизация позволяет освободиться от старого, все лучшее закрепляется, становясь традицией, чтобы затем вновь стать основой для последующих инноваций. Постоянная трансформация позволяет танцевальному фольклору существовать на протяжении многих столетий.

В XIX веке процесс освобождения танцевального фольклора от архаических элементов проходил особенно бурно. Нарушилась тесная связь слова и ритуального действия. Выйдя за рамки обряда, танец утратил магическую роль и превратился в досуг, развлечение. Это хорошо видно на примере хороводов, которые, несмотря на приуроченность к календарным праздникам, магического значения уже не имели. «Карогод» (хоровод) или «танок» представлял собой массовый танец, участники которого двигались под песню, держась за руки или действуя обособленно. По темпу исполнения хороводы делились на медленные, умеренные и быстрые. Быстрая пляска состояла из дробей ногами, взмахиваний рук, хлопков в ладоши, «веревочки» и т.д. Умеренные и медленные хороводы двигались цепью или парами.

В игровых хороводах участники, образовав круг, разыгрывали в нем сценку. Игра могла включать лишь поклоны в паузах между обычным хождением. В других случаях проявлялась большая активность с использованием сложной пантомимы. Отдельную группу составляли

«фигурные» или «орнаментальные» хороводы с элементами изобразительности. Траектория передвижения имела ломаные, извивающиеся и переплетающиеся линии.(164,с.5)

Наиболее полно отражают индивидуальность исполнителя одиночные пляски. Как правило, начинаются они с движения по кругу (проходки) или с выхода в круг и исполнения какого-либо движения на месте. Это служит заявкой на пляску. По мере развития танца сложность движений нарастает. Заканчивается выступление эффектным «коленцем» (движением) и внезапной остановкой. Одиночная пляска не имеет стереотипного рисунка. Импровизация зависит от технических возможностей солиста и его фантазии.

Перепляс - это соревнование исполнителей в мастерстве. Начинают перепляс обычно два танцора. Каждый стремится сделать как можно больше «колен». Наблюдая за состязанием, присутствующие заражаются общим настроением и, выйдя в круг, поддерживают пляску. В это время одни отступают, другие наступают. Соревнующиеся могут поменяться местами, резко изменить ракурс положения, повернуться, отойти в сторону, чтобы затем вновь обрушиться на соперника. Перестроения, взаиморасположения танцующих в пространстве, на площадке самостоятельного значения не имеют и возникают при условии «свободы танцевальной стихии и способности интенсивной, динамичной импровизации участников». (165,с.51) Плясали попеременно на ногах, на животе, на спине и даже на голове, не забывая при этом петь. Очень лиричны парные пляски, не имеющие установленного рисунка. Генетически они тесно связаны с хороводами и свадебными обрядовыми плясками.

В XIX - начале XX веков популярным народным танцем на Кубани была «Метелица» - многофигурный, быстрый танец, исполнявшийся любым количеством пар. Обязательное движение - кружение под руку - создавало

сходство с вьюгой, метелью. Эта фигура и дала название танцу. Музыкальное сопровождение инструментальное, наигрыши разные.

Старинный украинский танец «Казачок» имел четкую музыкальную структуру, исполнялся соло, дуэтом и как массовый танец. Движения мелкие, четкие: «бегунцы», «голубцы», «дробушки» и т.п. Композиционное построение круговое.

В сопровождении быстрых, плясовых движений пели и шуточные песни. Мобильно откликаться на самые злободневные темы позволял синтез танца и припевки. Припевки сопровождали сольные импровизированные пляски на мелодию «Гопака» и «Казачка».(192,с.34)

В конце XIX века начался процесс активного проникновения городской культуры в сельскую среду. Салонные бальные танцы, обогатившись местной танцевальной лексикой, приобрели черты народного бытового танца. Массовыми плясками стали «Полька» и «Кадриль». В станицах бытовали местные варианты кадрилей - круговые, квадратные (угловые), линейные (двухрядные).(165,с.12). Динамична по форме и относительно проста в исполнении старинная чешская «Полька». Основные движения - полушаги с прискоками, поворотами в разные стороны и элементы «Галопа». На Кубани распространение получил как бытовой бальный, а затем и как народный танец. В польке использовались парные переплясы и соло. Лексика усложнялась за счет «присядок», «верчения», украинских «притопов», «голубцов», «поворотов на подскоках».

«Яблочко» - импровизированная пляска с обязательным мужским движением «вприсядку». В песенный и танцевальный репертуар танец вошел еще в 20-х годах. Исполнялся на известный напев того же названия. Бытовал во множестве вариантов.

В 30-х годах приобрел популярность «Падеспань», сопровождавшийся хоровым пением. Любое количество пар, двигаясь приставным шагом

вперед-назад, кружились. Тогда же внедрился в кубанский быт и «Тустэп», состоящий из движений двумя приставными шагами поочередно вправо и влево, кружения и хлопков в ладоши. Музыкальное сопровождение песенное и инструментальное. Одна из мелодий «Наурская».

«Краковяк» - танец польского происхождения, исполнялся в быстром темпе. В сельском быту укоренился одновременно с тустэпом. Музыкальное сопровождение инструментальное. Для наигрышей характерен синкопированный ритм.

Вплоть до 60-х годов массовым бытовым танцем был «Галоп», исполняемый «тройками» - юноша в середине, девушки по бокам. Основные движения: шаг-бег с легким приседанием на правую ногу и «воротца». Темп умеренный.

В кубанских станицах и адыгейских аулах получила известность быстрая пляска, с горским названием «Наурская», исполняемая под пение куплетов.(188,с.127) В предгорных станицах и населенных пунктах, расположенных в нижнем течении Лабы, под влиянием абазинских и адыгейских мелодий сложились самобытные песнопляски с припевом «орида-рида» и «ойра».(188,с.76) «Цыганочка» (она же «Сербиянка» или «Жиган») - массовая импровизированная пляска, исполнявшаяся под гармошечный наигрыш и пение. Бытовала во множестве мелодических и стихотворных вариантов.(188,с.77)

Уже с первых лет советской власти деятели физкультурного движения и культработники вели поиск новых форм хореографии. Причиной усиленного интереса к народному танцу было важное его качество - искусство, понятное без слов. Танец, как средство агитации и пропаганды, использовался на митингах, в выступлениях «живых газет» и «синих блуз», в театральных спектаклях и концертах. Создавались варианты народных

танцев и физкультурных упражнений. Началась сценическая интерпретация народной хореографии и театрализация фольклора.

Культурная политика в отношении художественной самодеятельности в тот период находилась под жестким контролем партийных и советских органов. Государственное финансирование позволяло участникам кружков бесплатно обучаться хореографическому искусству, совершать поездки на смотры, конкурсы и фестивали. Для обучения руководителей открывали специальные курсы, издавались учебные программы и репертуарные сборники.(310)

30-е годы ознаменовались началом массовой кампании по созданию профессиональных коллективов народного танца. Нарушая поэтику и жанровую стилистику, профессиональные мастера сочиняли танцы «под народные». Фестиваль танца в 1936 году впервые представил новый жанр советской хореографии – «Красноармейскую» пляску, основанную на лексике русских и украинских народных танцев с включением трюковых и акробатических элементов. С этого времени начался целенаправленный отход от художественных принципов народного хореографического искусства и приближение к балетному театру. (204,с.с.42-53) Подавляющее большинство любительских коллективов стали подражать профессионалам.

Сценическую интерпретацию приобрел традиционный украинский «Гопак». Название танца произошло от слова «гопать», что означает, скакать, прыгать. В прошлом это была исключительно мужская пляска. С развитием народно-сценической хореографии исполнять ее стали и девушки. Танцевальная лексика состояла из быстрых и медленных движений. Некоторые воздушные колена, например, «щучки», «разножки», «кольцо», «подсечки» требовали замедленного темпа и смены характера музыкального наигрыша. Это имело отношение и к женским партиям. В танце присутствовали элементы соревнования.

Фактором обогащения хореографического фольклора восточнославянского населения Кубани стало взаимодействие его с танцевальной культурой народов Северного Кавказа. Бытовым танцам с горскими мотивами присущи сложные плясовые фигуры и быстрый темп. Обычно один из танцующих выполнял какое-либо колено, а соперник усложнял его. Важный элемент горских танцев - удар носком ноги, пяткой, коленом, всей стопой. В танцах использовалось холодное оружие - сабли, кинжалы. Под инструментальный наигрыш и пение танцоры двигались по кругу, олицетворяющему круг жизни.

На самодеятельной и профессиональной сцене популярность получила парная пляска в «Шамяля», исполняемая женщиной и мужчиной. Хореографическая композиция состояла из двух разнохарактерных частей: первая – неторопливая и свободная, вторая – быстрая и ритмичная. Первым вступал хор. Девушка, стоя коленями на бурке, и юноша на одном колене мимикой и жестами изображали «намаз». Во второй части темп резко ускорялся. Под хлопки в ладоши зрителей и хора танцующие стремительно двигались по площадке, сначала обособленно, затем парой, меняя рисунок танца. Перемещения чередовались с остановками. «Джигит» совершал прыжки и удары ногами, девушка, встав на высокие полупальцы, выполняла движения руками. (188,с.280)

В сценических кадрилих пара выходила на центр площадки, остальные располагались по сторонам. Солируя в кругу, пары держались скромно. Казаки, стремясь выглядеть удалыми, исполняли «закладки», «присядки» вставали на пальцы, подворачивая их под самые пятки. Девушки плавно плыли вокруг партнеров, выказывая статью, а более смелые «дробили». Каждая фигура исполнялась под «свою» мелодию: «Барыня», «Ах, вы, сени», «Кину кужэль на полицю», «Ой, лопнув обруч», «Гопак» и др.

Кадрили строились по принципу сюитности: число фигур соответствовало количеству музыкальных частей. (165, с.12)

Бездумное усложнение и копирование исполнительской техники привели к обезличиванию и потере местного колорита, а заодно и фольклорных традиций. Критерием оценки самодеятельных исполнителей на смотрах и конкурсах стал профессионализм. После Великой Отечественной войны на самодеятельной и профессиональной сцене появились постановки сюжетных танцев на современные темы. О содержании их говорят названия: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Хвала рукам, что пахнут хлебом», «Урожайная», «Дорогой в космос». В своей массе это были переплясы и кадрили с пантомимой.

Сценические танцы и сегодня являются авторскими сочинениями балетмейстеров, в которых нет места для импровизации исполнителей.(164,с.43) Танцы порой представляют эклектический набор движений «народных вообще». Отсюда псевдонародность, приблизительность в отношении подлинной народной культуры. Малограмотная самодеятельность сыграла исторически отрицательную роль. Пока самодеятельность пробавлялась поделками, подлинно народная культура стиралась, искажалась, оказывалась «закрытой» для новых поколений.(232,с.112) В результате самодеятельные ансамбли «народного» танца оказываются удивительно похожими друг на друга. Негативную роль, в известной мере, играют средства массовых коммуникаций - кино, радио, телевидение. Опора на реализацию творческих способностей уступила место заимствованию готовых штампов.

Массовая танцевальная культура города, к которой приобщились и сельские жители, развивается по направлению предельного упрощения композиций и ограниченного набора движений. Примитивные с

художественной точки зрения танцы имеют одно преимущество: они облегчают обучение и исполнение.

В эпоху урбанизации резко возрос темп накопления и смены стереотипов во всех сферах человеческой деятельности. Уменьшается количество обязательных или запретных ситуаций для их использования, что, будто бы увеличивает свободу выбора для индивидуума. Но при этом уменьшается и количество стереотипов, ограничивается локальное варьирование. Воспроизводятся чаще всего уже не модели стереотипов, а сами готовые стереотипы, что тормозит стремление к импровизации, к собственному творчеству.(275,с.16) Вывод этот трудно оспорить. Освоение и переработка народной хореографии происходит как в профессиональном искусстве, так и в самодеятельности. Внешне сценические формы весьма отдаленно напоминают традиционный фольклор. Включенные в новые социально-культурные условия, сценические ансамбли выполняют не свойственные танцевальному фольклору функции.

В современных условиях идет активный процесс превращения народного искусства в шоу-бизнес. Первенство здесь принадлежит профессиональным ансамблям. Любители равняются на них, вбирая недостатки, присущие фольклору, переместившемуся на сцену. Разрушение народной танцевальной культуры ныне приняло необратимый характер.

Фольклорный театр

По представлениям древних славян, Вселенная делилась на настоящий мир и антимир - недействительный, кромешный, выдуманный. В реальном мире господствуют благополучие и упорядоченность, в антимире - нищета, голод и пьянство. Антимир противоречит святости, оттого и его богохульство. В своем противостоянии с богатством и этикетом он бесстыден, наг, бос, скачет и поет песни. Знаменовали изнаночный мир антиматериалы - рогожа, могила, солома, шкура, лыко. Наизнанку

выворачивались понятия, идеи, в том числе, и реальные вещи.(143,с.39)

Несмотря на запреты церкви, игрища ряженных были любимым народным развлечением вплоть до начала XX века.

Во время святок ряженным приходилось много раз переходить из одного дома в другой. В каждом случае мизансцены строились в зависимости от интерьера и размеров помещения. Декораций не существовало, они лишь подразумевались. Реквизитом служили вещи и предметы, используемые в домашнем обиходе. Так, обычная палка становилась посохом или ружьем, а венок из соломы - царской короной. Вывернутый мехом наружу козух изображал медведя или козу. На жерди катались как на лошади. Ряженные определяли сценическую площадку и, таким образом, условно отделяли себя от зрителей. «Гурты» (группы) «актеров» собирались для выступлений, а после праздника распадались. Чтобы не быть узнаваемыми, гримировались и переодевались. В сельской местности это важно потому, что все достаточно хорошо знают друг друга. Необычность костюмов и масок подчеркивалась измененными голосами артистов. Травестия - один из распространенных приемов фольклорного театра.

На ярмарках ряженные под музыку водили «медведя», на зимних святках - «козу». Сцена «смерти», а затем «оживания» животного - все это отражение древнего магического ритуала жертвоприношения. Другое святочное развлечение - игра в «лошадь» или «вола». В станице Павловской в представлении участвовали два мальчика с жердями на плечах и накинутой сверху мешковиной. Передний держал лошадиный череп, задний пристраивал соломенный хвост. Упоминание о священных животных сохранилось в известной доньне колядке:

Нэ дасы пятака,
Визьму вола за рога,
А кобылу за чупрыну,

Та й повэду за могылу.(347)

На святках разыгрывались драматические сценки на евангельские темы. Войдя гурьбой в дом, дети чинно молились на образа, пели тропарь празднику, затем из группы выходили двое: у одного через плечо висела холщовая сумка, у другого на голове красовалась корона из соломы. Первый изображал «пастыря», держа в руках длинную палку с загнутым концом, другой - «царя». Инсценированный диалог, повествующий о рождении Христа, завершался пением хора.(217, с.с.94-97)

Характерная особенность народного театра - близость публики и актеров. Об этом в 1908 году Н. Виноградов писал следующее: «Зрители громко, ничем не стесняясь, выражают свое мнение, одобрение ли, порицание, вмешиваются в диалоги действующих лиц. Актеры иногда им отвечают какой-нибудь остротой, совсем не относящейся к представлению. Моментами вся сценическая площадка заполнялась зрителями, и трудно было среди них разглядеть исполнителей. Несмотря на то, что действие останавливалось, общее возбуждение не падало. Продолжалось это до тех пор, пока чья-нибудь решительная рука не растаскивали всех на свои места».(42,с.383)

Доступным для простого народа увеселением на праздниках был раёк, получивший своё название от «райских действий» Адама и Евы. В XIX веке сцены библейской жизни заменили светскими картинками. Раешник в шуточной форме комментировал лубочные изображения, развлекая и одновременно завлекая толпу. Представления, по сути своей, представляли театр одного актера.

Центром народных гуляний на станичных и городских площадях служил балаган, представлявший собой временную постройку из досок. Внутри и снаружи балаганы украшались афишами и флажками. Каждый спектакль длился 30-40 минут. За день их проходило до десятка. Потешный

бизнес приносил хозяевам немалый доход. На сценах временных театров выступали как профессиональные актеры - акробаты, жонглеры, наездники, фокусники, так и любители из числа мастеровых, ремесленников, прислуги. Репертуар состоял из шуток, анекдотов небылиц, розыгрышей. О бытовании на Кубани народной комедии оставил запись в своем дневнике зритель Екатеринодарского приходского училища В.Ф. Золотаренко, оказавшийся на ярмарке 1 октября 1844 года: «Был в кукольной комедии. Тут взору моему представился сейчас круг скрипачей, баса, бубна и цимбал. Из обоев сделаны ширмы, в верхушке отверстие. Заиграла балаганная музыка и две неприятные куклы мужска и женска полов начали танцевать, только, разумеется, ног не видно. За одной четой выходила другая, совершенно в различном костюме и т.д. В заключение танцев поцелуются. Наконец явился неопрятный вельми носатый великан; он сперва убил солдата, потом лекаря, наконец, самого черта. Дебоширил до тех пор, пока не схватила его за нос белая собака, которая утащила его вниз за кулисы. За сим объявили: кончилось».(96)

«Носатый великан» Петрушка был любимым героем народной, кукольной комедии. Первоначально спектакли состояли из нескольких, произвольно исполняемых сцен-пантомим. Со временем их заполнили диалогами кукольных персонажей. По просьбе петербургского собирателя фольклора П.Н. Тиханова учитель из станицы Родниковской Л.К. Розенберг записал тексты петрушечных комедий, увиденных им в 1902 году в Майкопе и в станице Баталпашинской. В предисловии информатор сообщал: «В балагане, куда мы вошли вдвоем с товарищем-учителем, было много публики. Все держали себя свободно, «как дома». Парни и девушки шелкали орехи, ели пряники... А в задних рядах, к крайнему нашему удивлению, компания «любителей» втихомолку творила обычный «намаз», поклоняясь стеклянному божку».(18,с.115) Сцена в балагане устраивалась

высоко. Миниатюрные кулисы и занавес были как в настоящем театре. Оркестр, состоящий из двух скрипок, кларнета и барабана, сыграл увертюру «На улице мостовой». Кукольник, скрытый драпировкой, держал в обеих руках по кукле. Все движения Петрушки и других героев комедии были согласованы со словами так, что получалась полнейшая иллюзия, будто это не кукла, а живой человек. (18,с.116) Чтобы придать словам резкий, визгливый тон, комедиант клал под язык две костяные пластинки, между ними крепилась узкая полоска полотняной ленточки. В народе комедию называли «говорящими куклами». Участниками представления были и музыканты, сидевшие перед ширмой и время от времени вступающие в диалог с Петрушкой. Случалось, что кто-либо из толпы вставлял меткое слово. Петрушка к всеобщему удовольствию подхватывал реплику и зубоскалил. Зал бурно реагировал на остроты.

Народные комедии разыгрывались и в живом исполнении актеров. Популярность представлений поддерживалась вошедшими в культуру и быт простых людей потешными лубочными картинками об умном старосте и глупом барине. В записи Л.К. Розенберга, сделанной в станице Курганной, сохранилась пьеса «Помещик».(258,с.60) Народная драма оптимистична и жизнеутверждающа. Сочувствуя злоключениям простого человека, народ одновременно негодует над деяниями богачей, и это негодование выражается в форме насмешки, издевки, иронии.(258,с.с.252-257)

В фольклорном театре использовалось два типа диалога: сценический - между действующими лицами и театральный - между актерами и зрителями. Представляясь дураками, народные лицедеи смешили публику непосредственно собой. Нередко текст рождался прямо на сцене. Передаваясь из уст в уста, он со временем закреплялся и входил в традицию. (258,с.61)

Народные пьесы отличаются богатством стилистики. В диалоги героев включались слова, близкие по звучанию, но далекие по значению. Недоразумения, возникавшие в ходе словесной путаницы, придавали действию особый комизм.(258,с.с.262-263) Соединение семантически контрастных слов создавало неожиданное смысловое единство - оксюморон.(20,с.374;258,с.61) Для прибауток кукольных персонажей характерна игра слов, близких по звучанию, но различных по значению (омонимы). (258,с.266)

Там, где персонажи лишены мимики и ограничены в жестах, пантомимические сценки выглядят особенно смешно. Вот как изображались похороны в кукольной комедии с Петрушкой. Чернички вносят гроб и обмеривают мертвого Немца. В длину он оказывается короток, в ширину узок. Три раза примеряют, задумываются, потом хватают Немца и, сложив втрое комом, запихивают в гроб. Одна из монахинь низко нагибается, чтобы посмотреть, удобно ли помещен мертвец. Другая черничка, по рассеянности, не замечает и прикрывает крышку гроба, защемляя голову товарки. Та кричит, стараясь всеми силами вырваться. Когда ей, наконец, это удается, затевает драку. В заключение под звуки комаринского гроб уносят.(258,с.267)

В народных пьесах изобилует «раешный» («сказовый») стих, появившийся на Руси задолго до райка.(19,с.24) «Грамматическая односторонность рифмующихся слов - это не недостаток рифмы, не результат творческой бедности авторов, а органическое свойство раешного стиха, которое позволяет строить синтаксический параллелизм, вскрывающий параллелизм смысловой». (71,с.13)

Своеобразный, художественный прием, используемый в народных представлениях, - чередование прозы и раешного стиха. Прозаические отступления, это, как бы, отдохновение от стихов. Привлекая внимание

слушателей к тексту, они, одновременно, способствовали более эмоциональному его восприятию.

Фольклорный театр функционировал в тесной взаимосвязи с другими жанрами народного искусства. Музыкакой и пением начинались и заканчивались представления. Музыкальные наигрыши и песни включались в ролевые ситуации для того, чтобы выделить характерные особенности того или иного персонажа. Так, появление Капрала сопровождалось звуками военного марша, Немец вальсировал под музыку Штрауса, Петрушка распевал шуточные песни.

Одной из главных фигур в артели ряженных актеров был зазывала. От него в немалой степени зависел денежный сбор от показа представлений. Мастера этого жанра ценились очень высоко, поэтому вожаки и хозяева балаганов норовили переманить их друг у друга.

Выступления зазывал представляли собой монолог, адресованный толпе или отдельным людям. Монологи никогда не повторялись, но всякий раз заканчивались приглашением побывать на представлении: «Кончилось дело. Петрушку собака съела. Одно кончается - другое начинается. Пожалуйста, заходите, Петрушку посмотрите. А денег, если хотите, так хоть и не несите. И так пустим посмотреть. Не отдадите в кассе, отдадите в балагане... Как-нибудь помиримся с вами!.. Господа, господа! Пожалуйста, сюда! Пять копеек деньги небольшие, а удовольствия - три короба! Заходите, заходите!»(258,с.270) В таком виде монологи приобретали специфические признаки рекламы. Сценки, реплики, куплеты приобретали порой настолько острый и беспощадный характер, что власти были вынуждены подвергать их цензурному контролю. К началу XX века народные гулянья постепенно затихают.

Стремясь завладеть праздничной площадью и подчинить ее своим требованиям, власти перешли к организации зрелищ, оформленных как

народные. Помимо официальной части зрелища включали массовые батальные сцены с элементами рукопашного боя, грохотом взрывов и пожаров. По инициативе и под руководством Штаба Кубанского казачьего войска в 1911г. состоялся грандиозный праздник по случаю 100-летнего юбилея Войскового хора. Специально к этому событию А. Чернявский написал военно-музыкальную кантату «Полтавский бой». Театрализованное представление начиналось песней «Было дело под Полтавой». Далее следовала сцена присоединения черноморских казаков к российской армии. Исполнялись солдатские песни петровских времен. Из стана шведов доносились звуки труб, переходящие в марш короля Карла XII. Тревога в лагере русских - звучание сигнальных труб и сбор. Молитва перед сражением. На поле битвы ружейная перестрелка, пушечные выстрелы. Слышен сигнал к всеобщему наступлению. Бегство шведов. Победные фанфары русских. Благодарственная молитва после сражения. Слава Петру и его поздравления армии.(299,с.200)

Попытки использования элементов народного лицедейства предпринимались и в советское время. Под открытым небом и при большом стечении людей проводились «театрализованные агитсуды», на которых судили «Капитал», «Белое движение», «Лодырей», «Дизертиров». Инспирированные властями представления, готовились заранее и проводились в соответствии с утвержденным сценарием. В них было больше политики, чем искусства. О том, как проходил агитсуд над Врагнелем на станции Крымская, оставил в своих воспоминаниях его организатор и активный участник, известный советский драматург Вс. Вишневский.(43,с.149-150) По форме агитсуды представляли собой театрализацию судебного процесса: выход состава суда, обвинителя и защитника; ввод подсудимого; оглашение обвинительного заключения; допрос подсудимого и свидетелей; речи обвинителя и защитника; последнее

слово подсудимого; объявление приговора. Материалом служили как документальные, так и фальсифицированные источники. Пропагандистские акции использовались в качестве устрашения тех, кто симпатизировал белым.

Традиции народного лицедейства нашли применение и в инсценировках историко-революционного содержания, разыгрываемых по случаю памятных дат, в дни работы пленумов и съездов партии. Тексты выступлений готовились комсомольскими и партийными активистами. Персонажи агитспектаклей выступали не как личности, а как олицетворение классовых интересов. Вожди наделялись чертами героизма, преданности делу революции. Классовые враги изображались хитрыми и коварными. Широко использовалась классово-сословная атрибутика.

Под натиском коммунистической антирелигиозной пропаганды исчезли раёк и святочные представления. Борьба с «пережитками» привела к исчезновению искусства ряженных и кукольников. Процесс возрождения традиций фольклорного театра начался лишь с началом перестройки, правда, пока лишь в сценических формах и больше в исполнении профессионалов, чем любителей.

Как и другие жанры внеобрядового фольклора, народный театр, выделившись из празднично-обрядового комплекса, максимально реализовал свой творческий и игровой потенциал. Играя словами, мимикой и жестами, подменяя истинный смысл изображаемых событий, народные лицедеи вовлекали массы в игровую стихию. В определенной степени народному театру удавалось решать некоторые социальные и нравственные проблемы. В XX веке народное лицедейство уступило место институциональным формам досуга.

4.2 УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК КАТАЛИЗАТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Несинкретические по своей природе фольклорные жанры составляют область народной прозы. Главный признак эпоса - сюжетность. Однако сюжет в каждом жанре имеет свою специфику, обусловленную особенностями содержания, бытового назначения и формами исполнения произведения. Известный и популярный жанр народной прозы - с к а з к а. По словам В.Я. Проппа она есть нарочитая, поэтическая фикция и никогда не выдается за действительность.(200,с.87) Жанровое своеобразие сказки заключается в занимательности и развлекательности. Чтобы увлечь слушателя, сказочник «не только не гонялся за правдоподобием и естественностью, а еще как будто поставлял себе за непрременную обязанность умышленно нарушать и искажать их до бессмыслицы».(16,с.355)

Издавна сказки жили в народном быту в устной традиции. Лучшими сказочниками считались мужчины, оттачивавшие свое мастерство на лагерных сборах, во время армейской службы, на «бэсидах». Русские и украинские сказки «приноравливались» к местным условиям.(130,с.329) В конце XIX - начале XX веков к записи и художественной обработке сказок прибегали М.А.Дикарев и А.Е. Пивень.

В фольклористике принято разделять сказочную прозу на:

- сказки о животных;
- волшебные,
- социально-бытовые сказки.

Все обозначенные группы можно обнаружить в сказочном кубанском фольклоре. Следы анимизма, тотемизма, магии встречаются в многочисленных сказках о животных. Народная фантазия наделяла животных способностью говорить, а людей превращать в животных.

Отношения персонажей выражены различными композиционными решениями: сравнением, противопоставлением, связью, парностью. На протяжении всего повествования образы не изменяются.(124,с.с.5-18)

Сказки о животных начинаются с экспозиции, нередко необычной, занимательной. При этом используется типичный сказочный прием - встречи животного и человека, общение которых протекает в форме диалога. Фабула строится по принципу агглютинации. Цепочное построение придает сюжетной конструкции жесткость. События накрепко связываются между собой. Пройдя через наивысшую точку - кульминацию, рассказ подходит к логическому завершению: герой достигает своей цели.(255,с.с.216-217)

Отзвуки анимизма в волшебных сказках олицетворяют природные стихии. Сказочные герои заговорным словом и целебными настоями лечат, тотемные животные предстают помощниками человека, люди чудесным образом превращаются в предметы окружающего мира. Причины происхождения фантастических сюжетов коренятся в давно забытых формах человеческого бытия и древней мифологии. Героями волшебных сказок являются и вполне реальные люди. К числу таких относится сказка о девушке-сироте, которая благодаря своему уму и находчивости становится обладательницей богатства лесного чудища - кобылячьей головы.(304) В образе главной героини воплотились поэтические воспоминания о матриархате, когда женщина была главой рода и пользовалась уважением соплеменников. По словам М. Горького, положительные сказочные образы содержат в себе самые высокие нравственные качества русских женщин - величественную простоту, гордость собою, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце.(56,с.72) Герои волшебных сказок непременно оказываются победителями. Добро и зло в них четко разграниченны и находятся в постоянной борьбе.(255,с.с.223-225)

Отрицательные образы перекликаются с песенными образами Горя, Недоли, Лиха.

Важное место в сказочном репертуаре кубанцев занимали социально-бытовые сказки, герои которых не враждебные чудища, а обычные люди, чаще безымянные. В сказке «Как цыган у своего кума траву косил» зачин служит пояснением к сюжету: «Каждому известно, что никогда не увидишь, чтобы цыгане работали в поле. Они ни хлеба не сеют, травы не косят, а только одно умеют: делать бурава, справляют топоры, долота, да промышляют лошадьми на ярмарках, а жены их ходят по селам и станицам, ворожат, дурят баб и девиц, что выворожат, а что украдут».(134,с.с.91-96) Смысл таких сказок откровенно поучительный. Нередко они представлены в виде комбинации со сказками о животных. (255, с.с.225-226)

Одна из развитых тем в сказочной прозе - отношения бедных и богатых. Как всегда народ на стороне бедных.(134,с.с.97-99) Герои сатирических бытовых сказок «Пан и казак», «Дурни люды» предстают в карикатурном виде.(192,с.96) Доминирующая форма изложения – диалог, состоящий из коротких реплик. Действие развивается быстро, сюжет изобилует неожиданными поворотами событий. О социально-бытовых сказках В.Г. Белинский писал следующее: «В них виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и этот лукавый русский ум, столь склонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве».(16 с.668)

Детские народные сказки вызваны были педагогическими надобностями, отсюда их ярко выраженный дидактизм. Учитывались не только интересы, но и познавательные возможности ребенка. Самым маленьким адресовались сказки с одним эпизодом: «Едут на бричке отец с маленьким сыном, а рядом жеребчик бежит. Погода ненастная, мелкий дождик, сырость. Видя, что сзади волк крадется, мальчуган говорит отцу:

- Батько, а що цэ идэ?!

Отец решил, что сын спрашивает про морозящий дождь и отвечает:

- Мыгычка!

Тут волк набросился на жеребенка. Сын кричит:

- Батько! Батько! А мыгычка нашу лоша зыла!(252)

Сказки для детей постарше насыщены житейской мудростью. Слушая их, дети усваивали простейшие нормы поведения, осваивали окружающий мир.

Наиболее привлекательными были и остаются сказки о животных. В начальной школе дети отдают предпочтение волшебным сказкам и стремятся рассказывать их самостоятельно, перенимая от взрослых жесты, мимику, интонации. Детские сказки имеют несложные сюжеты и создаются под впечатлением услышанных рассказов. Фантазия в них сочетается с готовыми штампами.

Казачьи сказы о гражданской войне, о Сталине и Буденном – образцы псевдофольклора, не вошедшие в традицию. (255, с.187-193)

Близким к сказке жанром является а н е к д о т. В XX веке сложилось восприятие анекдота как короткого, шутливого и остроумного рассказа, обычно вымышленного, с неожиданной концовкой. Анекдот (греч. анекдотон - неизданное) является фольклорной прозой исторического и житейского содержания.

На Русь анекдоты пришли в XII веке из Византии и Польши.(268, с.131) Поляки называли их «жарты» (насмешки). Постепенно тексты, утратив иностранную окраску, приобрели русский колорит. В конце XVIII века анекдот вошел в российский быт.

В обыденной речи черноморских казаков более употребительным было слово «побрэхэнькы». В начале XX века А.Е. Пивень подготовил два сборника анекдотов «Торбына смиху та мишок рэготу» и «Сим кип

брэхэньок», которые издавались в Москве, Киеве, Харькове и Одессе. Все анекдоты житейского содержания.

В советское время анекдот как уникальный фольклорный феномен, был самым востребованным и бурно развивающимся жанром. Юмор «на злобу дня» открыто публиковали в официальных изданиях. До середины 30-х годов в подцензурной печати присутствовал даже политический анекдот. Как свидетельствовал иностранный корреспондент агентства WPI, живший в Москве с 1928 по 1934 годы, «в новой России существует только один устойчивый урожай, не подвластный капризам погоды - политические анекдоты. Более того, непогода даже способствует, кажется, их росту. Русские, как никто умеют смеяться над собственными бедами, и новые жизненные трудности рождают у них, прежде всего, прилив новых анекдотов. Не испытывают они трудностей в сборе и распространении этого продукта. Едва только появившись на свет, он расходуется в обществе с необычайной скоростью... В условиях тотальной цензуры чувство юмора служит людям чем-то вроде интеллектуального обезболивающего... Идейные коммунисты рассказывают анекдоты с не меньшим удовольствием, чем беспартийные, а многие из этих историй, если не все, рождаются в коммунистических кругах. Происходит это, вероятно, оттого, что, по утверждению психологов, человеку свойственно смеяться над чужими несчастьями».(297,с.157) Антисоветский анекдот плодотворно совершенствовался в период с 1918 по 1934 годы. Во времена сталинского террора, развернувшегося в СССР, политические анекдоты перешли в область нелегального воспроизводства и распространения. После XX съезда КПСС, на котором был развенчан культ Сталина, без опаски смеялись над основоположниками марксизма-ленинизма, героями революции и гражданской войны. В эпоху застоя анекдоты про Л. Брежнева смаковали тему маразма. М. Горбачеву народ воздал за антиалкогольную кампанию.

Над Б.Ельциным потешались как над родоначальником «семьи». Острословы находят «слабые места» и у В. Путина. Победа демократии сделала анекдот нормой политической жизни. Основным каналом распространения анекдотов, по-прежнему, остаются устные рассказы. В годы перестройки их стали пропагандировать и средства массовой информации.

Шуточные рассказы о том, чего не бывает и быть не может, получили название н е б ы л и ц. Вся система образов в них противоречит жизненным реалиям. Действия героев - сплошная логическая ошибка. Небылицы - результат осознанного художественного творчества.(158,с.97) Генетически жанр восходит к древним скоморошинам, для которых несурезица - специфический прием повествования: «Прыйихав раз у лис, дывлюсь - дэрэво, а в тому дэрэви - дирка, а з дирки кувыкають печени поросята.

Я дуже зрадив, бо голодний був! Стромляю у дирку руку, не лизе, стромляю ногу - не лизе. Що тут робить?! Так я узяв та увесь ускочив! Найився поросятаыны, та став вылазыть, ан не вылизу; мабуть дуже поросятаыты обрепкавсь. Думав я думав, та все не в лад. Насылу догадавсь. Узяв, збигав до дому за сокырою, прорубав дирку, та й вылиз».(192,с.с.55-56)

Небылицы, вводя слушателей в особый, нереальный мир, где все наоборот, служили средством развития ума, удовлетворяли эстетические потребности. В них нет ничего лишнего. Устойчивость композиции придает внутреннее сцепление образов и событий. Все говорит о высоком уровне мастерства создателей: «Пишов я до рички воды напытьсь, колы дывлюсь - на води качка несетьсь, та так воду сколамутыла, що й пыть нельзя. Розсердивсь я, кынув на неи раз сокырою, нэ докынув; у друге - перекрынув, а як кынув у третье, качку вбыв. Так нэ идиловэ-ж пирья! Само полетило и качку занэсло, а яйця у комыш поховалысь!»(192,с.56) Пользовались рассказчики и раешным стихом. Им начиналась или заканчивалась

невероятная история: «Полетив я сторч униз, об хмару спиткнувся, разив из сто пэрэвэрнувся, був-бы об зэмлиу убывся, як бы на той свит не провалывся. А там сыдят цар та цариця та пьють горилочку за барыльця, а барыльцэ: буль, буль, буль, а хто слуха, тому сим дуль».(192,с.58)

Несмотря на абсурдность содержания небылицы, повествование нередко связывались с конкретным местом действия. Это еще более подчеркивало нелепость и комичность ситуации: «Пойихалы по ягоды та й нарвалы два нэвшываных возы смэтаны. Вывэзлы у Павливку на базарь».(192,с.69)

П р е д а н и я - устные фольклорные произведения, воспринимаемые слушателями как достоверные. При непосредственной, живой передаче от одного человека к другому, рассказы обрастают новыми деталями. Главный отличительный признак жанра - отсутствие фантастических образов в повествовании.

Кубанские собиратели стали записывать предания лишь в конце XIX века. Большую часть составляют рассказы о сокровищах, захороненных еще до колонизации края. Так, народная молва гласила, что перед взятием русскими войсками города Ейска, хан Шаги-Гирей спрятал свои несметные богатства неподалеку от крепости.(241,с.367) Среди жителей станицы Привольной ходило предание о кладе, состоящем из золотых и серебряных монет чеканки времен Петра Великого и Екатерины II. Будто деньги были нажиты разбойниками под предводительством полковника Ваташева и спрятаны под плитой. Большой известностью донине пользуются рассказы о кладе А.В. Суворова.(139,с.58-61) С именем прославленного полководца связаны также топонимические предания.(139,с.82-86)

Особое место в народной прозе занимают предания о разбойниках, которыми в прошлом «славилась» Черномория. По словам Ф.А. Щербины, это были люди, искавшие воли, разгула и острых ощущений.(291,т.2,с.808)

Самым знаменитым гайдамаком был житель станицы Дядьковской Яблуков, внушавший панический страх своим жертвам и не раз бежавший из Екатеринодарского острога. Известны были рассказы о неуловимом мстителе Браницком - казаке станицы Крыловской.

Специфический жанр художественной прозы - л е г е н д ы. Главное место в них занимает чудесное, сверхестественное, невероятное. Неслучайно некоторые ученые называют вымышленные рассказы легендарными сказками. Вместе с тем, они воспринимаются слушателями как правдоподобные.

Распространенный мотив в исторических легендах - недостижимость народных заступников. Браницкий, например, сумел бежать из Екатеринодарской тюрьмы якобы потому, что сел в нарисованную им на стене лодку с мачтой и парусами и уплыл на ней по Карасуну. Уцелел разбойник благодаря знанию «тайного слова». Похожая история сохранилась в воспоминаниях генерала Добровольческой армии А.Г. Шкуро. Рассказывая о событиях гражданской войны на Кубани, он писал: «По краю ходила легенда, будто меня пуля не берет - знаю такое слово. Видали будто бы, как в меня всадили пять пуль, а я зашел в хату и при людях высыпал пули из себя на пол».(288,с.42)

Одной из форм выражения социально-утопических чаяний народа были легенды о «далеких землях». Свое значение они приобрели потому, что кризис феодальной системы происходил в условиях наличия свободных пространств. Такие места идеализировались, жизнь в них рисовалась как справедливое общинно-артельное содружество равных производителей. Согласно изданному в 1832 году правительственному указу, желающим людям свободного сословия и крестьянам разрешалось селиться на северо-западном берегу Черного моря. Переселенцы освобождались от податей и повинностей. Слухи способствовали рождению легенды об Анапе, как благодатном и изобильном крае.(273,с.с.313-317) В конце XIX века

резервные пространства на Кубани исчерпались. Миграционное движение постепенно прекращается. Одновременно начался процесс преодоления наивных представлений о «далеких землях» и изживание утопических легенд.

Вольной переработкой сочинений духовного характера являются х р и с т и а н с к и е легенды о Божьем Суде. Среди этических ценностей, проповедуемых православием, главное место занимает раскаяние. В основе сюжетов - византийские литературные памятники «Житие Василия Нового» и «Хождение Богородицы по мукам», в которых Христос представлен вновь явившимся на землю в образе грозного и справедливого судьи. Страшный Суд трактуется как торжество справедливости и Божественного милосердия.

О том, как в народе рождались легенды о Страшном суде, наглядно продемонстрировано в корреспонденции Л.К. Розенберга в газете «Кубанские областные ведомости» за 1902 год.(214) После теплых весенних дней и обильного цветения садов неожиданно ударили морозы. Причину резкой перемены температуры местные жители увидели в событии, случившемся якобы на днях ... в Иерусалиме. Странница, остановившаяся на ночлег у местной старушки, рассказала, что во время литургии патриарху был слышен «некий глас». Он вещал отправиться к «дубу Марийскому» и снять с него голубя. В клюве птицы будет письмо, в котором написано, что «секира лежит у корня» и вот-вот, «не сегодня-завтра» должно совершится светопредставление. Люди и все живое будет заморожено мором-морозом. И если Господь не уничтожил еще род людской, то только по молитвам странников и странниц, которые ходят по монастырям и молят Бога за крещеный люд. Тысячи писарей пишут копии с этого чудесного послания. Их будут рассылать по церквам и станичным правлениям, чтобы люди усердно молились и не обижали странников. Эсхатологические верования,

облеченные в фольклорную форму, удерживали людей от дурных помыслов и поступков.

В народной кубанской прозе XIX – начала XX веков четко обозначилась тенденция к изображению обыкновенных людей, «подвижничество» которых заключалось в искренности и добродетельности. Притчи о праведниках проникнуты общей идеей – самоотверженной любви к ближним. Один из таких праведников предстает в образе плотника, отправившегося в канун пасхальной ночи не в храм, а на помощь многодетной вдове, у которой крышу дома снесло ветром. На его примере показано, что люди живы сострадательной любовью. Другая линия в сюжетной канве притчи – духовно бесплодный образ жены плотника, осуждающей мужа за его поступок. По мысли создателей христианских рассказов, праведность состоит в духовно-материальном служении окружающим и расценивается выше, чем служение Богу.

Представители экзистенциальной феноменологии трактовали мифы как сакрально-смысловые величины, конструирующие значимость реального мира. По мысли М. Элиаде, для традиционных обществ характерно противостояние между территорией обитания и неизвестным окружающим пространством. Территория обитания называется «миром», «космосом», все остальное – чужое, «иной мир». Космос есть творение богов, почитаемый как священный.(293)

Описание пространственно-временных параметров Вселенной и сам акт творения нашли отражение в космогонических легендах. В фольклорном сознании небо представлялось местом, где правят Божественные силы, а преисподняя, болота, овраги, заброшенные постройки заполнены силами нечистыми. Земля – место борьбы двух миров и начал. Человек – также средоточие непримиримой борьбы. Над всем господствует Божья воля.

Небесные светила, кометы, природные явления, по представлениям народа, назначены Богом. Затмение солнца показывало, как оно мучается и страдает за людские грехи. Радуга подпирает тучи, чтобы они не падали и концами набирает воду. Землю представляли плоской. Ее поддерживают три кита. Когда они меняются местами, случаются землетрясения.(7,с.577) Звезды, падающие с неба, называли змеями, сосущими кровь в молодых женщин и девиц. (54,с.268)

Еще в начале XX века бытовала дуалистическая легенда о творении Богом ангелов, о свержении с небес сатаны и происхождении нечистой силы. История об Адаме и Еве в фольклорном изложении восходит к апокрифическим книжным текстам, в которых люди предстают как Божие творение: «Взяв в руки глины, но не желтой, из которой были сотворены все животные, а красной и, вылепив из нее образ первого человека, Господь приложил свои уста к бездыханным устам будущего человека, три раза вдохнул в него дыхание жизни, и этот человек стал жить, действовать и говорить...»(36,с.129-140)

Еще в начале XX веков на Кубани бытовали этнологические легенды о превращении Богом грешников в животных и птиц. Мельник, например, не поверивший в вездесущность Иисуса Христа, стал медведем. Аист и цапля, бывшие при жизни Спасителя благочестивыми женщинами, наказаны за любопытство: до скончания века собирать на болотах пресмыкающихся. Сатана предстает в образе прекрасного юноши, затем крысы и пытается прогрызть Ноев ковчег. По приказу Господа Ной бросает об пол меховую рукавицу, которая, обернувшись в кошку, загрызает крысу. (217,с.с.258-261)

Легенды о происхождении и свойствах растений также вобрали в себя истории Ветхого и Нового Заветов. Народный «гербарий» представляет собой версии христианских легенд, например, этимологию слова

«зверобой» связывают с временами царствования Ирода, повелевшего нечестивой девице Иродиаде отсечь голову Иоанну Крестителю. Та отдала голову матери, которая долго издевалась над ней. Но тут свершилось чудо - голова стала упрекать царицу в незаконном сожителстве с Иродом. В ярости женщина принялась колоть иголкой язык. В тех местах, где упали капли крови мученика, выросло красивое растение «Иоаннова Кровь». (217, с.с.191-192) Происхождение осины связывают с предательством Иуды. (217, с.196) Встречаются легенды о растениях, построенные и на бытовых мотивах. (217, с.с.194-195)

Под влиянием Православия языческие мифы, превратившись в суеверия, послужили источником для возникновения рассказов о существах «низшего» порядка - домовых, русалках, привидениях, мертвецах. В народе суеверные истории называют «быличками», «бывальщинами», а ученые - д е м о н о л о г и ч е с к и м и легендами. Этот жанр несказочной прозы бытует и сейчас. В результате освобождения общества от давления официального атеизма число записей таких рассказов увеличилось многократно. Истории о сверхестественных существах можно услышать не только от малограмотных, но и достаточно образованных людей. Подобные сообщения встречаются и в средствах массовой информации.

При сопоставлении материалов XIX - начала XX веков с записями последних лет обнаруживается прежде всего многообразие рассказов о домовом. Распространенный в восточнославянской мифологии образ лешего на Кубани малоизвестен. Однако портретные характеристики его напоминают описания снежного человека (йети, бигфута), которого ученые считают реликтовым гоминоидом, сохранившимся в труднодоступных местах обитания. (246, с.291) Как следует из рассказов, снежный человек имеет высокий рост (от двух до трех метров), густо покрыт шерстью с непропорционально длинными руками и горящими глазами. Встречаются

особи как мужского, так и женского пола. Чаще всего их видят туристы на горном плато Лагонаки и жители предгорной зоны. Снежный человек внезапно появляется и также быстро исчезает, вызывая у людей оцепенение и ужас.

Непосредственное отношение к традиционной мифологии имеют многочисленные истории о неопознанных летающих объектах (НЛО). По рассказам тех, кто видел пришельцев, существа эти напоминают чертей. Многоликий образ черта вобрал в себя черты домового, лешего, водяного и огненного змея.

Образ русалки, сочетающий элементы культа мертвых и культа природы, один из самых загадочных в славянской демонологии. Оба культа содержатся в семицко-троицных обрядах и восходят к древним русалиям. В образе русалки отразились представления о «заложных» покойниках. Согласно легендам, русалки имеют облик молодых девушек с роскошными волосами, распущенными по плечам. Наибольшую опасность для людей представляют накануне Троицы. Празднуя свои «свадьбы», качаются на ветках и водят хороводы. Только в это время русалки видимы человеку.

Дети, усваивая суеверные рассказы взрослых, создали свою демонологическую традицию. В ней отразился весь комплекс детских представлений о смерти, страхе, угрозе жизни. Жанр страшных рассказов - с т р а ш и л о к - образовался на стыке сказочной прозы, игрового фольклора и рассказов старших. В последние годы творческий импульс придают печатные издания, радио и телевидение.

В отечественной и зарубежной науке неоднократно высказывалось мнение о безвредности и даже благотворной психотерапевтической роли страшилок.(57,с.с.96,106) Специалисты считают, что и дети, и взрослые осознанно или не осознавая того, испытывают желание пережить страх. Потребность воспроизводить это эмоциональное состояние напоминает

наркотическую зависимость. Научно доказано, что в то время, когда человек испытывает страх, в его организме происходит выброс адреналина - мощного биостимулятора, активизирующего все функции человеческого тела. Одновременно вырабатывается и другое вещество - серотонин - гормон удовольствия и веселого настроения. В медицине его используют как антидепрессант. Если наши предки постоянно испытывали страх, что позволяло поддерживать в организме нужный уровень гормонов, то современный человек, живущий в более комфортных условиях, вынужден сам искать себе страхи. Отсюда спрос на услуги «индустрии страха» - фильмы ужасов, парковые аттракционы, предназначенные для того, чтобы пережить стресс. Негативное состояние создают и страшные рассказы.

Некоторые психологи считают, что страх - составная часть механизма выживания человека и пока этот механизм действует, есть шанс избежать настоящей опасности. Другие, наоборот, доказывают, что страх опасен, особенно, в больших дозах. Агрессивные страшилки являются первоисточником всевозможных фобий не только у детей, но и взрослых. «Обряд» рассказывания страшных историй сравнивается с обрядом инициации, представляющим моральное испытание для человека. Суггестивный фактор (внушение) делает страшилки особенно опасными для детской психики, так как страх не забывается, а лишь вытесняется в глубины подсознания, становится источником неврозов.(26,с.с.42-45)

Детские демонологические рассказы сохранили основные признаки традиционной прозы. Им свойственны небольшой объем, простой сюжет, наличие специфической лексики, устойчивые обращения, художественная оформленность и законченность. Толчком к действию служат нарушения запретов взрослых, отсутствующих в момент происходящих событий. Персонажи детских страшилок тоже заимствованы из взрослого репертуара. Демонологические существа это не только вампиры, покойники,

привидения, но и привычные для ребенка бытовые предметы. Цветовая гамма событийного фона разнообразна, но более всего преобладают черный, красный и белый цвета. Страшилки унаследовали и традиционные художественные приемы - тяготение к кумулятивной текстовой структуре с повторением однотипных эпизодов, ритмизацию повествования, экспрессивную мимику, жесты, речевые интонации.

Страшилки рассказывают дети всех возрастов, начиная с 5-6 лет. На рубеже 13-14 лет проявляют к ним уже ироническое отношение. В это время страшные истории больше напоминают пародии. Их повествование монотонно и обрывается криком: «Отдай мое сердце!», «Отдай мою печень!» и т.п. Одновременно рассказчик хватается слушателя за горло или за руку. В пародиях часто используется устойчивый сюжет под названием «Черный дом». Встречаются пародии с композиционной «ловушкой», имеющей эффект обманутого ожидания. По этому принципу строятся розыгрыши-загадки, вызывающие смех ответом самого загадчика. В основе пародирования юмористическое и игровое отношение к серьезным вещам.

К малым фольклорным жанрам относятся пословицы и поговорки, представляющие собой простые и лаконичные афористические выражения с глубоким, содержательным смыслом. В.И. Даль дал следующее определение пословице: «...суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот под чеканом народности. Пословица - обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми». (197,с.18) Особый смысл пословица приобретает в живой человеческой речи и всегда исходит из реального факта или события. Она «не сочиняется, а вынуждается силой обстоятельств как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души, это целые изречения, сбитые в ком, в междометие. Сборник пословиц - это свод народной мудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плачи и рыдания, радость и веселие, горе и утешение в лицах; это

цвет народного ума, самобытной стати, житейская правда, своего рода, судебник, никем не судимый. «Что не болит, то не плачет», что не дошло до народа, не касалось житья-бытия его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет, что впуталось добром либо лихом в быт его, то найдете в пословице». (197,с.с.18-19)

Поговорка - образное выражение, метко определяющее какое-либо явление жизни, в отличие от пословицы лишенная обобщающего и поучительного смысла. (233,с.1030) В пословицах и поговорках отразились высшие достижения народной философии.

На протяжении более чем полутора последних столетий неоднократно предпринимались попытки классифицировать пословицы. В.И. Даль, например, указывал на необходимость их распределения по общему смыслу.(197,с.28) Представляет интерес классификация, предложенная К.С. Давлетовым, который к первой группе относит изречения, фиксирующие те или иные жизненные наблюдения, конкретный практический опыт. Во вторую включены пословицы, употребляемые в переносном смысле, в третью те, что толкуются иносказательно. Заслуживает внимания модель классификации, основанная на принципе перехода от простых объектов и явлений к сложным. (68,с.с. 200;203)

В качестве критерия классификации избирается полярность понятий: трудолюбие - лень, счастье - несчастье, красивое - безобразное. (197;196) Разнообразие подходов к решению проблемы свидетельствует о сложности и многогранности этих специфических жанров внеобрядового фольклора, слабой их изученности.

В традиционном мировосприятии взгляды человека на природу были основополагающими. С природой сельские жители сталкивались каждодневно, от нее во многом зависело благополучие общины. В

пословицах нашли отражение народные приметы и наблюдения: «Снег глубок - год хорош», «Далеко Кулику до Петрова дня».

По народным понятиям, мир явился от Бога. Он Всемогущ и все в Его воле. За дело не брались, не попросив Божьей помощи. Входя в дом, крестились на образа, отсюда выражение: «Без Бога не до порога». Но вера в Бога не мешала полагаться на собственные силы и надеяться только на себя.

В пословицах можно обнаружить самые противоречивые суждения: «Без труда нет счастья» и «От работы кони дохнут». В. И. Даль указывал: «если одна пословица говорит, что дело мастера боится, а другая добавляет, что иной мастер дела боится, то, очевидно, обе правы: не равно дело и не равен мастер».(197,с.21)

В пословицах проявляется все многообразие человеческой личности - внутренний мир, духовные ценности, стремления, идеалы: «Хочуть люды, щоб я забогатив, та, мабуть, нэ дождуться», «Остер топор, а и сук зубаст, - ловки кулаки, да не промах и казаки». Диалектика становления и развития личности отражена в изречении: «Манэнько - гарнэнько, побильшало - погиршало, ожэнылось – сказылось». Правила народного этикета не допускали споров и нетерпимости к чужому мнению. Доброжелательность, вежливое обращение ценились высоко, потому до сих пор можно слышать в обыденной речи кубанцев такие слова: «Ласковое теля двух маток сосет».

Обычным делом была помощь во время сельскохозяйственных работ. Земельные артели - супряги - объединяли тех, кто не имел рабочий скот и сельхозинвентарь. Свообразными кооперациями были рыбацкие артели, чумацкие «валки», охотничьи «ватаги». Идя на службу, вскладчину покупали повозки, волов. Ели тоже из общего котла. По этому поводу шутили: «Гуртом и батьку бить легче»; «В гурте и каша лучше исться». Народный этический кодекс кубанских казаков включал гостеприимство. Человека, не оказавшего гостю должного внимания, осуждали: «Умила

маты готуваты, та нэ умила подаваты». От гостя тоже требовалось соблюдение установленных правил. Неприличными считались замечания в адрес хозяев по поводу качества или ассортимента блюд. Невоспитанных поучали: «Люби дома, что хочешь, а в гостях, что дают».

Жанровой природе народных афористических выражений свойственны сравнения и противопоставления. Сравнения образуются с помощью союзов: как (як), что (що), словно: «Дурнэ, як хлиб без сала», «Казак без седла, что черкес без кинжала». Реже встречаются бессоюзные формы сравнений: «Хлеб - всему голова». Употребляются сравнения, выраженные в форме синтаксического параллелизма: «Умный любит учиться, а глупый учить». В пословицах используются сравнения, дополненные комментариями: «Козаки як мали диты: хочь богато - пойдять, хочь трохи – найидяться». Есть и отрицательные формы сравнений: «Грязь - не сало, потёр и отстало»; «Темный хлеб - не голод, толстая холстина - не голый». Иногда встречаются сразу два сравнения: «Работает как ребенок, а ест как детина». Сравнения применяются в ситуациях, когда говорят о человеке, которому трудно что-либо доказать: «С ним спорить, что об стенку лбом биться»; когда обозначается следствие: «Бьется, как рыба об лед»; о плохих отношениях между людьми: «Живут, как кошка с собакой»; о ненужности чего-нибудь: «Нужна, как мертвому припарка»; о незавидной жизни: «Хуже горькой редьки». Сопоставления используются там, где есть два объекта суждения: «Яки кориння, таки и насиння».

Функции пословиц и поговорок различны. В пословицах всегда есть обобщения, выводы, в поговорках они отсутствуют. Поговорки определяют людей, явления, поступки, действия обязательно с оценочной точки зрения. Роль поговорки - украсить разговорную речь, сделать ее образной, колоритной.

Признаки стихотворной речи проявляются уже в интонации. Благодаря замедленному темпу речи, смысловая значимость частей предложения и отдельных слов усиливается. Пословицы делятся на относительно замкнутые части - синтагмы, разделяющиеся паузами. Интонационная повторяемость придает кратким изречениям ритмичность: «Козацька душа найисться з ковша». Рифма скрепляет наиболее значимые слова. Преднамеренно ее используют там, где есть имена собственные: «Який Савва, така и слава», «Наша Парася на все сдалася: и у панстви панувать, и як лыхо горювать». Рифма усиливает ритмичность пословиц, подчеркивая смысловую значимость отдельных слов: «Як дождик ранэнько - надивай шубку дранэньку, а як у обид - то до дому идь».

Не все народные афоризмы рифмованы, но это не мешает им органично вписываться в живую разговорную речь: «Заплакала баба, что позапрошлый год на ярмарке кошель украли». Употребление пословиц и поговорок может оговариваться с помощью вводных оборотов: «Не нами сказано» и др.

Слова «з а г а д к а» и «г а д а н и е» имеют общий корень. Гадать, угадывать, значит определять неизвестное. Загадка - это поэтическая формула, в которой от слушателя сознательно скрывается нечто тайное. Происхождение загадок связывают с тайной речью первобытного человека. Условная речь была выражением наивной хитрости и служила для сокрытия истинных намерений человека. (224, с.с.140-144)

Отголоски древних анимистических представлений обнаруживаются в загадках о неодушевленных предметах, уподобляемых живым существам: «Шатається, мотається, под плиту ховається» (веник), «Черна майда до печи гайда» (чаплейка и сковорода), «Идут вперед смеются, а назад плачут» (ведра).

Способом для сокрытия знакомых предметов и явлений окружающего мира служит метафора - перенесение общих признаков с одного объекта на

другой: «Кругом хаты синие лопаты» (окна); «Йисть, йисть не найисться» (огонь). Иносказательность дает возможность обозначать различными предметами одни и те же понятия. Так, зубы именуется «яйцами», «кукишами», «телесами», «костяшками», человеческий язык – «колодой» и «мокрым Мартыном». Встречаются загадки, построенные на звуковой имитации: «За белыми телесами лежит теле - ле, теле – ле» (язык и зубы). Чтобы скрыть предмет, называют лишь его составные части или качества: «В воду бросают красным, а достают белым» (уголек). Загадка может быть построена в виде замысловатого вопроса: «Що за трава, що даже слепы знают?» (крапива). Как средство уподобления используются имена собственные: «Сыдыть дид Пахом на кони верхом. Книжку читае, сам грамоты нэ знае» (очки). Загадки могут иметь сходство с зачинами заговоров: «На горе Гордынской, стоит дуб Волынский. Никто его не минует: ни царь, ни царица, ни красна девица» (смерть). Есть случаи контаминации загадки и припевки:

Ох, дид бабку
 Завэрнув в тряпку,
 Поливав ей водой,
 Чтобы стала молодой. (Лук)

В загадках, в отличие от пословиц, отвлеченные понятия отсутствуют. Более всего загадок о сельскохозяйственных орудиях, продуктах крестьянского труда, предметах повседневного быта, о домашних животных. Из растений чаще упоминаются арбузы, дыни, подсолнухи. Много загадок развлекательного характера: «От чего у гуся лапки красные?» (от колен). Есть загадки-задачи, состоящие из простых арифметических действий: «Летела стая гусей. Один гусь впереди и два позади. Один позади и два впереди. Один между двумя и три в ряд. Сколько их было?» (три).

Под влиянием военных событий возникли загадки с новым содержанием: «Ползет черепаха - стальная рубаха. Русским помогает, врагов отбивает» (танк). Успехи советской космонавтики вызвали к жизни загадки с космической тематикой. В настоящее время идет процесс создания новых и переосмысление старых загадок. На Кубани систематическое собирание и изучение подлинно народных загадок началось лишь в XX веке. (192; 157;196)

К малым фольклорным жанрам мы относим п р и б а у т к и - рифмованные фразы и стихи, адресованные детям. Генетически прибаутки связаны с раешным стихом, имеют мерную строку и рифму: «Ишов Мартын з хрестын, та й застряв головою у тын, а рукамы у ворота - жинка його кривороты». (192, с.с.32-33) Прибаутки, построенные в вопросно-ответной форме, максимально отвечают особенностям младшего детского возраста. (283, с.

Д о к у ч н ы е сказки имеют много общего с диалогическими прибаутками, но назначение их такое же, как и у поддевок. (338) Докучные сказки бытуют и в наше время. Наиболее распространены: «У попа была собака», «Жили-были два гуся», «Жила-была бабка да у самой речки». Есть тексты и с новым содержанием. (283, с.

Традиционный внеобрядовый репертуар взрослых составляли п р и - с к а з к и к ч а р к е (тосты), сохранившие традиции раешного стиха. (192, с.28) Фольклором взрослых долгое время были с к о р о г о в о р к и. Лишь в XIX веке они вошли в детский репертуар. В быту сохранились те из них, которые отвечали народным педагогическим воззрениям: «Наш Карпо располукарпывся на малэньки полукарпэнята»; «Ишов Лаврин та впау у рив. Летела ворона та встала на Лаврона». (192; с.с.32,16) В наше время скороговорки используются в дошкольных и школьных учреждениях при работе с детьми, испытывающими трудности в устной речи.

Скороговорки со сложной звуковой структурой включаются в игровые и развлекательные досуговые программы. В передаче традиций жанра все большее значение имеют письменные источники.

З а к л и ч к а м и называют опозитизированные обращения к явлениям природы. Истоки их уходят в древние земледельческие культы. В начале XX века, утратив магическое значение, заклички превратились в детскую забаву. Наиболее употребимы детьми закличания дождя. (355)

В основе древних закличек содержатся народные п о в е р ь я. Считалось, например, большим грехом убить божью коровку. Обращение к кукушке основывалось на вере в способность птицы предсказывать продолжительность жизни. Встреча ранней весной с белой бабочкой обещала здоровье. Современные заклички, возникающие на стыке с другими детскими жанрами, нередко имеют форму пародии, шутки и лишены магического смысла: «Самолет, самолет, ты возьми меня в полет. А в салоне пусто выросла капуста».

Интереснейший пласт детского фольклора - произведения, основанные на з в у к о п о д р а ж а н и и. Вероятно, в прошлом они были частью календарных обрядов. Позже имитация голосов птиц, зверей, земноводных превратилась в детскую игру. Лексического значения такие тексты не имели и строились на основе разговорного языка. (192,с.26)

Собрание сведений о погоде и предстоящих событиях называют п р и - м е т а м и. Индикаторами метеопрогнозов служат растения, животные, скорость и направление ветра, движение облаков. Краткосрочные прогнозы позволяют определять погоду на ближайшие один-два дня, долгосрочные – на месяц, на сезон и даже на год. По особым приметам угадывают наступление смерти, успехи и неудачи в житейских делах и многое другое. Так, если собака воет или роет землю, быть в доме покойнику. Когда курица запоет по-петушиному, жди несчастья.(217, с.с.53-54) Соль рассыпать к

ссоре. В понедельник и в субботу нельзя начинать работу, потому что понедельник - день тяжелый, а в субботу начнешь и не закончишь. Народные приметы бытуют и сегодня.

Давнюю историю имеет прозвища и дразнилки. Анализируя вопрос о происхождении тотемизма, Г. Спенсер обращался к распространенному среди не только детей, но и взрослых обычаю, давать друг другу клички. Прозвища по названиям животных, растений, предметов нередко наследуются потомством. «Когда прозвище обращается в племенное название, оно этим самым лишается индивидуальных отличий. Индивидуум известен под своим племенным названием, его знают и под именем, данным какому-нибудь его отличному свойству». (239,с.325) Черноморские, а позже кубанские казаки унаследовали генеалогические особенности от запорожцев. Записываясь в «товариство», каждый получал кличку. Вероятно, защитник и покровитель сечевиков, фаворит российской императрицы Екатерины князь Г.Потемкин потому звался Грыщком Нэчосой, что носил парик с пышными локонами.

Наблюдая друг за другом, казаки подмечали характерные особенности - строение тела, рост, привычки, манеры. Прозвище Пидшморга, возможно, закрепилось за казаком, страдавшим хроническим насморком; Укравсало, повсему, не почитал закон. Объектом насмешек могли оказаться скверный характер, безделье, национальная принадлежность, обжорство, человеческая глупость и многое другое.

Вплоть до 1904 года при записи в курень родовая фамилия менялась на новое прозвище. Случалось, что отец имел одну фамилию, а сыновья другие.(289,с.с.284-288) Давали прозвища и целым станицам. Брюховчан, например, звали «кобылятниками», потому что они первыми пришли служить в войско на кобылах. Урупцев дразнили «кошатниками» за их страсть к чужому добру. Прозвища дают на Кубани поныне. Например,

жителей станицы Бриньковской, расположенной на берегу Бейсугского лимана, где в изобилии водятся лягушки, называют «жабаками» и «жабокрюками», ольгинцев – «киргизами». По слухам, в эти места ссылали каторжников. Находящийся неподалеку хутор Тамаровский живет обособленной жизнью, за что получил прозвище «Остров Свободы», а хуторяне – «кубинцы». Станицу Крыловскую (Ленинградский район) за веселый нрав ее обитателей зовут «Дурносэловкой», вышестеблиевцы откликаются на «галушников», роговские казаки на «рогачей», «темижбекцы на «мацоников».(280,с.с.43-44)

Дразнилки ритмичны и рифмованы. Некоторые по структуре стиха неотличимы от припевки: »На Тэтяну поговир, що Тэтяна вмэрла - вона лэжыть на пичи, ще й ногы задерла». Встречаются дразнилки в форме поговорки: «Ловыся, рыбко, вэлыка й малэнька; бэры, чортэ, Уласа та й Омэлька».(192,с.с.32-33)

Современным детям неизвестен старый быт, как и прозвища тех, кто носил имена Хома, Гапко, Хивря, Пылып, Гандзя и т.п. Неузнаваемо изменилась жизнь, но дразнилки по-прежнему один из динамично развивающихся фольклорных жанров: «Ниндзя в зарослях укропа», «Один прораб на семь баб» и пр. Большое влияние на жанр оказывают средства массовой информации и детская литература. Лексика современных дразнилок близка к нормам литературного языка.

Для примирения противников дети создали м и р и л к и. Одни из них напоминают праздничные призывы: «Мир! Дружба! Жвачка!» Другие унаследовали традиции раешного стиха. (256)

Подводя итог, отметим, что по характеру исполнения, воздействию и бытовому назначению малые фольклорные жанры, неоднородны, как и судьба их тоже неодинакова.

4.3. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИГРОВОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Архаическая культура первобытного общества развивалась в игре и как игра. Священной игрой поддерживались древние культы. Слово, музыка и танец родились в игре и стали жить благодаря игровым формам. Мудрость и знание находили выражение в освященных состязаниях. Право выделилось из обычаев социальной игры. На игре базировалось разрешение споров.(262, с.с.115-116)

Ритуал и игра нередко рассматриваются как однопорядковые явления. В самом деле, и ритуалу, и игре свойственны эмоциональный подъем, творческое начало, состязательность. Но если ритуал направлен на поддержание традиции, то игра предполагает ее обновление. Переход одних ритуальных форм в другие есть способ эволюции ритуальной практики. По мысли И.А. Морозова, специфически игровым, не соотносящимся с ритуалом признаком можно считать спонтанность и непредсказуемость, стремление любого игрового явления к комбинированию устойчивых элементов. Игровой компонент обряда обеспечивает комбинаторность элементов ритуала, их приспособляемость к изменившимся внешним условиям. (159,с.с.25-27) Мы солидаризируемся с этой трактовкой и также считаем, что игра, будучи универсальным механизмом, обеспечивает динамику культурного процесса, преобразуя традиции в новые культурные явления и объекты.

Консолидирующая функция игры проявляется в том, что ее участники пребывая в исключительном положении, вместе делают нечто важное, вместе обособляются от прочих, выходят за рамки всеобщих норм жизни. Игра с ее действующими правилами совершается внутри игрового пространства. Чувство солидарности сохраняет свою колдовскую силу и таинственность далеко за пределами игрового времени. (263,с.с.23,31-32)

Некоторые игры жестко регламентированы и требуют от человека действовать согласно установленным правилам. С другой стороны, игра – это творчество, направленное на создание качественно новых форм бытия, способ самовыражения. Бесспорно и другое: немало вредных игр, оказывающих разрушительное действие на человека.

Наиболее древняя философская традиция, восходящая к гераклитовскому определению Вселенной как «играющего дитя», продолжает существовать до сих пор. В самом деле, овладевая символическими предметами, ребенок учится жить в мире фантазии. В ходе социализации происходит превращение внешней социальной функции во внутреннюю, психическую функцию. Совместная игровая деятельность, общение с другими людьми неотделимы от самоорганизации психики индивида. (294,с. 23) Эмоциональные состояния, возникающие в процессе игры, позволяют ребенку пережить то, что в реальной жизни может не произойти. Особенность человеческой психики заключается в возможности опосредования ее процессов культурными и социальными знаками. Игры, скрепленные песней, хореографией, словесными комментариями, пантомимой, активными физическими и психическими реакциями, во все времена служили средством коммуникации и овладения социокультурным опытом.

В XIX веке игровой казачий фольклор был еще тесно связан с календарными и семейно-бытовыми обрядами. Возникнув из коллективных эмоций, он сохранял в себе свидетельства древних типов мышления и межличностных отношений, отличался эстетической организацией и устойчивым ритмом.

Типы традиционных развлечений, бытовавших на территории Кубанской области до начала XX века, в общих чертах, схожи с общерусскими и украинскими играми.(160) Как правило, уличные компании

делились по территориальному и возрастному признакам. В детских и молодежных компаниях для перехода из младшей в старшую возрастную группу, требовалось овладеть определенными навыками игрового поведения. Одна из игр, генетически восходящая к женской инициации, называлась «Ящерица». Играли в нее только девушки 15-16 лет, желавшие быть принятыми в молодежный «гурт». Ритуальной жертвой служили головные платки, кольца, пояса. Одна из участниц, стоя в середине круга, собирала жертвы. Играющие пели. Стоящая в кругу «Ящерица» старалась разорвать цепь и вырваться. Девушки, догнав ее, разбирали «жертвы». (247,с.202) Сведения о ритуальных жертвоприношениях сохранились в сказочных сюжетах о девушках, отданных на съедение Змею. Временная «смерть» означала «рождение» в новом качестве. В славянской мифологии Змей – солярное существо. (174, с.121) Как свидетельствуют записи конца XIX века, архаический ритуал утратил свое прежнее значение и переродился в молодежную игру.

Распространенными в прошлом были имитативные игры «в свадьбу», приуроченные к досвадебному знакомству, свадьбе и календарным праздникам. В черноморских станицах под пение игроков «король» (парень) ходил по кругу, изображая игру на скрипке, низко кланялся и выбирал себе пару. «Молодые» целовались.(247,с.207) Символической «женитьбой» (поцелуями) заканчивалась игра в «фанты». По условиям игры, участники не должны были употреблять слова «да» и «нет». Тот, кто ошибался, платил фант.

Мифологема чистого золота обнаруживается в древнейшем пласте традиционных развлечений с мотивами «золочения», непосредственно связанных с ритуальными формами брака. Золотые предметы в фольклоре сакральны. Эта вера восходит к языческому культу солнца. По народным поверьям, подземные клады открываются не всем, а лишь посвященным. В

игре «А я золото хороню», стоящая в кругу девушка, должна угадать, у кого «золото». За верным ответом следует «женитьба».(247,с.204) В игре «Хрен» образы девушек обозначены метафорой «маковки». Поспевший мак - символ невесты, готовой к переходу в старшую половозрастную группу.(247,с.с.181-183)

Основной сюжетобразующий мотив в молодежной игре «Расколушки» (или «Горю пень») - выбор пары. Игроки становились по двое. Тот, кому не хватало пары, выходил «гореть» («горевать»).(247,с.186) Брачными мотивами проникнуты посиделочные игры «Соседи» и «Ярки». В первом случае «семейный союз» скреплялся поцелуем, во втором на хозяина ярк («жениха») опускались кулаки. Наказание означало «женитьбу».(247;с.с.166,211) В сюжетных ситуациях игр «Перепелушка» и «Утки» содержится распространенный в обрядовом фольклоре мотив похищения. В контексте свадебного обряда его можно трактовать как архаический способ брака-умыкания. (247,с.с.202-204)

Выразительны игровые песни с темой торга. Символика свадебных даров характеризует традиционные представления казаков о благополучии и счастье.(257) Мотив купли-продажи и даров обнаруживается в плясовой песне «Я пойхав мий милэнький на базарь до зори». Завершается сюжет покупкой нагайки, после чего строптивая жена обещает любить мужа.(170,с.453)

Древний персонаж, выступающий в образе «жениха» - заяц.(170,с.с.282-283) Игры в зайца приурочивались к свадебным и святочным вечеринкам. Сюжетобразующие мотивы – «выбор невесты», «дары», «величание». Мотивы сватовства и женитьбы встречаются и в других игровых песнях с архаическими зооморфными и орнитоморфными персонажами, например, «У нэдилю свайба будэ» о свадьбе комара и мухи.(169,с.186)

Для имитативных хороводных игр типичны сюжетные ситуации с описанием посева, выращивания растений и уборки урожая. Доминирующий элемент повествования - созревание семян, означающее половую зрелость девушки и ее готовность к замужеству.(247,с.202) Такое же значение имеет мотив вытаптывания огорода. Центральный персонаж шуточной игры – «жених» предстает в образе журавля.(170,с.444) Хороводные и свадебные игры в «сад-огород», должны были благоприятствовать зарождению в семье молодой «поросли» (детей). Традиционной свадебный чин друзей жениха называли «боярином». Бояре фигурируют в молодежной игре «Бояре, а мы к вам пришли». В других версиях персонажи звались «князем» или «царем». Пары, изображающие жениха и невесту, должны целоваться. (170;с.с.296;336;113) Тексты с мотивами посева, жатвы и вытаптывания растений, хорошо известные в XIX веке, со временем утратили свои обрядовые и игровые функции. Сегодня их исполняют как лирические и плясовые песни.

К разряду имитативных относятся игры с изображением повадок животных, птиц («Коршун», «Ворон»). Такие игры имели признаки сценического действия. Игровая ситуация разворачивалась в форме диалога. В игре использовался несложный реквизит. В других играх подобного рода («Бешеный теленок», «Комар», «Пчелы», «Волки, овцы, и собаки») словесные приговоры отсутствовали. Игроки, изображавшие теленка, кружились в разные стороны; комары и пчелы жжужжали друг другу в уши; волки нападали на овец, собаки стерегли отару.

В традиционном игровом фольклоре одна из развитых тема оборотничества - временного перевоплощения человека в животных и птиц. Чаще оборотень предстает в облике волка. А.В. Гура указывает на связь волка с переходными моментами: разгул волчьих стай в начале зимы и весны. Волк отмечен семантикой «чужого», приходящего извне.(62,с.237)

Инициационной символикой насыщены игрища святочных ряженных, изображающих волчьей стаи. Образы волка с «вовчинятами» находим в обряде «с козой». Угощение ряженных своего рода откуп от «зверей». За отказ в подношении хозяева наказываются бесчинствами и проклятиями. Волк, олицетворяющий силы зла, выступает главным действующим лицом в игре «Гуси». (247, с.193)

Образ святочной козы имеет параллель с главными героями народных игр «Дэ ж ты бував, черный наш баран?» и «Зайнька». (170, с.153; 201) При сравнении обнаруживается общий круг мотивов: «пребывание в чужом и опасном месте», «избиение главного героя», «болезнь или смерть». Приведенные примеры являются косвенным подтверждением существования некогда единой системы обрядов, частью которых были означенные персонажи. В процессе эволюции образы и ритуальные действия, утратив мистическое значение, превратились в игру.

Специфична символическая игра «в свадьбу» с «покойником» («Пустыть Сыдора»), имеющая непосредственное отношение к святочным забавам. Участие в них было своего рода подготовкой молодежи к вступлению в брак. Сыдор выполнял функцию субъекта инициации. (156, с.с.29-49) «Жених – покойник» руководил церемонией посвящения девушек в замужних женщин в игре «Хрен». Метафора «пироги» и «саженцы» аналогична значению свадебного карава и «гильца». (247, с.с.181-182) Игры в свадьбу современному поколению практически неизвестны. Лишь некоторые из них сохранились в памяти людей старшего возраста.

В перечисленных типах народных игр заметно стремление к антропоморфизации растительных и животных символов. Все они имеют древнюю историю и общеславянское происхождение. Ритуальное ядро в них просматривается достаточно четко. Однако картина окружающего мира,

традиционные представления о семье и семейных отношениях запечатлены фрагментарно, число семантических групп ограничено.

Гомогенные игры «Виргилий» и «Хвост-Левка», вероятно, связаны с западноевропейскими корнями. Сочетание жанровых и христианских мотивов демонстрирует игра «Краски», действующими лицами которой выступают ангел, черт и хозяин красок.

В поддержании боевого духа и чувства казачьей солидарности большую роль играли состязания, возникавшие, как правило, спонтанно. Силой мерялись «куты» (углы), «улицы», а то и станицы. Страстью к кулачным боям отличались жители линейных станиц (особенно «Старая линия»). Начинались кулачки с осени и продолжались до весенних полевых работ каждый вечер, а в праздники и днем. Сначала бились подростки, в случае отступления к ним присоединялись парни постарше, потом в дело вступали взрослые казаки. В бою придерживались старых правил. Не позволялось бить сзади, сидячего или лежащего и сводить счеты после игры. Соперники нередко покидали поле битвы с травмами, однако, на другой день вчерашние враги, сошедшись, со смехом вспоминали, кто кому поднес «тютю» (хорошо ударил). (189, с.288)

Черноморцы тоже славились своими «парубочими» (подростковыми) драками. В ход пускали не только кулаки, но и «килки, занозы, вилы, кийки, бедзвины, ключки», которыми дергают сено из стогов. Драки происходили, большей частью, из-за подруг. Старшие казаки смотрели на это снисходительно: «Вин не дытына! Таким его доля родыла! Сам за себе Богови заплаче!» (44)

Любимыми среди казачат были спортивные игры, сопровождавшиеся бегом, перетягиванием, поиском спрятавшихся, метанием предметов в цель. Физические упражнения, военные игры и начальная военная подготовка воспринимались как серьезное дело и всячески поощрялись органами

местной власти. С 12 лет мальчики соревновались в стрельбе. На ежегодно проводимых соревнованиях будущие воины демонстрировали умение разводиться огонь, готовить пищу, сигнализировать, оказывать первую помощь, определять расстояние на глаз. На лошади учились скакать сначала без седла и уздечки рысью, наметом, а то и в карьер. Почти у всех были специальные приспособления из веревок в виде петли, цепляясь за которую мальчишки доставали до земли и поднимали на скаку лежащие предметы. При встрече табуна устраивали скачки наперегонки.

Джигитовать начинали с 10 - 11 лет. Вторая партия включала подростков 12-13, третья - 14-15 лет. Для скачек выбирали гладкую двухверстовую местность в форме круга, овала или петли. Призами служили недорогие, но необходимые в будущей службе вещи: нагайки, форменные газыри, тесьма, кинжалы, шашки, уздечки с набором, красная материя на бешметы. Дорогих вещей не покупали, чтобы не развивать в детях корысти.

Уже на первых учебных сборах молодые казаки обнаруживали умение джигитовать, упираясь головой в седло или, держась одной ногой в стремя, висеть корпусом вниз. Удальцы на всем скаку спрыгивали с лошади и снова вскакивали в седло. Некоторые ухитрялись поднимать по три – четыре предмета, лежащих на незначительном расстоянии друг от друга. Назывался трюк «выделывать кобелька». Испытания по джигитовке заканчивались театрализованным представлением с погоней и перестрелкой из ружей.

Станичные соревнования среди мальчиков проходили в форме военизированных игр. Одна из них так и называлась «Казаки». Руководили ими старшие или избранные по жребию и взаимному согласию «начальники», приказывавшие строиться в шеренгу, поворачиваться и скакать в карьер, хватать на бегу приз, перепрыгивать через барьер, бросать камни. Отличившиеся получали «чины» и «знаки отличия». Играли и в

командные игры. Одни изображали «чеченцев», «черкесов», другие казаков. Последние выходили на середину улицы (за Кубань) собирать ягоды. «Горцы» выскакивали из засады и уводили с собой «пленных».

Среди произведений детского игрового фольклора более всего с ч и – т а л о к – коротких приговоров, которыми пользуются при распределении ролей в игре. В записях конца XIX века преобладают тексты, построенные на основе простых, немногосложных фраз и близких детям образов.(247,с.187) Рифма соединяет лексические пары и придает счету четкий ритм. В некоторых считалках обнаруживается полное отсутствие всякого смысла. Их принято называть заумными (158,с.132) (термин М.Н. Мельникова): «Лечимся, беримся, куды нам пройти? Щипки, влипки старому Петру, выще, щebetо, лусь, друсь, зинья, пинья, лопоть, копоть, князь». Считалки были и остаются до сих пор динамично развивающимся жанром.

Анализируя игровые тексты, бытовавшие в западном и восточном ареалах Кубани, мы обнаружили, что отличаются они, прежде всего, диалектным компонентом. Основанием для исторической атрибуции служат варианты наиболее употребительных названий, например, титулы «барин», «пан», «царь». Характерно, что старые стиховые тексты чаще всего однострочные с переменной или неправильной ритмической структурой, нерифмованы или рифмованы частично. Можно предположить, что употребление рифмы началось с переходом к новому игровому репертуару, который складывался под влиянием книжности.

Во всех восточнославянских языках встречаются глаголы с корнями «бал» и «бол» (балагурить, балакать, болтать, балабонить). «Бай» означает говорун, сказочник. В народе мужчины - краснобаи пользовались славой и уважением. На Кубани таких называли «брехунами», а их рассказы «брэхэнькамы» и «балакачками». Балагуров приглашали во взрослые

мужские компании, «щоб вэсэлише було гулять».(192;с.с.16;22-23) Смех, как фактор доминантного взаимодействия, направлен на воспроизводство социальной нормы. Конфликт, возникающий на почве нарушенных правил социального контакта, всегда приводит к стрессу. Сам по себе он не проходит даже после устранения конфликта, но легко снимается смехом. В этом защитная функция смеха. (12, с.176)

Изменения, произошедшие в массовом сознании в XX веке, отразились на содержательной стороне игрового фольклора. Спортивные и военизированные игры приобрели идеологическую окраску. Безвозвратно утратили календарную приуроченность и связь с культом хороводные и символические игры. Забываются игровые песни, разрушены хороводные композиции. На смену игровому пению пришли игровые приговоры. Такова судьба хороводных игр «Бояре», «А мы просто сеяли», «Чебурунчик». Игры, используемые в работе детских дошкольных и школьных учреждений, в быту не прижились. Состязания в ловкости, силе, выносливости, бег, поднятие тяжестей, стрельба по мишеням в современных условиях имеют характер организованных игр. Для поощрения духа состязательности образуются команды.

В настоящее время обнаруживается тенденция к увеличению словесных игр. Источником смеха в словесных играх выступают комизм ситуаций, некомпетентность объекта по отношению социальной норме или скрытые недостатки, обнаруженные неожиданно. Смешно то, что противоречит привычному. Более всего среди детей распространены п о д д е в к и (термин Г.С. Виноградова). Ученый оценивал их как «всякую всячину», «поэтическую мещанину» и относил к детской сатирической лирике.(41,с.23) Поддевки служат средством речевого общения детей. Эффект поддевки в ее неожиданной концовке. Тот, кто не способен предугадать ее, рискует быть осмеянным.(356) Поддевки чаще всего имеют форму диалога. Реплики предельно кратки. В детском репертуаре

продолжают сохраняться поддевки – шутки. (356) Активно бытуют варианты традиционных поддевок – загадок. (356)

Специфический жанр детского фольклора не складухи, произошедшие, вероятно, от нескладных частушек и прибауток взрослых. Характерный признак нескладух - отсутствие рифмы. (358) Восприятию богатства звуков и меняющихся картин помогают потешки. (258)

Игры сопровождают человека на протяжении всей жизни и имеют глубокий социальный смысл. Вызванные потребностью в веселье и забавах, они развивают ум и сообразительность, доставляют радость и удовольствие. Участие в ролевых ситуациях служит подготовкой к самостоятельной жизни. Играя, дети лучше познают окружающий мир. Игру следует рассматривать и как особый канал для освобождения и восстановления психической и физической энергии. Общение, возникающее между играющими и зрителями, вызывает сильные эмоциональные переживания. Игра – наилучшая форма коммуникации. Во все исторические эпохи игры были формой народного творчества, источником формирования и функционирования культуры.

4.4. КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Комплексное исследование проблем народного декоративно-прикладного творчества началось во второй половине 60-х годов XX века. (130) Наиболее детально изучены кубанская ковель, (260;117), орнаментовка народной вышивки, (50) народная архитектура. (130,с.с.108-121;76-78) Вместе с тем, недостаточно оценены и поняты, на наш взгляд, история становления и развития идейной стороны православного зодчества, народной иконописи и отдельных видов народного декоративно-

прикладного искусства местного значения в период позднего феодализма и зарождения капитализма.

Исследование показало, что при строительстве православных храмов предпочтение отдавалось крестовокупольному или родственному ему купольному типу. В качестве определяющих признаков следует отметить архитектурную целостность объема, тяготение к центричности и пластическую законченность. Церковное зодчество воплотило в себе представление о соединении Божественного и земного начал. Образная антропоморфность отражена в терминологическом обозначении частей храма. Слово «глава» употреблялось применительно к завершающей части церковного здания. Христос – Глава Церкви, а сама Церковь – Тело Христово. Храмы, возводимые в центре поселений, были хорошо видны с разных сторон и составляли идейное и архитектурное ядро. Иные общественные и жилые сооружения имели второстепенное значение по отношению к храму.

В Черномории при возведении соборов практиковалась украинская расстановка глав, ориентированных по сторонам света. Первой культовой постройкой стал пятиглавый войсковой собор в Екатеринодаре. Годом позже в 1800 году в войсковом граде началась закладка церкви Воскресения Христова, своим видом напоминавшая запорожский сечевой храм. По свидетельству И.Д. Попки, к середине XIX столетия на территории Кубанской области насчитывалось 70 церквей и монастырей, из них десять каменных, остальные деревянные.(194,с.50) Трехглавые храмы соотносились с числом «три» - символом Троицы. Декором культовых сооружений служили росписи сводов и стен, резные иконостасы и церковная утварь. Иконы для екатеринодарских храмов писали местные мастера и художники, приглашенные из других городов России. Размещались иконописные мастерские при монастырях и церквях в

станциях Баталпашинской, Каладжинской, Старонижестеблиевской, Царской.

В кубанской иконописи органично соединились старые языческие и новые христианские мотивы. Народное сознание усвоило от христианства то, что укладывалось в архетипы языческой религии. Христианство оказалось адаптировано язычеством. Это определило отношение народа к иконе не только как к моленному образу, но и магическому предмету. Так, во время святочных гаданий набирали в колодце с вечера воду, разливали ложкой три раза по девяти ложкам и накрывали иконой. Если утром воды прибавится, задуманное сбудется. (54, с.273) Это же имеет отношение и к кресту. Деревянный или соломенный крест ставили в святочную кутью, а затем, как охранный атрибут, на стог сена, чтобы мыши не заводились. В силу инертности народного сознания старые формы религии сохранялись еще в начале XX века.

Материалом для икон служили липовые и сосновые доски, холст, краски. Мастера, пользуясь ограниченной цветовой гаммой с преобладанием коричневого и черного тонов, тяготели к плоскостности и силуэтности. Иконография сводилась к простейшим схемам. Все это требовало активного сотворчества зрителя по раскодированию изображенного. Сам способ письма, манера изображения основывались на представлении о целостности канонического образа.

В период обустройства Кубани спрос на народные иконы был огромным, что сделало ремесло иконописцев-самоучек массовым. Икона служила не только для моления, но и была знаком личного благочестия. Относительная дешевизна и массовое производство позволяли приобретать их в большом количестве для домашнего пользования и по случаю семейных торжеств.

В конце XIX века войсковое руководство, обеспокоенное появлением в продаже и в домах жителей станиц иконописи неправославного характера, потребовало от местных органов власти воспрепятствовать распространению штунды – сектантского течения протестантского толка. Согласно предписанию Наказного атамана Г.А. Леонова, приходские священники обязаны были отбирать у своих прихожан картины религиозного содержания и образки заграничного издания, не отвечающие духу Православия. (1.16.с.1.)

Особое место в декоративно-прикладном творчестве кубанских мастеров занимала **к о в а н ь** или художественное кузнечное ремесло.(117,с.76-78) Кузнецы были, большей частью, иногородними. Казаки работали на войско. (291, т.2,с.687) Успешно освоив исконные традиции других народов мира, войсковые мастера создали свои образцы изделий, способы обработки и орнаментовки металла.

К числу обязательных предметов экипировки казаков относятся кинжалы. Первый образец холодного оружия был принят на вооружение в конных и артиллерийских подразделениях в 1890 году.(133,с.36) Низшие чины пользовались стальным клинком, имевшим прямую двухлезвийную форму ромбического сечения с фигурной рукоятью, изготовленной из рога белого цвета и деревянными ножнами, обтянутыми кожей. К устью клинка припаивалась скоба с кольцом для ремешка. Офицерские клинки украшали резным орнаментом по серебру с чернением. Ножны практически всех кинжалов заканчивались фигурными шариками. В походе или при езде на лошади длинный конец поясного ремня привязывался за наконечник кинжала. В таком положении оружие висело параллельно талии, не мешая в движении.

В 1904 году приняли на вооружение кинжал, сконструированный русским оружейником Федоровым. Это был стальной клинок прямой

двухлезвийной формы с четырьмя узкими долами и аббревиатурой на пята «ККВ» (Кубанское казачье войско). Офицерское оружие украшалось червонным золотом и серебром. Орнамент металлических деталей строго регламентировался войсковыми инструкциями.

В 1907 году в артиллерийских войсках утвердили «бебут» - кинжал с незначительной кривизной. Первые партии состояли из металлического прибора белого цвета (мельхиор, нейзильбер), позже его заменили медным.

Наряду с уставным оружием использовались клинки, перешедшие от отцов и дедов и «трофеи» - персидские и турецкие кинжалы. Под влиянием моды на кавказское оружие было налажено производство кинжалов, украшенных дагестанским национальным орнаментом – резьбой, насечками, чернением по серебру и золоту. Они отличались как по форме, так и орнаментовке. Холодное оружие стало произведениями ювелирного искусства. На территории Кубанской области центрами по изготовлению оружия стали Ейск, станицы Баталпашинская, Григориполисская, Ханская, Гривенско-Черкесская.

Помимо оружия войсковые и станичные кузнецы мастерски изготавливали металлические детали повозок и сельскохозяйственные орудия, подковывали лошадей. Первым навыкам ремесла обучались в семье или под руководством мастеров-наставников. Работая по готовым образцам, дети постигали азы, а со временем пробовали силы в самостоятельном творчестве. По окончании учебы, выполнив «отходное» изделие, они уже в одиночку трудились над излюбленными сюжетами и формами.

Начиная с 1880-х годов, на Кубани стали создаваться ремесленные мастерские и школы по обучению кузнечному, слесарному, столярному и гончарному делу. На их устройство и содержание органы казачьего самоуправления отчисляли общественные средства.(302) Детей учили грамоте, основам ремесла, приемам академического рисунка, навыкам

стилизации. Привнесение в программы академического искусства позволяло молодым мастерам успешнее приспосабливаться к спросу городского населения. Переориентировка на вкусы городского потребителя вносило перемены в традиционные сюжеты и орнаментовку. Изменение в художественном облике изделий определялись конъюнктурой рынка.

На рубеже XIX – XX веков на творчество народных кузнечных мастеров оказало влияние искусство модерн с характерными волнистыми линиями и ассиметрией. Для наибольшей прочности и выразительности узора мастера прибегали к сварке и пайке. Материал обрабатывался в нагретом состоянии. Дверные петли и замочные накладки изготавливались способом отщипа - отделение от центральных полос расщепленных боковых ветвей с последующими ответвлениями. Этот прием нашел применение в креплении окованных «скрыней» (сундуков).

Произведениями подлинно художественного творчества стали надкрылочные, кованые зонты, декорированные числовым орнаментом с указанием даты постройки и вензелями с инициалами владельцев. Исходной заготовкой служили прутья четырехугольного или круглого сечения. Пересекали прутья двумя способами: холодной клепкой и продеванием через просечку. Позже стали вводить дополнительные, декоративные детали из листовых заготовок. Только в Краснодаре зонты украшают более тысячи жилых и общественных построек. Есть они в Анапе, Апшеронске, Армавире, Ейске, Славянске-на-Кубани, Сочи, Темрюке, Туапсе, станице Кавказской.(260,с.с.117-133)

Пластика выющегося металла сохранилась в витражах и изделиях религиозного культа. На дверях, окнах, оградах, воротах, балконах украшением служил решетчатый декор. Образцом высочайшего мастерства является ансамбль ковани на здании Краснодарского историко-археологического музея-заповедника: козырек над входом, перила, парапет

декорированы растительным и животным орнаментом, крылатыми драконами, змеями и другими фантастическими существами.(117,с.77)

В художественных изделиях кубанских кузнецов, относящихся ко второй половине XIX - началу XX веков, нашел отражение еще и стиль барокко с характерными стилизованными листьями, цветами и завитками. Вершиной вдохновения народных умельцев стала кубанская роза. В декоре кованых ворот использовался растительный узор в виде виноградной кисти в сочетании с геометрическим орнаментом.

За два последних десятилетия XIX века в Екатеринодаре открылось шесть металлообрабатывающих заводов.(131,с.280) В ассортименте производимой продукции были и художественные изделия, однако основная масса их создавалась в ремесленных мастерских.

Интерес к кованному художественному металлу возрос в 60-70-х годах XX столетия. Причиной послужило массовое строительство жилых многоквартирных домов, выпуск секционной, основанной на геометрическом модуле, мебели. В такой обстановке ручная работа оживляла интерьер. В художественной ковке наметилась тенденция к использованию местных народных традиций, исторически сложившихся стилей искусства прошлого и новых образов и сюжетов, не всегда вписывающихся в привычный орнаментальный строй. Современные дизайнерские решения реализуются при изготовлении светильников, ажурных решеток, кованых объемных панно, скульптуры, декоративных кубков, ваз. С возрождением казачества возрос интерес к атрибутам казачьего снаряжения. Кинжалы ныне содержатся в личных коллекциях любителей раритетного антиквариата и украшают интерьер современных квартир. Фантазия и мастерство, виртуозное владение технологией, знание особенностей и возможностей металла позволяет создавать высокохудожественные произведения. Специальная подготовка будущих

мастеров осуществляется в школах искусств и на факультете монументального искусства Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

В прошлом на Кубани ткани изготовливали в домашних условиях. Сырьем служили лен, конопля и овечья шерсть. Ткали как женщины, так и мужчины. Женщин называли «ткалями», мужчин – «ткачами». На станках производили гладкий холст и льняные ткани с узором, затем из отбеленного и окрашенного натуральными красителями полотна шили рубахи, скатерти, полотенца, постельное белье. Овечья шерсть шла на производство сукна, предназначенного для пошива зимней одежды. Из грубой пряжи или цветных ситцевых лент (дранок) изготавливали рядно и попоны, которыми укрывали возы, лошадей, печи, кровати, подстилали под перины, использовали как одеяла.

Девочки приучались к прядению с 6-7 лет. До свадьбы успевали приготовить приданое, состоявшее из нескольких кусков полотна («сувои»), рушников, рядна, мешков. Работы не прекращались и после выхода замуж. За год одна казачка могла изготовить до 4 «локот» (30 аршин) ткани. На «досвитках», собравшись в один дом к «досвитчаной матери», работали под пение хором.(241, с.с.486-487)

Одежду, белье, ритуальные и праздничные полотенца принято было украшать вышивкой. В орнаментовке женской одежды преобладал рисунок, выполненный мелким крестиком (по счету ниток на ткани) и болгарским крестом (двойной крестик). Вышивка по канве и ришелье получили распространение лишь в конце XIX - начале XX веков. Вышивали также гладью и строчевыми швами по разреженной ткани. Края изделий обрамлялись мережкой нередко в сочетании с другой техникой. Края скатертей, рушников, воротов и рукавов мужских рубах орнаментовали геометрическим рисунком в виде прямоугольников, кругов, квадратов,

столбиков, решеток, хорошо выделявшихся цветом и рельефом на фоне гладкого полотна.(50,с.с.54-57) Узоры назывались «в досточку», «в ряды», «в кружки», «в елочку», «ракушечки».(105,с.13)

У древних восточных славян геометрический рисунок в форме ромба связывался с понятием дома, солнца, тепла и благополучия. В XIX веке на декоративное искусство влияние оказал стиль барокко. В вышивке, узорном ткачестве и в кружеве ромб он проявился в комбинации с цепочкой, розетками, крестами, звездами. На тканых рушниках изображение представлено в виде геометрической пирамиды с крестом, своими очертаниями напоминающей церковь с двуглавым орлом в центре. На погребальных рушниках мотив якоря символизирует дорогу в потусторонний мир.(50,с.с.59-60) В вышивке и ткачестве применялись тексты пословиц, поговорок, молитв, отрывки литературных произведений с эмблемами вышивальщиц.(50,с.с.67-70) Встречаются сюжетные композиции с изображением людей и животных на фоне растительного орнамента. На обрядовых рушниках изображения птиц выполняют охранную функцию. Из орнитоморфных мотивов преобладали образы голубей.(50,с.с.22-23) В архаическую эпоху голубь служил воплощением бога грозы, дождя и ветров. Позже суеверное представление соединилось с учением о святом Духе, символом которого церковь признает голубя. На Руси голубя не употребляли в пищу.(7, с.562) Голуби олицетворяет согласие и любовь в семье. Этот символ широко применялся в народной лирике. На Кубани во множестве вариантов бытуют песни о голубке, оставшейся без пары. На свадебных рушниках голуби обращены друг к другу. Мотив голубиной пары встречался и в орнаментном кружеве, украшающем подзоры на простынях.

Древний символ плодородия и обновления жизни - курица, способная, как и яйцо, оказывать благотворное влияние на детородную функцию.(50,с.с.24-27) Отсюда обычай кормить молодоженов утром после

первой брачной ночи курицей. Домашней лапшой из кур заканчивается свадьба. Красное пасхальное яйцо имеет значение средства, наделенного плодородием и здоровьем. Детей, кричащих по ночам («крикс»), носят лечить под кур. Курица, запевшая петухом, предвещает смерть близкого человека. Переход в «новую» жизнь покойника обеспечивает ужин, состоящий из супа на курином бульоне, который подают во время ночных бдений у гроба новопредставленного. Доныне сохранилось поверье: у тех, кто ворует кур, трясутся руки.

Древние славяне почитали петуха птицей, посвященной богу Перуну. Его образ употреблялся в значении домашнего очага, огня. С петухом - вестником света - связывалась вера в способность пробуждать к жизни спящую природу, отпугивать нечистую силу, оберегать от мертвецов и болезней. Казаки помещали жестяные изображения петуха на крышах домов и дымовых трубах. В композициях свадебных рушников обязательно присутствует петух. Светлые и красные петухи ассоциировались с добрыми силами. Петух, как символ силы и достоинства, изображался на рушниках, которыми повязывали жениха, сватов и бояр. Вышивкой в темных тонах, олицетворявших подземное царство и смерть, орнаментовали погребальные полотенца.

Один из специфических зооморфных персонажей - конь - традиционный символ мужской верности. Чаще всего конь изображался в бытовых лирических сюжетах. (50,с.37) Растительные мотивы представлены в форме вазонов, букетов, цветочных венков и цветущих веток. На вышитых изделиях встречались также изображения виноградной лозы, калины, ягод, хмеля. Отбирая и совершенствуя лучшие образцы аутентичного и профессионального искусства, народные вышивальщицы создали традицию с ярко выраженной регионально-этнической спецификой.

Очаги гончарного искусства на Кубани до начала XX века локализовались в Анапе, Екатеринодаре, станицах Барсуковской, Ильской, Ивановской, Старощербиновской, Пашковской, Калниболотской. Изготовление кустарным способом глиняных горшков и детских игрушек на продажу превратилось в основное занятие части неказачьего сословия. Увеличение населения, рост городов создали экономические предпосылки для продвижения кустарных предметов на рынок. Основным видом сырья для производства гончарных изделий служила глина, которой на Кубани всегда было в достатке. Ее важнейшие свойства - пластичность и огнеупорность. Применялся такой способ формовки, как свободное вытягивание глиняной массы на гончарном станке. В декоре использовался узорный пояс, охватывающий горло, плечи и туловище сосуда в сочетании с цветной глазурью. Растительный орнамент стал применяться кубанскими мастерами уже в советские годы.

Повсеместное развитие на всей территории Кубанской области получило лозоплетение.⁽³⁴⁾ Из прутьев ивы и камыша плели разной формы корзины, циновки, из хвороста плетни, стены жилищных и хозяйственных построек.

На Кубани богаты лесами лишь предгорные районы. Здесь художественная обработка дерева была в прошлом достаточно развитым промыслом. Из дерева изготавливали бочки, корыта, орудия сельскохозяйственного труда, детские игрушки. В оформлении жилищ применялась ажурная резьба в виде растительного орнамента, иногда в сочетании с изображением бегущего коня. Один из любимых мотивов в декоре оконных наличников и наддверных козырьков - цветок с шестью лепестками. Устойчивым направлением в художественной обработке дерева была также геометрическая резьба, состоящая из комбинации кружков, треугольников и полосок. Ею украшали ткацкие станки, прялки, рубеля,

шкатулки, солонки, ковши. Внешнюю поверхность сундуков расписывали растительными узорами. В технике резьбы по дереву мастерски изготавливали церковные иконостасы, сплошь покрытые позолотой. Чертежи иконостаса для Воскресенского собора в Екатеринодаре утверждались Его Императорским величеством. Работа обошлась войсковой казне в 22078 рублей.(308,с.с.221-222) И.Д. Попко писал: «Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а создание художника..., резьба, живопись - все изящно».(194,с.43).

Ярким образцом изобразительного фольклорного наследия является народная картина «Казак – Мамай», на переднем плане которой изображена фигура казака с бандурой в руках, за его спиной – конь и развесистый дуб. Образ Мамаю, по мнению В.Н. Анисимовой, выражал стремление казачьей вольницы к свободе и желание иметь родную землю, в которую можно прорасти крепкими корнями.(4,с.89)

Украшением казачьих жилищ и ярмарочных балаганов до начала XX века служил живописный лубок. Изображения, выполненные в технике литографии, дополнялись коллажем и раскраской от руки. Типичный сюжет лубка - батальная сцена с портретом казака. Живописные вывески укоренились в культурном обиходе в середине XIX - начале XX в.в. Их размещали на фасадах трактиров, магазинов, мастерских. Живописная вывеска, как вид народного изобразительного искусства, выступала важным компонентом архитектурно-пространственной среды. (4, с.79)

В былые времена в черноморских станицах к Пасхе в большом количестве изготавливали яйца «писанки». В орнаментации их использовались восьмиугольные звезды с крестиками внутри, заключенные в ромбы. Украшали жилища роспись стен и печей, земляные полы, декорированные разноцветной глиной.

С приходом к власти большевиков мастера-живописцы переключились на оформительскую работу: изготовление плакатов, транспортов, макетов, стендов. После смерти В.И. Ленина в клубах появились ленинские уголки с портретами вождя и материалы о нем. Школой литературного и изобразительного творчества стали стенгазеты - активные агитаторы и пропагандисты советского строя.

Региональные традиции народной архитектуры (130, с.с.108-121) определялись местными природно-климатическими условиями. В степной зоне строительным материалом служили глина, солома, камыш, хворост, в предгорье - древесина и камень. Первыми постройками армейского назначения стали девять крепостей и двадцать фельдшанцев (редутов), протянувшихся на 540 верст по холмам Тамани, прибрежным кручам реки Кубани и степям Ставрополя. (236, с.с.89-145) Руководивший строительством А.В. Суворов, максимально учитывал рельеф местности, поэтому сооружения непохожи друг на друга. Местом расположения фортов были древние городища, курганы или возвышенные берега рек, откуда русла хорошо просматривались. Линия укреплений выполняла кордонную и коммуникационную роль.

Оборонительные сооружения состояли из треугольного или трапецевидного рва шириной и глубиной в полторы сажени и вала высотой в сажень. Если в окрестностях рос лес, то по дну устанавливали «полисад» – забор из вертикально стоящих бревен высотой до трех метров. В песчаной местности вал заключался в двойной плетень и укреплялся связками хвороста или дерна. По верху вала стояли туры – корзины с землей, служившие прикрытием для ружейных стрелков. По боковым сторонам бастионов и с лицевой стороны прорезались амбразуры для пушек. За валом снаружи делали три кольца «волчьих ям» шириной и глубиной до полутора метров, утыканных острыми кольями. Ямы маскировали камышом и

хворостом. За ними стояли рогатки, соединенные цепями. Каждая рогатка представляла собой деревянный брус с «веретеньями» (острыми краями). Вал прорезали оборонительные ворота из толстых досок с бойницами для стрелков. Вход прикрывали траверсом из двойного плетня с земляной засыпкой. Вплотную к фасу укрепления примыкала паланка – вспомогательное укрепление с казармами, землянками, конюшнями и другими хозяйственными постройками. Кроме крепостей в общую систему охранных пограничных укреплений входили пикеты – мелкие пункты наблюдения за неприятелем и батарейки, предназначенные для пушечной пальбы. Связь между разрозненными группами казаки поддерживали с помощью дозорных, стоящих на вышках и подававших звуковые или световые сигналы. До окончания Кавказской войны гражданские поселения также окружали крепостными валами с пушками и караулом, несшим службу круглосуточно. На ночь к воротам приставляли рогатки, а концы улиц баррикадировали возами.

На Тамани хаты строили из сухого дерна, нарезанного в форме кирпичей. По обеим сторонам реки Кубань распространение получили турлучные постройки. Внутри и снаружи стены обмазывали глиной и белили известью. Фундамента такие строения не имели. Саман (род сырцевого кирпича) стал использоваться лишь в начале XX века. Четырехскатные крыши покрывали соломой или камышом. Конек украшал гребень, а ребра кровли - ступенчатые гребешки.(130, с.с.108-109) «Если это жилище пана, в нем будет окон очень много, вдвое больше против того, сколько нужно; если урядника, то при нем будут присенки, крылечко на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет

надет деревянный островерхий колпак с петушком вместо кисточки, поворачивающимся по ветру». (194,с.38)

В предгорных районах ставили деревянные срубы. Для большей устойчивости под углы подкладывали каменные опоры, пространство между ними заполняли булыжником и глиной. Кровлю устилали дранкой (щепой) или соломой, полы – досками. Декором служили узорчатые карнизы, крыльца, наличники и ставни. Центром интерьера жилища казака был красный угол, куда сажали почетных гостей и где проходили самые значимые события – свадьбы, крестины, похороны.

В годы революции и гражданской войны ремесленное производство резко сократилось. Многие кустари разъехались в поисках применения своего труда или прекратили работу. Программой в отношении кустарной промышленности стал кооперативный план В.И.Ленина, предусматривавший объединение мелких товаропроизводителей. В документе, принятом в 1919 году на VIII съезде партии, говорилось о необходимости включения их в общий план снабжения сырьем и топливом, оказание финансовой поддержки, поощрение кустарных объединений путем предоставления экономических преимуществ, создание безболезненного перехода отсталых форм производства к более высокой крупной механизированной индустрии.

В том же году ВЦИК и СНК приняли постановление «О мерах содействия кустарной промышленности», (123,с.с.50-51) разрешавшее свободную торговлю предметами гончарного, ювелирного, вышивального, иконописного, живописного и игрушечного производства. Местным органам власти вменялось в обязанность оказание помощи в создании артелей и производственных объединений. В постановлении подчеркивалось, что мелкие ремесленные предприятия не подлежат национализации, муниципализации и конфискации.

В 1937 году в Краснодаре была создана артель инвалидов, впоследствии ставшая фабрикой художественных изделий. В том же году закончилось строительство гончарного завода в станице Пашковской. В предгорьях Кавказского хребта, богатых залежами разнообразного по расцветке мягкого камня, в поселке Каменноостском Тульском района и в станице Отрадной открылись предприятия по художественной обработке гипсового камня. При изготовлении игрушек мастера все более стремились к превращению ее в малую скульптуру. В игрушечном промысле появились многофигурные композиции, иллюстрирующие произведения русской классики. Откликом на широкие социально-политические преобразования стало введение советской символики – пятиконечной звезды, серпа и молота. Во всех техниках и видах декоративно-прикладного искусства создавались портреты вождей. Широко бытовала вышивка гладью, по живописному эффекту максимально приближающаяся к станковой живописи. Главными темами на выставках самодеятельных мастеров были счастливая жизнь при социализме, образы передовиков производства, успехи в народном хозяйстве. Стимулом в развитии промыслов служил все возрастающий спрос на промышленные изделия.

Эпоха культа личности Сталина отразилась в декоративно-прикладном искусстве как отрицание фольклорных традиций. Конструктивность противопоставлялась орнаментальному богатству народного творчества. Мастера вынуждены были заботиться не столько о качестве, сколько о количестве изготавливаемых изделий. Историко-культурная среда традиционных очагов народного творчества в эпоху тоталитаризма планомерно разрушалась.

В 1960 году на страницах журнала «Декоративное искусство СССР» № 3 прошла дискуссия о состоянии и перспективах развития творчества народных мастеров. В ней были поставлены вопросы отношения народного

искусства и примитива, влияния архаических истоков на современное творчество. (177,с.с.24-27) Ученые отмечали, что если раньше в декоративно - прикладном искусстве утилитарные начала преобладали, то к середине XX столетия возросло эстетическое значение художественных изделий. Они уже рассматривались не только как предметы повседневного быта, а как роскошь, украшение.

Последующие годы ознаменовались массовой духовной переориентацией советского общества в сторону личных потребностей. Почитатели традиционной культуры направили свои духовные устремления на коллекционирование икон, прялок, самоваров, керамики, изделий из дерева, вышивки, чеканки. Получила популярность флористика - декоративные украшения из засушенных растений, корней, веток. Вошли в моду изделия, связанные на спицах и крючком, макраме, конструирование одежды. Интерьеры квартир украсили декоративные панно. Издавалось много специальной литературы. Любители, объединяясь в кружки, совместными усилиями осваивали технологические приемы. Вместе с тем, неорганизованных, работавших самостоятельно любителей, было гораздо больше, чем организованных. Стихийный рынок позволял частично развивать народные ремесла.

Усиление коммерциализации в конце 80-х начале 90-х годов способствовало расширению сферы деятельности любителей. Востребованными стали изделия из кожи, дерева, пряжи, изготовленные народными мастерами вручную. В глиняной и деревянной скульптуре начался процесс перехода от сюжетных композиций к традиционной манере.

Сферой проявления творческого потенциала сегодня стала молодежная субкультура. В молодежной моде актуальны пирсинг, украшения одежды и обуви металлическими деталями в виде бляшек, значков, шипов, булавок.

Ношение «фенек», изготовленных собственными руками, - таково явление современности.

Эпоха демократизации в российском обществе ознаменовалась широким распространением в молодежной среде татуировок, бывших ранее традиционной принадлежностью, преимущественно, особых социальных групп - заключенных и военнослужащих. В настоящее время татуаж является способом моделирования личного стиля людей творческих профессий, учащихся, студентов. На смену наколкам времен культа личности с портретами вождей пришли рок- и поп-кумиры. «Нательная живопись» представлена нагромождением эпох и стилей - изображениями драконов, иероглифов, домашних животных, скифскими узорами, биомеханикой, геометрическим рисунком папуасов, объединенными в сложные композиции.

При изучении декоративно-прикладного творчества возникает вопрос о воздействии на мастера требований потребителя. Деятельность народных мастеров связана с рынком сбыта, а, стало быть, с запросами и вкусами покупателя, которые необходимо удовлетворять. С другой стороны, народный мастер творит, исходя из тех эстетических представлений, которые он приобрел в процессе овладения мастерством. В результате взаимодействия происходит корректировка творческих устремлений мастера и вкусов потребителя. К сожалению, многое из художественного наследия при этом теряется.

В настоящее время после десятилетнего спада в экономике художественные промыслы Кубани постепенно возрождаются. На Краснодарской фабрике художественных изделий, являющейся членом ассоциации «Народные промыслы России», выполняются заказы на изготовление флагов, вымпелов, праздничных лент. Государственные символы - один из самых ходовых артикулов. Здесь же изготавливают

ковры ручной работы. Есть цех по росписи тканей. Вышивальщицы, продолжающие традиции древнего ремесла, учатся у старых мастеров и в средних профессионально-технических училищах. Налажено производство сувениров из коровьего рога - сосуды для вина, солонки, ложки для обуви. Представлена и казачья тематика - фигурка казака с трубкой.

Опытное лесное хозяйство в станице Елизаветинской с 1989 года наладило выпуск изделий из лозы - корзины, хлебницы, вазы, садовую мебель. Большинство из них экспортируются. Технологический процесс модернизирован.

Гончарное искусство развивают мастера Краснодарского фарфорофаянсового завода «Чайка», созданного в 1960 году. Ассортимент продукции достиг 250 видов и обновляется за год на 60%. Изделия отличаются оригинальностью, привлекательны по форме, рисунку и набору предметов. Выпускаются декоративная скульптура, игрушки, вазы, посуда. Узнается в них и кубанская тема. Изготовление художественной керамики стало делом профессиональных мастеров, прошедших специальную подготовку. Программа обучения не всегда учитывает локальные особенности, что, в конечном итоге, приводит к утрате специфики самобытности искусства.

Проблема сохранения и развития народных промыслов в условиях свободного рынка приобретает особую актуальность. Решение ее нельзя сводить только художественному производству. Аутентичная культура жива благодаря передаваемой традиции. Поэтому следует всячески поддерживать мастеров-одиночек, работающих в традиционной манере. Необходима государственная забота о народном достоянии.

ВЫВОДЫ

Традиционное внеобрядовое искусство как полиэлементный комплекс восходит к общему корню – синкретической культуре первобытного общества и несет на себе печать мышления, общего круга тем и художественных образов. Эволюция традиционного аутентичного фольклора привела к расчленению некогда целостной системы на празднично-обрядовую культуру и внеобрядовый фольклор. Функционируя в одной среде, эти две области народного творчества тесно смыкались и постоянно взаимодействовали друг с другом. Живая связь между ними сохранялась вплоть до начала XX века.

Внеобрядовые фольклорные жанры возникли в результате комбинации элементов общей системы. Простейшие соединения, например, включали наигрыш и движение, пение и наигрыш, слово и музыку. Более сложные структуры имеют три компонента и более, в том числе, музыкальные инструменты, костюмы, реквизит, грим. Соотношение элементов различно и варьируется в зависимости от специфики жанра, возможностей и интересов исполнителей, времени и места действия. Одни компоненты доминируют, другие выступают как второстепенные или равнозначные. Характер их взаимодействия определяется лидером: ведущим игры, запевалой в хоре, сказочником и т.д. С течением времени функционирование культурных форм изменяется, что ведет к переходу их в новое состояние.

В системе внеобрядового фольклора мы выделили следующие культурные формы: песня, инструментальная музыка, бытовая хореография, народный театр, художественная проза, малые фольклорные жанры, игры, декоративно-прикладное и изобразительное творчество. Синтетические исполнительские жанры объединяют слово с музыкальным напевом и драматическим действием:

- игровые песни (игра, пение);
- хороводы (пение, танец, игра);

- лироэпические произведения (повествование, лирика);
- песни с приговорами (пение, приговор);
- песни с подтанцовкой, частушки (пение, пляска);
- танец (движение, инструментальный наигрыш);
- драматическое представление (слово, движение).

Большим разнообразием жанров отличается кубанское народно-песенное творчество. В зависимости от темпа мелодии песни подразделяются на протяжные, быстрые и умеренные. По содержанию и характеру исполнения их можно классифицировать как исторические и походные песни, баллады, лирику, припевки, песни литературного происхождения, шуточного и сатирического характера. По составу исполнителей: сольные; парные (диалогические); ансамблевые и хоровые (смешанный и однородный состав). По сферам бытования: «бэсидные» (посиделочные); трудовые; семейные; уличные. По возрасту исполнителей: детские, молодежные, песни людей зрелого и пожилого возраста. По полу: мужские и женские. Песни различных социальных групп: казачьи, солдатские, чумацкие, разбойничьи, тюремные.

Наиболее плодотворным периодом в развитии историко-песенного эпоса следует считать первые сто лет с начала колонизации края. Базисная система идей достигла кульминационного развития в годы Кавказской и русско-турецкой войн. (1877-1878 годов) В песенном творчестве это проявилось в широте и содержательности тем, сюжетов. Фольклорный репертуар не ограничивался лишь произведениями, имеющими собственно аутентичный источник. Использовались и образцы профессионального искусства. Пройдя обработку в коллективном творчестве, они проявились в виде вариантов исходных произведений и начинали активно жить в народе. Интегрирующим механизмом созидания выступала конфессиональная и

культурная общность восточнославянских народов. Созидательная энергия обеспечила стремительный подъем и размах песенного творчества.

К концу XIX века возможности исторического жанра исчерпались, начался постепенный спад. В критическую фазу он вступил в первые годы советской власти. Вялый интерес к исторической песне проявился в 30-40-х годах XX века, но затем угас по причине жесткого идеологического давления.

Траекторию развития народной лирики на протяжении двух столетий можно охарактеризовать как постепенно угасающую. Востребованность лирических песен наблюдалась во всей полноте до тех пор, пока не набрали силу институциональные формы. Исчерпал свои возможности детский песенный фольклор.

Инструментальная традиция представлена творчеством исполнителей на духовых, струнных, клавишных и ударных инструментах. Музицирование и народные пляски постепенно исчезают из сферы досуга сельских жителей, но продолжают свое существование на сцене в выступлениях самодеятельных и профессиональных мастеров.

Фольклорный театр XIX века обладал несомненной эстетической ценностью и был прочно укоренен в народный быт, обеспечивая неоспоримое удовлетворение вкусов зрителей и «артистов». Опорой становления фольклоризма, основанного на традициях народного лицедейства, стали ярмарки и праздничные увеселения. Образовавшийся синтез искусства и развлечений положил начало индустрии досуга. По численности зрителей балаганные представления превосходили аудиторию календарных и семейно-бытовых праздников и обрядов. Сценические формы народного искусства способствовали зарождению эпохи массовой культуры.

В годы советской власти целенаправленное внедрение в народное творчество академического искусства, поощрение сценического исполнительства, политические катаклизмы (революция, гражданская война) подорвали корни народного лицедейства. Периодом непродолжительного оживления стали предвоенные и послевоенные годы, когда театр Петрушки доминировал на школьной сцене, затем, исчерпав себя, постепенно исчез. Процесс увядания фольклорно-драматических жанров связан с переориентацией любителей на другие сферы деятельности и ослаблением интереса к фольклорным жанрам. Появились и действуют театры-моды, театры-клубы, театры-трибуны, театры-лаборатории, театры пластики и пантомимы.

В формировании казачьей субкультуры консолидирующим фактором выступали игры, объединявшие участников в игровые команды. Для поощрения духа состязательности использовались моральные и материальные стимулы. Пробуждая жизненные силы, игры позволяли утверждать и повышать свой статус.

На протяжении всего XIX века генетическая связь с первобытным синкретическим искусством сохранилась в народной архитектуре, в предметах религиозного культа и быта. С развитием ремесленного производства в народное творчество стали внедряться декоративные элементы академического искусства. В оформлении росписей по дереву, вышивке, в изделиях художественнойковки появились классические вазоны, гирлянды. Тиражирование бытовых предметов промышленным способом ускорили процесс угасания традиционных ремесел. Начавшееся в годы «перестройки» практическое освоение народного декоративно-прикладного искусства к настоящему времени приобрело качественно новое состояние. Заметно стремление исполнителей к точной передаче локальных особенностей, что дает надежду на частичное восстановление

традиций народных ремесел в местах их естественного бытования. Новые социальные технологии воспроизведения, переосмысления и передачи фольклорного текста заметны как в среде мастеров промышленного производства, так и индивидуального авторского творчества.

История внеобрядового восточнославянского фольклора Кубани неповторима и определяется, с одной стороны, ее самобытным развитием, с другой, взаимодействием с культурами других этносов и пластов художественной культуры. Реальному культурно-историческому процессу соответствует стадияльная схема, выраженная в последовательной смене культурных форм, устойчивость и приспособляемость которых на разных этапах различна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительное расширение территории Российского государства в конце XVIII века, постоянная военная угроза и необходимость в охране окраинных рубежей стали определяющими факторами в формировании нового субэтноса – черноморского и линейного казачества, впоследствии названного кубанским. Возникшая на основе восточнославянских традиций новая субкультура представляла особую форму жизни людей, стремящихся создать автономное культурное существование со своими обычаями, нормами, ценностями.

Архаический слой духовной культуры казачества составлял празднично-обрядовый комплекс, включавший календарный, производственный, семейно-бытовой, внеобрядовый фольклор и

заговорную культуру. Другой пласт образовали православные ценности и идеалы.

Тип личности казака был порожден системой государственности, ориентированной на объединение людей в сильные государственные структуры. Базовым типом стал пассионарий, окруженный особой аурой и престижем. Пассионарий лучше всего находил себя в военной сфере. Ментальность соотносилась с идеей судьбы и несла на себе печать предопределения.

В культурном архетипе казачества установки на поддержание высокой боевой готовности и патриотизм были доминирующими. Борьба с врагами и неблагоприятными природными условиями требовала активизации коллективных усилий, что способствовало выработке устойчивого понятия «всем миром», «гуртом». В процессе этносоциализации осваивалась и другая базовая установка – «быть как все», тесно связанная с ориентацией на единство человека и социума при сохранении взаимной самостоятельности и самооценности. Она получила название соборности. Символически соборность выражалась в почитании атрибутов державной власти. На смену казачьей вольницы пришел культ государственного порядка. Государь и военачальник отождествлялись с отцом, батюшкой. Такое восприятие складывалось на основе патриархальной идеи, подразумевающей верховенство мужчины, старших над младшими. Идеалом считалась власть авторитетная, праведная. В обыденном сознании преобладали такие ценности, как гостеприимство, терпимость, согласие, готовность к защите коллективных интересов. Смысл земного существования заключался в стремлении к благочестию. Сельская казачья община жестко регламентировала коллективную жизнедеятельность.

Становление и развитие традиционной культуры славянского населения Кубани носило поэтапный характер. На начальных этапах аутентичный

фольклор был эффективным средством социальной организации и порядка, универсальным способом выживания этнокультурной общности. Носителями традиций выступали художественно одаренные члены казачьих общин. На протяжении более чем столетнего существования казачий фольклор имел конкретную историческую окраску и оставался достаточно устойчивой мировоззренческой и культурной системой.

К началу исследуемого периода аутентичный фольклор уже не имел той монолитности, которая была присуща нормативно-ценностной системе бесписьменного общества. Его содержание воплощалось в текстах различной знаковой природы и характеризовалось, с одной стороны, стабильностью, стереотипностью, а с другой, - динамичностью и вариативностью. В одних произведениях народного творчества велика была роль канона, в других - импровизации, что определялось спецификой жанра и индивидуальными особенностями исполнителей.

Со временем локальные духовные ценности казачьего населения стали выходить за рамки замкнутой культурной среды. Культурный потенциал многообразных форм народного творчества позволял обеспечивать взаимодействие с другими типами локальных культур. Главным направлением в этом процессе стал активный этнокультурный синтез. Традиционные стереотипы мышления и поведения, возникшие в недрах инокультур, переосмысливались, перерабатывались и заимствовались. Таким образом, происходил процесс взаимообогащения культур.

В пореформенный период увеличение численности городского населения и невойскового сословия обусловило формирование новой тенденции в народном творчестве. Появились песни литературного происхождения, народно-бытовые пляски, вобравшие в себя элементы светских и городских танцев. Фольклоризация литературных источников, переработка, обновление и упрощение произведений профессионального

искусства привели к формированию вторичных форм народного творчества – фольклоризму. Социокультурная антиномия вела к изменению культурных приоритетов. Но если поначалу центростремительные силы, поддерживающие культурноэтническое своеобразие, и силы центробежные, ориентированные на размывание региональной специфики, находились в состоянии неустойчивого равновесия, то со временем аутентичный фольклор стал уступать свое место любительству и профессиональному исполнительству. Из народного быта один за другим исчезали отдельные виды народной прозы, фольклорного театра, традиционных ремесел. Слой аутентичного фольклора неуклонно сокращался, однако обрядово-мифологический контекст и внеобрядовые жанры еще сохраняли между собой тесную связь.

Эти процессы усугубили революция и гражданская война. Ленинское понимание народной культуры как пережитка прошлого на многие десятилетия определило политику советского государства в сфере идеологии и культуры. Использовались все средства борьбы с казачеством: изгнание за пределы исторической родины, ссылки, физическое уничтожение. Невиданные по масштабам репрессии проходили в условиях бесконтрольности и безгласности. Непримируемой была борьба с религиозным «дурманом». Идеино-политический плюрализм в культуре и искусстве безжалостно пресекался. Политическая цензура, агитпроп, политпросвет обеспечивали политический монополизм в культуре. Возобладала установка на «пролетарский интернационализм», политический оттенок приобрело понятие «народность». Началась целенаправленная фальсификация народного творчества. Бюрократизация культуры и карательные меры в отношении тех, кто не поддерживал линию партии, вели к унификации и шаблонизации традиционного фольклора. Вторичные формы заняли значительную часть культурного пространства,

получив развитие на сцене и в быту. Однако, несмотря на усилия идеологического аппарата, отдельные жанры аутентичного фольклора продолжали сохраняться.

Развенчание культа личности Сталина и хрущевская «оттепель» способствовали ослаблению идеологического давления. В организованных формах самодеятельности интерес к академическому искусству стал угасать, все активнее осваивался аутентичный фольклор. Финансовая поддержка государства создавала благоприятные условия по введению фольклорных текстов в социокультурное обращение. В средних специальных учебных заведениях и вузе культуры были открыты специализации по подготовке руководителей самодеятельности для клубных учреждений. После двадцатилетнего перерыва вновь стал выступать Государственный Кубанский казачий хор.

Наступление в 60-70-х годах XX века нового этапа в способах передачи культурной информации ознаменовалось появлением принципиально новых по сравнению с письменностью аудиовизуальных средств и технологий. Культурное пространство осваивали туристические, уличные, дворовые, солдатские и другие неформалы. Одни из них создавали в одиночку, другие объединялись в группы (клубы по интересам, экспериментальные театры). Свои представления о месте человека в мире и других проблемах, волнующих современного человека, любители воплощали в фольклорных текстах разной знаковой природы. Формы выражения включали инициационные обряды и специфические атрибуты: украшения, одежду, прически. Стремясь к самоиндефикации и культурной изоляции, любители нередко использовали сленг, понятный узкому кругу лиц. По сравнению с традиционным фольклором жанровый состав неорганизованной любительской самодеятельности постоянно обновлялся.

Молодежную субкультуру последних десятилетий XX века называют культурой протеста против бесчеловечности индустриального общества. Свои пристрастия к нетрадиционным формам духовной жизни молодежь объясняет стремлением к разрушению рационалистической культуры современного мира. Субкультуру молодежи следует рассматривать как альтернативную общепринятой форму социокультурной активности, дающую возможность сформировать устойчивую идентичность членов сообщества и, одновременно, изолировать себя от остальной культуры.

Возникновение новых субкультур в современном постсоветском пространстве связано с резкими изменениями в образе и уровне жизни россиян. Субкультурные группы стремятся выработать свои культурные ценности и идеалы, непохожие на те, что доминировали в предшествующей истории. Культура протеста есть выражение механизма культурной эволюции.

В нынешнем российском обществе непрофессиональная, художественная практика продолжает существовать параллельно с профессиональным искусством и массовой культурой, занимая свою нишу в духовной культуре. На смену классическому фольклору прошлого пришли новые формы, в которых картина мира строится на иных представлениях. Неофольклор служит не столько нормированию жизни, сколько внешнему декорированию бытия. Этнокультурная специфика все более нивелируется.

Преодоление идеологических ограничений стимулирует интерес определенной части населения к культурным истокам. Фольклорная традиция удерживается в силу возрождающегося самосознания. Вместе с тем, необходим пересмотр культурной политики в отношении аутентичного фольклора, так как уходят из жизни носители культурных традиций, усвоивших их в то время, когда народный быт еще не знал идеологического

насилия, ломки хозяйственного уклада, новых информационных технологий.

Несмотря на скудную финансовую поддержку государства, система досуговых учреждений сохранилась и продолжает действовать и сегодня. Государственные ресурсы дополняются поступлениями от продажи предметов народных ремесел, гастроли, культурное обслуживание туристов. Создаются центры национальных культур. Важной по значимости социальной формой участия масс в культурной жизни региона становятся праздники, которые после снятия идеологических запретов, все более приобретают фольклорный оттенок. Стимулирующую роль играют всероссийские, региональные и межрегиональные фестивали, конкурсы и смотры. Сценические формы празднично-обрядовой культуры превратились в самостоятельное направление народного творчества.

Исследование показало, что духовная жизнь славян Кубани в пределах каждого этапа развивалась в режиме колебаний. К неустойчивости системы приводили изменения как внутри, так и извне, после чего она переходила в новое состояние.

Сформировавшаяся в начале 90-х годов XX века идея регионализма, направлена на разрешение противоречия между общественной потребностью в сильной государственности и стремлением к расширению самостоятельности субъектов Федерации. Назначение современной культурной политики сводится к сохранению самобытной культуры регионов. Эта мысль неоднократно подчеркивалась ведущими отечественными культурологами.

Обращение к вопросам художественной культуры края позволяет решать задачи восприятия учащимися средних и высших учебных заведений многогранных понятий «культура», «традиция», «преемственность», «стиль и художественные течения» и т.п. В рамках предмета «Мировая

художественная культура» изучается история культуры региона. С начала 90-х годов в высших и средних специальных учебных заведениях культуры и искусства развернулась подготовка специалистов по традиционному фольклору, работе с фольклорной самодеятельностью и мастерами профессионального искусства, ориентированными на фольклор.

В меняющейся социокультурной ситуации все большую силу набирает стихия творческого коллективного самовыражения. В организации досуговых программ акцент делается на импровизацию, использование ярких зрелищно-игровых форм. Осмысливая и включая новые идеи и технологии и продукты творчества, современные мастера самодеятельной и профессиональной сцены, обогащают культурную жизнь региона.

В нынешних условиях институциональные формы, пропагандирующие фольклор, по-прежнему востребованны и все более приобретают черты шоу-бизнеса. Коммерческая составляющая концертирующих коллективов выходит на первый план по сравнению с социально-педагогическими и просветительскими функциями. Получает развитие частная инициатива, направленная на поддержание народного творчества. Увлечение фольклором приобретает личностный смысл, становится способом свободного самовыражения. Художественная практика в быту расширяется за счет образования новых фольклорных явлений.

Региональной политикой в отношении фольклора и фольклоризма должно стать создание оптимальных условий для поддержания режима, способствующего их свободному саморазвитию. Вмешательство государства в сферу культуры необходимо лишь для того, чтобы скорректировать распределение общественных благ путем обеспечения их доступности. В число этих благ входят коллективы художественной самодеятельности, имеющие значение в обеспечении качества жизни, прежде всего, малообеспеченных слоев населения. Поддержка

некоммерческого сектора необходима там, где народное творчество не получает адекватной рыночной оценки, где ориентация на извлечение прибыли наносит ущерб качеству культурных услуг.

До прихода к власти партии большевиков Русская Православная Церковь выполняло важную роль в формировании общественного сознания, поддерживая позитивные и осуждая негативные социальные установки. Религиозные ценности, в основе которых лежали такие универсальные понятия как любовь, справедливость, мир, выполняли функцию объединяющей силы российского общества. Окружая ореолом святости традиционные жизненные устои, православие наделяло их высоким смыслом. Религиозные заповеди имели значение абсолютных, непререкаемых истин и позволяли обществу сохранять целостность. Вера в Бога, сочетаясь с архаическими верованиями, способствовала социальной стабильности.

Провозглашенная большевиками программа секуляризации, подразумевала строительство общества без религии и воспитание нового человека, свободного от религиозных символов. Насильно отделенная от повседневного быта, вера в Бога стала личным делом каждого. Секуляризация, как процесс сокращения массовой вовлеченности в религиозную жизнь, способствовала росту бездуховности. В результате образования религиозного вакуума возникли альтернативы в виде сектанства и чуждых русскому духу верований.

Коммунистическая идея о безбожном рае на земле не выдержала проверки временем. На смену воинствующему атеизму пришла воинствующая пошлость, извращено понятие подвига, активно насаждается культ насилия и, как следствие, - подростковая преступность, проституция, бродяжничество, антирасистские выступления.

В постсоветский период наметился поворот к православной вере. Это связано с поисками устойчивости общества под натиском социальных проблем, повлекших за собой разрушение института семьи, демографический спад, рост преступности и наркомании. Возрождаются монастыри, строятся новые храмы и реконструируются старые. Все это говорит об усилении интереса в религиозной жизни. Доминирующей перспективой на ближайшее время должен стать поиск взаимодействия между религией и обществом.

На протяжении столетий Русская Православная Церковь воспитывала в людях такие добродетели, как честность, самоотверженность, служение Родине и народу. Церковь благославляла союз мужчины и женщины, прославляла Таинство рождения ребенка, напутствовала своих чад в загробную жизнь. Первоначальным шагом в духовном воспитании подрастающего поколения должно стать знакомство с историко-культурологическими аспектами религии. Введение в государственные школьные программы факультативных предметов «Мировые религии» и «Народной культуры» позволит во многом решить задачу духовно-нравственного просвещения детей, привить чувство гордости за свое Отечество. Без положительных нравственных идеалов нация не способна ощутить ни целей, ни ценностей исторического бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Фонды партийных комитетов и комиссий. Справочник. Вып.1. – Краснодар, 1996. - С.129-139.

2. Аксаков, А.С. Эстетика и литературная критика /А.С. Аксаков – М., 1995. – 526с.
3. Хомяков, А.С. Соч. в 2-х т. / А.С. Хомяков – М., 1994. Т.1.- 590с.; - М., 1994. Т.2. – 478с.
4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа /Н.Я. Данилевский – СПб, 1995. – 552с.
5. Флоренский, П.А. У водораздела мысли /П.А. Флоренский – М.,1990. – 446с.
6. Струве, П.Б. Patriotika: Политика, культура, религия, социализм /П.Б. Струве. – М.: Республика, 1997. – 527с.
7. Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал. Соч. в 2-х т.: Т.1. / В.С. Соловьев – М., 1988. – 896с.
8. Лосев, А.Ф. Проблема символа в связи с близкими к нему литературоведческими категориями /А.Ф. Лосев //Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1970.Т.XXIX. Вып.5. – С.379-412.; Лосев, А.Ф. Миф – Число – Сущность /А.Ф. Лосев – М.: Мысль, 1994. – 919с.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества /М.М. Бахтин. – М., 1979. – 432с.
- 10.Элиаде, М. Избранные сочинения. Священное и мирское /М. Элиаде – М.,1994. – 142с.
11. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс – М., 2001. – 512с.
12. Малиновский, Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры / Б. Малиновский – СПб, 1997. Т.1. – С.681-702.
13. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские /Г. Спенсер – Минск, 1998. – 1408с.

14. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории /О. Шпенглер – М., 1998. Т.1. – 667с.
15. Тайлор, Э. Первобытная культура /Э. Тайлор. – М., 1939. – 567с.
16. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Солрокин – М., 1992. – 369с.
17. Белинский, В.Г. Полн. Собр. соч. в 13-ти томах /В.Г. Белинский – М., 1954. Т.5. – 863с.
18. Чернышевский, Н.К. Полн. Собр. соч. в 15-ти томах /Н.К. Чернышевский – М., 1949. – 496с.
19. Добролюбов, Н.А. Собр. соч. в 3-х томах / Н.А. Добролюбов – М., 1986. Т.1. – С.63-77.
20. Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство / Ф.И. Буслаев – СПб, 2001. – 351с.; Буслаев, Ф.И. Русские духовные стихи // Народная поэзия. Исторические очерки /Ф.И. Буслаев – СПб, 1887. – С.435-501.
21. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу /А.Н. Афанасьев. – М.,1865-1868. Т.1. – 865с.; Т.2. – 787с.
22. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты /А.А. Потебня //Слово и миф – М., 1989. – С.243-263.
23. Веселовский, А.Н. Сравнительная мифология и ее метод /А.Н. Веселовский // Вестник Европы – 1873. №10. – С.647-659.
24. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие естественной смертью и русалки / Д.К. Зеленин. М.,1995. – 430с.
25. Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы //Ю.М. Лотман //Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн,1992. – С.90-101.; Лотман, Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе

- культуры /Ю.М. Лотман //Статьи по семиотике и типологии культуры.
– Таллинн, 1992. – С.76-89.
26. Артановский, С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций /С.Н. Артановский - СПб, 1994. - 181с.
27. Иконникова, С.Н. История культурологии: идеи и судьбы /С.Н. Иконникова – СПб, 1996. – 134с.
28. Каган, М.С. Философия культуры /М.С. Каган – СПб, 1996. – 416с.
29. Коган, Л.Н. Теория культуры /Л.Н. Коган – Екатеринбург, 1994. – 283с.
30. Соколов, Э.В. Культурология /Э.В. Соколов – М., 1994. – 207с.
31. Иконникова, С. Н. Структура исторической культурологии /С.Н. Иконникова // Культура на пороге III тысячелетия: материалы IV международного семинара в Санкт-Петербурге 3 июня 1997 года – СПб, 1998. – С.7-13.
32. Соколов, Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора /Ю.М. Соколов //Художественный фольклор. – М., 1926. С.21-28.
33. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки /В.Я. Пропп – М., СПб, 1995. – 174с.; Пропп, В.Я. Фольклор и действительность /В.Я. Пропп – М.,1976. – 325с.
34. Лихачев, Д.С. Поэтика русской литературы /Д.С. Лихачев – Л., 1967. – 414с.; Лихачев, Д.С. Смех в древней Руси /Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырков. – Л., 1984. – 295с.
35. Давлетов, К.С. Фольклор как вид искусства /К.С. Давлетов. – М., 1966. - 365с.
36. Гусев, В.Е. Виды современного фольклора славянских народов /В.Е. Гусев //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.:Наука, 1968. – С.293-317.; Гусев, В.Е. О полифункциональности фольклора /В.Е. Гусев //Актуальные проблемы современной

- фольклористики. – Л., 1980. – С.180-183.; Гусев, В.Е. Проблемы теории фольклора /В.Е. Гусев – М., 1967. – 294с.; Гусев, В.Е. Эстетика фольклора /В.Е. Гусев – Л., 1967. – 319с.; Гусев, В.Е. Комплексное изучение фольклора /В.Е. Гусев // Фольклор в современном мире. – М.: Наука, 1991. – С.7-13.
37. Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства /П.Г. Богатырев – М., 1971. – 487с.
38. Земцовский, И.И. Народная музыка и современность /И.И. Земцовский //Современность и фольклор. – Л., 1977. – С.28-75.; Земцовский, И.И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности / И.И. Земцовский //Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С.147-154.; Земцовский, И.И. Песня как исторический феномен / И.И. Земцовский //Народная песня. Проблемы изучения. Сб. научн. тр. Ред. В.Е. Гусев, сост.-ред. И.И, Земцовский. Вып.6. – Л., 1983. – С.31-42.
39. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни /Ю.Г. Круглов – М., 1982. – 272с.
40. Морозов, И.А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе /И.А. Морозов //Традиционная культура. – 2001. - №1. – С.20-28.; Морозов, И.А. Женильба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» («женильбы») /И.А. Морозов – М., 1998. – 352с.
41. Фольклорный театр. /Сост., вступ. ст., предисл. к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой и Н.М. Савушкиной. – М.: Современник, 1988. – 475с.
42. Чистов, К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX веков /К.В. Чистов – М., 1967. – 429с.; Чистов, К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) /К.В.

- Чистов //Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С.36-59.; Чистов, К.В. Традиция и вариативность /К.В. Чистов //Советская этнография. – 1983. - №2. - С.14-21.
43. Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска Репринт. изд. / Ф.А. Щербина – Екатеринодар, 1910. – Т.1. – 736с.; 1913. – Т.2. – 880с.
44. Бондарь, Н.И. Традиционная культура кубанского казачества /Н.И. Бондарь – Краснодар, 1999.- С.11-17.
45. Попко, И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту /И.Д. Попко – Краснодар, 1997. – 189с.
46. Васильков, В.В. Народные обычаи казаков станицы Бекешевской Баталпашинского отдела Кубанской области /В.В. Васильков //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.36. - Тифлис, 1906. Вып. 36. – С.80-148.; Василькова, М. Песни, записанные в станице ладожской /М. Василькова //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.29. – Тифлис, 1901. Отд.3. – С. 87-108.; Живило, К. Некоторые приемы ухода за роженицами и новорожденными в некоторых станицах Кубанской области /К. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. – Тифлис. 1893. – С.16-38.; Живило, К. Нексколько казацких песен и поверий в станице Расшеватской Кавказского уезда Кубанской области /К. Живило //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 3. – Тифлис, 1883. – С.91-100.; Кириллов, П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание /П.О. Кириллов //Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1903. Т. 9. – С.123-133.; Кириллов, П.О. Черноморская свадьба: этнографический очерк /П.О. Кириллов //Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891. Т.2. – С.472-488.; Короленко, П.П. Черноморские свадьбы (из нашей старины) /П.П. Короленко //Кубанские областные ведомости – 1895. - №77.; Стефанов, Т, Город

- Ейск: старистико-этнографическое описание /Т. Стефанов //Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. Т.1. – С. 327-341.; Шахов, Д. Воронежская станица: старистико-этнографическое описание /Д. Шахов //Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. Т.1. – С.643-689.
47. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е. Передельский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 3. - Тифлис, 1883. - С.31-90.
48. Фольклорный театр / Сост., вступ. ст, предисл. к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой и Н.М. Савушкиной. – М.: Современник, 1988. – См. Золотаренко.; Розенберг, Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. Христославельщики и их представление /Л. К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1902.- №5.
49. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М.,1967. – 356с.
50. Еременко, С.И. Хоровое искусство Кубани / С.И. Еременко – Краснодар, 1977. – 143 с.
51. Комиссинский, В.Г. Встречи с песней (о песенном фольклоре Кубани) /В.Г. Комиссинский //Музыкальная жизнь. – 1975. - №17. – С.7-8.
52. Петрусенко, И.А. Кубань в песне. Страницы музыкальной летописи трех веков /И.А. Петрусенко – Краснодар, 1999. – 336с.
53. Соєпов, А.А. О песенном фольклоре Кубани //А.А. Слепов – Краснодар, 2000. – 195с.
54. Плясовые припевки Кубани / Сост. И.Н. Бойко. – Краснодар, 1993. – 288с.
55. Нагайцева, Л.Г. Композиция танца /Л.Г. Нагайцева – Северская, 1991. – 81с.; Нагайцева, Л.Г. Кубанский народный танец /Л.Г. Нагайцева – Краснодар, 2001. – 171с.

56. Бондарь, Н.И. Календарные обряды кубанских казаков /Н.И. Бондарь – Краснодар, 2003. – 263с.; Бондарь, Н.И. Традиционная культура кубанского казачества /Н.И. Бондарь – Краснодар, 1999. – 148с.; Традиционная культура и дети: Вып.1. – Краснодар, 1994. – 272с.
57. Очерки традиционной культуры казачеств России. – Москва-Краснодар, 2002.- Т.1.- 589с.
58. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1995 год. Мат. научн.- практ. конф. /Сост. и науч. ред. М.В. Семенцов. (Дикаревские чтения) – Джубга, 1996. – 74с.; Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. / Ред. Н.И. Бондарь. (Дикаревские чтения) – Белореченск, 1998. – 100с.; Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. / Ред. Н.И. Бондарь. (Дикаревские чтения) – Белореченск, 1999. – 208с.
59. Кубанское казачество: три века исторического пути. Мат. междунар. науч.- практ. конф. – Краснодар, 1996. – 306с.; Кубанский краевед. Ежегодник. /Сост. Г.Г. Шулякова. Вып.3. – Краснодар, 1992. – 307с.; Кубань в XX в.: осмысление исторического пути. Мат. науч. семинара – Краснодар, 2000. - 35с.; Кубань литературная: новые доклады и сообщения. – Краснодар, 1994. – 46с.; Новейшие исследования истории Кубани. Межвуз. сб. науч. тр. – Краснодар, 1992. – 137с.; Первые кубанские литературно-исторические чтения. Мат. науч. – практ. конф. – Краснодар, 1999. – 238с.
60. Кубань: проблемы культуры и информатизации. Изд. КГУКИ. – Краснодар, 2001. – 76с.
61. Вопросы северокавказской истории. Сб. науч. ст. Вып.3. – Армавир, 1998. – 112с.; Вопросы северокавказской истории. Сб. науч. тр. Вып.5. – Армавир,, 2000. – 115с.; Проблемы изучения и развития казачьей

культуры. / Ред.-сост. М.Е. Галецкий, А.Н. Соколова – Майкоп, 2000. – 112с.

62. Анисимова, В.Н. Изобразительное искусство в культуре Кубани конца XVIII – начала XX веков /В.Н. Анисимова. Дис. канд. культурологии. – Краснодар, 1999. – 219с.; Батура, А.А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции./ А.А. Батура. Дис. канд. философ. наук. – Краснодар, 2000, - 144с.; Гангур, Н.А. Народное декоративно-прикладное искусство восточнославянского населения Кубани /Н.А. Гангур. Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2002. – 186с.; Добычина, И.Е. Концептуализация семиотического измерения социокультурной среды (теоретико-методологический аспект) / И.Е. Добычина. Дис. канд. филос. наук. – Краснодар, 2002. – 179с.; Ерещенко, И.В. Музыка в социокультурном пространстве региона. /И.В.Ерещенко. Дис. канд. филос. наук. – Краснодар, 2001. – 178с.; Заседателева, А.Г. Язычество как феномен духовной культуры. /А.Г. Заседателева. Дис. канд. культурологии.- Краснодар, 2003. – 148с.; Костылева, Л.Р. Интеллигенция Северокавказского региона в период с середины XIX до конца XX в: историко-культурологический анализ. /Л.Р. Костылева. Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2001. – 139с.; Недвига, Н.Г. Православие и кубанское казачество: опыт сотрудничества в духовной сфере (конец XVIII- начало XXв.) / Н.Г. Недвига. Автореф. дис. д-ра истор. наук. – М., 1997. - 49с.; Петриков, С.М. Закономерности развития художественного мышления. /С.М. Петриков. Дис. в виде науч. доклада на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения. – СПб, 1996. – 58с.; Ремизов, В.А. Ценностно-мировоззренческий анализ культуры личности. /В.А. Ремизов. Дис. в виде науч. доклада на соиск. учен. степ. д-ра культурологии. – М, 2000. – 60с.; Саяпина, И.А. Информация, коммуникация, трансляция в социокультурных процессах современного общества. / И.А. Саяпина. Дис.

- д-ра культурологии. – Краснодар, 2001. – 391с.; Федина, А.И. Формирование историко-культурной региональной традиции черноморских казаков./А.И. Федина. Дис. канд. культурологии. – Краснодар, 1998. – 156с.; Храмов, В.Б. Учение о культуре и истории П.Я. Чаадаева и «старших» славянофилов. /В.Б. Храмов. Дис. д-ра философ. наук. – Краснодар, 2003. – 336с.; Шонин, В.А. Эстетическое воспитание в сельском социуме: региональный аспект. / В.А. Шонин. Дис. кан. культурологии. – Краснодар, 2000. – 182с.
63. Бондарь, Н.И. Календарные обряды кубанских казаков. / Н.И. Бондарь – Краснодар, 2003. – 263с.; Очерки традиционной культуры казачеств России /Под общ. ред. Н.И. Бондаря – Краснодар, 2002. – Т.1. – 589с.; Куракеева, М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. /М.Ф. Куракеева – Черкесск, 1999. – 278с.; Матвеев, О.В. Герои войны в исторической памяти кубанского казачества /О.В. Матвеев – Краснодар, 2003. – 198с.; Чурсина, В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ /В.И. Чурсина – Краснодар, 2003. – 262с.
64. Горлова, И.И. Художественная культура и художественное образование /И.И. Горлова – Краснодар, 2001. – 256с.; Лях, В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы /В.И. Лях – Краснодар, 1997. – 446с.; Лях, В.И. Система регионального непрерывного художественно-эстетического образования /В.И. Лях, Н.Г. Денисов – Краснодар, 1997. – 156с.; Недвига, Н.Г. Кубанское казачество: религия, образ жизни, культура /Н.Г. Недвига – Краснодар, 1997. – 320с.
65. Ф. 249. Оп. 1.Д. 190. Л.60. Рапорт полковника Саввы Белого войсковому судье А.А. Головатому о молебне по прибытии на Тамань.; Ф. 574. Оп.1.Д.215. Л.55. Докладная записка священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению о состоянии религиозности населения Черномории; Ф.135. Оп. 29. Д.349. Л.1-6. Список благочинных

округов Кавказской епархии по Кубанской области на 1 сентября 1872 г.; Ф.135. Оп.53. Д.336. Л.1. Прошение попечителя прихода при Николаевской церкви селения Армавир епископу Ставропольскому и Краснодарскому Агафодору о разрешении проведения ежегодного крестного хода в день иконы Казанской Божией Матери в память избавления от холерной эпидемии; Ф. 135. Оп.74. Д.981. Л.12-14. Отчет о состоянии церквей, духовенства и приходов 12-го благочиннического округа Кубанской области; Ф.796. Оп. 442. Д.1156. Л.2-34. Отчет епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира о состоянии Кавказской (Ставропольской) епархии.

66. Ф. 249. Оп. 1. Д.1869. Л.106-107. Опись церковной утвари екатеринодарской церкви во имя Всех святых.; Ф. 396. Оп.1. Д.5810. Л.45-46. Описание церемониала парада 30 июня 1892 года при освящении войсковой Воскресенской церкви в день празднования 100-летия жалованной грамоты Екатерины II Черноморскому казачьему войску.; Ф. 135. Оп.52. Д.506. Л.71-72. Ведомость о пожертвованиях церквям 5-го благочиннического округа Кубанской области.; Ф.396. Оп.1. Д.10231. Л.96-99. Из краткого перечня исторических памятников и предметов, находящихся в станицах и хуторах Кубанской области, по станице Таманской.

67. Ф.250. Оп.1. Д.338. Л.35-36. Указ Императрицы Екатерины II об учреждении Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни.; Ф. 249. Оп.1.Д. 2869. Л.201. Объявление по Черноморскому казачьему войску о заложении первого храма в Марие-Магдалиновской пустыни.; Ф.353. Оп.1. Д.59. Л.5-7. Инструкция духовенству Кавказского линейного казачьего войска об отношении законоучителей к детям раскольников, обучающихся в полковых и станичных школах.; Ф. 135. Оп.73. Д.486. Л.3. рапорт настоятеля Михаило-Афонской Закубанской пустыни в Ставропольскую духовную

- консисторию о готовности принять воинов в больницу пустыни.: Ф. 835.
Оп.4. 173. Л.30-32. Из истории основания и первых лет деятельности
Алекса́ндро-Афонской Зеленчукской пустыни.
68. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е.
Передельский //Сборник материалов для описания местностей и племен
Кавказа. – Тифлис, 1883. Вып.3. – С.31-90.
69. Песни кубанских казаков / Сост. А.Д. Бигдай. Муз. ред. В.Г. Захарченко.
– Краснодар, 1992. 443с.; Песни кубанских казаков /Сост.А.Д. Бигдай. Муз.
ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1995. – 509с.
70. По поводу собирания и издания песен кубанских казаков (А.А.
Кошицем) //Кубанские областные ведомости. 1903. – 19 октября.
71. Петрусенко, И.А. Кубань в песне. Страницы музыкальной летописи трех
веков /И.А. Петрусенко – Краснодар, 1999.- 435с.
72. Розенберг, Л.К. Среди кубанцев /Л.К. Розенберг – Екатеринодар, 1905. –
297с.
73. Пивень, А.Е. Торба смеха и мешок хохота /А.Е. Пивень – Краснодар,
1995.- 224с.
74. Материалы о кубанском фольклоре экспедиции Краснодарского
педагогического института в 20-30-х годах XX века.
75. Лозанова, А.И. Песни о гражданской войне в северокавказских колхозах
/А.И. Лозанова //Советский фольклор – Л., 1934. Вып.1. – С.88-104.
76. Мосолов, А.В. Песни Краснодарского края /А.В. Мосолов – М.: Сов.
композитор – 1959. – 74с.; Новиков, А. Поход за песнями гражданской
войны / А. Новиков // Советская музыка – 1936. - №2. – С.17-21.
77. Фольклор Дона и Кубани /Вступ. ст. Б. Лунина - Ростов-на-Дону.
1938. – 295с.; 10 кубанских народных песен /Сост. Г. Плотниченко –
Краснодар, 1988. – 38с.; Ф. Р-1731. Оп.1. Д.369. Л.1-71. Сборник

- современных народных песен Кубани, составленный А.А. Слеповым в 1976 году.
78. Фольклор казаков-некрасовцев /Сост. Ф.В. Тумилевич – Краснодар, 1948. – 105с.
- 79.Ф. НА-58. Дневник-отчет о научной командировке к казакам-некрасовцам по маршруту Краснодар-Ахтари – Новонекрасовская.
80. Варавва, И.Ф. Песни казаков Кубани /И.Ф. Варавва – Краснодар, 1966. – 326с.
81. Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии ивановны Сидоровой /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1993. – 336с.
82. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е. Передельский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Вып.3. – С.31-90.
83. Народные песни Кубани /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1987. – 318с.; Народные песни Кубани /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1997. – 589с.
84. Легенды и были Черноморья /Сост. И.Л. Зайцев, Л.И. Максимов – Краснодар, 1975. – 143с.; Пословицы, поговорки и загадки Кубани /Сост. Л.В. Мартыненко – Краснодар, 1993. – 100с.
85. Ф. НА-2. Дневники этнографической экспедиции музея в Мостовской район Краснодарского края; Ф. НА-3. Дневники этнографической экспедиции в Отрадненский район Краснодарского края; Ф, НА-4. Дневники этнографической экспедиции музея в станицу Пластуновскую Динского района; Ф. НА-5. Рисунки этнографической экспедиции музея в станицы Баговскую и Бесленевскую Мостовского района; Ф. НА-9. Дневник этнографической экспедиции музея в станицу Баговскую Мостовского района; Ф. НА-68. Каталог музыкальных народных инструментов музея; Ф. НА-139. Материалы о проведении историко-бытовой экспедиции в

Красноармейском районе; Ф. НА-146. Дневник этнографической экспедиции, проведенной в Тимашевском районе; Ф. НА-156. Материальная и духовная культура славянского населения станиц Выселковского района; Ф. НА-175-1. Дневник этнографической экспедиции по теме: «Куренные поселения»; НА-105-6. Дневник этнографической экспедиции в станицу Отважную Лабинского района; Ф. НА-123-2. Дневник этнографической экспедиции в Брюховецкий район.

86. Село Николаевка Щербиновского района. Информатор (инф.) С.Н. Попова; Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. В.А. Галушко; Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. М.С. Колмык, К.И. Жадан; Поселок Первомайский Староминского района. Инф. В.А. Кислая; Поселок Рассвет Староминского района. Инф. Л.М. Жидкова; Г. Краснодар. Инф. Т.Н. Бутова; Село Кухаривка Ейского района. Инф. В.В. Тертычая и Е.Г. Оноприенко; Станица Новодмитриевская Северского района. Инф. З.М. Онищенко; Г. Краснодар. Инф. Н.Н. Удовицкая; Станица Бриньковская Приморско-Ахтарского района. Инф. И.В. Шептуницкий и Л.В. Джеус; Станица Чамлыкская Лабинского района. Инф. В.А. Романескул; Г. Армавир. Инф. Л.Т. Сайкова; Станица Новоминская. Инф. С.Н. Приступка; Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. О.В. Галут; Хутор Адагум Крымского района. Инф. К.Г. Жуденко и Т.Е. Вербовская; Станица Стародеревянковская Каневского района. Инф. В.Г. Вичирко; Станица Новогражданская Выселкового района. Инф. Ж.А. Тихонова; Поселок Лазурный Динского района. Инф. Л.В. Шикаленко; Г. Гулькевичи. Инф. Н.С. Андросова; Станица Алексее-Тенгинская Тбилисского района. Инф. М.Н. Довбыш; Станица Динская. Инф. Н.А. Чоботок; Станица Платнировская Динского района. Инф. В.А. Оношко В.А.; Станица Смоленская. Инф. С.Н. Назаренко; Село Тенгинка

Туапсинского района. Инф.С.М. Диденко; Станица Федоровская. Инф. А.Г. Лопатилина; Поселок Лебяжий Брюховецкого района. Инф. О.Н. Головина;

Станица Днепровская Тимашевского района. Инф.О.В.Шелест и В.И. Момот; Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. Л.В. Шаповалова; Станица Ленинградская. Инф.М.Г. Квач; Станица Брюховецкая. Инф. М.С. Вострикова; Станица Отрадная. Инф. Н.Г. Трегубова; Г.Белореченск. Инф. Л.Н. Митрофанова; Хутор Маевский Славянского района. Инф.З.М. Бойко; Станица Северская. Инф.О.Г. Коваленко и А.К. Новиков; Станица Камышеватская Ейского района. Инф. Е.Т.Хлестун; Станица Новотиторовская Динского района. Инф.Л.И. Коваленко; Станица Кугаевская Кушевского района. Инф. А.Ф. Жигайло; Станица Анастасиевская Славянского района. Инф.М.А. Демченко и Ю.В. Илюшина; Г. Лабинск. Инф. С.А. Ломакин; Станица Каневская. Инф. Н.Н. Доброславская; Г.Курганинск. Инф.Л.С. Сазонова; Станица Старощербиновская. Инф.О.В. Зиновкина.

87. Радклиф-Браун, А.Р. Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами / А.Р. Радклиф-Браун //Антология исследований культуры. – СПб, 1997. Т.1. – С.638; Уайт, Л.А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры /Л.А. Уайт //Антология исследований культуры. – СПб, 1997. Т. 1.- С.560-561.

ПРИМЕЧАНИЯ К I ГЛАВЕ

1. Ф.249. Оп.1. Д. 190. Л.60. Рапорт полковника Саввы Белого войсковому судье А.А. Головатому о молебне по прибытии на Тамань. 1792 год.
2. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.в.) – Краснодар, 2001. – 728с.

3. Там же с. 151.
4. Там же .55.
5. Ф. 396. Оп.1. Д.5810. Л.45-46. Описание церемониала парада 30 июня 1892 года при освящении войсковой Воскресенской церкви в день празднования 100-летия жалованной грамоты Екатерины II Черноморскому казачьему войску.
6. Ф. 249. Оп.1. Д.1869. Л.106-107. Опись церковной утвари екатеринодарской церкви во имя Всех Святых.
7. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.в.) – Краснодар, 2001. – С.312.
8. Там же с.623.
9. Ставропольские пархиальные ведомости. 1910, №27.
10. Ф. 454. Оп.7. Д.455.ЛД.202. Отношение епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа начальнику Кубанской области Н.Н. Кармалину о содействии в сохранении старинных церквей близ реки Большой Зеленчук как памятников древности.
11. Ф. 250. Оп.1. Д.338. Л.35036. Указ Императрицы Екатерины II об учреждении Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни.
12. Ф.574. Оп.1. Д.215. Л.55-56. Докладная записка священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению о состоянии религиозности населения Черномории.
13. Ф.135. Оп.61. Д.391. Л.59-64. Сведения о состоянии Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни и ее капиталов за 1906 год.
14. Ф.249. Оп. 1. Д.2869. Л.201. Объявление по Черноморскому казачьему войску о заложении первого храма в Марие-Магдалиновской пустыни.
15. Православная церковь на Кубани (конец XVIII-начала XX в.в.)- Краснодар, 2001. – С.550.

16. Ф.135. Оп.73. Д.486. Л.3. Рапорт настоятеля Михаило-Афонской Закубанской пустыни в Ставропольскую духовную консисторию о готовности принять воинов в больницу пустыни.
17. Ф. 835. Оп. 4. Д.173. Л.30-32. Из истории основания и первых лет деятельности Александро-Афонской Зеленчукской пустыни.
18. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начала XX в.в.) - Краснодар, 2001. – С. 554.
19. Там же с.550.
20. Кубанские областные ведомости. 1895. 16 июня.
21. Православная церковь на Кубани (конец Там же с.554.
21. Ф. 135. Оп.59. Д. 316. Л.19-24. Правила для братии монастырей Ставропольской епархии.
22. Кубанский казачий вестник, 1916, 1 мая.
23. Православная церковь на Кубани (конец XVIII-начало XX в.в.). – Краснодар, 2001. - С.326-327.
24. Кубанский казачий вестник 1915 год, 12 июля.
25. Ф.574. Оп. 1. Д.215. Л.56. Докладная записка священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению о состоянии религиозности населения Черномории.
26. Розенберг, Л.К. Среди кубанцев /Л.К. Розенберг, Екатеринодар, 1905. – С.55-57.
27. Кубанские областные ведомости, 1895, №201.
28. Ставропольские аперхиальные ведомости, 1901, №11.
29. Ф. 135. Оп.53. Д. 336. Л.1. Прощение попечителя прихода при Николаевской церкви селения Армавир епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору о разрешении проведения ежегодного крестного хода в день иконы Казанской Божией Матери в память избавления от холерной эпидемии 1892 года.

30. Кубанские областные ведомости (9 Пятница)
31. Кубанские областные ведомости, 1896, № 85.
32. Великая, Н.Н. Старообрядчество у казаков-линейцев /Н.Н. Великая //Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы междунар. науч-практ. конф. – Краснодар, 1996,. – С.35-38.
33. Ф. 135. Оп.74. Д. 981. Л.12-14. Отчет о состоянии церквей, духовенства и приходов 12-го благочиннического округа Кубанской области за 1915 год.
34. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.в.) – Краснодар, 2001. – С.606.
35. Ф. 135. Оп. 74. Д. 981. Л. 12-14. Отчет о состоянии церквей, духовенства и приходов 12-го благочиннического округа Кубанской области за 1915 год.
36. Ф.353. Оп. 1. Д.59. Л. 5-7. Инструкция духовенству Кавказского линейного казачьего войска об отношении законоучителей к детям раскольников, обучающихся в полковых и станичных школах.
37. Ставропольские епархиальные ведомости, 1892. - №13. – С.378-383.
- 38.Ставропольские епархиальные ведомости, 1893.- №2. - С.39-44; Ставропольские епархиальные ведомости, 1893. - №5. – 121-126.
39. Ф. 135. Оп. 63. Д.542. Л.3-4. Прошение жителей Екатеринодара протоиерею войскового Александро-Невского собора Михаилу Воскресенскому о строительстве часовни в память об избавлении города от холерной эпидемии.
40. Ставропольские епархиальные ведомости, 1901, № 23, - С.1363-1364.
- 41.Кубанские областные ведомости, 1892, №42.
42. Кубанские областные ведомости, 1914, 11 ноября.
43. Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1913.Т.2. - С.489.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Архивные источники

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(ГАКК)**

1.1. Ф.249. Оп.1. Д.190. Л.60. Рапорт полковника Саввы Белого войсковому судье А.А. Головатому о молебне по прибытии на Тамань. 1792 год.

- 1.2. Ф. 249. Оп.1. Д.1869. Л.106-107. Описание церковной утвари екатеринодарской церкви во имя Всех Святых.
- 1.3. Ф. 574. Оп.1. Д.215. Л.55. Докладная записка священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению о состоянии религиозности населения Черномории. 1852 год.
- 1.4. Ф. 396. Оп.1. Д.5810. Л.45-46. Описание церемониала парада 30 июня 1892 года при освящении войсковой Воскресенской церкви в день празднования 100-летия жалованной грамоты Екатерины II Черноморскому казачьему войску.
- 1.5. Ф. 418. Оп.1. Д. 2984. Л.1-52. «Дело о праздновании 200-летнего юбилея Кубанского казачьего войска 8 сентября в городе Екатеринодаре.» (1896г.)
- 1.6. Ф. 396. Оп.1. Д. 10017. Т. 4. за 1903-1917г.г. «О праздновании юбилея 100-летия Войскового певческого и музыкантского хора, списки певцов хора, его ветеранов, программа празднеств, сведения о Россинском».
- 1.7. Ф. 454. Оп.7. Д. 455. Л.202. Отношение епископа Кавказского и Екатеринодарского Германа начальнику Кубанской области Н.Н. Кармалину о содействии в сохранении старинных церквей близ реки Большой Зеленчук как памятников древности. 1794 год.
- 1.8. Ф. 250. Оп. 1. Д. 338. Л.35-36. Указ Императрицы Екатерины II об учреждении Екатеро-Лебяжской Николаевской пустыни. 1794 год.
- 1.9.Ф. 418. Оп. 1. Ч.1. Д. 3220. – Л.1-8. Дело об открытии в хуторе Ахтарском и станице Славянской клубов.
- 1.10. Ф. 418. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2356.Л.1- 31. Дело об открытии ремесленных школ в станицах отдела». 1894 год.
- 1.11. Ф. 252. Оп. 2. Д. 469. Л.1 - 250. О назначении комиссии по достройке Войскового соборного храма в городе Екатеринодаре.

- 1.12. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Историко-географические и этнографические очерки о станице Чамлыкской, хуторе Азовском и станице Новопокровской. 1904год.
- 1.13. Ф.454. Оп.1. Д.6235. Л.11. Докладная записка наместника Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни иеромонаха Анатолия с братиею начальнику Кубанской области М.П. Бабычу о разрешении хождения по области с войсковыми святынями. 1910 год.
- 1.14. Ф. 249. Оп.1. Д. 2869. Л.201. Объявление по Черноморскому казачьему войску о заложении первого храма в Марие-Магдалиновской пустыни. 1849 год.
- 1.15. Ф. 353. Оп. 1. Д.59. Л. 5-7. Инструкция духовенству Кавказского линейного казачьего войска об отношении законоучителей к детям раскольников, обучающихся в полковых и станичных школах. 1855 год.
- 1.16. Ф. 418. Оп.1. Д.565. Л.1. Предписание Наказного атамана Г.А. Леонова атаману Темрюкского отдела о появлении в области иконописи неправославного характера. 1890 год.
- 1.17. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 274 Ф. Л.1-41. Тексты радио- и телепередач о фольклорных коллективах края за 1975-1976 г.г.
- 1.18. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 171. Л. 1– 22. Справка о работе фольклорного кабинета за 1969 г.
- 1.19.Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 369.Л. 1-71. Сборник современных народных песен Кубани, составленный А.А. Слеповым в 1976 году.
- 1.20. Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 414. Л.1– 13. Методическая разработка «Основные принципы организации фольклорных коллективов» 1979 год.
- 1.21. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 1360. Л.1-29. Копии циркуляров и распоряжений Народного комиссариата просвещения о порядке осуществления цензуры за периодической и исторической печатью и репертуаром театров и кино, списки разрешенных изданий, пьес и кинофильмов. 1922год.

1.22. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 978.Л.1– 25. Уставы, программы, положения о хореографических, сценических государственных школах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (ГАСК)

1.23. Ф. 135. Оп. 29. Д.349. Л. 1-6. Список благочиннических округов Кавказской епархии по Кубанской области на 1 сентября 1872 года.

1.24. Ф. 135. Оп.68. Д.440. Л.1-3. Циркулярный указ Святейшего Синода в Ставропольскую духовную консисторию о благоустройстве русских мужских монастырей и ограждении монастырской братии от мирских соблазнов. 1909 год.

1.25. Ф. 135. Оп.72. Д.693. Л.18. Циркулярный указ Святейшего Синода временно управляющему Ставропольской епархией епископу Александровскому Михаилу о недопустимости базаров и винотоговли в воскресные и праздничные дни. 1914 год.

1.26. Ф. 135. Оп.52. Д.506. Л.71-72. Ведомость о пожертвованиях церквям 5-го благочиннического округа Кубанской области. 1893 год.

1.27. Ф.135. Оп.53. Д.336. Л.1. Прошение попечителя прихода при Николаевской церкви селения Армавир епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору о разрешении проведения ежегодного крестного хода в день иконы Казанской Божией Матери в память избавления от холерной эпидемии 1892 года.

1.28. Ф. 135. Оп.63. Д.542. Л.3-4. Прошение жителей Екатеринодара протоиерею войскового Александро-Невского собора Михаилу Воскресенскому о строительстве часовни в память об избавлении города от холерной эпидемии. 1901 год.

1.29. Ф. 135. Оп. 61. Д.391. С.59-64. Сведения о состоянии Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни и ее капиталов за 1906 год.

1.30. Ф.396. Оп.1. Д.10231.Л. 96-99. Из краткого перечня исторических памятников и предметов, находившихся в станицах и хуторах Кубанской области, по станице Таманской. 1910 год.

1.31. Ф. 135. Оп.74. Д.981. Л.12-14. Отчет о состоянии церквей, духовенства и приходов 12-го благочиннического округа Кубанской области за 1915 год.

1.32. Ф. 135. Оп.73. Д.486. Л.3. Рапорт настоятеля Михаило-Афонской Закубанской пустыни в Ставропольскую духовную консисторию о готовности принять воинов в больницу пустыни. 1915 год.

1.33. Ф. 135. Оп.59. Д.316. Л. 19-24. Правила для братии монастырей Ставропольской епархии.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (РГИА)

1.34. Ф. 796. Оп.442.Д.1156. Л.2-34. Отчет епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира о состоянии Кавказской (Ставропольской) епархии за 1886 г.

1.35. Ф.835. Оп.4. Д.173. Л.30-32. Из истории основания и первых лет деятельности Александро-Афонской Зеленчукской пустыни.1892 год.

АРХИВ КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА им. Е.Д. ФЕЛИЦЫНА

1.36.Ф. НА-2. Дневники этнографической экспедиции музея в Мостовской район Краснодарского края. 1978год.

1.37. Ф. НА-3.Дневники этнографической экспедиции в Отрадненский район Краснодарского края. 1979год.

1.38. Ф. НА-4. Дневники этнографической экспедиции музея в станицу Пластуновскую Динского района. 1980 год.

1.39.Ф. НА-5. Рисунки этнографической экспедиции музея в станицу Пластуновскую Динского района. 1980 год.

- 1.40. Ф. НА-6. Дневники этнографической экспедиции в станицы Баговскую и Бесленеевскую Мостовского района. 1981 год.
- 1.41.Ф. НА-8. Материалы о кубанском фольклоре экспедиции Краснодарского педагогического института в 20-30-х годах XX века.
- 1.42. Ф. НА-9. Дневник этнографической экспедиции музея в станицу Баговскую Мостовского района. 1981 год.
- 1.43. Ф. НА-10. Опись «Кубанская ковань».
- 1.44.Ф. НА-58. Дневник-отчет о научной командировке к казакам-некрасовцам по маршруту Краснодар-Ахтари – Новонекрасовская. 8-13 марта 1947 года.
- 1.45. Ф. НА-68. Каталог музыкальных народных инструментов музея за 1984 год.
- 1.46.Ф.НА-105-6.Дневник этнографической экспедиции в станицу Отважную Лабинского района.
- 1.47. Ф. НА-123-2. Дневник этнографической экспедиции в Брюховецкий район. 1988 год.
- 1.48. Ф. НА-137. Материалы о проведении историко-бытовой экспедиции в Мостовской район. 1989год.
- 1.49.Ф. НА-139. Материалы о проведении историко-бытовой экспедиции в Красноармейском районе. 1989год.
- 1.50. Ф. НА-146. Дневник этнографической экспедиции, проведенной в Тимашевском районе. 1990год.
- 1.51.Ф. НА-156. Материальная и духовная культура славянского населения станиц Выселковского района (материалы обследования за 1991год.)
- 1.52.Ф. НА-175-1. Дневник этнографической экспедиции по теме: «Куренные поселения».1993год.

II. Опубликованные материалы

- II.53. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997. - 672с.
- II.54. Краснодарский край в 1937-1941 г.г. Документы и материалы. - Краснодар, 1997.- 1120с.
- II.55. Кубанский сборник. Труды Кубанского обл. стат. комитета. // Ред. Е.Д. Фелицын. – Т.1. – Екатеринодар, 1883, с. 327-371, с.548-579, с.643-680, с.690-732. – Т.3. 1892,с. 1-21. - Т5. 1899, с.1-7. – Т.9. 1903, с.123-133.
- II.56. Православная церковь на Кубани (конец XVIII-началоXX в.) Сборник документов. – Краснодар, 2001, - 727с.
- II.57. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 3. – Тифлис.- 1883, с. 31-100; Вып.5. с, 1886, с.37-82; Вып.16, 1893,с.16-38; Вып.22, 1896, с.33-42; Вып. 23, 1897, с. 230-249; Вып.36, 1906, с.35-71; Вып. 38, 1908, с.37-48.
- II.58. Фольклор России в документах советского периода 1933-1941г.г. – М.,1994.-256с.

III. Справочные издания

- III. 59. Кубанский календарь. – Екатеринодар, 1910. – 530с.
- III. 60. Кубанский говор. Справочное издание. Сост. П.И. Ткаченко. – М., 1998. – 238с.
- III.61. Кубанская справочная книжка. 1894 год. – Екатеринодар, 1892, - 727с.
- III.62. Культурология. XX век. Словарь. – СПб, 1997. –640с.
- III. 63. Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. Сов. энциклопедия, 1991. – 736с.
- III. 64. Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар, 1881. – 298с.
- III. 65.Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Под общ. ред. Н.И. Толстого – М., 1995.-Т.1. – 699с.

- III 66. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова – М., 1981. – 1030с.
- III. 67. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Фонды партийных комитетов и комиссий. Вып.1. Справочник. – Краснодар, 1996. – 169с.
- III. 68. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. – Краснодар, 1997, - с.560с.

IV. Периодические издания

ГАЗЕТЫ

- IV.69. Кубанский казачий вестник за 1913 г.; 1916 г.;1917г.
- IV. 70. Кубанские областные ведомости за 1868 г.; 1880 г.; 1889 г.; 1895 г.; 1898 г.; 1900 г.; 1901 г.; 1902 г.; 1903 г.; 1914 г.
- IV. 71. Советская Кубань за 1945г.;
- IV. 72. Ставропольские епархиальные ведомости за 1892 г.; 1895г.; 1901 г.; 1910 г.

ЖУРНАЛЫ

- IV. 73. Вопросы истории за 1997 г.
- IV. 74. Вопросы философии за 1968 г; 1983 г; 2002 г.;
- IV. 75. Декоративное искусство СССР за 1960 г.
- IV. 76. Живая старина за 1999 г.
- IV. 77. Каневчане за 1996 г.
- IV. 78. Кубанец. Донской областной вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом за 2000 г.;2001 г.;2002 г.; 2003 г;
- IV. 79. Культурная жизнь юга России за 2003 г.; 2004 г.
- IV. 80. Музыкальная жизнь за 1975 г.
- IV. 81. Народное творчество за 1996 г.; 1998 г.; 2003 г.

- IV. 82. Научная мысль Кавказа за 1996 г.
- IV. 83. Новое литературное обозрение за 1998 г.; 2001 г.
- IV. 84. Педология за 1929 г.;
- IV. 85. Родная Кубань за 1999 г.
- IV. 86. Советская музыка за 1935 г; 1936 г.; 1950 г.; 1953 г.
- IV. 87. Советская этнография за 1964 г.;1983 г.
- IV. 88. Социс за 1995 г.
- IV. 89. Традиционная культура за 2002 г.;
- IV. 90. Человек за 1997 г.
- IV. 91. Этнографическое обозрение за 1895 г.;1905 г.; 1995 г.; 1997 г.;1998 г.;1999 г.

V. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (нотные и словесные тексты)

- V.92. Бондарь Н.И. Календарные обряды кубанского казачества. – Краснодар, 2003, - 262с.
- V. 93. Былины. Вступ. Статья, подготовка текста и примечания Б.Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель. 1957 . – 484с.
- V. 94. Былины. Сост. Ф.М. Селиванов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 572с.
- V. 95. Былины. Сост. В.И. Чичеров. – М.: Дет. лит. 1969. – 304с.
- V. 96. Былины Русские народные сказки. Древнерусские повести. Авторы вступ. статей В.П. Аникин, Д.С. Лихачев, Т.Н. Михельсон. – М.: Дет лит.1989. – 638с.
- V. 97. Варавва, И.Ф. Песни казаков Кубани. /И.Ф. Варавва. – Краснодар, 1966. – 326с.
- V. 98. Васильков, В.В. Народные обычаи казаков станицы Бекешевской Баталпашинского отдела Кубанской области. //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1906. Вып. 36. – С.80-148.

- V. 99. Горбанев, П. Суеверия, приметы, поверья, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска. //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. Вып. 16. – С.267-277.
- V. 100. 10 кубанских народных песен. Сост. Г. Плотниченко. – Краснодар, 1966, - 38с.
- V. 101. Живило, К. Несколько казачьих песен и поверий в станице Расшеватской Кавказского уезда Кубанской области. //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883. Вып. 3.- С.91-100.
- V. 102. Заградская С.Г. Свадьба кубанских казаков. //Играем свадьбу. М., 1987. – 184с.
- V. 103. Казачий фольклор. //Каневчане. – 1996.- №2. - с.С.26.
- V. 104. Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков / Сост. В.К. Чумаченко – Краснодар, 1996. –114с.
- V. 105. Легенды и были Черноморья. |Сост. И.Л. Зайцев, Л.И. Максимов – Краснодар, 1975, - 143с.
- V. 106. Мосолов, А.В. Песни Краснодарского края /А.В. Мосолов – М.: Сов. композитор. – 1959. – 74с.
- V. 107. Народные песни казаков. /Сост. Г.М. Концевич. Под ред. В.Г. Захарченко. – Майкоп, 2001. – 439 с.
- V. 108. Народные песни Кубани. /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1987. – 318с.
- V. 109. Народные песни Кубани. /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1997. – 589с.
- V. 110. Новиков, А. Поход за песнями гражданской войны /А. Новиков //Советская музыка. – 1936. –№2. – С.17-21.

- V. 111. О боях-пожарищах (фронтowej фольклор и малоизвестные тексты из армейских малотиражных газет) /Сост. П.Ф. Лебедев – Краснодар, 1983. – 253с.
- V. 112. Павлевский, Т. Народные поверья и заговоры, относящиеся к пчеловодству/Т. Павлевский // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1899. Т.5. – С.1-27.
- V. 113. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е. Передельский //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883. Вып.3. – С.31-90.
- V. 114. Песни гребенских казаков. /Сост. Б.Н. Путилов. – Грозный, 1946. – 314с.
- V. 115. Песни казаков-некрасовцев / Зап. и вступ. ст. Ф.В. Тумилевича. – Ростов-на-Дону, 1947, -174с.
- V. 116. Песни и сказки (фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне). /Сост. Ф.В. Тумилевич. – Ростов-на-Дону, 1947. – 55с.
- V. 117. Песни кубанских казаков. /Сост. А.Д. Бигдай. Муз. ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1992. – 443с.
- V. 118. Песни кубанских казаков. /Сост. А.Д. Бигдай. Муз. ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1995. 0 509с.
- V. 119. Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой. /Сост. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1993. – 336с.
- V. 120. Песни хутора Кубанского. /Сост. В.Н. Капаев. – М., 1997. Вып.1.- 68с.; Вып. 2. – 48с.
- V. 121. Петрусенко, И.А. Кубань в песне. Страницы музыкальной летописи трех веков. /И.А. Петрусенко. – Краснодар, 1999. – 435с.
- V. 122. Пивень, А.Е. Торба смеха и мешок хохота /А.Е. Пивень – Краснодар, 1995. – 224с.

- V. 123. Плясовые припевки Кубани. /Сост. И.Н. Бойко. – Краснодар, 1993. – 288с.
- V. 124. Покровский, Е.А. Детские игры и забавы в некоторых станицах Кубанской и Терской областях. /Е.А. Покровский //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.1. – Тифлис, 1881. – С.119-208.
- V. 125. Пословицы, поговорки и загадки Кубани. /Сост. Л.В. Мартыненко. – Краснодар, 1993. – 100с.
- V. 126. Пословицы русского народа. /Сб. В.И. Даля. – М., 1957.- 312с.
- V. 127. Прозвища.// Кубанец. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. США. – 2000, №207. – с.2.
- V. 128. Розенберг, Л.К. Среди кубанцев. /Л.К. Розенберг. – Екатеринодар, 1905. – 297с.
- V. 129. Румянцева И. Троица. /И. Румянцева //Народное творчество. – 1996, №2. – 18.
- V. 130. Русская баллада. /Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева. Вступ. ст. Н.П. Андреева. – Л.,1935. – 501с.
- V. 131. Русские исторические песни. /Сост. Л.И. Емельянов. – М., 1987. – 479с.
- V. 132. Русские народные баллады. /Сост. Д.М. Балашов. – М., 1983. – 314с.
- V. 133. Сборник народных песен / Сост.П.В. Киреевский. – Тула, 1988. – 479с.
- V. 134. Слепов, А.А. О песенном фольклоре Кубани. /А.А. Слепов. – Краснодар, 2000.- 195с.
- V. 135. Традиционная культура и дети /Под общ. ред. Н.И. Бондаря – Краснодар, 1994. – 272с.
- V. 136. Украинские народные песни. – Киев, 1955. – 145с.
- V. 137. Фольклор казаков-некрасовцев. /Сост. Ф.В. Тумилевич.- Краснодар, 1948. – 105с.

- V. 138. Фольклорный театр. /Сост., вступ.ст., предисл. к текстам и комментарии А.Ф. Некрыловой и Н.М. Савушкиной. – М.:Современник, 1988. – 475с.
- V. 139. Харламов, М. Свадебные обряды и песни в Ейске. //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1906. Вып. 36. – С.35-71.
- V. 140. Чем лечатся в станице Ярославской. //Кубанские областные ведомости. 1898. №250.

VI. Полевой материал, собранный автором (ПМА)

- VI.141. ПМА 1999 г. Село Николаевка Щербиновского района. Информатор (инф.) Попова С.Н. 1966 года рождения (г.р.).
- VI.142. ПМА. 1983 г. Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. Галушко В.А. 1924 г.р.
- VI.143. ПМА. 2000 г. Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. Колмык М.С.1926 г.р., Жадан К.И. 1929 г.р.
- VI.144. ПМА 2001 г. Поселок Первомайский Староминского района. Инф. Кислая В.А. 1957 г.р.
- VI.145. ПМА. 1999 г. Поселок Рассвет Староминского района. Инф. Жидкова Л.М. 1927 г.р.
- VI.146. ПМА.1998 г. Г.Краснодар. Инф. Бутова Т.Н. 1967 г.р.
- VI.147. ПМА. 2000 г. Село Кухаривка Ейского района. Инф. Тертычая В.В. 1941 г.р.
- VI.148. ПМА. 1989 г. Станица Новодмитриевская Северского района. Инф. Онищенко З.М. 1935 г.р.
- VI.149. ПМА.1998 г.Г. Краснодар. Инф. Удовицкая Н.Н. 1948г.р.
- VI.150. ПМА.1987 г. Станица Бриньковская Приморско-Ахтарского района. Инф. Шептуницкий И.В. 1938 г.р

- VI.151. ПМА.2000 г. Село Кухаривка Ейского района. Инф. Оноприенко Е.Г. 1924 г.р.
- VI.152. ПМА.2001 г. Станица Чамлыкская Лабинского района. Инф. Романескул В.А. 1976 г.р.
- VI.153. ПМА.1999 г. Станица Бриньковская Приморско-Ахтарского района. Инф. Джеус Л.В. 1970 г.р.
- VI.154. ПМА.1988 г. Г. Армавир Инф. Сайкова Л.Т. 1971 г.р.
- VI.155. ПМА.1986 г. Станица Новоминская. Инф. Приступка С.Н. 1965 г.р.
- VI.156. ПМА.1999 г. Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. Галут О.В. 1979 г.р.
- VI.157. ПМА.1987 г. Хутор Адагум Крымского района. Инф. Жуденко К.Г. 1932 г.р.
- VI.158. ПМА.2000 г. Станица Стародеревянковская Каневского района. Инф. Вичирко В.Г. 1936 г.р.
- VI.159. ПМА.2000 г. Станица Новогражданская Выселковского района. Инф. Тихонова Ж.А. 1980 г.р.
- VI.160. ПМА.1999 г. Поселок Лазурный Динского района. Инф. Шикаленко Л.В. 1949 г.р.
- VI.161. ПМА.1998 г. Г.Гулькевичи. Инф. Андросова Н.С. 1971 г.р.
- VI.162. ПМА.1987 г. Станица Алексее-Тенгинская Тбилисского района. Инф. Довбыш М.Н. 1939 г.р.
- VI.163. ПМА.1987 г. Станица Динская. Инф. Чоботок Н.А. 1972 г.р.
- VI.165. ПМА.1998 г. Станица Платнировская Динского района. Инф. Онопко В.А. 1947 г.р.
- VI. 166. ПМА.1998 г. Станица Смоленская. Инф. Назаренко С.Н. 1973 г.р.
- VI.167. ПМА.2001 г. Село Тенгинка Туапсинского района. Инф. Диденко С.М. 1979 г.р.
- VI.168. ПМА.1989 г. Станица Федоровская. Инф. Лопатилина А.Г. 1913 г.р.

- VI.169. ПМА.1998 г. Поселок Лебяжий Брюховецкого района. Инф. Головина О.Н. 1975 г.р.
- VI.170. ПМА.1998 г. Станица Днепровская Тимашевского района. Инф. Шелест О.В. 1973 г.р.
- VI.171. ПМА.1987 г. Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. Шаповалова Л.В. 1949 г.р.
- VI.172. ПМА.1988 г. Станица Днепровская Тимашевского района. Инф. Момот В.И. 1946 г.р.
- VI.173. ПМА.2000 г. Станица Ленинградская. Инф. Квач М.Г. 1978 г.р.
- VI.174. ПМА.1998 г. Станица Брюховецкая. Инф. Вострикова М.С. 1974 г.р.
- VI.175. ПМА.2000 г. Станица Отрадная. Инф. Трегубова Н.Г. 1972 г.р.
- VI.176. ПМА.1996 г. Г.Белореченск. Инф. Митрофанова Л.Н. 1957 г.р.
- VI.177. ПМА. 1991 г. Хутор Адагум Крымского района. Инф. Вербовская Т.Е. 1953 г.р.
- VI.178. ПМА. 1992 г. Хутор Маевский Славянского района. Инф. Бойко З.М. 1919 г.р.
- VI. 179. ПМА.1990 г. Станица Северская. Инф. Коваленко О.Г. 1962 г.р.
- VI.180. ПМА.1990 г. Станица Камышеватская Ейского района. Инф. Хлестун Е.Т. 1929 г.р.
- VI.181. ПМА.1998 г. Станица Северская. Инф. Новиков А.К. 1947 г.р.
- VI.182. ПМА.1993 г. Станица Новотиторовская Динского района. Инф. Коваленко Л.И. 1934 г.р.
- VI.183. ПМА.1994 г. Станица Кугаевская Куцевского района. Инф. Жигайло А.Ф. 1921 г.р.
- VI.184. ПМА.1989 г. Станица Анастасиевская Славянского района. Инф. Демченко М.А. 1926 г.р.
- VI.185. ПМА.1998 г. Г. Лабинск. Инф. Ломакин С.А. 1978г.р.

- VI.186. ПМА.1999 г. Станица Анастасиевская Славянского района. Инф. Илюшина Ю.В. 1981 г.р.
- VI.187. ПМА.1999 г. Станица Каневская. Инф. Доброславская Н.Н. 1980 г.р.
- VI.188. ПМА.1991 г. Г.Курганинск. Инф. Сазонова Л.С. 1957 г.р.
- VI.189. ПМА.1999 г. Станица Старощербиновская. Инф. Зиновкина О.В. 1979 г.р.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монографии, сборники, статьи

1. Агеева, Е.А. Старые и новые сказания и писания староверов (по полевым исследованиям 80-90 годов XX века) /Е.А. Агеева //Вопросы казачьей истории и культуры: Вып.1. – Майкоп, 2002. - С.77-89.
2. Аксаков, А.С. Эстетика и литературная критика / А.С. Аксаков. – М., 1995. – 526с.
3. Аникин, В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин – М.: Высш. школа. 1987. - 285с.
4. Апостолов, Л.А. Географический очерк Кубанской области /Л.А. Апостолов //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1896. - Вып.23. – С.230 – 249.
5. Апресян, Г.С. О самодеятельном искусстве /Г.С. Апресян //Проблемы эстетического воспитания и современность. Материалы науч.-практ. конф. – М., 1963. – С.120- 131.
6. Арканников, Ф.Ф. Станица Николаевская. Статистико-этнографическое описание. /Ф.Ф. Арканников // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.- Т.1.- С.548-579.
7. Артановский, С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций /С.Н. Артановский – СПб, 1994. – 181с.
8. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев - М., 1865-1868.- Т.1.-865с.; Т.2. – 787с.

9. Бабаевский, С. Песни гиагинцев /С. Бабаевский //Советская Кубань. – 1946. - 25 сентября.
10. Бакланова, Т.И. Русская традиционная культура в современном информационно-образовательном пространстве /Т.И. Бакланова //Культурология: новые подходы. Альманах-ежегодник. 1998.- №№3-4.- С.95-112.
11. Банников, К.Л.Смех и юмор в экстремальных группах /К.Л. Банников //Смех: истоки и функции. – СПб.; Наука, 2002. – С. 174-186.
12. Бахрушин, Ю.А. История русского балета / Ю.А. Бахрушин – М., 1977. –288с.
13. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин - М., 1979. – 432с.
14. Белинский, В.Г. Полн. Собр. соч. в 13-ти томах /В.Г. Белинский – М., 1954.-Т.5. – 863с.
15. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев – М., 1997. - 541с.
16. Берков, П.Н. История русской комедии / П.Н. Берков. – Л.; 1977. – 317с.
17. Берков, П.Н. Русская народная драма ХУ11 – ХХ веков /П.Н. Берков - М.: Искусство, 1953. – 497с.
18. Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства /П.Г. Богатырев – М., 1971. –487с.
19. Богословский, Е.А. Новое явление нашей общественной жизни. // Кубанские областные ведомости. - 1889.- №17.
20. Бондарь, Н.И. Календарные обряды кубанских казаков /Н.И. Бондарь – Краснодар, 2003, - 263с.
21. Бондарь, Н.И. Традиционная культура кубанского казачества /Н.И. Бондарь – Краснодар, 1999.- 148с.

22. Бондарь, Н.И. Этнокультурная ситуация на Кубани / Н.И. Бондарь //Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы: Материалы науч. практ. конф. – Краснодар, 1991.- С.7-25.
23. Борисов, Б.П. Краснодарская филармония: Прошлое и настоящее. К 50-летию со дня основания. /Б.П. Борисов, Г.П. Борисов – Краснодар, 1989. – 174с.
24. Борисов, С.В. Страшные рассказы детей (к вопросу о специфике жанра) /С.В. Борисов // Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С. 42-45.
25. Бродель, Ф. Структура повседневности. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XV111в.в. /Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. - Т.1. – 317с.
26. Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство /Ф.И. Буслаев – СПб, 2001. – 351с.
27. Буслаев, Ф.И. Русские духовные стихи //Народная поэзия. Исторические очерки / Ф.И. Буслаев – СПб, 1887. – С.435-501.
28. Былины. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель. 1957. – 484с.
29. Былины. Сост. Ф.М. Селиванов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 572с.
30. Былины. Сост. В.И. Чичеров.- М.: Дет. лит., 1969. – 304с.
31. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. Авторы вступ. статей В.П. Аникин, Д.С. Лихачев, Т. Н. Михельсон. – М.:Дет. лит. 1989. – 638с.
32. Вакуленко, Е.Г. Традиционное декоративно-прикладное искусство в системе современного образования на Кубани /Е.Г. Вакуленко // Культурная жизнь юга России. – 2003. - № 1. – С.7-10.
33. Васильков, В.В. Народные обычаи казаков станицы Бекешевской Баталпашинского отдела Кубанской области. /В.В. Васильков //

- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1906.- Вып. 36. – С.80-148.
34. Василькова, М. Песни, записанные в станице Ладожской. /М. Василькова. //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. – Тифлис, 1901. – Отд.3.- С.87-108.
35. Великая Н.Н. Старообрядчество у казаков-линейцев / Н.Н. Великая // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 1996. – С.35-38.
36. Вернадский, В.И. Развитие представлений о ноосфере / В.И. Вернадский – М., 1991. – 471с.
37. Веселовский, А.Н. Две варшавские диссертации /А.Н. Веселовский // Вестник Европы. – 1872.-Т.2.-С. 936-954.
38. Веселовский, А.Н. Сравнительная мифология и ее метод / А.Н. Веселовский // Вестник Европы. – 1873. - №10. - С.647-659.
39. Виноградов, Г.С. Детская сатирическая лирика / Г.С. Виноградов // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1925.- С.107 – 123.
40. Виноградов, Н.И. Народная драма / Н.И. Виноградов. Под ред. Е.В. Аничкова, проф. А.К.Бороздина и проф.М.Н. Овсянникова-Куликовского // История русской литературы. – М., 1908.- Т.2. –417с.
41. Вишневский, В.В. Двадцатилетие советской драматургии /В.В. Вишневский // Советские драматурги о своем творчестве. – М., 1967. – С. 149-150.
42. «Власть тьмы» среди кубанских казаков. // Кубанские областные ведомости, - 1898,- №234.
43. Вопросы северокавказской истории. Сб. науч. ст. Вып.3. – Армавир, 1998. – 112с.
44. Вопросы северокавказской истории. Сб. науч. тр. Вып.5. – Армавир, 2000. – 115с.

45. Выготский, Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. /Л.С. Выготский //Педология подростка – М.: Педагогика, 1982.- Т.4. – С.6-242.
46. Выготский, Л.С. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств / Л.С. Выготский // Педология. - 1929. - №3. – С.377.
47. Выготский, Л.С. Мышление и речь /Л.С. Выготский // Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С.204.
48. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций /Л.С. Выготский. – М., 1960. – 500с.
49. Выготский, Л.С. /Л.С. Выготский, Р.С. Лурия //Этюды по истории поведения. (Обезьяна, примитив, ребенок) – М.-Л., 1930. - С.120.
50. Гангур, Н.А. Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани: XIX – начало XX в.в. / Н.А. Гангур – Краснодар,1999. – 80с.
51. Гливенко, Г. Домашний враг казачьего хозяйства /Г. Гливенко //Кубанские областные ведомости. - 1880. - №36.
52. Гливенко, Г. Прodelки пашковских малолеток дома в станице /Г. Гливенко //Кубанские областные ведомости. – 1880. - № 41.
53. Головин, В.В. «Ладушки»: вопросы генезиса /В.В. Головин //Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С.35-38.
54. Горбанев, П. Суеверия, приметы, поверья, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска /П. Горбанев //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893.- Вып. 16.- С. 267-277.
55. Горлова, И.И. Художественная культура и художественное образование /И.И. Горлова - Краснодар, 2001. – 256с.
56. Горький, М. Собр. соч. в 30-ти т. /М. Горький – М.: Госполитиздат, 1946-1956.- Т.24.- 464с.

57. Гречина, О.Н. Современная фольклорная проза детей /О.Н. Гречина, М.В. Осорина //Русский фольклор и историческая действительность. – М., 1981. - Т.20. – 264с.
58. Гриценко, В.П. Семиотическая реальность, семиотическая машина и семиосфера / В.П. Гриценко – Краснодар, 2000. – 258с.
59. Гриценко, В.П.Культурсемиотика: опыт семиотического изложения / В.П. Гриценко, И.А. Саяпина – Краснодар, 1999. - 372с.
60. Гумилев, Л.Н. География этноса в исторический период /Л.Н. Гумилев- Л.: Наука, 1990. – 278с.
61. Гумилев, Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. – М.: Прогресс, 1992. – 336с.
62. Гура, А.И. Волколак / А.И.Гура, Е.Е. Левкиевская //Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Под общ. ред Н.И. Толстого– М., 1995.-Т.1. – 699с.
63. Гусев, В.Е. Виды современного фольклора славянских народов /В.Е. Гусев //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.: Наука, 1968. – С.293-317.
64. Гусев, В.Е. О полифункциональности фольклора /В.Е. Гусев //Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л., 1980. - С.180-183.
65. Гусев, В.Е. Проблемы теории фольклора /В.Е. Гусев – М., 1967. – 294с.
66. Гусев, В.Е. Эстетика фольклора /В.Е. Гусев – Л., 1967. – 319с.
67. Гусев, В.Е. Комплексное изучение фольклора /В.Е. Гусев //Фольклор в современном мире. – М.:Наука, 1991.- С.7-13.
68. Давлетов, К.С. Фольклор как вид искусства / К.С. Давлетов – М.,1966. – 365с.

69. Далгат, У.В. Этническое и эпическое в фольклорных памятниках древности /У.В. Далгат //Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. – М., 1991.- С.39-48
70. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский - СПб, 1995. - 552с.
71. Демократическая поэзия ХУ11 века. Вступ. Ст. В.П. Андриановой-Петерц и Д.С. Лихачева. – М.-Л., 1962. – 143с.
72. Дикарев, М.А. Рождественские святки. Отрывки из малорусского календаря /М.А. Дикарев // Кубанские областные ведомости. – 1895. - № 1,3,5.
73. Дикарев, М.А. Программа для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерой /М.А. Дикарев // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1894.- Т.3. - С.1-21
74. Добролюбов, Н.А. Собр. соч. в 3-х т. /Н.А. Добролюбов - М., 1986.-Т.1.- С. 63-77.
75. Доклад Г.М. Концевича («О народных песнях Кубанской области на заседании Общества любителей изучения Кубанской области») /Г.М. Концевич // Кубанский казачий вестник. – 1913.- 7 апреля.
76. Дуплов, М.М. Из области народных суеверий /М.М. Дуплов //Кубанские областные ведомости.- 1900. - №186.
77. Душечкина, Е.В. Дед Мороз: этапы большого пути. К 160-летию литературного образа /Е.В. Душечкина //Новое литературное обозрение. – 2001. - №1.- С.253-258.
78. Душечкина, Е.В. История и мифология русской новогодней елки /Е.В. Душечкина //Живая старина. 1999.- №3. – С.14.
79. Дьяченко, А.М. Крупицы фольклорной старины Кубани /А.М. Дьяченко //Из истории и культуры линейного казачества Северного

- Кавказа. Материалы 3-ей междунар. науч.-практ. конф. - Армавир, 2002.- С.107-111.
80. Еремеева, А.Н. «Под рокот гражданских бурь...»Художественная жизнь юга России в1917-1920г.г. Науч. ред. Н.А. Нарышкина.- СПб. : Нестор, 1998.-359с.
81. Еременко, С.И. Хоровое искусство Кубани / С.И. Еременко – Краснодар, 1977. – 143с.
82. Еремина, В.И. Ритуал и фольклор /В.И. Еремина – Л.,1991.- 204с.
83. Живило, К Т. Некоторые приемы ухода за роженицами и новорожденными в некоторых станицах Кубанской области /К.Т. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. - Вып.16. – С.16-38.
84. Живило, К.Т. Несколько казацких песен и поверий в станице Расшеватской Кавказского уезда Кубанской области /К.Т. Живило //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883.- Вып.3.- С.91-100.
85. Жиганова, С.А. К вопросу об особенностях песенных традиций позднего формирования (на примере станицы Темижбекской Кавказского района Краснодарского края) /С.А. Жиганова //Традиционные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар, 1991. – С.51-55.
86. Жигульский, К. Праздник и культура /К.Жигульский – М., 1989. – 336с.
87. Жирмунский, В.М. Проблема фольклора. (Сергею Федоровичу Ольденбергу). / В.М. Жирмунский. – Л., 1924. –267с.
88. Заградская, С.Г. Свадьба кубанских казаков /С.Г. Заградская //Играем свадьбу.- М.: Сов. Россия, 1987. – С.85-126.

89. Зеленецкий, М.Н. Социально-культурные предпосылки формирования личности /М.Н. Зеленецкий, Э.В. Соколов //Духовная культура развитого социализма. – Л., 1980. – С.9-21.
90. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки - /Д.К. Зеленин - М., 1995.-430с.
91. Зеленин, Д.К. Сборник частушек Новгородской области /Д.К. Зеленин //Этнографическое обозрение. – 1905. - № 3.- С.102-128.
92. Земцовский, И.И. Народная музыка и современность /И.И. Земцовский //Современность и фольклор. – Л., 1977. – С.28-75.
93. Земцовский, И.И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности /И.И. Земцовский //Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С. 147-154.
94. Земцовский И.И. Песня как исторический феномен. / И.И. Земцовский //Народная песня. Проблемы изучения. Сб. научн. тр. Ред. В.Е. Гусев, сост.-ред. И.И. Земцовский. Вып. 6.– Л., 1983. – С. 31-42.
95. Ивлева, Д.М. К вопросу о хореографии ряжения /Д.М. Ивлева //Народный танец. Проблемы изучения. – СПб, 1991. –С.85-95.
96. Из дневника В.Ф. Золотаренка (1841-1847). /В.Ф. Золотаренко //Кубанские областные ведомости. – 1901.- 29 июля.
97. Иконникова, Н.К. Механизмы межкультурного восприятия /Н.К. Иконникова //Социс. – 1995.- №11.-С.26-34.
98. Иконникова, С.Н. История культурологии: идеи и судьбы /С.Н. Иконникова – СПб, 1996. - 134с.
99. Иконникова, С.Н. Структура исторической культурологии /С.Н. Иконникова //Культура на пороге III тысячелетия: материалы IV международного семинара в Санкт-Петербурге 3 июня 1997 года – СПб, 1998. – С.7-13.

100. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997. - 672с.
101. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1995 год. Мат. научн.- практ. конф. /Сост. и научн. ред. М.В. Семенцов. (Дикаревские чтения) - Джубга, 1996.- 74с.
102. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. /Ред. Н.И. Бондарь. (Дикаревские чтения) – Белореченск, 1998. – 100с.
103. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. / Ред. Н.И. Бондарь. (Дикаревские чтения) – Белореченск, 1999. – 208с.
104. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган – СПб, 1996. – 416с.
105. Коган, Л.Н. Теория культуры /Л.Н. Коган – Екатеринбург, 1994.- 283с.
106. Каждан, А.А. Византийская культура / А.А. Каждан – М.: Наука, 1968. –233с.
107. Казачий фольклор. // Каневчане. – 1996.- №1-2.- С.26.
108. Капышкина, С. Узоры подсказала природа / С. Капышкина, И. Бабенко //Народное творчество.-1998. - №2.-С.13.
109. Каргин, А.С. Народная художественная культура /А.С. Каргин – М., 1997. – 288с.
110. Каргин, А.С.Фольклор и кризис общества /А.С. Каргин, Н.А. Хренов – М., 1993. –162с.
111. Карнейро, Р.Л. Культурный процесс /Р.Л. Карнейро //Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. – С. 421-438.
112. Карпинский, М. Русский былевой эпос на Тереке /М. Карпинский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1897.- Вып.22.- С.33-42.

113. Кириллов, П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание /П.О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1903.-Т.9.- С. 123-133.
114. Кириллов, П.О. Черноморская свадьба: этнографический очерк /П.О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891.- Т.2. – С.472-488.
115. Кирий, О.А., Матвеев, О.В. Исторические песни кубанского казачества глазами историка /О.А. Кирий, О.В. Матвеев //Из культурного наследия славянского населения Кубани. Сб. ст. Научн. ред. и сост. Н.И. Бондарь. – Краснодар, 1999. – С. 58-78.
116. Колпакова, Н.П. Русская народная бытовая песня /Н.П. Колпакова – М.-Л., 1962. – 247с.
117. Комиссинская, Л.В. Театральное любительство в Кубанском казачьем войске /Л.В. Комиссинская //Из культурного наследия славянского населения Кубани. – Краснодар, 1997. – С.105-112.
118. Комиссинский, В.Г. Встречи с песней (о песенном фольклоре Кубани) /В.Г. Комиссинский //Музыкальная жизнь. – 1975.- №17.- С.7-8.
119. Корреспонденции. Из станицы Успенской. // Кубанские областные ведомости.-1895.- № 190.
120. Короленко, П.П. Черноморские свадьбы (из нашей старины) / П.П. Короленко //Кубанские областные ведомости.-1895.- №77.
121. Корсакова, Н.А. Ковань г. Екатеринодара – памятник истории и культуры/ Н.А. Корсакова // Краснодару – 200 лет. Тезисы краев. науч.-практ. конф. – Краснодар. 1998. –С.76-78.
122. Корсакова, Н.А. Традиционная культура линейных станиц Кубани. По материалам музея-заповедника /Н.А. Корсакова //Линейцы средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы науч.-практ.конф. – Армавир, 1996. –С.54-56.

123. Коршунов, В.А. Образ прилетающей птицы в восточнославянском детском фольклоре /В.А. Коршунов // Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С. 2—23.
124. Костомаров, Н.И. Домашняя жизнь и нравы русского народа / Н.И. Костомаров – М., 1993. – 399с.
125. Костомаров, Н.И. Славянская мифология /Н.И. Костомаров – М., 1995. - 688с.
126. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул – М., 1997. – 256с.
127. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1983. Т.2. –606с.
128. Кравцов, Н.И. Изучение фольклорного произведения как художественного целого /Н.И. Кравцов // Фольклор как искусство слова. – М., 1966. – 375с.
129. Краснодару – 200 лет: Тезисы научн.-практ. конф. – Краснодар,1993. – 160с.
130. Краснодарский край в 1937-1941 г.г. Документы и материалы. - Краснодар, 1997.- 1120с.
131. Кребер, А. Конфигурация развития культуры /А. Кребер //Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. – С.465-496.
132. Криничная, Н.А. На росстани: мифологема судьбы в фольклорно-этнографическом освещении /Н.А. Криничная //Этнографическое обозрение. – 1997.- №3.- 32-44.
133. Кубанское казачество: три века исторического пути. Мат. междунар. научн.-практ. конф. – Краснодар, 1996. – 306с.
134. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни /Ю.Г.Круглов - М.,1982. –272с.
135. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М., 1967. – 356с.

136. Кубанский краевед. Ежегодник. /Сост. Г.Г. Шулякова. Вып.3. – Краснодар, 1992. – 307с.
137. Кубань в XX в.: смысление исторического пути. Мат. науч. семинара. – Краснодар, 2000. – 35с.
138. Кубань литературная: новые доклады и сообщения. – Краснодар, 1994. – 46с.
139. Кубань: проблемы культуры и информатизации. Изд. КГАГИ. – Краснодар, 2001. – 76с.
140. Куракеева, М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции./ М.Ф. Куракеева – Черкесск, 1999. – 278с.
141. Курдин, А. Казачьи кинжалы /А. Курдин // Кубанец. Донской областной вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом.- 2003. - №11.- С.37-38.
142. Курочкин, А.В. Растительная символика календарной обрядности украинцев / А.В. Курочкин //Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. –С.138-162.
143. Куцеев, В.В. Этническая история казаков /В.В. Куцеев – Краснодар, 1995. - 152с.
144. Лагунов, Д. Народная медицина у русских и горцев мусульман Баталпашинского уезда /Д. Лагунов //Кубанские областные ведомости. // Кубанские областные ведомости. – 1898. - №88.
145. Леви-Строс, К. Структурная антропология /К.Леви-Строс – М., 2001.- 512с.
146. Легенды и были Черноморья. /Сост. И.Л. Зайцев, И. Максимов – Краснодар, 1975. –143с.
147. Лемиш, Н. Вернется ли старинная казачья свадьба? /Н. Лемиш //Каневчане. – 1996, - №1.-С.28-32.

148. Леонтьев, А.Н. Культура, поведение и мозг человека /А.Н.Леонтьев // Вопросы философии. - 1968.- №7.- С.50-56.
149. Липинский, А. Троицкая станица: статистическое описание / А. Липинский // Кубанский сборник. – Екатеринодар,1883.-Т.1.- С.690-732.
150. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы /Д.С. Лихачев – Л., 1967. – 414с.
151. Лихачев, Д.С.Смех в древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л., 1984. – 295с.
152. Лозанова, А.И. Песни о гражданской войне в северокавказских колхозах /А.И. Лозанова //Советский фольклор. – Л., 1934.- Вып.1.- С.88-104.
153. Лоренц, К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии /К. Лоренц // Человек. – 1997.- № 5.- С.19-37.
154. Лосев, А.Ф. Проблема символа в связи с близкими к нему литературоведческими категориями / А.Ф. Лосев //Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1970. - Т.ХХ1Х. - Вып.5.- С.379-412.
155. Лосев, А.Ф. Миф – Число - Сущность /А.Ф. Лосев – М.: Мысль,1994. – 919с.
156. Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы //Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн, 1992.- С. 90-101.
157. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры /Ю.М. Лотман // Статьи по семантике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. –С.76-89.
158. Луначарский, А.В. Критика и критики /А.В. Луначарский – М.: Худ. лит. 1937. - 296с.

159. Лях, В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы /В.И. Лях - Краснодар, 1997. – 446с.
160. Лях, В.И. Система регионального непрерывного художественно-эстетического образования /В.И. Лях, Н.Г. Денисов – Краснодар, 1997. – 156с.
161. Македонов, Л.В. В горах Кубанского края: быт и хозяйство жителей горной полосы Кубанской области. /Л.В. Македонов. – Воронеж, 1908. – 103с.
162. Маликов, Г. Магик-археолог / Г. Маликов // Кубанские областные ведомости.-1901. - №5.
163. Малиновский, Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры /Б. Малиновский – СПб,1997.- Т.1.- С.681-702.
164. Мануйлов, А.Н. Пустыть Сыдора: несколько слов к вопросу об атрибуции обряда /А.Н. Мануйлов // Из культурного наследия славянского населения Кубани. – Краснодар, 1997. – С. 29-49.
165. Мартыненко, Л.В. Современное бытование пословиц и поговорок черноморских казаков на Кубани /Л.В. Мартыненко // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар, 1999. – С.79-83.
166. Матвеев, О.В. Герои войны в исторической памяти кубанского казачества. /О.В. Матвеев – Краснодар, 2003. – 198с.
167. Мельников, М.Н. Русский детский фольклор / М.Н. Мельников – М., 1987. – 270с.
168. Мельникова, И.И. История традиций фольклорного поэтико-музыкального творчества. /И.И. Мельникова //Из родников культуры Ставрополя. Очерки истории культуры Ставрополя. – Ставрополь, 2003. – С.19-54.

169. Морозов, И.А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе / И.А. Морозов //Традиционная культура. – 2001.- № 1.- С.20-28.
170. Морозов, И.А. Женидьба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» («женидьбы») /И.А. Морозов – М., 1998. – 352с.
171. Мосолов, А.В. В станицах Кубани. /А.В. Мосолов // Советская музыка. – 1953. - № 1.- С.61-65.
172. Мосолов, А.В. Песни Краснодарского края /А.В. Мосолов – М.: Сов. композитор. – 1959. – 74с.
173. Мосолов, А.В. Поездка в кубанские колхозы /А.В. Мосолов //Советская музыка. – 1950 - №5.- С.44-46.
174. Нагайцева, Л.Г. Композиция танца /Л.Г. Нагайцева – Северская, 1991. – 81с.
175. Нагайцева, Л.Г. Кубанский народный танец /Л.Г. Нагайцева – Краснодар, 2001 – 171с.
176. Надеждин, С. Станичные мелочи /С. Надеждин //Кубанские областные ведомости. –1898.- №158.
177. Народная художественная культура. Под общей ред. Т.И. Баклановой, Е.Ю. Стрельцовой. – М., 2002. - 412с.
178. Невская, Т.А. Общественный быт русского и украинского крестьянства Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. /Т.А. Невская //Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1085. – С.3-22.
179. Невская, Т.А. Проблемы русской крестьянской колонизации степного Предкавказья в дореволюционной и советской историографии. /Т.А. Невская //Источники и историография аграрной России Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983. – С.110-125.

180. Недвига, Н.Г. Кубанское казачество: религия, образ жизни, культура. / Н.Г. Недвига – Краснодар, 1997. – 320с.
181. Неклюдов, С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты / С.Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002.- № 3.- С.3-7.
182. Новейшие исследования истории Кубани. Медвуз. сб. науч. тр. – Краснодар, 1992. – 137с.
183. Новиков, А. Поход за песнями гражданской войны /А. Новиков // Советская музыка. – 1936. - №2.- С.17-21.
184. Новичкова, Т.А. Сор и золото в фольклоре. Полярность в культуре /Т.А. Новичкова // Канун: Альманах. – СПб, 1996. - Вып.2. – С.121-165.
185. Очерки традиционной культуры казачеств России Под общ ред. Н.И. Бондаря - 2002. – Т.1.- 589с.
186. О судьбах народного искусства //Декоративное искусство СССР –1960. - №3.- С.24-27.
187. Павлевский, Т. Народные поверья и заговоры, относящиеся к пчеловодству /Т. Павлевский //Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1899.- Т.5. - С.1-7.
188. Памяти Ивана Диомидовича Попко. Мат. научн.- практ. конф. – Краснодар,1994. – 79с.
189. Первые кубанские литературно-исторические чтения. Мат. научн.- практ. конф. – Краснодар, 1999. – 238с.
190. Передельский, Е. Несколько слов об общине среди казаков /Е. Передельский //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1886.- Вып. 5.- С.37-82.
191. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е. Передельский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883.- Вып.3.- С.31-90.

192. Перминова, Е.Г. Современная практика взаимодействия фольклорной и джазовой традиций в музыкальной культуре /Е.Г. Перминова, А.А. Перминов // Проблемы и пути развития народного художественного творчества. Материалы науч. практ конф. – Краснодар, 1998. –С. 92-95.
193. Песни гражданской войны. //Советская музыка. – 1935. - № 12.- С.27-36.
194. Песни гребенских казаков / Сост. Б.Н. Путилов - Грозный, 1946. – 314с.
195. Песни казаков-некрасовцев /Зап. и вступ. ст. Ф.В. Тумилевича – Ростов-на-Дону, 1947.- 174с.
196. Песни и сказки (фольклор казаков-некрасовцев в Великой Отечественной войне) /Сост. Ф.В. Тумилевич - Ростов-на-Дону, 1947. – 55с.
197. Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1993.- 336с.
198. Петрусенко, И.А. Кубань в песне. Страницы музыкальной летописи трех веков /И.А. Петрусенко – Краснодар, 1999. – 435с.
199. Познанский, Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул /Н.Ф. Познанский – Пг. 1917. – 129с.
200. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И.Д. Попко – Краснодар, 1997.- 189с.
201. По поводу собирания и издания песен кубанских казаков (А.А. Кошицем) // Кубанские областные ведомости. - 1903.- 19 октября.
202. Пословицы русского народа / Сост. В.И. Даль – М., 1957. – 312с.
203. Потебня, А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты /А.А. Потебня //Слово и миф. – М., 1989. – С.243-263.

204. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XXв.) – Краснодар, 2001. – 728с.
205. Проблемы изучения и развития казачьей культуры. /Ред. – сост. М.Е. Галецкий, А.Н. Соколова. – Майкоп, 2000.- 112с.
206. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки /В.Я. Пропп – М., 1986. –364с.
207. Пропп, В.Я. Русские аргарные праздники /В.Я. Пропп – СПб, 1995. – 174с.
208. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп – М., 1976.- 325с.
209. Проценко, Б.Н. О статусе кубанских говоров в «Лексическом атласе русских народных говоров» /Б.Н. Проценко //Научная мысль Кавказа – 1996.- № 14.- С.67-72.
210. Пуртова, Т.В. Основные этапы развития народного танца на любительской сцене. Исторический обзор / Т.В. Пуртова //Народное творчество. Социокультурная деятельность в сфере досуга – М., 1996.- Вып. 2. – С.42-53.
211. Путилов, Б.Н. Методология сравнительного исторического изучения фольклора /Б.Н. Путилов – Л.:Наука, 1976. – 244с.
212. Пушкарев, Л.Н. Письменная форма бытования фронтового фольклора /Л.Н. Пушкарев // Этнографическое обозрение. – 1995.- № 4.- С.25-35.
213. Пушкин, А.С. Соч. в 3-х т.:Т.1. /А.С. Пушкин – М., 1985. – 735с.
214. Пшеничная, М.А. Цензурная политика в провинции в XIX веке (на примере Ставропольской губернии и Кубанской области). / М.А. Пшеничная //Из родников культуры Ставрополя. Очерки истории культуры Ставрополя. – Ставрополь, 2003. – С.55-72.
215. Радклиф-Браун, А.Р. Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении

- туземными народами /А.Р.Радклиф-Браун // Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. –С.633-665.
216. Режабек, Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности / Е.Я. Режабек //Вопросы философии. – 2002. - № 1. - С.52-68.
217. Розенберг, Л.К. Из области народных суеверий. (Варка яиц посредством заклинаний. Путешествие кожи в духан.) /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости. – 1901. - №13.
218. Розенберг, Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости. – 1901. - № 218.
219. Розенберг, Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. / Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1900.- №244.
220. Розенберг Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. Христославельщики и их представление /Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1902. - №5.
221. Розенберг Л.К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор населения станиц Северного Кавказа, пословицы и поговорки с примечаниями, объясняющими значение некоторых слов. /Л.К. Розенберг // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1908.- Вып. 38. – С. 37-48.
222. Розенберг, Л.К. Предсказание странницы /Л.К. Розенберг// Кубанские областные ведомости. – 1902.- №82.
223. Розенберг, Л.К. Свадебные обычаи /Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1900.- № 219.
224. Розенберг, Л.К. Свадьбы / Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости.- 1900.- №255.
225. Розенберг, Л.К. Среди кубанцев /Л.К. Розенберг – Екатеринодар, 1905. – 297с.

226. Розенберг, Л.К. Средство успешного огородничества /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости.- 1902.- № 90.
227. Румянцев, С.Ю.Некоторые теоретические проблемы и художественно-эстетические особенности самодеятельного творчества 1920-х годов /С.Ю. Румянцев, Шульпин А.П. //Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. – СПб, 2000.-Т.2. - 550с.
228. Румянцева, П. Троица /П. Румянцева // Народное творчество. – 1996. - №2.-С.18.
229. Русское народное поэтическое творчество /Под ред. Л.М. Новиковой, А.В. Кокорева – М., 1968. – 526с.
230. Рясинский, Е.Умиряющие народные обычаи в станице Чамлыкской /Е. Рясинский // Кубанские областные ведомости. – 1900. - №193.
231. Сакулин, П.Н. Русская литература: Ч.2. /П.Н. Сакулин – М., 1928.- 217с.
232. Сборник народных песен П.В. Киреевского /П.В. Киреевский – Тула, 1988. – 479с.
233. Семенцов, М.В. Обряды и поверья, связанные с охраной здоровья и жизни ребенка у кубанских казаков (по полевым материалам 1983-1990г.г.) /М.В. Семенцов //Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Материалы науч. практ. конф.- Краснодар, 1991. - С.45-51.
234. Семенцов, М.В. Очерки по традиционной медицине этносов и этнографических групп Северо-Западного Кавказа /М.В. Семенцов – Краснодар, 2002. – 115с.
235. Слепов, А.А. О песенном фольклоре Кубани / А.А.Слепов – Краснодар, 2000. – 195с.
236. Смирнова, Е.И. Методологические вопросы развития художественного творчества в социалистическом обществе /Е.И. Смирнова

- //Совершенствование идейно-воспитательной работы клуба. – Л., 1980. – С. 80-103.
237. Смирнова, Е.И. Теория и методика организации самодеятельного творчества в культурно-просветительных учреждениях /Е.И. Смирнова – М., 1983. – 193с.
238. Соколов, Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора /Ю.М. Соколов // Художественный фольклор. – М., 1926. – С. 21-28.
239. Соколов, Э.В. Культурология / Э.В. Соколов – М., 1994. - 207с.
240. Соловьев, В.А. Суворов на Кубани /В.А. Суворов – Краснодар, 1992. – 256с.
241. Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал. Соч. в 2-х т.: Т.1./В.С. Соловьев - М., 1988. – 896с.
242. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество /П. Сорокин – М., 1992. –369с.
243. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские /Г. Спенсер – Минск, 1998. – 1408с.
244. Степанова, Л.Г. Танцы народов России /Л.Г. Степанова – М., 1973. – 117с.
245. Стефанов, Т. Город Ейск: статистико-этнографическое описание /Т. Стефанов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.- Т.1.- С.327-341.
246. Струве, П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм /П.Б. Струве – М.: Республика, 1997. – 527с.
247. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э Тайлор – М., 1939. –567с.
248. Токарев, С.А. О жертвоприношениях /С.А. Токарев //Этнографическое обозрение. – 1999, № 5.- С.24-35.
249. Толстой, Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян) /Н.И. Толстой //Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. - С.17-27.

250. Толстой, Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский /Н.И. Толстой // Народная гравюра и фольклор в России ХУ11 – Х1Х веков.- М., 1976. – С.288 -319.
251. Традиционная культура и дети: Вып. 1. – Краснодар, 1994. – 272с.
252. Трехбратов, Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала ХХ века / Б. А. Трехбратов. - Краснодар, 2000. – 437с.
253. Уайт, Л.А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры / Л.А. Уайт // Антология исследований культуры. – СПб, 1997.- Т.1. -С.559-591.
254. Уральская, В.И. Природа танца / В.И. Уральская – М.: Сов. Россия. 1981. – 112с.
255. Фаминицын, А.С. Скоморохи на Руси /А.С. Фаминицын – СПб,1995. – 538с.
256. Фелицын, Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа. Всеподданейший доклад кн. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волгского и Хоперского казачьих войск. / Е.Д. Фелицын //Кубанский сборник. Т.3. – Екатеринодар.1894. – С.1-10.
257. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб, 1998. – 445с.
258. Флоренский, П.А. У водораздела мысли /П.А. Флоренский - М., 1990. – 446с.
259. Фольклор Дона и Кубани. /Вступ. Ст. Б. Лунина. – Ростов-на-Дону, 1938. – 295с.
260. Фольклор казаков–некрасовцев /Сост. Ф.В. Тумилевич – Краснодар, 1948.- 105с.
261. Франк, С.Л. Духовные основы общества / Сост. и вступ. П.В. Алексеева – М.: Республика,1992. – 511с.
262. Халаджан, Н.Н. Легенда-коваленда / Н.Н. Халаджан – М., 1992. – 155с.

263. Харламов, М. Свадебные обряды и песни в Ейске /М. Харламов /Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1906.- Вып.36. – С.35-71.
264. Хейзинга, Й.Культуры и эпохи / Й. Хейзинга //Культурология. XX век: Вып.4.- М., 1997. -С.115-159.
265. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга - М., 1992. – 459с.
266. Хомяков, А.С. Соч. в 2-х т. / А.С. Хомяков. – М., 1994. Т.1. – 590с.; – М., 1994.-Т.2. – 478с.
267. Цит.: Храпченко, М.Б. Художественное творчество, деятельность, человек / М.Б. Храпченко – М., 1976. – 366с.
268. Частушки в записях советского времени / Сост.З.И.Власовой, А.А. Горелова – М.- Л.,1965.- 496с.
269. Чекунова, А.Е. Появление исторического анекдота в России /А.Е. Чекунова // Вопросы истории. – 1997. - № 2.- С.131-140.
270. Черный, А. История бандуры на Кубани /А. Черный // Родная Кубань. – 1999. - № 4. - С.115-121.
271. Чернышевский, Н.К. Полн. собр. соч. в 15-ти т.: Т.2. /Н.К. Чернышевский. – М., 1949. - 496с.
272. Чижевский, А.Л. Земное эхо солнечных бурь / А.Л.Чижевский – М., 1973. –341с.
273. Чижикова, Л.Н. Этнокультурная история южнорусского населения. /Л.Н. Чижикова //Этнографическое обозрение, 1998.- №5. – С.27.
274. Чистов, К.В. Русские народные социально-утопические легенды ХУ11 – Х1Х веков / К.В. Чистов – М., 1967. – 429с.
275. Чистов, К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) /К.В. Чистов //Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С.36-59.

276. Чистов, К.В. Традиция и вариативность /К.В. Чистов //Советская этнография. – 1983. - № 2.- С.14-21.
277. Чурко, Ю.М. Из вчера в завтра /Ю.М. Чурко // Народный танец. Проблемы изучения. – СПб, 1991. –С.109-127.
278. Чурсина, В.И. Духовные стихи в фольклоре восточнославянского населения Кубани /В.И. Чурсина //Культурная жизнь юга России. – 2004. - №1.- С. 54-55.
279. Чурсина, В.И. Мыланка на Кубани /В.И. Чурсина //Кубанец. Донской атаманский вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2001. - №210. - С.17-19.
280. Чурсина, В.И. Педагогические и этические воззрения в фольклоре кубанских казаков /В.И. Чурсина //Кубанец. Донской атаманский вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2003. - №218.- С.54-58.
281. Чурсина, В.И. Сила традиции /В.И. Чурсина //Кубанец. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2002 - .№ 10.- С.43-44.
282. Чурсина, В.И. Станичные святки /В.И. Чурсина //Народное творчество. - 2003. - № 1.- С.37.
283. Чурсина, В.И. Фольклор Кубани в эпоху тоталитаризма /В.И. Чурсина // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар. – 2001 - С.26-34.
284. Чурсина, В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ /В.И. Чурсина - Краснодар, 2003. – 263с.
285. Чурсина, В.И. Эволюционные изменения в фольклоре славян Кубани (конец ХУ111 – начало ХХ1 в.в.) / В.И. Чурсина // Культурная жизнь юга России. –2003.- №3.- С.35-36.

286. Шамина, Л.А. Проблема сценической передачи импровизационной природы народно-хореографического искусства /Л.А. Шамина; сост. и отв. ред. А.А. Соколов // Народный танец. Проблемы изучения. Сб. науч. тр. – СПб, 1991. – С.136-145.
287. Шахов, Д. Воронежская станица: статистико-этнографическое описание /Д. Шахов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.-Т.1.- С. 643-689.
288. Шейковский, К. Быт подолян /К.Шейковский – Киев, 1883.- Т.2. –311с.
289. Шихарева, М.С. Свадьба у сельского населения Кубани. /М.С. Шихарева //Советская этнография, - 1964. - №1. – С.22-33.
290. Шкуро, А.Г. Записки белого партизана /А.Г. Шкуро // Трагедия казачества. – М., 1994. – 606с.
291. Шкуро, В.И. Антропонимия черноморских казаков /В.И. Шкуро // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 1996. – С.284-288.
292. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории /О. Шпенглер - М., 1998.-Т.1.- 667с.
293. Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Репринт. изд. / Ф.А. Щербина – Екатеринодар, 1910.- Т. 1. –736с.; 1913.- Т.2. – 880с.
294. Щуров, В.М. Стилевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров – М., 1997. – 466с.
295. Щуров, В.М. Южнорусская песенная традиция. /В.М. Щуров – М.: Сов. композитор, 1987. – 320с.
296. Элиаде, М. Избранные сочинения. Священное и мирское / М. Элиаде – М., 1994. – 142с.
297. Эльконин, Д.Б. Психология игры /Д.Б. Эльконин – М., 1987. – 469с.
298. Юдин, А.В. Русская традиционная народная духовность / А.В. Юдин – М., 1994. – 332с.
299. Юнг, К.Г. Архетип и символ /К.Г. Юнг – М., 1991. – 341с.

300. Якоби, Л.А. Организация казаков-некрасовцев. /Л.А. Якоби //Из родников культуры Ставрополя. Очерки истории культуры Ставрополя. – Ставрополь, 2003. – С.5-18.
301. Янгиров, Р. Анекдоты «с бородой». Материалы к истории неподцензурного советского фольклора (1918-1934г.г.) /Р. Янгиров // Новое литературное обозрение. – 1998.- №31. – С.155-174.
302. Яницкая, М.Д. Методика собирания и записи танцевального фольклора / М.Д. Яницкая – М., 1981. – 144с.

II. Авторефераты и диссертации

- II. 303. Анисимова, В.Н. Изобразительное искусство в культуре Кубани конца XVIII – начала XX веков / В.Н. Анисимова. Дис. канд. культурологии.- Краснодар, 1999.- 219с.
- II.304. Батура, А.А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции /А.А. Батура. Дис. канд. философ. наук. - Краснодар, 2000.- 144с.
- II.305. Гангур, Н.А. Народное декоративно-прикладное искусство восточнославянского населения Кубани / Н.А. Гангур. Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2002. – 186с.
- II.306. Добычина, И.Е. Концептуализация семиотического измерения социокультурной среды (теоретико-методологический аспект). /И.Е. Добычина. Дис. канд. филос. наук. – Краснодар, 2002. – 179с.
- II.307. Ерещенко, И.В. Музыка в социокультурном пространстве региона. /И.В.Ерещенко. Дис. канд. филос. наук. – Краснодар, 2001. – 178с.
- II.308. Заседателева, А.Г. Язычество как феномен духовной культуры. /А.Г. Заседателева. Дис. канд. культурологии.- Краснодар, 2003. – 148с.

- П.309. Костылева, Л.Р. Интеллигенция Северокавказского региона в период с середины XIX до конца XX в: историко-культурологический анализ. /Л.Р. Костылева. Дис. канд. ист. наук. – Краснодар, 2001. – 139с.
- П.310. Недвига, Н.Г. Православие и кубанское казачество: опыт сотрудничества в духовной сфере (конец XVIII- начало XXв.) / Н.Г. Недвига. Автореф. дис. д-ра истор. наук. – М., 1997. - 49с.
- П.311. Петриков, С.М. Закономерности развития художественного мышления. /С.М. Петриков. Дис. в виде науч. доклада на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения. – СПб, 1996. – 58с.
- П.312. Ремизов, В.А. Ценностно-мировоззренческий анализ культуры личности. /В.А. Ремизов. Дис. в виде науч. доклада на соиск. учен. степ. д-ра культурологии. – М, 2000. – 60с.
- П.313. Саяпина, И.А. Информация, коммуникация, трансляция в социокультурных процессах современного общества. / И.А. Саяпина. Дис. д-ра культурологии. – Краснодар, 2001. – 391с.
- П.314. Федина, А.И. Формирование историко-культурной региональной традиции черноморских казаков./А.И. Федина. Дис. канд. культурологии. – Краснодар, 1998. – 156с.
- П.315. Храмов, В.Б. Учение о культуре и истории П.Я. Чаадаева и «старших» славянофилов. /В.Б. Храмов. Дис. д-ра философ. наук. – Краснодар, 2003. – 336с.
- П.316. Шонин, В.А. Эстетическое воспитание в сельском социуме: региональный аспект. / В.А. Шонин. Дис. кан. культурологии. – Краснодар, 2000. – 182с.

1. Агеева, Е.А. Старые и новые сказания и писания староверов (по полевым исследованиям 80-90 годов XX века) /Е.А. Агеева //Вопросы казачьей истории и культуры: Вып.1. – Майкоп, 2002. - С.77-89.
2. Аксаков, А.С. Эстетика и литературная критика / А.С. Аксаков. – М., 1995. – 526с.
3. Аникин, В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин – М.: Высш. школа. 1987. - 285с.
4. Анисимова, В.Н. Изобразительное искусство в культуре Кубани конца ХУ111 – начала XX веков / В.Н. Анисимова. Дис. канд. культурологии.- Краснодар, 1999.- 219с.
5. Апостолов, Л.А. Географический очерк Кубанской области /Л.А. Апостолов //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1896. - Вып.23. – С.230 – 249.
6. Апресян, Г.С. О самодеятельном искусстве /Г.С. Апресян //Проблемы эстетического воспитания и современность. Материалы науч.-практ. конф. – М., 1963. – С.120- 131.
7. Арканников, Ф.Ф. Станица Николаевская. Статистико-этнографическое описание. /Ф.Ф. Арканников // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.- Т.1.- С.548-579.
8. Артановский, С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций /С.Н. Артановский – СПб, 1994. – 181с.

9. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев - М., 1865-1868.- Т.1.-865с.; Т.2. – 787с.
10. Бабаевский, С. Песни гиагинцев /С. Бабаевский //Советская Кубань. – 1946. - 25 сентября.
11. Бакланова, Т.И. Русская традиционная культура в современном информационно-образовательном пространстве /Т.И. Бакланова //Культурология: новые подходы. Альманах-ежегодник. 1998.- №№3-4.-С.95-112.
12. Банников, К.Л.Смех и юмор в экстремальных группах /К.Л. Банников //Смех: истоки и функции. – СПб.; Наука, 2002. – С. 174-186.
13. Батура, А.А. Традиция как философско-культурологическая категория и ее социально-адаптационные функции Дис. канд. философ. наук. - Краснодар, 2000.- 144с.
14. Бахрушин, Ю.А. История русского балета / Ю.А. Бахрушин – М., 1977. –288с.
15. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин - М., 1979. – 432с.
16. Белинский, В.Г. Полн. Собр. соч. в 13-ти томах /В.Г. Белинский – М., 1954.-Т.5. – 863с.
17. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев – М., 1997. - 541с.
18. Берков, П.Н. История русской комедии / П.Н. Берков. – Л.; 1977. – 317с.
19. Берков, П.Н. Русская народная драма XV11 – XX веков /П.Н. Берков - М.: Искусство, 1953. – 497с.
20. Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства /П.Г. Богатырев – М., 1971. –487с.

21. Богословский, Е.А. Новое явление нашей общественной жизни. // Кубанские областные ведомости. - 1889.- №17.
22. Бондарь, Н.И. Календарные обряды кубанских казаков /Н.И. Бондарь – Краснодар, 2003, - 263с.
23. Бондарь, Н.И. Традиционная культура кубанского казачества /Н.И. Бондарь – Краснодар, 1999.- 148с.
24. Бондарь, Н.И. Этнокультурная ситуация на Кубани / Н.И. Бондарь //Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы: Материалы науч. практ. конф. – Краснодар, 1991.- С.7-25.
- 25.Борисов, Б.П. Краснодарская филармония: Прошлое и настоящее. К 50-летию со дня основания. /Б.П. Борисов, Г.П. Борисов – Краснодар, 1989. – 174с.
- 26.Борисов, С.В. Страшные рассказы детей (к вопросу о специфике жанра) /С.В. Борисов // Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С. 42-45.
- 27.Бродель, Ф. Структура повседневности. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XV111в.в. /Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. - Т.1. – 317с.
- 28.Буслаев, Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство /Ф.И. Буслаев – СПб, 2001. – 351с.
- 29.Буслаев, Ф.И. Русские духовные стихи // Народная поэзия. Исторические очерки / Ф.И. Буслаев – СПб, 1887. – С.435-501.
- 30.Былины. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б.Н. Путилова. – Л.: Сов. писатель. 1957. – 484с.
- 31.Былины. Сост. Ф.М. Селиванов. – М.: Сов. Россия, 1988. – 572с.
- 32.Былины. Сост. В.И. Чичеров.- М.: Дет. лит., 1969. – 304с.

33. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести.
Авторы вступ. статей В.П. Аникин, Д.С. Лихачев, Т. Н. Михельсон. –
М.: Дет. лит. 1989. – 638с.
34. Вакуленко, Е.Г. Традиционное декоративно-прикладное искусство в
системе современного образования на Кубани /Е.Г. Вакуленко //
Культурная жизнь юга России. – 2003. - № 1. – С.7-10.
35. Варавва, И.Ф. Песни казаков Кубани /И.Ф. Варавва – Краснодар, 1966.
–326с.
36. Васильков, В.В. Народные обычаи казаков станицы Бекешевской
Баталпашинского отдела Кубанской области. /В.В. Васильков //
Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. –
Тифлис, 1906.- Вып. 36. – С.80-148.
37. Великая Н.Н. Старообрядчество у казаков-линейцев / Н.Н. Великая //
Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы
международ. науч.-практ. конф. – Краснодар, 1996. – С.35-38.
38. Вернадский, В.И. Развитие представлений о ноосфере / В.И.
Вернадский – М., 1991. – 471с.
39. Веселовский, А.Н. Две варшавские диссертации /А.Н. Веселовский //
Вестник Европы. – 1872.-Т.2.-С. 936-954.
40. Веселовский, А.Н. Сравнительная мифология и ее метод / А.Н.
Веселовский // Вестник Европы. – 1873. - №10. - С.647-659.
41. Виноградов, Г.С. Детская сатирическая лирика / Г.С. Виноградов //
Сибирская живая старина. – Иркутск, 1925.- С.107 – 123.
42. Виноградов, Н.И. Народная драма / Н.И. Виноградов. Под ред. Е.В.
Аничкова, проф. А.К.Бороздина и проф.М.Н. Овсянникова-
Куликовского // История русской литературы. – М., 1908.- Т.2. –417с.

43. Вишневский, В.В. Двадцатилетие советской драматургии /В.В. Вишневский // Советские драматурги о своем творчестве. – М., 1967. – С. 149-150.
44. «Власть тьмы» среди кубанских казаков. // Кубанские областные ведомости, - 1898,- №234.
45. Выготский, Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. /Л.С. Выготский //Педология подростка – М.: Педагогика, 1982.- Т.4. – С.6-242.
46. Выготский, Л.С. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств / Л.С. Выготский // Педология. - 1929. - №3. – С.377.
47. Выготский, Л.С. Мышление и речь /Л.С. Выготский // Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С.204.
48. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций /Л.С. Выготский. – М., 1960. – 500с.
49. Выготский, Л.С. /Л.С. Выготский, Р.С. Лурия //Этюды по истории поведения. (Обезьяна, примитив, ребенок) – М.-Л., 1930. - С.120.
50. Гангур, Н.А. Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани: XIX – начало XX в.в. / Н.А. Гангур – Краснодар, 1999. – 80с.
51. Гливенко, Г. Домашний враг казачьего хозяйства /Г. Гливенко //Кубанские областные ведомости. - 1880. - №36.
52. Гливенко, Г. Прodelки пашковских малолеток дома в станице /Г. Гливенко //Кубанские областные ведомости. – 1880. - № 41.
53. Головин, В.В. «Ладушки»: вопросы генезиса /В.В. Головин //Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С.35-38.
54. Горбанев, П. Суеверия, приметы, поверья, гадания и заговоры, распространенные среди жителей г. Ейска /П. Горбанев //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893.- Вып. 16.- С. 267-277.

55. Горлова, И.И. Художественная культура и художественное образование /И.И. Горлова - Краснодар, 2001. – 256с.
56. Горький, М. Собр. соч. в 30-ти т. /М. Горький – М.: Госполитиздат, 1946-1956.- Т.24.- 464с.
57. Гречина, О.Н. Современная фольклорная проза детей /О.Н. Гречина, М.В. Осорина //Русский фольклор и историческая действительность. – М., 1981. - Т.20. – 264с.
58. Гриценко, В.П. Семиотическая реальность, семиотическая машина и семиосфера / В.П. Гриценко – Краснодар, 2000. – 258с.
59. Гриценко, В.П. Культурсемиотика: опыт семиотического изложения / В.П. Гриценко, И.А. Саяпина – Краснодар, 1999. - 372с.
60. Гумилев, Л.Н. География этноса в исторический период /Л.Н. Гумилев- Л.: Наука, 1990. – 278с.
61. Гумилев, Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. – М.: Прогресс, 1992. – 336с.
62. Гура, А.И. Волколак / А.И. Гура, Е.Е. Левкиевская //Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Под общ. ред Н.И. Толстого– М., 1995.-Т.1. – 699с.
63. Гусев, В.Е. Виды современного фольклора славянских народов /В.Е. Гусев //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. – М.: Наука, 1968. – С.293-317.
64. Гусев, В.Е. О полифункциональности фольклора /В.Е. Гусев //Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л., 1980. - С.180-183.
65. Гусев, В.Е. Проблемы теории фольклора /В.Е. Гусев – М., 1967. – 294с.
66. Гусев, В.Е. Эстетика фольклора /В.Е. Гусев – Л., 1967. – 319с.

67. Гусев, В.Е. Комплексное изучение фольклора /В.Е. Гусев //Фольклор в современном мире. – М.:Наука, 1991.- С.7-13.
68. Давлетов, К.С. Фольклор как вид искусства / К.С. Давлетов – М.,1966. – 365с.
69. Далгат, У.В. Этническое и эпическое в фольклорных памятниках древности /У.В. Далгат //Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. – М., 1991.- С.39-48
70. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский - СПб, 1995. - 552с.
71. Демократическая поэзия ХУ11 века. Вступ. Ст. В.П. Андриановой-Петерц и Д.С. Лихачева. – М.-Л., 1962. – 143с.
72. 10 кубанских народных песен. Сост.Г. Плотниченко. – Краснодар, 1966.- №5. – 38с.
73. Дикарев, М.А. Рождественские святки. Отрывки из малорусского календаря /М.А. Дикарев // Кубанские областные ведомости. – 1895. - № 1,3,5.
74. Дикарев, М.А. Программа для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерой /М.А. Дикарев // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1894.- Т.3. - С.1-21
75. Добролюбов, Н.А. Собр. соч. в 3-х т. /Н.А. Добролюбов - М., 1986.- Т.1.- С. 63-77.
76. Доклад Г.М. Концевича («О народных песнях Кубанской области на заседании Общества любителей изучения Кубанской области») /Г.М. Концевич // Кубанский казачий вестник. – 1913.- 7 апреля.
77. Дуплов, М.М. Из области народных суеверий /М.М. Дуплов //Кубанские областные ведомости.- 1900. - №186.

78. Душечкина, Е.В. Дед Мороз: этапы большого пути. К 160-летию литературного образа /Е.В. Душечкина //Новое литературное обозрение. – 2001. - №1.- С.253-258.
79. Душечкина, Е.В. История и мифология русской новогодней елки /Е.В. Душечкина //Живая старина. 1999.- №3. – С.14.
80. Дьяченко, А.М. Крупицы фольклорной старины Кубани /А.М. Дьяченко //Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы 3-ей междунар. науч.-практ. конф. - Армавир, 2002.- С.107-111.
81. Еремеева, А.Н. Художественная жизнь юга России в условиях гражданского противостояния (1917-1920г.г.) Автореф. дис. доктора исторических наук.- М., 1999.- 48с.
82. Еременко, С.И. Хоровое искусство Кубани / С.И. Еременко – Краснодар, 1977. – 143с.
83. Еремина, В.И. Ритуал и фольклор /В.И. Еремина – Л.,1991.- 204с.
84. Живило, К. Некоторые приемы ухода за роженицами и новорожденными в некоторых станицах Кубанской области /К. Живило // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. - Вып.16. – С.16-38.
85. Живило, К. Несколько казацких песен и поверий в станице Расшеватской Кавказского уезда Кубанской области /К. Живило //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883.- Вып.3.- С.91-100.
86. Жиганова, С.А. К вопросу об особенностях песенных традиций позднего формирования (на примере станицы Темижбекской Кавказского района Краснодарского края) /С.А. Жиганова //Традиционные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар, 1991. – С.51-55.

87. Жигульский, К. Праздник и культура /К.Жигульский – М., 1989. – 336с.
88. Жирмунский, В.М. Проблема фольклора. (Сергею Федоровичу Ольденбергу). / В.М. Жирмунский. – Л., 1924. –267с.
89. Заградская, С.Г. Свадьба кубанских казаков /С.Г. Заградская //Играем свадьбу.- М.: Сов. Россия, 1987. – С.85-126.
90. Зеленецкий, М.Н. Социально-культурные предпосылки формирования личности /М.Н. Зеленецкий, Э.В. Соколов //Духовная культура развитого социализма. – Л., 1980. – С.9-21.
91. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки - /Д.К. Зеленин - М., 1995.-430с.
92. Зеленин, Д.К. Сборник частушек Новгородской области /Д.К. Зеленин //Этнографическое обозрение. – 1905. - № 3.- С.102-128.
93. Земцовский, И.И. Народная музыка и современность /И.И. Земцовский //Современность и фольклор. – Л., 1977. – С.28-75.
94. Земцовский, И.И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности /И.И. Земцовский //Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – Л., 1974. – С. 147-154.
95. Ивлева, Д.М. К вопросу о хореографии ряжения /Д.М. Ивлева //Народный танец. Проблемы изучения. – СПб, 1991. –С.85-95.
96. Из дневника В.Ф. Золотаренка (1841-1847). /В.Ф. Золотаренко //Кубанские областные ведомости. – 1901.- 29 июля.
97. Иконникова, Н.К. Механизмы межкультурного восприятия /Н.К. Иконникова //Социс. – 1995.- №11.-С.26-34.
98. Иконникова, С.Н. Истории культурологии: идеи и судьбы /С.Н. Иконникова – СПб, 1996. - 134с.

99. Иконникова, С.Н. Структура исторической культурологии /С.Н. Иконникова //Культура на пороге 111 тысячелетия: материалы 1У международного семинара в Санкт-Петербурге 3 июня 1997 года – СПб, 1998. – С.7-13.
100. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997. - 672с.
101. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган – СПб, 1996. – 416с.
102. Коган, Л.Н. Теория культуры /Л.Н. Коган – Екатеринбург, 1994.- 283с.
103. Каждан, А.А. Византийская культура / А.А. Каждан – М.: Наука, 1968. –233с.
104. Казачий фольклор. // Каневчане. – 1996.- №1-2.- С.26.
105. Капышкина, С. Узоры подсказала природа / С. Капышкина, И. Бабенко //Народное творчество.-1998. - №2.-С.13.
106. Каргин, А.С. Народная художественная культура /А.С. Каргин – М., 1997. – 288с.
107. Каргин, А.С.Фольклор и кризис общества /А.С. Каргин, Н.А. Хренов – М., 1993. –162с.
108. Карнейро, Р.Л. Культурный процесс /Р.Л. Карнейро //Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. – С. 421-438.
109. Карпинский, М. Русский былевой эпос на Тереке /М. Карпинский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1897.- Вып.22.- С.33-42.
110. Кириллов, П.О. Станица Рязанская (бывшая Габукаевская). Историко-статистическое описание /П.О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар. 1903.-Т.9.- С. 123-133.

111. Кириллов, П.О. Черноморская свадьба: этнографический очерк /П.О. Кириллов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891.- Т.2. – С.472-488.
112. Колпакова, Н.П. Русская народная бытовая песня /Н.П. Колпакова – М.- Л., 1962. – 247с.
113. Комиссинская, Л.В. Театральное любительство в Кубанском казачьем войске /Л.В. Комиссинская //Из культурного наследия славянского населения Кубани. – Краснодар, 1997. – С.105-112.
114. Комиссинский, В.Г. Встречи с песней (о песенном фольклоре Кубани) /В.Г. Комиссинский //Музыкальная жизнь. – 1975.- №17.- С.7-8.
115. Корреспонденции. Из станицы Успенской. // Кубанские областные ведомости.-1895.- № 190.
116. Короленко, П.П. Черноморские свадьбы (из нашей старины) / П.П. Короленко //Кубанские областные ведомости.-1895.- №77.
117. Корсакова, Н.А. Ковань г. Екатеринодара – памятник истории и культуры/ Н.А. Корсакова // Краснодару – 200 лет. Тезисы краев. науч.- практ. конф. – Краснодар. 1998. –С.76-78.
118. Корсакова, Н.А. Традиционная культура линейных станиц Кубани. По материалам музея-заповедника /Н.А. Корсакова //Линейцы средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы науч.-практ.конф. – Армавир, 1996. – С.54-56.
119. Коршунов, В.А. Образ прилетающей птицы в восточнославянском детском фольклоре /В.А. Коршунов // Дети и народные традиции: Ч.1. – Челябинск, 1991. – С. 2—23.
120. Костомаров, Н.И. Домашняя жизнь и нравы русского народа / Н.И. Костомаров – М., 1993. – 399с.

121. Костомаров, Н.И. Славянская мифология /Н.И. Костомаров – М., 1995. - 688с.
122. Коул, М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М. Коул – М., 1997. – 256с.
123. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1983. Т.2. –606с.
124. Кравцов, Н.И. Изучение фольклорного произведения как художественного целого /Н.И. Кравцов // Фольклор как искусство слова. – М., 1966. – 375с.
125. Краснодарский край в 1937-1941 г.г. Документы и материалы. - Краснодар, 1997.- 1120с.
126. Кребер, А. Конфигурация развития культуры /А. Кребер //Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. – С.465-496.
127. Криничная, Н.А. На расстани: мифологема судьбы в фольклорно-этнографическом освещении /Н.А. Криничная //Этнографическое обозрение. – 1997.- №3.- 32-44.
128. Круглов, Ю.Г. Русские обрядовые песни /Ю.Г.Круглов - М.,1982. –272с.
129. Кубанская справочная книжка. 1894год – Екатеринодар,1894. – 727с.
130. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. – М., 1967. – 356с.
131. Кубанский календарь. – Екатеринодар, 1910. – 530с.
132. Культурология. XX век. Словарь. – СПб, 1997. –640с.
133. Курдин, А. Казачьи кинжалы /А. Курдин // Кубанец. Донской областной вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом.- 2003. - №11.- С.37-38.

134. Курень. Антология кубанской литературы конца ХУ111 – начала ХХ веков / Сост. В.К. Чумаченко – Краснодар, 1996. –114с.
135. Курочкин, А.В. Растительная символика календарной обрядности украинцев / А.В. Курочкин //Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. –С.138-162.
136. Куцеев, В.В. Этническая история казаков /В.В. Куцеев – Краснодар, 1995. - 152с.
137. Лагунов, Д. Народная медицина у русских и горцев мусульман Баталпашинского уезда /Д. Лягунов //Кубанские областные ведомости. // Кубанские областные ведомости. – 1898. - №88.
138. Леви-Строс, К. Структурная антропология /К.Леви-Строс – М., 2001.- 512с.
139. Легенды и были Черноморья. /Сост. И.Л. Зайцев, И. Максимов – Краснодар, 1975. –143с.
140. Лемиш, Н. Вернется ли старинная казачья свадьба? /Н. Лемиш //Каневчане. – 1996, - №1.-С.28-32.
141. Леонтьев, А.Н. Культура, поведение и мозг человека /А.Н.Леонтьев // Вопросы философии. - 1968.- №7.- С.50-56.
142. Липинский, А. Троицкая станица: статистическое описание / А. Липинский // Кубанский сборник. – Екатеринодар,1883.-Т.1.- С.690-732.
143. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы /Д.С. Лихачев – Л., 1967. – 414с.
144. Лихачев, Д.С.Смех в древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Л., 1984. – 295с.
145. Лозанова, А.И. Песни о гражданской войне в северокавказских колхозах /А.И. Лозанова //Советский фольклор. – Л., 1934.- Вып.1.- С.88-104.

146. Лоренц, К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии /К. Лоренц // Человек. – 1997.- № 5.- С.19-37.
147. Лосев, А.Ф. Проблема символа в связи с близкими к нему литературоведческими категориями / А.Ф. Лосев //Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1970. - Т.ХХ1Х. - Вып.5.- С.379-412.
148. Лосев, А.Ф. Миф – Число - Сущность /А.Ф. Лосев – М.: Мысль,1994. – 919с.
149. Лотман, Ю.М. Динамическая модель семиотической системы //Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллинн, 1992.- С. 90-101.
150. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры /Ю.М. Лотман // Статьи по семантике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. –С.76-89.
151. Луначарский, А.В. Критика и критики /А.В. Луначарский – М.: Худ. лит. 1937. - 296с.
152. Лях, В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы /В.И. Лях - Краснодар, 1997. – 446с.
153. Лях, В.И. Система регионального непрерывного художественно-эстетического образования /В.И. Лях, Н.Г. Денисов – Краснодар, 1997. – 156с.
154. Маликов, Г. Магик-археолог / Г. Маликов // Кубанские областные ведомости.-1901. - №5.
155. Малиновский, Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры /Б. Малиновский – СПб,1997.- Т.1.- С.681-702.
156. Мануйлов, А.Н. Пустыть Сыдора: несколько слов к вопросу об атрибуции обряда /А.Н. Мануйлов // Из культурного наследия славянского населения Кубани. – Краснодар, 1997. – С. 29-49.

157. Мартыненко, Л.В. Современное бытование пословиц и поговорок черноморских казаков на Кубани /Л.В. Мартыненко // Первые кубанские литературно-исторические чтения. Материалы науч.-практ. конф. – Краснодар, 1999. – С.79-83.
158. Мельников, М.Н. Русский детский фольклор / М.Н. Мельников – М., 1987. – 270с.
159. Морозов, И.А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе / И.А. Морозов //Традиционная культура. – 2001.- № 1.- С.20-28.
160. Морозов, И.А. Женидьба добра молодца: происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» («женидьбы») /И.А. Морозов – М., 1998. – 352с.
161. Мосолов, А.В. В станицах Кубани. /А.В. Мосолов // Советская музыка. – 1953. - № 1.- С.61-65.
162. Мосолов, А.В. Песни Краснодарского края /А.В. Мосолов – М.: Сов. композитор. – 1959. – 74с.
163. Мосолов, А.В. Поездка в кубанские колхозы /А.В. Мосолов //Советская музыка. – 1950 - №5.- С.44-46.
164. Нагайцева, Л.Г. Композиция танца /Л.Г. Нагайцева – Северская, 1991. – 81с.
165. Нагайцева, Л.Г. Кубанский народный танец /Л.Г. Нагайцева – Краснодар, 2001 – 171с.
166. Надеждин, С. Станичные мелочи /С. Надеждин //Кубанские областные ведомости. –1898.- №158.
167. Народная художественная культура. Под общей ред. Т.И. Баклановой, Е.Ю. Стрельцовой. – М., 2002. - 412с.
168. Народные песни казаков. Сост. Г.М. Концевич. Под ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 2001. – 439 с.

169. Народные песни Кубани. /Сост. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1987. – 318с.
170. Народные песни Кубани. /Сост. В.Г. Захарченко. – Краснодар, 1997. – 589с.
171. Недвига, Н.Г. Православие и кубанское казачество: опыт сотрудничества в духовной сфере (конец ХУ111- начало ХХв.в.). Автореф. дис. докт. истор. наук. – М., 1997. - 49с.
172. Неклюдов, С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты / С.Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002.- № 3.- С.3-7.
173. Новиков, А. Поход за песнями гражданской войны /А. Новиков // Советская музыка. – 1936. - №2.- С.17-21.
174. Новичкова, Т.А. Сор и золото в фольклоре. Полярность в культуре /Т.А. Новичкова // Канун: Альманах. – СПб, 1996. - Вып.2. – С.121-165.
175. О боях – пожарищах (фронтной фольклор и малоизвестные тексты из армейских малотиражных газет) /Сост. П.Ф. Лебедев. – Краснодар, 1983. – 253с.
176. Очерки традиционной культуры казачеств России. - Москва-Краснодар, 2002. – Т.1.- 589с.
177. О судьбах народного искусства //Декоративное искусство СССР – 1960. - №3.- С.24-27.
178. Павлевский, Т. Народные поверья и заговоры, относящиеся к пчеловодству /Т. Павлевский //Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1899.- Т.5. - С.1-7.
179. Передельский, Е. Несколько слов об общине среди казаков /Е. Передельский //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1886.- Вып. 5.- С.37-82.

180. Передельский, Е. Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней /Е. Передельский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1883.- Вып.3.- С.31-90.
181. Перминова, Е.Г.Современная практика взаимодействия фольклорной и джазовой традиций в музыкальной культуре /Е.Г. Перминова, А.А. Перминов // Проблемы и пути развития народного художественного творчества. Материалы науч. практ конф. – Краснодар, 1998. –С. 92-95.
182. Песни гражданской войны. //Советская музыка. – 1935. - № 12.- С.27-36.
183. Песни гребенских казаков / Сост. Б.Н. Путилов - Грозный, 1946. – 314с.
184. Песни казаков-некрасовцев /Зап. и вступ. ст. Ф.В. Тумилевича – Ростов-на-Дону, 1947.- 174с.
185. Песни и сказки (фольклор казаков-некрасовцев в Великой Отечественной войне) /Сост. Ф.В. Тумилевич - Ростов-на-Дону, 1947. – 55с.
186. Песни кубанских казаков /Сост. А.Д. Бигдай; муз. ред. В.Г. Захарченко- Краснодар, 1992. – 443с.
187. Песни кубанских казаков /Сост. А.Д. Бигдай; муз. ред. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1995. – 509с.
188. Плясовые припевки Кубани /Сост. И.Н. Бойко – Краснодар, 1993. – 288с.
189. Песни станицы Кавказской, записанные от Анастасии Ивановны Сидоровой /Сост. В.Г. Захарченко – Краснодар, 1993.- 336с.
190. Песни хутора Кубанского / Сост. В.Н. Капаев - М., 1997.- Вып.1. – 68с.; Вып.2. – 48с.

191. Петрусенко, И.А. Кубань в песне. Страницы музыкальной летописи трех веков /И.А. Петрусенко – Краснодар, 1999. – 435с.
192. Пивень, А.Е. Торба смеха и мешок хохота /А.Е. Пивень – Краснодар, 1995.- 224с.
193. Познанский, Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул /Н.Ф. Познанский – Пг. 1917. – 129с.
194. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И.Д. Попко – Краснодар, 1997.- 189с.
195. По поводу собирания и издания песен кубанских казаков. (А.А. Кошицем) // Кубанские областные ведомости. - 1903.- 19 октября.
196. Пословицы, поговорки и загадки Кубани /Сост. Л.В. Мартыненко – Краснодар,1993. –100с.
197. Пословицы русского народа / Сост. В.И. Даль – М., 1957. – 312с.
198. Потевня, А.А. Из записок по теории словесности. Фрагменты /А.А. Потевня //Слово и миф. – М., 1989. – С.243-263.
199. Прозвища. // Кубанец. –2000. - № 207.-С.2.
200. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки /В.Я. Пропп – М., 1986. –364с.
201. Пропп, В.Я. Русские аргарные праздники /В.Я. Пропп – СПб, 1995. –174с.
202. Пропп, В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп – М., 1976.- 325с.
203. Проценко, Б.Н. О статусе кубанских говоров в «Лексическом атласе русских народных говоров» /Б.Н. Проценко //Научная мысль Кавказа – 1996.- № 14.- С.67-72.
204. Пуртова, Т.В. Основные этапы развития народного танца на любительской сцене. Исторический обзор / Т.В. Пуртова //Народное

- творчество. Социокультурная деятельность в сфере досуга – М., 1996.- Вып. 2. – С.42-53.
205. Пушкарев, Л.Н. Письменная форма бытования фронтового фольклора /Л.Н. Пушкарев // Этнографическое обозрение. – 1995.- № 4.- С.25-35.
206. Пушкин, А.С. Соч. в 3-х т.:Т.1. /А.С. Пушкин – М., 1985. – 735с.
207. Радклиф-Браун, А.Р. Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами /А.Р.Радклиф-Браун // Антология исследований культуры. – СПб, 1997.-Т.1. –С.633-665.
208. Режабек, Е.Я. Становление мифологического сознания и его когнитивности / Е.Я. Режабек //Вопросы философии. – 2002. - № 1. - С.52-68.
209. Розенберг, Л.К. Из области народных суеверий. (Варка яиц посредством заклинаний. Путешествие кожи в духан.) /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости. – 1901. - №13.
210. Розенберг, Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости. – 1901. - № 218.
211. Розенберг, Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. / Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1900.- №244.
212. Розенберг Л.К. Корреспонденция. Станица Родниковская. Христославельщики и их представление /Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1902. - №5.
213. Розенберг Л.К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор населения станиц Северного Кавказа, пословицы и поговорки с примечаниями, объясняющими значение некоторых слов. /Л.К. Розенберг // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1908.- Вып. 38. – С. 37-48.

214. Розенберг, Л.К. Предсказание странницы /Л.К. Розенберг// Кубанские областные ведомости. – 1902.- №82.
215. Розенберг, Л.К. Свадебные обычаи /Л.К. Розенберг //Кубанские областные ведомости. – 1900.- № 219.
216. Розенберг, Л.К. Свадьбы / Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости.- 1900.- №255.
217. Розенберг, Л.К. Среди кубанцев /Л.К. Розенберг – Екатеринодар, 1905. – 297с.
218. Розенберг, Л.К. Средство успешного огородничества /Л.К. Розенберг // Кубанские областные ведомости.- 1902.- № 90.
219. Румянцев, С.Ю.Некоторые теоретические проблемы и художественно-эстетические особенности самодеятельного творчества 1920-х годов /С.Ю. Румянцев, Шульпин А.П. //Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. – СПб, 2000.- Т.2. - 550с.
220. Румянцева, П. Троица /П. Румянцева // Народное творчество. – 1996. - №2.-С.18.
221. Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В.И. Чернышева; вступ. ст. Н.П. Андреева – Л., 1936. – 501с.
222. Русская историческая песня /Сост. Л.И. Емельянов – М., 1987.- 538с.
223. Русские народные баллады / Сост.Д.М. Балашов - М., 1983. – 314с.
224. Русское народное поэтическое творчество /Под ред. Л.М. Новиковой, А.В. Кокорева – М., 1968. – 526с.
225. Рясинский, Е.Умиряющие народные обычаи в станице Чамлыкской /Е. Рясинский // Кубанские областные ведомости. – 1900. - №193.

226. Сакулин, П.Н. Русская литература: Ч.2. /П.Н. Сакулин – М., 1928.- 217с.
227. Сборник народных песен П.В. Киреевского /П.В. Киреевский – Тула, 1988. – 479с.
228. Семенцов, М.В. Обряды и поверья, связанные с охраной здоровья и жизни ребенка у кубанских казаков (по полевым материалам 1983-1990г.г.) /М.В. Семенцов //Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы. Материалы науч. практ. конф.- Краснодар, 1991. - С.45-51.
229. Семенцов, М.В. Очерки по традиционной медицине этносов и этнографических групп Северо-Западного Кавказа /М.В. Семенцов – Краснодар, 2002. – 115с.
230. Слепов, А.А. О песенном фольклоре Кубани / А.А.Слепов – Краснодар, 2000. – 195с.
231. Смирнова, Е.И. Методологические вопросы развития художественного творчества в социалистическом обществе /Е.И. Смирнова //Совершенствование идейно-воспитательной работы клуба. – Л., 1980. – С. 80-103.
232. Смирнова, Е.И. Теория и методика организации самодеятельного творчества в культурно-просветительных учреждениях /Е.И. Смирнова – М., 1983. – 193с.
233. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова – М., 1981. – 1030с.
234. Соколов, Ю.М. Очередные задачи изучения русского фольклора /Ю.М. Соколов // Художественный фольклор. – М., 1926. – С. 21-28.
235. Соколов, Э.В. Культурология / Э.В. Соколов – М., 1994. - 207с.
236. Соловьев, В.А. Суворов на Кубани /В.А. Суворов – Краснодар, 1992. – 256с.

237. Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал. Соч. в 2-х т.: Т.1./В.С. Соловьев - М., 1988. – 896с.
238. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество /П. Сорокин – М., 1992. –369с.
239. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские /Г. Спенсер – Минск, 1998. – 1408с.
240. Степанова, Л.Г. Танцы народов России /Л.Г. Степанова – М., 1973. – 117с.
241. Стефанов, Т. Город Ейск: статистико-этнографическое описание /Т. Стефанов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.- Т.1.- С.327-341.
242. Струве, П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм /П.Б. Струве – М.: Республика, 1997. – 527с.
243. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э Тайлор – М., 1939. –567с.
244. Токарев, С.А. О жертвоприношениях /С.А. Токарев //Этнографическое обозрение. – 1999, № 5.- С.24-35.
245. Толстой, Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян) /Н.И. Толстой //Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. - С.17-27.
246. Толстой, Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Каков облик дьявольский /Н.И. Толстой // Народная гравюра и фольклор в России ХУ11 – Х1Х веков.- М., 1976. – С.288 -319.
247. Традиционная культура и дети: Вып. 1. – Краснодар, 1994. – 272с.
248. Трехбратов, Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века / Б. А. Трехбратов. - Краснодар, 2000. – 437с.
249. Уайт, Л.А. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры / Л.А. Уайт // Антология исследований культуры. – СПб, 1997.- Т.1. -С.559-591.

250. Украинские народные песни. – Киев, 1955. – 445с.
251. Уральская, В.И. Природа танца / В.И. Уральская – М.: Сов. Россия. 1981. – 112с.
252. Фаминицын, А.С. Скоморохи на Руси /А.С. Фаминицын – СПб,1995. – 538с.
253. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб, 1998. – 445с.
254. Флоренский, П.А. У водораздела мысли /П.А. Флоренский - М., 1990. – 446с.
255. Фольклор Дона и Кубани. /Вступ. Ст. Б. Лунина. – Ростов-на-Дону,1938. – 295с.
256. Фольклор казаков–некрасовцев /Сост. Ф.В. Тумилевич – Краснодар, 1948.- 105с.
257. Фольклор России в документах советского периода 1933-1941г.г. – М.,1994.-256с.
258. Фольклорный театр /Сост., вступ., предисл. к текстам и коммент. А.Ф. Некрыловой и Н.М. Савушкиной. – М.: Современник, 1988. – 475с.
259. Франк, С.Л. Духовные основы общества / Сост. и вступ. П.В. Алексеева – М.: Республика,1992. – 511с.
260. Халаджан, Н.Н. Легенда-коваленда / Н.Н. Халаджан – М., 1992. – 155с.
261. Харламов, М. Свадебные обряды и песни в Ейске /М. Харламов /Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1906.- Вып.36. – С.35-71.
262. Хейзинга, Й.Культуры и эпохи / Й. Хейзинга //Культурология. XX век: Вып.4.- М., 1997. -С.115-159.

263. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга - М., 1992. – 459с.
264. Хомяков, А.С. Соч. в 2-х т. / А.С. Хомяков. – М., 1994. Т.1. – 590с.; – М., 1994.-Т.2. – 478с.
265. Храмов, В.Б. Учение о культуре и истории П.Я. Чаадаева и «старших» славянофилов. – Дис. докт. философ. н. – Краснодар, 2003. – 343с.
266. Цит.: Храпченко, М.Б. Художественное творчество, деятельность, человек / М.Б. Храпченко – М., 1976. – 366с.
267. Частушки в записях советского времени / Сост.З.И.Власовой, А.А. Горелова – М.- Л.,1965.- 496с.
268. Чекунова, А.Е. Появление исторического анекдота в России /А.Е. Чекунова // Вопросы истории. – 1997. - № 2.- С.131-140.
269. Чем лечатся в станице Ярославской. //Кубанские областные ведомости.-1898.- №250.
270. Черный, А. История бандуры на Кубани /А. Черный // Родная Кубань. – 1999. - № 4. - С.115-121.
271. Чернышевский, Н.К. Полн. собр. соч. В 15-ти т.: Т.2. /Н.К. Чернышевский. – М., 1949. - 496с.
272. Чижевский, А.Л. Земное эхо солнечных бурь / А.Л.Чижевский – М., 1973. –341с.
273. Чистов, К.В. Русские народные социально-утопические легенды ХУ11 – Х1Х веков / К.В. Чистов – М., 1967. – 429с.
274. Чистов, К.В. Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) /К.В. Чистов //Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С.36-59.
275. Чистов, К.В. Традиция и вариативность /К.В. Чистов //Советская этнография. – 1983. - № 2.- С.14-21.

276. Чурко, Ю.М. Из вчера в завтра /Ю.М. Чурко // Народный танец. Проблемы изучения. – СПб, 1991. –С.109-127.
277. Чурсина, В.И. Духовные стихи в фольклоре восточнославянского населения Кубани /В.И. Чурсина //Культурная жизнь юга России. – 2004. - №1.- С. 54-55.
278. Чурсина, В.И. Мыланка на Кубани /В.И. Чурсина //Кубанец. Донской атаманский вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2001. - №210. - С.17-19.
279. Чурсина, В.И. Педагогические и этические воззрения в фольклоре кубанских казаков /В.И. Чурсина //Кубанец. Донской атаманский вестник. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2003. - №218.- С.54-58.
280. Чурсина, В.И. Сила традиции /В.И. Чурсина //Кубанец. Журнал Союза донских, кубанских и терских казаков за рубежом. 2002 - №10.- С.43-44.
281. Чурсина, В.И. Станичные святки /В.И. Чурсина //Народное творчество. - 2003. - № 1.- С.37.
282. Чурсина, В.И. Фольклор Кубани в эпоху тоталитаризма /В.И. Чурсина // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар. – 2001 - С.26-34.
283. Чурсина, В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ /В.И. Чурсина - Краснодар, 2003. – 263с.
284. Чурсина, В.И. Эволюционные изменения в фольклоре славян Кубани (конец XV111 – начало XX1 в.в.) / В.И. Чурсина // Культурная жизнь юга России. –2003.- №3.- С.35-36.
285. Шамина, Л.А. Проблема сценической передачи импровизационной природы народно-хореографического искусства

- /Л.А. Шамина; сост. и отв. ред. А.А. Соколов // Народный танец. Проблемы изучения. Сб. науч. тр. – СПб, 1991. – С.136-145.
286. Шахов, Д. Воронежская станица: статистико-этнографическое описание /Д. Шахов // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883.-Т.1.- С. 643-689.
287. Шейковский, К. Быт подолян /К.Шейковский – Киев, 1883.- Т.2. – 311с.
288. Шкуро, А.Г. Записки белого партизана /А.Г. Шкуро // Трагедия казачества. – М., 1994. – 606с.
289. Шкуро, В.И. Антропонимия черноморских казаков /В.И. Шкуро // Кубанское казачество: три века исторического пути. Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 1996. – С.284-288.
290. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории /О. Шпенглер - М., 1998.-Т.1.- 667с.
291. Щербина, Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Репринт. изд. / Ф.А. Щербина – Екатеринодар, 1910.- Т. 1. –736с.; 1913.- Т.2. – 880с.
292. Щуров, В.М. Стилевые основы русской народной музыки / В.М. Щуров – М., 1997. – 466с.
293. Элиаде, М. Избранные сочинения. Священное и мирское / М. Элиаде – М., 1994. – 142с.
294. Эльконин, Д.Б. Психология игры /Д.Б. Эльконин – М., 1987. – 469с.
295. Юдин, А.В. Русская традиционная народная духовность / А.В. Юдин – М., 1994. – 332с.
296. Юнг, К.Г. Архетип и символ /К.Г. Юнг – М., 1991. – 341с.

297. Янгиров, Р. Анекдоты «с бородой». Материалы к истории неподцензурного советского фольклора (1918-1934г.г.) /Р. Янгиров // Новое литературное обозрение. – 1998.- №31. – С.155-174.
298. Яницкая, М.Д. Методика собирания и записи танцевального фольклора / М.Д. Яницкая – М., 1981. – 144с.

УКАЗАТЕЛЬ,

использованных фондов государственного архива Краснодарского края

299. Фонд 396, опись 1, дело 10017, том 4, за 1903-1917г.г. «О праздновании юбилея 100-летия Войскового певческого и музыкантского хора, списки певцов хора, его ветеранов, программа празднеств, сведения о Россинском».
300. Фонд 418, опись 1, дело 2984. – 52л. «Дело о праздновании 200-летнего юбилея Кубанского казачьего войска 8 сентября в городе Екатеринодаре.» (1896г.)
301. Фонд 418, опись 1, часть 1, дело 3220. – 8л. «Дело об открытии в хуторе Ахтарском и станице Славянской клубов».
302. Фонд 418, опись 1, часть 1, дело 2356. – 31л. «Дело об открытии ремесленных школ в станицах отдела».(1894г.)
303. Фонд 670, опись 1, дело 4. «Историко-географические и этнографические очерки о станице Чамлыкской, хуторе Азовском и станице Новопокровской». (1904г.)
304. Фонд Р-1731, опись 1, дело 274. –41л. «Тексты радио- и телепередач о фольклорных коллективах края за 1975-1976 г.г».
305. Фонд Р-1731, опись 1, дело 171. – 22л. «Справка о работе фольклорного кабинета за 1969г.»

306. Фонд Р-1731, опись 1, дело 369.-71л. «Сборник современных народных песен Кубани, составленный в 1976г».
307. Фонд Р-1731, опись 1, дело 414. – 13л. Методическая разработка «Основные принципы организации фольклорных коллективов» (1979г.)
308. Фонд 252, опись 2, дело 469 – 250л. «О назначении комиссии по достройке Войскового соборного храма в городе Екатеринодаре».
309. Фонд Р-365, опись 1, дело 1360. – 119л. «Копии циркуляров и распоряжений Народного комиссариата просвещения о порядке осуществления цензуры за периодической и исторической печатью и репертуаром театров и кино, списки разрешенных изданий, пьес и кинофильмов». (1922г.)
310. Фонд Р-365, опись 1, дело 978. – 95с. «Уставы, программы, положения о хореографических, сценических государственных школах».

УКАЗАТЕЛЬ

полевых материалов собранных автором (ПМА)

311. ПМА 1999г. Село Николаевка Щербиновского района. Информатор (инф.) Попова С.Н. 1966 г.р.
312. ПМА. 1983г. Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. Галушко В.А. 1924г.р.
313. ПМА. 2000г. Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. Колмык М.С.1926 г.р., Жадан К.И. 1929 г.р.
314. ПМА 2001г. Поселок Первомайский Староминского района. Инф. Кислая В.А. 1957г.р.

315. ПМА. 1999г. Поселок Рассвет Староминского района. Инф. Жидкова Л.М. 1927 г.р.
316. ПМА.1998г. Г.Краснодар. Инф. Бутова Т.Н. 1967 г.р.
317. ПМА. 2000г. Село Кухаривка Ейского района. Инф. Тертычая В.В. 1941 г.р.
318. ПМА. 1989г. Станица Новодмитриевская Северского района. Инф. Онищенко З.М. 1935г.р.
319. ПМА.1998г. Краснодар. Инф. Удовицкая Н.Н. 1948г.р.
320. ПМА.1987г. Станица Бриньковская Приморско-Ахтарского района. Инф. Шептуницкий И.В. 1938г.р
321. ПМА.2000г. Село Кухаривка Ейского района. Инф. Оноприенко Е.Г. 1924 г.р.
322. ПМА.2001г. Станица Чамлыкская Лабинского района. Инф. Романескул В.А. 1976 г.р.
323. ПМА.1999г. Станица Бриньковская Приморско-Ахтарского района. Инф. Джеус Л.В. 1970 г.р.
324. ПМА.1988г. Г. Армавир Инф. Сайкова Л.Т. 1971 г.р.
325. ПМА.1986г. Станица Новоминская. Инф. Приступка С.Н. 1965 г.р.
326. ПМА.1999г. Станица Вышестеблиевская Темрюкского района. Инф. Галут О.В. 1979 г.р.
327. ПМА.1987г. Хутор Адагум Крымского района. Инф. Жуденко К.Г. 1932 г.р.
328. ПМА.2000г. Станица Стародеревянковская Каневского района. Инф. Вичирко В.Г. 1936 г.р.
329. ПМА.2000г. Станица Новогражданская Выселкового района. Инф. Тихонова Ж.А. 1980 г.р.

330. ПМА.1999г. Поселок Лазурный Динского района. Инф. Шикаленко Л.В. 1949 г.р.
331. ПМА.1998г. Г.Гулькевичи. Инф. Андросова Н.С. 1971 г.р.
332. ПМА.1987г. Станица Алексее-Тенгинская Тбилисского района. Инф. Довбыш М.Н. 1939г.р.
333. ПМА.1987г. Станица Динская. Инф. Чоботок Н.А. 1972 г.р.
334. ПМА.1998г. Станица Платнировская Динского района. Инф. Онопко В.А. 1947 г.р.
335. ПМА.1998г. Станица Смоленская. Инф. Назаренко С.Н. 1973 г.р.
336. ПМА.2001г. Село Тенгинка Туапсинского района. Инф. Диденко С.М. 1979 г.р.
337. ПМА.1989г. Станица Федоровская. Инф. Лопатилина А.Г. 1913 г.р.
338. ПМА.1998г. Поселок Лебяжий Брюховецкого района. Инф. Головина О.Н. 1975г.р.
339. ПМА.1998г. Станица Днепровская Тимашевского района. Инф. Шелест О.В. 1973 г.р.
340. ПМА.1987г.Станица Новониколаевская Калининского района. Инф. Шаповалова Л.В. 1949 г.р.
341. ПМА.1988г. Станица Днепровская Тимашевского района. Инф. Момот В.И. 1946 г.р.
342. ПМА.2000г. Станица Ленинградская. Инф. Квач М.Г. 1978 г.р.
343. ПМА.1998г. Станица Брюховецкая. Инф. Вострикова М.С. 1974 г.р.
344. ПМА.2000г. Станица Отрадная. Инф. Трегубова Н.Г. 1972 г.р.
345. ПМА.1996г. Г.Белореченск. Инф. Митрофанова Л.Н. 1957 г.р.
346. ПМА. 1991г. Хутор Адагум Крымского района. Инф. Вербовская Т.Е. 1953 г.р.

347. ПМА. 1992г. Хутор Маевский Славянского района. Инф.
Бойко З.М. 1919 г.р.
348. ПМА.1990г. Станица Северская. Инф. Коваленко О.Г. 1962 г.р.
349. ПМА.1990г. Станица Камышеватская Ейского района. Инф.
Хлестун Е.Т. 1929 г.р.
350. ПМА.1998г. Станица Северская. Инф. Новиков А.К. 1947 г.р.
351. ПМА.1993г. Станица Новотиторовская Динского района. Инф.
Коваленко Л.И. 1934 г.р.
352. ПМА.1994г. Станица Кугаевская Кушевского района. Инф.
Жигайло А.Ф. 1921 г.р.
353. ПМА.1989г. Станица Анастасиевская Славянского района. Инф.
Демченко М.А. 1926 г.р.
354. ПМА.1998г. Г. Лабинск. Инф. Ломакин С.А. 1978г.р.
355. ПМА.1999г. Станица Анастасиевская Славянского района. Инф.
Илюшина Ю.В. 1981 г.р.
356. ПМА.1999г. Станица Каневская. Инф. Доброславская Н.Н. 1980
г.р.
357. ПМА.1991г. Г.Курганинск. Инф. Сазонова Л.С. 1957 г.р.
358. ПМА.1999г. Станица Старощербиновская. Инф. Зиновкина О.В.
1979 г.р.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

из полевых материалов, собранных автором

312

Ой, Святое та Рожество,
Що на радисть прынэсло.
- Выйды, Божэ, выйды, Творэ.
Выйды, Божэ, выйды, Творэ.
Дэ мир Божий помыра.
Тры анголы Гаврыилы
У ци трубы затрубылы...
-Уставайтэ мыртвы з гроба,
Та й будэмо йты до Бога.
Як нас Бог будэ судыты,
Души гриха умэньшаты.

313

Добрый вэчир паны,
Паны – госпожаны.
Кладыть паляныци
З ярои пшеныци.

Бо прыйдуть до тэбэ
Тры празныка в гости.
Ой, як пэрвый празнык -
Святое Рожество.

Ой, як другый празнык
 Святого Василя.
 А як трэтий празнык –
 Святое Хрышчэние.

314

Пускай хлиб уродыцца
 И вэсь скот расплодыцца,
 В бочках мэд засахарыцца.

Или:

Тох, тох, торорох,
 Зароды, Боже, горох,
 Жыто, пшэныцю,
 Всяку пашныцю.
 На каждом мисти
 Копэн по двисти,
 На каждому колосочку,
 Дай, Бог, по мишочку.

314

Сыдыть дядько на пичи,
 Пойидае калачи.
 - А ты, тетка, нэ дывуй,
 Визьмы дядьку поцилуй.
 Вы удвох хороши,
 Давайтэ нам гроши!

325

Кидало кидала

Чэрэз пориг твою боль.
 Хай вона посчэнэ,
 Як весной вода.
 Як пид празнык беда.
 Хай пэрэйдэ чэрэз пориг,
 Ляжэ на зэблю.
 Хай трава лэбэда
 Твою боль визьмэ.
 Повянэ, засохнэ, посчэзнэ.
 Твоя беда.
 Хай витэр унэсэ,
 Хай сонцэ сожгэ.

341

Дэ вы, бояры, бувалы?
 Що вы, бояры, выдалы?

Родственники жениха:

Мы булы в лиску,
 Там впиймалы лиску,
 Черную чубатэсэньюку,
 Молодую богатэсэньюку.

344

Распорядитель: «Клянешься быть мужем примерным, защитником,
 другом, помощником верным?»
 Муж: «Клянусь!»
 Распорядитель: «Клянешься всей правдою мужа любить? Всю жизнь с
 ним приветливой, ласковой быть?»

Жена: «Клянусь!»

345

Ой, корыто, корыто,

Повнэ воды налыто.

Корыто, корыто,

Полвнэ воды налыто.

Там дивчита ногы мылы,

Хлопцы воду всю попылы.

Корыто, корыто,

Повнэ воды налыто.

Ой, корыто, корыто,

А кругом тэлята.

Хлопцы ловлять та й цилують,

Думать, дивчата.

346

Старший боярин красный,

На ём жупан рясный.

Промэж тими рясныцямы

Сыдятъ воши з копытцямы.

341

Там пид дубом крыныця стояла,

С той крыныци Галя воду брала.

Упустыла дубовэ видэрцэ,
Засмутыла козакови сэрцэ.

- А хто ж тэе видэрцэ достанэ,
Той зо мною на рушнычок станэ.

347

Тэчэ риченька-нэвэлыченька,
Схочу – пэрэскочу.
Ой, отдай мэнэ, моя матэнька,
За кого я схочу.

Ой, отдавала, наказувала:

В гостях нэ буваты.

- Ой, як прыйдэш ты, моя, донэчка,
.Так выгоню с хаты.

348

Одын дала, другый дала,
А на трэтий стала,
А четвэртым бэлэсэнкым
Рученьки связала.

349

Мы всю ночку нэ спалы,
Пэрэпелку впиймалы,
Красную та й богату,
Чернявую та й чубату.

Продрав котик стельку,
Упав на постельку.
Качався, валявся,
Миж ножкы забрався.

349

Коту, коту, коточок,
Ты вкрав в бабы клубочок,
Та сховався в куточок.
Стала баба кота быть:
- Ны вчись, коток, так робыть!
А вчись так робыты,
Черевычкы шиты!

349

Коту, коту, котына,
Засны мала дытына,
Засны, засны, задримай,
Та й нычого ны думай.

350

Баю, баюшки, баю,
Живэ козаче на яру.
Вин ны бидный, ны богатый,
Мала куча диток в хати.
Вси по лавочкам сыдять,
Мамалыгу вси йидять.

Мамалыга парена, маслена,
У козаче ложка крашена.

349

Куй, куй, чобиток,
Подай, бабка, молоток,
Ны подашь молоток,
Ны пидкую чобиток.

351

Чик, чик, черевык,
А на боци дирка.
Якый сам сукын сын,
Така в тэбэ жинка.

349

Сорока йдэ,
Хвост волоче,
А за нэю дэркач:
- Ты, сорока, нэ плачь.
Ты, сорока, нэ журысь,
Ты, сорока, вэсэлысь.

353

- Кочерыжка – одна ножка!
- А дэ ты була?
- Коней пасла.
- А дэ кони?

- Мыкола покрав.
- А дэ Мыкола?
- У клетки сыдыть... и т.д.

338

- Мы с тобой шли?
- Шли.
- Кожух нашли?
- Нашли.
- Я тебе его дал?
- Дал.
- Ты его взял?
- Взял.
- Где же он?
- Что?
- Да кожух!
- Какой?
- Мы с тобой шли?
- Шли... и т.д.

354

Ехали казаки,
Гыркотел их трактор.
Где-то в Белоречке
Долбанул реактор.
Засыпало дорогу,
А по той дороге
Ехали казаки,

Гыркотел их трактор... и т.д.

355

Дождик, дождик перестань,
Мы поедem на Кубань.
Окунемся в речку,
А потом на печку.

356

Мирись, мирись
И больше не дерись!
Если будешь драться,
Я буду кусаться.
А кусаться не причем,
Буду драться кирпичом.
А кирпич ломается, -
Дружба начинается.

357

Вынесли ему
Холста белого.

Припев:

Это не мое,
Это тещи моей.

Вывели ему
Коня вороного.

Приев:

Это не мое,
 Это батюшки мово.

351

- Дэ ж ты бував, черный наш баран?
- У мэльници, у мэльници,
 Мылостывый пан.
- Що ж ты там делав, черный наш баран?
- Муку молон, муку молон,
 Мылостывый пан.
- Чим тэбэ былы, черный наш баран?
- И палкамы, и скалкамы,
 Мылостывый пан.
- Як же ты плакав, черный наш баран?
- Бульбашэчкы, бульбашэчкы,
 Мылостывый пан.

- Заинька серенький,
 Дэ ж ты бував?
- Мих муки, мих муки.
- Що ж ты видав?
- Семичок ворочок.
- Що ж ты ны вкрав?
- А там булы старчикы,
 Та побылы пальчикы.
 Я насилу втик,

Чэрэз бабкын тик.
И тичок покопав,
И бабусю злякав.
Пи-пи-пи, пи-пи-пи.

356

- Тебе привет!
- От кого?
- От старых штиблет!!!

- Ты за кого? За луну или за солнце?
- За солнце!
- За пузатого японца!!!
- За луну!
- За советскую страну!!!

А и Б сидели на трубе.
А уехал за границу,
Б чихнул и лег в больницу.
Кто остался на трубе?

357

По реке плывет кирпич
Деревянный, как стекло.
Ну и пусть себе плывет,
Нам не нужен пенопласт.

357

Человечий молодик,
Не камняйся кидакми,
А то режичком заножу,
Будешь дрыжками ногать
И мотою головать.
С крова пузо потечет,
А над твоей могилой
Будут кукареки петухать.